

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КРУГЛИКОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА

КОНСЕРВАТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ЖУРНАЛИСТИКЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ:
КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Научная специальность 5.9.9.

Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Л. П. Громова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Ключевые концепты русского консерватизма в прессе пореформенной России.....	54
§ 1.1 Идейные доминанты русского пореформенного консерватизма.....	54
§ 1.2 Православие как идеал свободы в трактовке русских консерваторов.....	78
§ 1.3. Самодержавие как воплощенное равенство в осмыслении русских консервативных журналистов.....	113
§ 1.4. Народность как форма политического братства в дискурсе русской пореформенной журналистики консервативного направления	137
Глава 2. Коммуникативные практики русской журналистики консервативного направления в пореформенный период.....	174
§ 2.1. Коммуникативная стратегия М. Н. Каткова: от воздействия на читателя к воздействию на чиновника.....	176
§ 2.2. Просветительство и «известная мера пошлости» как издательская стратегия Н. П. Гилярова-Платонова	216
§ 2.3 В. П. Мещерский: патронат и издательское новаторство в коммуникативных практиках великосветского беллетриста	238
§ 2.4 Коммуникативные практики Ф. М. Достоевского: между журнализмом и проповедничеством	280
§ 2.5 Коммуникативные практики И. С. Аксакова – остаться на высоте идеи и не уступить цензуре.....	307
§ 2.6 Пресса консервативного направления в коммуникативных процессах пореформенной России	333
Заключение.....	363
Источники и литература	371

Введение

Обозначение последнего десятилетия как специфического периода развития мировой политики, характеризующегося глобальным переустройством мира, давно не сходит со страниц прессы¹, манифестируется в выступлениях политиков², анализируется учеными³. Этот долгосрочный и трудный процесс создает в настоящий момент впечатление хаотизации мировой политики, выражающейся в «столкновении отрицающих друг друга логик средне- и тем более долгосрочного развития»⁴. В этих условиях у всех коллективных субъектов противостояния возникает необходимость ясного осознания своих ценностных ориентиров и четкой артикуляции той культурной базы, которая может стать основой консолидации и сформировать единый для большинства образ будущего. На следующем этапе сознание того, что целевой образ будущего в значительной мере детерминирован событиями прошлого, приводит к необходимости сформировать актуальную конвенцию общего прошлого и выявить логические взаимосвязи двух пластов времени.

В России на решение этой задачи направлены, например, работа проекта «ДНК России», внедрение в систему образования разного уровня специальных курсов, таких как школьные «Разговоры о важном» и университетские «Основы российской государственности», а также ряд

---

¹ «Мятежвойна» как модель трансформаций: Три сценария будущего мирового порядка // Рамблер. Финансы. Режим доступа: https://finance.rambler.ru/economics/45727402/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://finance.rambler.ru/economics/45727402-myatezhvoyna-kak-model-transformatsiy-tri-stsenariya-buduschego-mirovogo-poryadka/. (дата обращения: 08.08.2024).

² Путин рассказал о происходящем переформатировании мира // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20240402/pereformatirovanie-1937414841.html>. (дата обращения: 08.08.2024).

³ «Новый миропорядок»: «великая перезагрузка» или «глобальный концерт»? // Русстрат. Институт международных экономических и политических стратегий. Режим доступа: <https://russtrat.ru/reports/30-maya-2021-1406-4444>. (дата обращения: 08.08.2024).

⁴ Евстафьев Д. Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8–21.

законов, направленных на секьюритизацию политики памяти⁵ и сохранение традиционных ценностей⁶. Однако необходимо отметить характерную черту этого процесса: формальные и институциональные меры очевидно опережают содержательную рефлексию затрагиваемых понятий и тем более процесс достижения какого-либо общественного консенсуса относительно их актуального смысла.

В связи с этим одной из наиболее **актуальных** научных задач становится анализ исторических периодов и событий, которые могут способствовать ясному пониманию того, что именно представляют собой традиционные ценности, какова специфика их выражения и бытования в культурном контексте различных исторических эпох, какие аспекты их значения не теряют своей важности сегодня. В этом отношении принципиальное значение имеет изучение ключевых концептов русского консерватизма, сущностно нацеленного именно на хранение национальной традиции и адаптацию ее к текущим политическим реалиям на каждом историческом этапе.

Изучение философии и социально-политических установок русского консерватизма имеет определенную научную историю. В советский период, в соответствии с идеологическими установками, все относящееся к консерватизму оценивалось строго отрицательно, деятельность русских консерваторов по возможности стремились предать забвению, а если и освещали, то исключительно в обличительном памфлетном стиле, избегая вообще серьезного осмысления содержания их философии и политической практики, ограничиваясь карикатурным изображением консерваторов как людей, страдающих «утопией прошлого» и движимых в своекорыстных целях постоянным стремлением остановить движение и развитие.

---

⁵ Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Однако к числу парадоксов советской эпохи стоит отнести тот факт, что советский режим в идеологической сфере направлял силы своей пропаганды на борьбу с наследием русского консерватизма и одновременно с этим в сфере политической практики являлся непосредственным наследником традиционалистской консервативной модели. Советский Союз, построенный на руинах дореволюционной имперской государственности, в полной мере унаследовал основные принципы работы её государственного организма, перенял имперскую централизацию власти, персонифицированной в лице её главы (монарха / генерального секретаря), обладающего почти неограниченными полномочиями, усвоил, причем, в гипертрофированном варианте, принцип жесткого идеологического контроля государством всех сфер духовной жизни граждан, унаследовал стремление к интенсивному развитию военной мощи страны и политической и идеологической экспансии в зоны геополитического интереса, подчеркивание культурной оппозиции странам Запада и многое другое. Советский Союз в известной мере являл собой возникшую после великих потрясений 1917 года модификацию Российской империи, в политической повседневности базировавшуюся на той же консервативной имперской доктрине, хотя на словах советские идеологи и ученые отреклись от «ретроградного» учения русских консерваторов.

Этой сущностной близостью имперского и советского политического режима, которая интуитивно ощущалась советской интеллигенцией, определялся всплеск интереса к наследию русского либерализма XIX века, отмечавшийся в конце 1970-80 гг. Очередная попытка либерализации политического режима в период так называемых «Косыгинских реформ» потерпела крах, и слишком очевидные аллюзии с имперским прошлым заставили общество на исходе правления Л. И. Брежнева искать ответы у мыслителей дореволюционной эпохи.

На рубеже веков, после очередных политических потрясений, уничтоживших советскую модификацию Российской империи, Российская

Федерация, новая наследница имперской традиции, во второй половине «нулевых» начала демонстрировать в политической практике традиционные принципы имперской государственности. На этот раз без идеологической двойственности – представители власти в публичной сфере открыто позиционировали себя как наследников идеологии русского консерватизма⁷.

Этот период характеризуется двумя противонаправленными тенденциями: с одной стороны, на волне популярности идеи национального возрождения появляется настоящая мода на консерватизм, издаются и переиздаются крупными тиражами произведения русских консерваторов, в том числе прежде запрещенные, возникают целые книжные серии (например, серия «Русская цивилизация»), проводятся научные конференции и семинары о русских консерваторах; с другой стороны, натиск консервативных устремлений в политической сфере побуждает поборников либеральной идеи вступить борьбу за попираемые ценности либерализма, что приводит к активной публикации и популяризации творческого наследия либеральных мыслителей. В результате этих активностей оба полюса общественной жизни оказываются перед неожиданной проблемой: в попытке поделить мыслителей прошлого на «своих» и «чужих» как сторонники политической свободы, так и поборники государственной стабильности ощущают несостоятельность произвольно употреблявшихся прежде публицистических клише «консерватор» и «либерал». Например, в 2008 г. труды И. С. Аксакова были изданы в «консервативной» серии «Русская цивилизация»⁸, а годом раньше его же биография вошла в издание Фонда «Либеральная миссия» «Русский либерализм: идеи и люди»⁹.

---

⁷ Борис Грызлов: идеология «Единой России» – российский консерватизм // Ведомости. 16.10.2009. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2009/10/16/boris-gryzlov-ideologiya-edinoj-rossii---rossijskij-konservatizm>. (дата обращения: 24.02.2017).

⁸ Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт Русской цивилизации, 2008.

⁹ Российский либерализм: идеи и люди. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

В попытках выбраться из кризиса определений интерпретаторы породили целый ряд терминов-оксюморонов типа «революционный консерватизм», «консервативное реформаторство», и т.п., а также ряд условных бинарных оппозиций, использовавшихся для формирования фальш-определений на основе антитезы: «консерваторы – это все те, которые не либералы» и наоборот. Разумеется, введение терминов, механически соединяющих в одном понятии сущностно противоречащие друг другу явления, не только не внесло ясности в вопрос о границах русского консерватизма, но, напротив, еще более затемняло и без того сложную проблему его определения. В целом очевидно, что в настоящий момент назрела необходимость, обобщив богатый материал теоретических наработок и эмпирических исследований, четко сформулировать основные концепты русского консерватизма, его содержательные черты.

Степень разработанности темы

Говоря о степени научной разработанности изучаемой темы, необходимо отметить тот факт, что мультидисциплинарный характер затрагиваемых проблем определяет некоторую сложность структурирования историографического обзора. Спецификой отечественной философской традиции является то, что «формой русского философского творчества выступает свободно написанная статья»¹⁰, обычно отталкивающаяся от текущего и злободневного для обобщения на уровне вечного, т.е., в сущности, журнальная публицистика становится наиболее органичной формой выражения русской философской мысли.

Это позволяет говорить о том, что изучение русской философии, журналистики как сферы ее бытования и литературы как одной из форм ее выражения неотделимы друг от друга, поскольку в России «не специальные философские трактаты отражают уровень развития философии, а вся

---

¹⁰ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 151.

совокупность интеллектуальной деятельности»¹¹. Поэтому становится трудно разграничить области знания, которые, пусть и с разными исследовательскими интенциями, обращаются к одному и тому же материалу. Творчество мыслителей консервативного направления, находившее воплощение в форме журнальных статей, изучалось философами, политологами, историками журналистики, литературоведами и классическими историками, чьи изыскания были посвящены истории общественного движения определенной эпохи. При этом в рамках исследований, формально принадлежащих к разным областям знания, ставились зачастую синонимичные вопросы, и все эти разнородные с точки зрения методологии исследования составили в конечном итоге общий массив научных изысканий по консервативной мысли пореформенной России.

Поэтому представляется единственно возможным разделить посвященную изучаемой теме научную литературу на две основных группы по критерию масштабов предпринятого в них научного обобщения и выделить в первую группу труды, посвященные осмыслению философии русского консерватизма в целом или относящегося к ней значительного течения (почвенничество, славянофильство и пр.), а во вторую – штудии, нацеленные на раскрытие идейного своеобразия, специфики индивидуальной творческой манеры и фактов общественной деятельности отдельных персоналий.

Говоря о первой группе научных работ, следует отметить, что первое постсоветское десятилетие ознаменовалось противонаправленными тенденциями. С одной стороны, деконструкция советского режима породила живой интерес к имперской России и сформировала тенденцию ее чрезмерной идеализации в рамках пронизанного покаянной интонацией исторического нарратива, ностальгирующего по «России, которую мы потеряли». С другой – сторонники победившей демократии усматривали в

---

¹¹ Шапошников Л. Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XXI веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 253.

растущем интересе к имперскому наследию все более очевидную угрозу демократизации, поэтому наряду с такими трудами, как работы под редакцией А. И. Боханова¹², появлялись многочисленные публикации таких авторов, как, например, А. Я. Янов¹³ и Е. В. Барабанов¹⁴, рассматривавших растущий запрос на консерватизм как опасный вызов для России и стремившихся дискредитировать консервативную идею.

Одним из первых обобщающих постсоветских исследований темы русского консерватизма следует считать коллективный труд под редакцией В. Я. Гросула «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика»¹⁵. Это, безусловно, одно из наиболее масштабных обобщающих исследований увидело свет на рубеже XX–XXI вв. и, при всем разнообразии и внушительном объеме представленного материала, в отношении интерпретации изучаемых явлений стало в полной мере отражением того противоречивого времени. В оценке позиций консерватизма авторы предпринимают попытку перешагнуть границы господствовавшего на предыдущем историческом этапе требования разоблачать ретроградное учение консерваторов, и вместе с тем не могут отрешиться от ряда стереотипов в восприятии консервативной доктрины, продолжая говорить о том, что русский консерватизм был по сути феодально-крепостнической идеологией, что благодаря поддержке правительства консервативная журналистика была доминирующей в пореформенной России и т.д. Отчасти нашла свое отражение в этом фундаментальном труде и та терминологическая проблема, о которой говорилось выше: стремясь объяснить сложное соотношение охранительных и реформистских начал в

---

¹² Российские консерваторы / Боханов А. И. (рук.), Олейников Д. И., Секиринский С. С. и др. М.: Русский мир, 1997.

¹³ Янов А. Я. Россия против России: Очерки истории русского национализма. Новосибирск, 1825–1921. Новосибирск, 1999.

¹⁴ Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.

¹⁵ Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

философии русского консерватизма, авторы пользуются такими определениями как «твердолобый консерватизм»¹⁶, противопоставленный «консерватизму с прогрессом»¹⁷.

Важным этапом в осмыслении русского консерватизма как идеологии является работа А. А. Зорина «Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века»¹⁸. Отталкиваясь от понимания идеологии не как формы ложного сознания, а как системы культуры, базирующейся на идеологической метафоре и обладающей свойством литературности, автор рассматривает русскую консервативную идеологию как набор политических метафор. Несмотря на то, что его размышления сосредоточены преимущественно на более раннем периоде развития русской консервативной идеи, многие положения, высказанные А. А. Зориным относительно начального этапа бытования формулы «Православие. Самодержавие. Народность», представляют в контексте данного исследования безусловный интерес.

Диссертационное исследование¹⁹ и монография²⁰ С. В. Лебедева явились во многом разрешением тех важнейших теоретических проблем, которые стояли перед исследователями русского консерватизма на предыдущем этапе. Автор, не соглашаясь с характерным для предшествующего этапа изучения консерватизма положением о том, что консерватизм – это «политика правящих в конкретный исторический период кругов, руководствующихся правилом “тащить и не пущать”, но не идеология и тем более не философия»²¹, обращается к выявлению объединяющих

---

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Зорин А. А. Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

¹⁹ Лебедев С. В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века: автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2004.

²⁰ Лебедев С. В. Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб.: Нестор, 2004.

²¹ Лебедев С. В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века: автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2004. С. 4.

философских оснований консервативного учения, преодолевая на теоретическом уровне кризис интерпретации разнородных политических практик консерватизма. При этом автор «намеренно рассматривает русский консерватизм *in corpore*, не выделяя особенности философских построений отдельных его представителей», поэтому «специально отказался разбирать произведения отдельных философов»²².

Относительно недавно увидел свет еще один интересный обобщающий труд – работа Г. И. Герасимова «Мировоззренческие основы истории»²³. Основное достоинство этого исследования одновременно определяет и его ключевой недостаток. Автор стремится проанализировать мировоззренческие основы истории России применительно ко всем аспектам ее внутренней жизни (политике, экономике, научно-техническому прогрессу и пр.) и с точки зрения всех течений философской мысли. Обращаясь к такому уровню обобщений, автор с одной стороны дает широкую картину исторического процесса, с другой – настолько отрешается от деталей, что многие умозаключения начинают звучать довольно поверхностно. В частности, русскому консерватизму автор вовсе отказывает в формировании самостоятельного политического учения.

Среди монографических исследований русского консерватизма следует особо выделить работу М. Ю. Чернавского²⁴, который наиболее последовательно рассматривает вопрос об объединяющих философских константах русского консерватизма, в то время как большинство исследований фокусируются на разнообразии его единичных проявлений и модификаций в творчестве отдельных его представителей.

Безусловно, нельзя обойти вниманием и труды зарубежных исследователей русского консерватизма. Хорошо известны иностранные

---

²² Там же. С. 6.

²³ Герасимов Г. И. Мировоззренческие основы истории России (середина XIX–начало XX вв.). Тула: Третий путь, 2019.

²⁴ Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004.

исследования середины XX в., посвященные политическим биографиям отдельных представителей русского консерватизма, но особое внимание следует уделить труду Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики» как работе, более современной в плане подходов к интерпретации и носящей обобщающий характер. Принципиальным для зарубежного исследователя становится осмысление тезиса русских консерваторов о возможности для России самобытного исторического пути. К числу безусловных достоинств этой работы следует отнести то, что автор, будучи свободен от наследия идеологических ограничений советской историографии, обоснованно причисляет к консервативному течению мыслителей, которых отечественная историография причисляет к либеральному крылу (А. С. Пушкина, Б. Н. Чичерина и др.). Это позволяет исследователю обогатить и углубить идейный спектр консерватизма. В качестве основного недостатка работы Пайпса можно указать традиционные для зарубежных исследователей интерпретационные искажения, неизбежно возникающие при попытке осмыслить русскую культуру, не являясь ее продуктом и носителем.

Важный вклад в осмысление славянофильства как учения в рамках консервативной философии вносит работа А. Д. Каплина «Славянофилы, их сподвижники и последователи»²⁵. Несмотря на то, что в жанровом отношении книга представляет собой скорее череду исторических портретов или очерков общественных взглядов различных представителей славянофильства, некоторые главы (например, «Русская православная мысль об иезуитах и их отношении к России» и «Российская историческая наука XIX – начала XX веков и славянофилы об Александре Невском»), а также завершающий авторский очерк «Ревизорам славянофильства» демонстрируют стремление комплексно осмыслить общие черты славянофильства и вписать его в историко-культурный контекст, что позволяет, на наш взгляд, назвать этот труд среди работ обобщающего характера.

---

²⁵ Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

Для понимания специфики пореформенного консерватизма безусловно важными являются исследования, посвященные анализу его становления и развития на предыдущих этапах. Ведущим исследователем русского консерватизма первой четверти XIX в. является А. Ю. Минаков, чьи многочисленные работы²⁶ – и прежде всего монография «Русский консерватизм в первой четверти XIX века»²⁷ – вносят существенный вклад в общее осмысление феномена русской консервативной философии.

Русскому консерватизму как философскому направлению и политическому учению посвящены тематические научные сборники и коллективные монографии²⁸, зачастую представляющие собой сборники исторических портретов государственных деятелей консервативного толка²⁹, а также издания материалов многочисленных конференций³⁰ и статьи³¹. Постоянно растущий интерес к консервативному учению обусловил появление не только многочисленных сборников, но и специализированных научных журналов – так, например, с 2014 г. четырежды в год выходит

---

²⁶ Минаков А. Ю. У истоков русского консерватизма: «русская партия» первой четверти XIX в. // *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2014. Т. 1. № 1. С. 67–77.; *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия* / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века // *Ортодоксия*. 2021. № 3. С. 14–41.

²⁷ Минаков А. Ю. *Русский консерватизм в первой четверти XIX века*. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011.

²⁸ *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия* / Институт общественной мысли. М.: Политическая энциклопедия, 2010; *Исторические метаморфозы консерватизма* / отв. ред. П. Ю. Рахшмир. Пермь, 1998.

²⁹ *Российские консерваторы* / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Русский мир, 1997; *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия*. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005; *Консерватизм: идеи и люди*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998; *Хранители России: Антология* / С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц, А. Ю. Минаков [и др.] М.: Паблис, 2016.

³⁰ *С верой в Россию. Российский консерватизм: история, теория, современность: выступления и докладов участников науч.-практ. конф. от 21 дек. 1998 г.* М.: ВОПД «Наш дом – Россия», 1999; *Консерватизм в политическом и духовном измерениях: мат-лы междунар. науч. конф. (Пермь, 12–13 мая 1994 г.)*. Пермь, 1995.

³¹ Вершинин М. С. *Русский консерватизм: ретроспективно-политологический анализ* // *Клио*. 1998. № 1. С. 25–29; Репников В. А. *Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра* // *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее*. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 9–20.

журнал «Тетради по консерватизму», который систематически разрабатывает темы, связанные с развитием консервативной философии.

Вторая группа научных трудов посвящена изучению идейной специфики и творческой самобытности отдельных представителей русского консерватизма – соответственно, рассматривать ее целесообразно, группируя по изучаемым персоналиям. Необходимо отметить, что деятельность различных представителей консерватизма в науке освещена неравномерно. Например, фигура М. Н. Каткова, обладавшего, возможно, наибольшей известностью среди представителей пореформенного консерватизма, привлекала к себе внимание исследователей гораздо чаще, чем деятельность Н. П. Гилярова-Платонова, а журналистское творчество Ф. М. Достоевского изучалось не настолько пристально, как его писательская биография, поэтому подразделы внутри данной группы научных исследований неизбежно будут не вполне симметричны.

Первые попытки зафиксировать и осмыслить роль Каткова в общественно-политических процессах эпохи осуществили еще его современники. Такую задачу ставил своей перед собой С. Щегловитов, издавший под псевдонимом «С. Неведенский» книгу «Катков и его время»³², само название которой говорит о том, что автор предпринимает попытку рассмотреть фигуру Каткова как своеобразное знамение эпохи. Неведенский внимательно исследует не только зрелый период общественной деятельности Каткова – он ищет истоки его взглядов в эпизодах студенческой юности, изучает различные проявления его таланта, обращается как к воспоминаниям его недругов, так и к высказываниям друзей, что придает работе в целом характер объективности. Не случайно все позднейшие исследователи обращались к книге «Катков и его время» как к основному источнику фактов о его творческой биографии и неоднократно ссылались на неё.

---

³² Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1889.

Р. И. Сементковский, издавший в 1892 г. в серии «Жизнь замечательных людей» брошюру «М. Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность», взял за основу сведения из работы Неведенского, существенно сократив их и снабдив слабо аргументированными негативными характеристиками изучаемого персонажа³³.

Значительную ценность для исследователя деятельности Каткова представляет книга профессора Московского университета Н. А. Любимова «Катков и его историческая заслуга», хотя её вряд ли можно счесть исследованием. «Немного было в жизни у меня людей столь дорогих и близких, – пишет Н. А. Любимов, – как Катков и Леонтьев; не особенно много, думаю, более меня близких было и у них»³⁴. Эта жизненная близость автора и персонажа книги, с одной стороны, придает ей особую значимость для понимания человеческих качеств и личных побуждений Каткова, но отличается субъективным подходом, так как реализует прежде всего стремление автора увековечить память о близком ему человеке, а не дать объективную оценку его деятельности.

В поле зрения советских исследователей 1920–1950-х гг. Катков попадал преимущественно как издатель леволиберального «Русского вестника» конца 1850-х – начала 1860-х гг. Работы В. Н. Розенталя «Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х гг. XIX в. (По материалам «Русского вестника» за 1856–1857 гг.)»³⁵ и Н. Г. Сладкевича «Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX в.» исследуют роль «Русского вестника» раннего периода как идейного центра леволиберального фронта. Труды,

---

³³ Сементковский Р. И. Михаил Никифорович Катков, его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Изд-во Попова, 1892.

³⁴ Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб.: Общественная польза, 1889. С. 17.

³⁵ Розенталь В. Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х гг. XIX в. (По материалам «Русского вестника» за 1856–1857 гг.) // Исторические записки. 1961. № 70. С. 197–222; Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. Л., 1979.

посвященные изучению более поздних этапов творческой биографии Каткова, немногочисленны. Наиболее значительным исследованием в историко-филологическом аспекте биографии и творчества Каткова, предпринятым в советский период, является монография В. А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания)».³⁶ Характерные черты времени, когда готовилась к печати работа, повлияли на оценку автором деятельности Каткова – над исследователями доперестроечного периода вообще довлела ленинская оценка Каткова как «леволиберального помещика», со временем проявившего себя «оголтелым шовинистом и черносотенцем»³⁷.

Значительное число научных исследований, касающихся биографии и творчества М. Н. Каткова, принадлежит В. А. Китаеву. В диссертации «Из истории общественной мысли России второй половины 50 – начала 60-х гг. XIX века (политическая программа журнала «Русский вестник в 1856–1862 гг.)» и монографии «От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX века»³⁸ В. А. Китаев рассматривает период наиболее активной деятельности журнала Каткова «Русский вестник», уделяя значительное внимание роли не только Каткова, но и видных теоретиков либерализма, сотрудничавших некоторое время в издании (Б. Н. Чичерина, В. Ф. Корша). Этому же периоду посвящена статья В. А. Китаева «К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 г.»³⁹.

---

³⁶ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

³⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 125.

³⁸ Китаев В. А. Из истории общественной мысли России второй половины 50 – начала 60-х гг. XIX века (политическая программа журнала «Русский вестник в 1856–1862 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX века. М.: Мысль, 1972.

³⁹ Китаев В. А. К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 г. // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. Горький, 1971. С. 45–56.

В первый постсоветский период отмечался всплеск интереса к представителям русского консерватизма. Долгое время работа исследователей была нацелена прежде всего на заполнение лакун в научном знании о тех представителях консерватизма, которые на предыдущем этапе не изучались вовсе, а также на разрушение традиционно негативного маркирования тех консерваторов, о которых хотя бы мельком говорилось в работах советского периода. Однако вдохновленные задачей реабилитации «опальных» в недавнем прошлом консерваторов исследователи высказывались в адрес своих персонажей порой излишне восторженно⁴⁰.

Среди относительно недавних исследований творчества и биографии Каткова значительный интерес представляет научная монография С. М. Саньковой «Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект»⁴¹. Исключительная ценность данного исследования заключается в том, что автор собрала, систематизировала и обобщила весь научно-исследовательский материал по творчеству и деятельности М. Н. Каткова. Несмотря на то, что работа носит историографический характер и автор не ставит перед собой задачи собственно изучения творчества Каткова, а представляет лишь обобщение предшествующего научного опыта, некоторые соображения, высказанные в процессе систематизации выводов научной литературы, также представляются несомненно интересными.

Внимание исследователей привлекала не только персональная издательская деятельность Каткова⁴², но и то несомненное влияние, которое

---

⁴⁰ Макарова Г. Н. Охранитель // Славянин. 1996. № 1. С. 11–18; Селезнев Ф. А., Смолин М. Б. Великий страж империи // Имперское слово: статьи М. Н. Каткова / Сост. М. Б. Смолин. М.: Москва, 2002.

⁴¹ Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор., 2007.

⁴² Ширинянц А. А. Катков Михаил Никифорович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2005. С. 197–198; Ширинянц А. А. Еще раз о М. Н. Каткове // Катковский вестник: религиозно-

он оказывал на журналистский, литературный и политический мир своего времени, круг его учеников, соратников, характер его литературных связей. Этим вопросам посвящены диссертация А. Э. Котова⁴³, его монография⁴⁴ и отдельные статьи⁴⁵.

С разных сторон исследует деятельность Каткова и его непосредственного окружения Е. В. Перевалова: исследовательница рассматривает отражение отдельных сторон общественной жизни России на страницах изданий Каткова⁴⁶, в том числе концентрируя свое внимание на наименее изученном позднем периоде издания «Русского вестника»⁴⁷; восстанавливает контекст литературных отношений эпохи⁴⁸, базируясь на

философские чтения: к 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 107–113.

⁴³ Котов А. Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М. Н. Катков и его окружение: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016.

⁴⁴ Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016.

⁴⁵ Котов А. Э. «Средство борьбы и суррогат политики»: политическая публицистика М. Н. Каткова и его последователей // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 174–193; Котов А. Э. Бюрократический национализм Михаила Каткова // Вопросы национализма. 2014. № 1(17). С. 174–186; Котов А. Э. Классицизм в публицистике М. Н. Каткова // Культурное многообразие в образовании. СПб.: Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования, 2009. Ч. 2. С. 74–78.

⁴⁶ Перевалова Е. В. Отдел иностранной литературы в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» // Вестник МГУП им. Ивана Федорова. 2011. № 7. С. 81–90; Перевалова Е. В. Национальная политика императора Александра I (по материалам журнала М. Н. Каткова «Русский вестник») // Коммуникация в современном мире. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2022. Ч. I. С. 138–140.

⁴⁷ Перевалова Е. В. Аграрная программа журнала М. Н. Каткова «Русский вестник» в 1880-е годы // Медиачтения СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2017. С. 56–63.

⁴⁸ Перевалова Е. В. Вокруг М. Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М.: Московский политехнический университет, 2019; Перевалова Е. В. К. Ф. Головин – сотрудник журнала М. Н. Каткова «Русский вестник» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2020. № 4. С. 29–35; Перевалова Е. В. В. П. Безобразов – сотрудник и корреспондент М. Н. Каткова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 6. С. 79–86; Перевалова Е. В. Ольга Новикова - сотрудница «Московских ведомостей» М. Н. Каткова (по материалам ОР РГБ) // Румянцевские чтения–2017: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания / сост. Е. А. Иванова. М.: Пашков дом, 2017. Ч. 2. С. 46–51.

обширном круге источников, вводимых ею в научный оборот; рассматривает специфику отражения консервативных идей в публицистике Каткова⁴⁹.

Довольно широко на сегодняшний день представлена историография общественной и издательской деятельности князя В. П. Мещерского. Многолетнюю и плодотворную работу по изучению его творческого наследия и деталей биографии проводит Н. В. Черникова. Особенный интерес представляет ее монография «Портрет на фоне эпохи: Князь Владимир Петрович Мещерский»⁵⁰, в которой исследовательница дополняет и развивает многие идеи, ранее высказанные ею в диссертации⁵¹. Книга, заявленная как первая полная биография Мещерского, базируется на классическом биографическом методе, уделяет внимание семейным традициям и личностному становлению князя, а также повествует о деле его жизни – издании газеты-журнала «Гражданин». Автор задается целью исправить в сознании читателя шаржированный образ князя, созданный современниками и зафиксированный советской историографией, но на этом пути, руководствуясь очевидным для читателя чувством горячей симпатии к изучаемому персонажу, выстраивает образ князя, пронизанный едва ли не мессианскими задачами, что в отношении Мещерского представляется все-таки не восстановлением справедливости, а некоторым исследовательским перегибом в обратную сторону. Вместе с тем представляет безусловную важность и исследовательский интерес разносторонняя работа исследовательницы по публикации эго-документов князя, их систематизации и комментированию⁵².

---

⁴⁹ Перевалова Е. В. Система консервативных ценностей в отечественной периодике: М. Н. Катков и его издания (вторая половина 1850-х – 1880-е гг.): дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2023.

⁵⁰ Черникова Н. В. Портрет на фоне эпохи: Князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

⁵¹ Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский в общественной жизни России, последняя треть XIX – начало XX в: дис. ... канд. истор. наук. М., 2001.

⁵² Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Письма к великому князю Александру Александровичу: 1863–1868 / вступ. ст., коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Ряд исследователей сосредотачивают внимание именно на журналистской деятельности Мещерского, рассматривая не только содержательную, идейную, но и экономическую, техническую, организационную ее стороны. В этом аспекте необходимо отметить работы А. В. Кайль⁵³ и Г. С. Щербаковой⁵⁴. Г. С. Щербакова исследует не только публицистику, но и содержательное своеобразие беллетристики князя⁵⁵, проводя интересное сравнение смысловых доминант его публицистических и художественных произведений, обозначая тем самым важную роль беллетристики как дополнительного инструмента идейного влияния в коммуникативных практиках князя.

Также существенное значение для понимания коммуникативных практик эпохи в целом и издательского опыта князя Мещерского в частности представляют работы М. М. Леонова⁵⁶, хотя автор в большей степени акцентирует внимание не на публицистике, а на особенностях личной коммуникации князя, его влиянии, базировавшемся на связях в свете, близости к царской семье и умении маневрировать в бюрократическом мире.

---

⁵³ Кайль А. В. «Гражданин» князя В. П. Мещерского // Известия Саратовского университета, Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8–15.

⁵⁴ Щербакова Г. И. Газета В. Мещерского «Гражданин» как орган консервативного дворянства: к постановке проблемы // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2010. № 3(9). С. 127–134; Щербакова Г. И. Церковный вопрос в «Гражданине» В. Мещерского // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. СПб., 2024. Т. 1. С. 50–52; Щербакова Г. И. Репрезентация образа автора в публицистике В. Мещерского // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения. СПб., 2023. С. 135–136; Щербакова Г. И. Новые методы представления образа монарха в журнале «Гражданин» // Век информации. 2017. № 2-1. С. 69–70.

⁵⁵ Щербакова Г. И. Пасквиль как инструмент информационной войны (на примере комедии В. Мещерского «10 лет из жизни редактора») // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности. Екатеринбург, 2024. С. 131–133; Щербакова Г. И. Образ автора в беллетристике В. П. Мещерского // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Тольятти, 2023. Ч. 1. С. 490–498.

⁵⁶ Леонов М. М. В. П. Мещерский: русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Самара, 1999; Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2009.

Особенностям консервативной философии Мещерского посвящены работы И. Е. Дронова⁵⁷.

В 2017–2019 гг. под руководством А. В. Матюшкина был реализован грантовый проект, в рамках которого исследователями систематизировался и изучался редакционный архив газеты В. П. Мещерского «Гражданин»; исследовательской группой была подготовлена серия публикаций, которые представляли несомненный интерес в контексте данного исследования⁵⁸.

Благодаря множеству исследований А. В. Дмитриева вернулся в русский культурно-исторический контекст один из наиболее интересных и совершенно забытых на предыдущем историческом этапе журналистов Н. П. Гиляров-Платонов. А. В. Дмитриев рассматривал в своих работах различные аспекты его творческой биографии: деятельность Гилярова-Платонова как автора и цензора славянофильского журнала⁵⁹, специфику его литературных связей и личных отношений со знаковыми персонами общественно-политического дискурса эпохи⁶⁰, комментировал автобиографические записки издателя «Современных известий»⁶¹. Содержательная специфика философского наследия Гилярова-Платонова и своеобразие его воззрений в контексте общих установок славянофильства

---

⁵⁷ Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Новая книга России, 2005; Дронов И. Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В. П. Мещерского (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁵⁸ Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский: Переписка (1872–1880) // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 35–58; «Гражданинъ издается лицомъ больнымъ и беспокойнымъ...»: из писем М. П. Погодину 1873–1874 гг. // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 3. С. 31–45; Захарова О. В. Бестактность редакции, или два «Дневника» в «Гражданине» 1870-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1(170). С. 24–28.

⁵⁹ Н. П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 158–183.

⁶⁰ Дмитриев А. П. «В церкви главные вопросы наши...» (Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев в их взаимоотношениях, переписке и суждениях друг о друге) // Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 5–26.

⁶¹ Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и его воспоминания // Из пережитого: автобиографические воспоминания: В 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 5–8.

рассматривается в статье Б. В. Межуева «Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и “разложение славянофильства”»⁶².

Так же, как и в случае с М. Н. Катковым, первые труды, нацеленные на осмысление наследия Гилярова-Платонова, были осуществлены его современниками и ближайшими соратниками, и в этом отношении они обладают синонимичными достоинствами и недостатками, как и работа Н. М. Любимова о Каткове: с крайним уважением и благоговением собирал и систематизировал материалы для биографии почившего учителя Н. В. Шаховской⁶³, высоко оценивал его заслуги С. Ф. Шарапов, назвавший свой труд о Гилярове-Платонове «Неопознанный гений»⁶⁴.

Пристальное внимание исследователей привлекают к себе публицисты славянофильского круга – и прежде всего И. С. Аксаков⁶⁵. В советский период к изучению общественно-политических взглядов И. С. Аксакова обращались Т. Ф. Пирожкова в работе «Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике»⁶⁶, В. А. Китаев в исследованиях «Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-гг. XIX в.)»⁶⁷ и «Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х гг.

---

⁶² Межуев Б. В. Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. 2000. № 6. С. 33–61.

⁶³ Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893; Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: в 2 т. / изд. К. П. Победоносцева. М.: Синод. тип., 1899. Т. 1; Шаховской Н. В. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // Русское обозрение. М.: Унив. тип., 1896. Кн. 6 (т. 42). С. 454–470.

⁶⁴ Шарапов С. Ф. Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки, собр. и проред. Сергеем Шараповым. М.: типо-лит. А. В. Васильева и К^о, 1903.

⁶⁵ Кругликова О. С. Издания русского пореформенного консерватизма в оценке современных исследователей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 191–199.

⁶⁶ Пирожкова Т. Ф. Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М.: Изд-во МГУ, 1984.

⁶⁷ Китаев В. А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-гг. XIX в.). Горький, 1974.

ХІХ в.)»⁶⁸. Важной чертой исследований этого периода является определенная идеологическая обусловленность не только выводов, но и самой постановки исследовательской задачи, во многом предполагавшей рассмотрение деятельности Аксакова через ее отражение в публицистике его политических оппонентов. Эта черта в некоторой степени свойственна и посвященной Аксакову фундаментальной работе Н. И. Цимбаева «И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России»⁶⁹.

Упомянув более ранние исследовательские работы Т. Ф. Пирожковой, невозможно не сказать о том колоссальном труде, который исследовательница проделала в составе авторского коллектива, подготовившего к печати серию книг «Славянофильский архив». Редакционная коллегия серии, возглавляемая Б. Ф. Егоровым, выпустила на сегодняшний день уже пять книг, посвященных истории различных аспектов славянофильской журнальной и общественной деятельности. В первой книге, посвященной «Русской беседе»⁷⁰, принципиально важными для нашей темы являются не только факты, иллюстрирующие издательские стратегии славянофилов в целом, но и отдельные главы, посвященные И. С. Аксакову⁷¹ и Н. П. Гилярову-Платонову⁷². Следующие книги серии представляют собой комментированные издания переписки и мемуаров лиц, бывших деятельными участниками, или примыкавших к славянофильскому

---

⁶⁸ Китаев В. А. Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х гг. ХІХ в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в ХVIII–ХІХ вв. Горький, 1975. Вып. 1.

⁶⁹ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

⁷⁰ «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011.

⁷¹ Греков В. Н. Иван Аксаков – сотрудник и редактор «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 124–158.

⁷² Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 158–183.

движению, среди которых для нас в плане прояснения коммуникативных практик И. С. Аксакова принципиальное значение имеет книга третья, содержащая его переписку с Ю. Ф. Самариным⁷³, и хотя этот материал преимущественно относится к разряду источников, а не научных исследований, но обширный научный комментарий, которым снабжены источники, позволяет относить все книги серии в равной мере и к научной литературе.

Общественная деятельность И. С. Аксакова была весьма разнообразна, и не исчерпывалась журнальным поприщем. С. В. Мотин, занимающийся исследованием исторических аспектов системы государственной службы, рассматривает в монографии «Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи»⁷⁴ период биографии Аксакова, связанный с чиновной карьерой. Однако поскольку именно в это время Аксаков предпринял свои первые издательские проекты, С. В. Мотин уделяет внимание обстоятельствам, сопровождавшим начало его издательского пути⁷⁵.

Принципиальное значение для понимания творческой биографии и принципов общественной деятельности Аксакова имеют работы А. А. Тесли. В частности, важнейшей представляется мысль исследователя, высказанная в работе «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова»⁷⁶, о двойственном положении Аксакова как наследника идей старших славянофилов, отчасти обязывавшем его, особенно на первом этапе творчества, не столько полагаться на свои собственные мысли и суждения,

---

⁷³ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016.

⁷⁴ Мотин С. В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017.

⁷⁵ Мотин С. В. «Я все-таки буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...» (к истории издания газеты И. С. Аксаковым) // МедиаАльманах. 2013. № 2.

⁷⁶ Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015.

сколько стремиться соответствовать высоте унаследованного учения. Необходимость быть «славянофилом вовне»⁷⁷, т.е. на взгляд людей, не примыкавших к славянофильскому кругу, и одновременно желание сохранять внутренний полемический подход по отношению к соратникам по направлению во многом определяла противоречивый характер издательской стратегии Аксакова.

Изучению зрелого периода творческой биографии публициста посвящено фундаментальное исследование Д. А. Бадаляна⁷⁸, его же перу принадлежат исследования различных аспектов издательской деятельности Аксакова⁷⁹, особенно интересным в контексте данной работы является обращение к анализу наследия Аксакова через призму истории понятий⁸⁰.

Несмотря на фундаментальное и всестороннее изучение феномена Ф. М. Достоевского в отечественном литературоведении, журналистская деятельность писателя, как и его консервативные убеждения, пока представляют собой поле, оставляющее некоторый простор и перспективу исследователям. Не отрицая важности для понимания идейных основ мировоззрения Достоевского фундаментальных классических работ, таких как труды Г. М. Фридлендера⁸¹, М. М. Бахтина⁸² и Г. К. Щенникова⁸³, важно также отчетливо понимать, что весь колоссальный объем достоевведения,

⁷⁷ Там же. С. 88.

⁷⁸ Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016.

⁷⁹ Бадалян Д. А. Иван Аксаков в 1862 г.: выбор между законом и журналистской честью // Современные СМИ в контексте информационных технологий. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 56–59; Бадалян Д. А. Газета И. С. Аксакова «Русь» и цензура // Русская литература. 2006. № 1. С. 94–115.

⁸⁰ Бадалян Д. А. Земский собор: история понятия от Карамзина до Ивана Аксакова // Русская Idea: сайт консервативной политической мысли. Режим доступа: <https://politconservatism.ru/experiences/zemskij-sobor-istoriya-ponyatiya-ot-karamzina-do-ivana-aksakova>. (дата обращения: 23.06.2023).

⁸¹ Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964.

⁸² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963.

⁸³ Щенников Г. К. Целостность Достоевского. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.

имеющийся на сегодняшний день, не может и не должен быть представлен в структуре данного раздела историографического обзора. Если же сосредоточиться именно на журналистском и редакторском творчестве Достоевского, то окажется, что объем его научного изучения не столь масштабен. Журналистские произведения и редакторская деятельность Достоевского рассматривались группой исследователей в тематическом сборнике «Достоевский и журнализм»⁸⁴, хотя многие публикации сборника были посвящены в большей степени начальному периоду его журнальной деятельности, т.е. журналам «Время» и «Эпоха». Эти же первые издательские опыты Достоевского как редактора рассматриваются и в работах В. С. Нечаевой⁸⁵. Интересующий нас период журналистской деятельности Достоевского в отдельных аспектах анализируется в работах В. Н. Захарова⁸⁶ и В. А. Викторovichа⁸⁷.

Кроме того, необходимо отметить разностороннюю многолетнюю исследовательскую работу И. Л. Волгина, раскрывшего многие неизвестные страницы журналистской деятельности великого писателя⁸⁸. И. Л. Волгин впервые обратил внимание на сходство журналистской манеры Достоевского с современными речевыми стратегиями, в частности, реализуемыми в блогосфере.

---

⁸⁴ Достоевский и журнализм / под ред. Владимира Захарова, Карена Степаняна, Бориса Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

⁸⁵ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М.: Наука, 1972.

⁸⁶ Захаров В. Н. Тезаурусный анализ и проблема атрибуции редакционных статей в «Гражданине» Достоевского (1873–1874) // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. Р. 104–116; Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 1985.

⁸⁷ Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора // Неизвестный Достоевский. 2015. № 4. С. 11–20.

⁸⁸ Волгин И. Л. Метаморфозы «писательского журнализма» Достоевский – Гоголь – Толстой // Русская литература и журналистика в движении времени. 2015. № 1. С. 103–115; Волгин И. Л. «Дневник писателя» как мирозозидающий проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 116–122.

Проблематика исследования

Обращаясь к историко-филологической стороне интеллектуальной картины определенного периода прошлого, важно понимать, что ключ к познанию сущности исторического процесса и составляющих его явлений заключен в максимально точной интерпретации базовых философских и социально-политических понятий, детерминирующих характер эпохи. При этом главным требованием является выявление именно той концептуальной нагруженности понятия, которая была свойственна определенной эпохе, т.е. того смысла, которым понятие наделялось в локальный исторический момент.

Особенно важное значение этот аспект приобретает применительно к изучению русского общественно-политического дискурса, отраженного на страницах журналистики XIX в. Журналистика в России родилась в период петровских реформ, который является для России, в терминологии немецкой школы истории понятий, «временем перевала», т.е. временем, когда тотально изменяется семантический контекст привычных понятий, рождаются новые понятия, радикально меняется общественное сознание. Обилие заимствований, не всегда успешное освоение неологизмов, размытые границы между действительно новыми понятиями и модными именами старых понятий – все эти социокультурные процессы эпохи имели на рождающуюся журналистику значительное влияние.

В екатерининское время русская культура переживает еще одну масштабную волну заимствований. Едва успев за время правления Елизаветы освоиться с наследием Петра Великого, оно вынужденно усваивает в результате культурной трансмиссии Просвещения сложившийся западноевропейский язык обозначения понятий социально-политической сферы, причем исследователи справедливо отмечают громадную роль в этом процессе литературной деятельности самой императрицы и прежде всего – ее

знаменитого «Наказа» Уложенной комиссии⁸⁹. Однако перенятые слова и понятия в русском языке долгое время обладали определенной искусственностью, поскольку не родились органически из практики социально-политической жизни, а были калькированы. Зачастую в системе понятий возникали как бы означающие без означаемого, т.е. слова, которые не сопрягались ни с какими реальными явлениями в русском социально-политическом контексте, а наполнялись значением произвольно. Сороковые годы XIX в. не случайно вошли в историю как «эпоха сознания» – это очень емкая метафора, показывающая главный вектор интеллектуального процесса этого времени: формирование более-менее общего для всех участников общественного диалога понятийного аппарата, пригодного для осмысления социально-политической действительности.

Однако этот процесс весьма затянулся, так что и в 1862 г. один из ведущих журналистов пореформенной России М. Н. Катков считал эту проблему стоящей предельно остро: «В нашей литературе есть всевозможные слова, какие только есть во всех литературах в мире; нам знакомы все термины... мы сыплем терминами, сортируем, классифицируем... у нас есть философы всех разрядов: и материалисты, и идеалисты, и всевозможные *исты*, хотя философии у нас еще не бывало. У нас есть политические партии всех оттенков: консерваторы, умеренные либералы, прогрессисты, конституционалисты... и демократы, и демагоги, и социалисты и коммунисты; но у нас нет ничего похожего на политическую жизнь. У нас есть слова и нет дела, и все наши *исты* – существа воображаемые, призраки, слова, и слова, которым ничто в действительности не соответствует»⁹⁰. С ним соглашался и другой знаменитый журналист этого периода, И. С. Аксаков, отмечавший в публикации 1867 г., что «названия, взятые напрокат у иностранцев для выражения явлений русской жизни, оказываются никуда

---

⁸⁹ Дуринова Г. В. Русский социально-политический язык: «Наказ» Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 3–13.

⁹⁰ Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 30.

непригодными. Такие термины западной науки и жизни, как “аристократия”, “демократия”, “демократические тенденции” – ничего у нас не выражают. Но эти термины не тем одним не хороши, что ничего собою не выражают; они дурны тем, что, привнося собой чуждые вашему быту понятия, еще пугают у нас и сбивают с толку людей, даже весьма почтенных»⁹¹.

Таким образом, осознавая, что «в результате многочисленных и разнонаправленных семантических сдвигов, семантического калькирования и последующей семантической перегруппировки постепенно возникает русский вариант... “метафизического языка”»⁹², все-таки трудно вполне согласиться с положением, что «во второй половине XIX в. вызванная подобными процессами перестройка понятийной системы русского языка в основном завершается, так что появляется возможность говорить о периоде стабильности, хотя и весьма недолгом»⁹³. Понятийная система социально-политического дискурса не успевает устояться, поскольку динамика социальных процессов рубежа XIX–XX веков крайне высока. В частности, в отношении понятия «консерватизм» возникает терминологическая путаница длиной в полтора века, нуждающаяся в некотором разъяснении.

В первые пореформенные десятилетия обозначения в печати принадлежности к определенному политическому направлению, как собственной, так и своего оппонента, употреблялись по произволу пишущего, считавшего себя вправе наполнить понятия «демократ» или «консерватор» собственным смыслом. Так, например, газета «Весть», сама себя называвшая органом консерватизма, обрушивалась с критикой на консервативные «Московские ведомости» за их «демократический» курс, революционно-демократическое «Русское слово» нападало на

---

⁹¹ Сочинения И. С. Аксакова. Славянофильство и западничество (1860–1886). Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Т. 2. Изд. 2-е. С.-Петербург. Типография А. С. Суворина, 1891, С. 46.

⁹² Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 14.

⁹³ Там же.

«ретроградный» «Современник», справедливо полагавший себя вождем прогрессистов-реформаторов, а почвеннический журнал «Эпоха» именовал обоих последних органами партии нигилистов. Краткая история русского парламентаризма начала XX века, довольно сумбурная и скоротечная, также не выработала четких дефиниций в отношении понятия «консерватизм», т.к. чаще использовались понятия «правые», «левые», «центристы» и т.д.

В советском обществе существовали довольно жесткие идеологические рамки, диктовавшие мыслителям и исследователям строго определенные оценки различных явлений общественной жизни. Это обусловило попытку преодоления терминологической путаницы, поскольку необходимо было в оценке и изучении деятелей прошлого четко отделить «своих», т.е. исповедовавших идеи революционной демократии и социализма от идейно чуждых – либералов и консерваторов. Вероятно, движимые желанием сохранить доступным для широких масс наследие как можно большего числа мыслителей XIX века, советские ученые, базируясь на ранних юношеских произведениях и верно подобранных моментах биографии, искусно обосновывали принадлежность к умеренному либерализму многих представителей консервативного-государственнического крыла (например, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, славянофилов И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина, Ф. М. Достоевского и др.), что также создало определенные противоречия в дальнейших оценках их творчества.

Так, в биографии Карамзина стала намеренно подчеркиваться его литературная полемика со «старорусской» партией, возглавлявшейся А. С. Шишковым, с которым по политическим убеждениям Карамзин был гораздо более единомышленником, чем оппонентом; Достоевский представал главным образом как участник кружка петрашевцев, от идей которого он же сам отрекся в публицистике зрелого периода; в творчестве Пушкина центральная роль отводилась юношеской оде «Вольность», а консервативно-монархические произведения вроде «Путешествия из Москвы в Петербург» замалчивались. Таким образом, в трактовке советской историографии

либеральный лагерь русской политической мысли существенно пополнился, а ряды консерваторов, и без того немногочисленные, лишились многих своих представителей, зато благодаря этому идеологическому маневру блестящие имена русской литературы и журналистики были сохранены как для научного дискурса, так и для изучения в рамках системы образования. Принадлежащими собственно к консерватизму были признаны только самые яростные поборники неограниченного самодержавия и противники революционных методов борьбы в любых их проявлениях – М. Н. Катков, Н. П. Гиляров-Платонов, В. П. Мещерский, В. В. Розанов, Л. А. Тихомиров, К. С. Леонтьев и др.

Важно также понимать, что, изучая общественное движение прошлого, мы зачастую имеем дело со специфическими языковыми единицами: они не просто не имеют предметного означаемого, важно, что многие из них принадлежат одновременно и к сфере изучаемых понятий, и к сфере научной терминологии. Это в полной мере относится к таким словам, как «консерватизм» и «либерализм». Как единицы естественного языка они использовались публицистами и общественными деятелями в разные эпохи с различным смысловым значением, а в период институционализации наук об обществе были осмыслены как термины, обладающие более-менее ясно сформулированным конвенциональным значением, общим для исследователей, теоретиков и практиков политической сферы, но адекватным именно той эпохе, которая их сформулировала. Нерелевантность использования их в современном терминологическом смысле для номинации социальных феноменов прошлого очень быстро оказалась очевидной, и исследователи вынуждены были в конце концов признать свою беспомощность в доктринальном определении публицистов прошлого как консерваторов, либералов, умеренных или революционных демократов и т.д. Современные политологические термины то и дело вступали в противоречие с реалиями прошлого.

М. В. Калашников, интенсивно работающий в направлении развития подходов истории понятий, отмечает актуальность вставшей перед исследователями задачи «отличить в рамках новых научных направлений понятия естественного языка как единицы анализа от инструментализированных понятий (терминов)»⁹⁴. Эта необходимость породила такие дефиниции как «идеологема» и «концепт», обозначающие понятия естественного языка в их нетерминологическом значении, обусловленном либо политической интенцией автора (идеологема), либо культурно-историческим контекстом (концепт). При этом термин «концепт» сегодня активно используется в рамках когнитивных исследований для обозначения единицы познания и мышления, что в сфере междисциплинарных штудий вряд ли проясняет исследовательскую практику. Поэтому требуется отчётливо обозначить, что в данном исследовании *концепт* используется в контексте методологии историко-семантического анализа и понимается максимально близко слову «понятие», т.е. «как минимально значимая (значащая) единица, формой которой в свою очередь является соответствующее... слово»⁹⁵.

Трудность интерпретации интеллектуальных процессов России второй половины XIX в. усиливается также нестабильностью понятийных значений, которая ввиду исторических особенностей свойственна русскому общественному сознанию. Высочайшая динамика изменения русского семантического контекста приводит к следующей ситуации: если в рамках западноевропейских штудий можно говорить о том, что ключевые понятия имеют отчетливое стабильное значение на протяжении целых эпох (свой понятийный набор есть у Средневековья, у Возрождения, у эпохи Модерна), то в русском контексте можно столкнуться с полной реконцептуализацией

---

⁹⁴ Калашников М. В. Идеологема. Концепт? Понятие! (К вопросу о минимально значимой единице исследования в рамках историко-семантического анализа) // Стены и мосты – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 131.

⁹⁵ Там же.

понятия за несколько десятилетий. Понятие «прогресс», как его понимали, например, Н. М. Карамзин и его современники, и «прогресс» в интерпретации современников А. И. Герцена уже трудно сопоставимы. «Было время, – отмечает Катков в уже упоминавшейся статье 1862 г., – (оно еще не миновало), когда слово *консерватор* употреблялось вместо брани... консерватор – это обскурант, крепостник, ненавистник человеческого рода, враг меньших братьев, подлец и собачий сын. Прогрессист – это друг человечества, готовый на великие подвиги, на всяческие жертвы в интересе просвещения, свободы, благоденствия всех и каждого». Однако уже к концу первого пореформенного десятилетия «прозвище консерваторов мало-помалу утратило бранное значение, оно начинает входить в честь, и очень немудрено, что в одно прекрасное утро все проснутся отменными консерваторами, и звание прогрессиста, некогда так славное, станет, в свою очередь, бранным словом, обидным и позорным»⁹⁶.

Важно также отметить, что специфика организации аппарата цензуры в России способствовала глубокой эвфемизации общественно-политического дискурса в журналистике, делая его интерпретацию вне контекста еще более затруднительной для исследователя.

Помимо высокой динамики семантических сдвигов необходимо учитывать также эмоциональные коннотации употребляемых слов, во многом определяемые профессиональным журналистским контекстом. Журналистика в России XIX в. одновременно являлась и отражением феноменов общественного сознания, и инструментом его формирования, выступая как базис общественного бытия. Однако неотъемлемой чертой профессионального журналистского контекста является высокий накал полемической состязательности, эмоциональность и образность выражения мысли. Можно сказать, что все участники журнальной полемики в той или иной степени стремятся закрепить в общественном сознании доминирование

---

⁹⁶ Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 31–32.

тех трактовок понятий и тех смысловых оттенков, которые соотносятся с их идеологическими установками, т.е. каждый политический философ и публицист, выступая на страницах прессы, стремится, перефразируя известное высказывание Б. Л. Пастернака, «сколь можно более навязать себя эпохе». Успех в закреплении доминирующего положения тех или иных трактовок понятий в общественном сознании непосредственно связан с эффективностью коммуникативных практик, которые избирает транслирующий их общественный деятель. Поэтому полноценный анализ бытования тех или иных концептов в социально-политическом дискурсе эпохи невозможен вне изучения совокупностей приемов практической деятельности в сфере общественной коммуникации (коммуникативных практик), с помощью которых они проникали в общественное сознание и закреплялись в нем.

В современном научном дискурсе, несмотря на некоторые разночтения в трактовке этого термина, *коммуникативные практики* понимаются как «способы организованных интеракций между отправителями и получателями коммуникативных сообщений в процессе социальной жизнедеятельности, направленные на прием и передачу важной и актуальной для социума информации»⁹⁷ или, в более краткой формулировке, как «совокупность образцов рациональной деятельности, направленной на передачу / прием социально-значимой информации»⁹⁸. Хотя этот термин является относительно новым и чаще используется для анализа явлений современности, по своему смыслу он апеллирует к обозначению довольно абстрактных вневременных составляющих социальной коммуникации,

---

⁹⁷ Зайналабдиев В. Х. Коммуникативные практики в региональной блогосфере // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 38. С. 63.

⁹⁸ Зотов В. В., Лысенко В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества. // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf. (дата обращения: 01.05.2023).

поэтому при соответствующем уточнении может быть успешно применен для обозначения социальных практик прошлого.

Коммуникативные практики применительно к реалиям изучаемой эпохи, т.е. второй половине XIX в., включают в себя устоявшиеся модели читательских ожиданий и авторских подходов к работе с аудиторией, специфику самой аудитории, формы экономической организации работы прессы и доступные ей технологии, взаимодействие с властью и государством через институт цензуры, формы конкуренции в издательской сфере. Перечисленные аспекты коммуникативных практик в контексте классификационных исследовательских подходов могут быть трактованы также и как типоформирующие признаки, однако принципиальное отличие заключается в характере оценки этих аспектов: если при классификационных подходах они обозначаются с целью номинативного описания свойств объекта для выявления его места в типологической системе, то с точки зрения подходов теории коммуникации эти же аспекты изучаются с целью выявления их комплексной эффективности, именно в обозначенном сочетании, для решения поставленных издателем коммуникативных задач. Именно в этом отношении важность понимания реалий журналистской профессии и особенностей коммуникативных практик отдельных издателей консервативного направления для анализа концептуализации транслируемых ими общественно-политических понятий весьма высока.

Предлагаемое исследование не только вводит в научный дискурс новые документы и факты, касающиеся биографии и издательской деятельности ведущих русских консервативных журналистов. Главным образом **новизна** предпринятого исследования обусловлена стремлением к выявлению обобщающего значения сформированных и транслируемых в журналистике второй половины XIX в. ключевых концептов консерватизма через методологические подходы истории понятий, т.е. в их максимальной погруженности в контекст эпохи во избежание интерпретационных искажений. Такой подход может также способствовать более четкому

пониманию бытования этих концептов в современной социально-политической практике. Кроме того, принципиальной для характеристики новизны исследования является постановка вопроса о взаимовлиянии содержательной стороны журналистского дискурса и коммуникативных практик эпохи.

Цель исследования – выявление и анализ ключевых концептов социально-философской доктрины русского консерватизма в текстах пореформенной русской журналистики консервативного направления и изучение коммуникативных практик, нацеленных на их закрепление в общественно-политическом дискурсе.

Достижение указанной цели подразумевает решение следующих исследовательских задач:

– раскрытие базовых философских принципов, лежащих в основе консервативной философии в целом и доктрины русского консерватизма в частности;

– выявление ключевых концептов, актуальных для социально-философской доктрины русского консерватизма второй половины XIX в. на основе сквозного просмотра журналистских публикаций видных представителей русской консервативной мысли изучаемого периода;

– анализ коммуникативных практик наиболее значимых консервативных журналистов изучаемого периода (концепции издательских проектов, их аудиторная направленность, жанрово-тематическая специфика, принципы взаимодействия с аудиторией, опыт построения отношений с властью и цензурой, экономические модели);

– интерпретация ключевых концептов русского консерватизма в контексте общественно-политического дискурса эпохи.

Решение поставленных задач требует обращения к классической исторической методологии в аспекте изучения коммуникативных практик консервативной журналистики и к методу историко-семантического анализа для интерпретации концептов русского консерватизма. Издательские проекты

консерваторов изучаются на основе **историко-сравнительного и историко-генетического методов**.

Методология **историко-семантического анализа** предполагает следующие исследовательские процедуры:

– установление единицы историко-семантического анализа, которой может являться выраженное в слове понятие, не обладающее предметной сущностью, а являющееся метафорически образованной абстрактностью, либо совершенно виртуальной, либо обладающей так называемой мнимой предметностью, но грамматически категоризируемое как предметность. Примерами таких понятий могут служить «свобода», «гражданственность», «равенство», «справедливость», «право», «суверенитет» и т.д. С учетом того, что «смысл какого-либо понятия, вследствие его изначальной метафоричности и абстрактности, может быть понят только с помощью контекстного анализа значения слова, являющегося формой данного понятия»⁹⁹, представляется наиболее продуктивным анализировать не только ключевые концепты, но и семантические ряды сопряженных с ними понятий, инструментально используемых авторами текстов для раскрытия семантического наполнения ключевых концептов;

– установление рамок контекста и описание исторических событий и явлений, этот контекст составляющих;

– сопоставительный анализ выявленных трактовок изучаемых концептов.

Применительно к задачам конкретного исследования представляется важным обозначить не только хронологические и географические границы контекста (Россия второй половины XIX в.), но и его идеологические рамки (консерватизм) и сферу бытования (журналистика). Несмотря на то, что в своей идеальной модели, предложенной теоретиками истории понятий и

---

⁹⁹ Калашников М. В. Идеологема. Концепт? Понятие! (К вопросу о минимально значимой единице исследования в рамках историко-семантического анализа) // Стены и мосты – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 131.

историко-семантического анализа, изучение тех или иных концептов предполагает поиск их интегрального, общего значения, единого для представителей всех идеологических групп, в исследовательской практике решение задач подобного масштаба не представляется возможным в рамках индивидуальной научной работы даже крупной жанровой формы.

Особенно это касается изучения исторических периодов, в которые интенсивность коммуникации в социальной сфере возростала (рост числа изданий, издателей и читателей), идейная поляризация была существенной, а ограничительные механизмы государства – относительно гибкими, допускающими широкий плюрализм. Материал изучения в такие периоды становится чрезмерно обширен, в ходе индивидуальных штудий рассматривать его во всей полноте становится невозможно, скорее речь может идти о предварительной разработке отдельными исследователями фрагментов общественно-политического дискурса, с прицелом на предстоящее в будущем обобщение широкого круга исследовательских результатов. Поэтому в рамках данного исследования изучается именно консервативное направление.

Также классическая модель не предполагает историко-семантического исследования и ограничения изучаемых каналов и форм коммуникации, напротив, обозначается стремление исследователя выявить все разнообразие трактовок того или иного концепта в источниках различного типа и происхождения. Однако в данном случае важно обозначить дисциплинарную принадлежность проводимого исследования сфере истории журналистики, а не лингвистики. Как и в любой мультидисциплинарной области исследований, в истории понятий не утихает спор между представителями различных дисциплин относительно того, чьи походы в этом мультидисциплинарном пространстве считать доминирующими. Историков, предложивших базовые подходы к истории понятий, интересовала прежде всего перспектива более глубокого понимания истории, достигаемая ограниченным использованием лингвистического инструментария для

решения задач исторической науки, в то время как со стороны лингвистов порой звучат призывы «повернуть вопрос и вместо лингвистики на службе истории сказать об истории на службе лингвистики»¹⁰⁰, ставя в центр внимания не исторические события (смену власти, технологические прорывы и пр.), а собственно лингвистические события (реформы языка, трансформацию азбуки и т.п.).

Необходимо оговорить, что данное исследование в большей степени опирается на историческую составляющую, ставя своей целью углубление и уточнение интерпретации тех или иных концептов для понимания причинно-следственных связей исторического процесса. Поэтому фокусировка внимания на материале текстов журналистики как приоритетной группы источников, представляющей в концентрированном виде общественно-политический дискурс эпохи, в данном случае представляется возможной и оправданной.

Теоретическую базу исследования составили работы, в рамках которых развивались теоретические подходы к изучению истории журналистики: А. И. Станько¹⁰¹, Б. И. Есина¹⁰², Е. В. Ахмадуллина¹⁰³, А. Ш. Бик-Булатова¹⁰⁴, В. С. Варакина¹⁰⁵ и др., а также исследования в сфере

---

¹⁰⁰ Ревзина О. В. Темпоральная структура концепта // Языковые параметры современной цивилизации. М., 2013. С. 188.

¹⁰¹ Станько А. И. Теоретические аспекты изучения истории русской журналистики // Методы исследования журналистики / под ред. Я. Р. Симкина. Ростов, 1979.

¹⁰² Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России: задачи и теоретико-методологические основы изучения. М., 1981; Есин Б. И. Ещё раз о типологии // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 6. С. 65–70.

¹⁰³ Ахмадуллин Е. В. Проблемы и методология системного исследования истории отечественной журналистики // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2009. № 1. С. 118–129.

¹⁰⁴ Бик-Булатов А. Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 169–178.

¹⁰⁵ Варакин В. С. Генезис журналистики в России: проблемы установления начальных координат // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 100–123.

лингвоконцептологии и истории понятий В. В. Виноградова¹⁰⁶, В. И. Карасика¹⁰⁷, Г. В. Дуриновой¹⁰⁸, Н. Е. Копосова¹⁰⁹, Д. В. Тимофеева¹¹⁰, М. В. Калашникова¹¹¹, В. М. Живова¹¹² и др., тематические научные сборники, посвященные теоретическим основам исследования общественно-политического дискурса в исторической ретроспективе¹¹³, труды по истории

---

¹⁰⁶ Виноградов В. В. История слов / отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М., 1999; Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–34.

¹⁰⁷ Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. Изд. 2-е., доп. М., 2008. С. 127–155; Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. С. 130–159.

¹⁰⁸ Дуринова Г. В. Слово как объект исторической семантики: «гражданин» и «общество» в русском языке второй половины XVIII в. – первой трети XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

¹⁰⁹ Копосов Н. Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4. С. 31–39.

¹¹⁰ Тимофеев Д. В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 184–191.

¹¹¹ Калашников М. В. Идеологема. Концепт? Понятие! (К вопросу о минимально значимой единице исследования в рамках историко-семантического анализа) // Стены и мосты – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 124–133.

¹¹² Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009, С. 10-19.

¹¹³ «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1–2. М.: НЛЮ, 2012; Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009.; Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. СПб.: Алетейя, 2006.; Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. Москва: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013.; Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005.

философии русского консерватизма М. Ю. Чернавского¹¹⁴, А. Ю. Минакова¹¹⁵, В. Я. Гросула¹¹⁶, Л. Е. Шапошникова¹¹⁷ и др.

Хронологические рамки исследования соответствуют пореформенному периоду истории России (1861–1905 гг.).

Эмпирическую базу исследования составляют следующие группы источников:

1) делопроизводственные материалы цензурного ведомства и учреждений, с деятельностью которых были связаны события социально-политического контекста журналистского дискурса изучаемого периода;

2) публикации наиболее влиятельных публицистов и изданий консервативного направления в журналистике пореформенной России. Формирование этого раздела эмпирической базы требует особо оговорить соотнесенность тех или иных изданий и публицистов с консервативным направлением общественно-политической мысли. Сложность доктринального определения идейной платформы изданий и издателей связана с двумя аспектами: во-первых, с упоминавшейся выше терминологической непроясненностью границ консервативного учения и идеологически обусловленными абберациями советской историографии; во-вторых, с ходом индивидуальной мировоззренческой эволюции изучаемых публицистов. М. Н. Катков начинал как умеренный либерал и только со временем пришел к консервативным взглядам, юношеский либерализм И. С. Аксакова был еще более ярко выраженным, чем у Каткова, да и первые периодические издания почвенников затруднительно уверенно отнести к консервативному направлению.

---

¹¹⁴ Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004.

¹¹⁵ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2011.

¹¹⁶ Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

¹¹⁷ Шапошников Л. Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX-XXI веков. СПб, Издательство СПбГУ, 2006.

В ходе данного исследования мы использовали как базовый критерий принадлежности к консервативному направлению следование основной идейной формуле консерваторов «Православие. Самодержавие. Народность», поэтому причисляли к консервативному направлению тех, кто обозначал свое вероисповедание как православное и, следовательно, опирался на православную догматику как на основу философских взглядов, поддерживал монархическое правление в России и являлся сторонником государственного развития в русле национальной традиции, а не ориентации на инокультурные образцы общественной жизни. Необходимо отметить, что общая ориентированность на следование перечисленным консервативным постулатам не означала полного единства в вопросах их практической реализации. Изучаемые публицисты расходились во многих деталях осмысления конкретной политической практики, тем не менее, концептуальное ядро их мировоззрения было общим. Также отметим, что акцент в изучении делался только на те публикации, которые относились к зрелому периоду творчества изучаемых авторов, когда система консервативных взглядов ими манифестировалась отчетливо и непротиворечиво. Таким образом, в фокусе нашего внимания оказываются, прежде всего, «Русский вестник» и «Московские ведомости» М. Н. Каткова (после 1863 г.), «День», «Москва» («Москвич» в период приостановки «Москвы») и «Русь» И. С. Аксакова, «Гражданин» и «Добряк» В. П. Меццеского, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова. Для разъяснения тех или иных аспектов эволюции взглядов изучаемых авторов как вспомогательный материал привлекались отдельные публикации более раннего периода.

Отдельно следует оговорить также тот факт, что в силу постановки вопроса о влиянии коммуникативных практик на распространение и закрепление транслируемых концептов в фокусе исследования находятся только те журналисты консервативного направления, которые являлись издателями, т.е. самостоятельно формировали и реализовывали

коммуникативные стратегии, и не зависели в выборе формы выражения своих идей от редакционной политики, определяемой иными лицами.

3) источники личного происхождения: эпистолярное наследие ключевых фигур русской консервативной журналистики, общественных и политических деятелей изучаемого периода, их мемуары и воспоминания.

Составление эмпирической базы исследования потребовало обращения к следующим архивным фондам:

– Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): фонд 109 (Третье отделение СЕИВК), фонд 1718 (М. Н. Катков), фонд 1162 (Министерство внутренних дел);

– Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ): фонд 418 (Московский Императорский университет), фонд 31 (Московский цензурный комитет);

– Отдел рукописей ИРЛИ РАН «Пушкинский дом»: фонд 318 (Е. М. Феокистов).

Апробация результатов исследования

Основные положения исследования были представлены научному сообществу и обсуждались в рамках научных конференций международного и всероссийского уровня:

1. Иллюстрированный еженедельник «Радуга» (1883 г.) в системе консервативно-монархической печати // Международная научно-практическая конференция «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2014 г.).

2. Первая мировая война как предчувствие: провиденциальные мотивы в русской публицистике конца XIX века // Международная научная конференция «Россия в Первой мировой войне: анализ события сквозь призму письменных источников и произведений искусства» (Ницца, 11–16 ноября 2014 г.).

3. Публицистика Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского в общественном диалоге по вопросу о судебной реформе (1860–70гг) //

Международная научно-практическая конференция «Журналистика в 2014 г.» (Москва, 9–11 февраля 2015 г.).

4. «Всесветная революция» и «польская интрига» в публицистике М. Н. Каткова // «Медиа в современном мире. 55-е Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2016 г.)

5. К цензурной истории «Записки о древней и новой России» // Круглый стол «Н. М. Карамзин и традиции русской журналистики» (Санкт-Петербург, 18 октября 2016 г.).

6. «Московские ведомости» в 1887 г.: как решалась судьба газеты после смерти М. Н. Каткова // Международная научно-практическая конференция «Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, 7 февраля 2017 г.).

7. «Сохранить полное спокойствие в оценке деятельности покойного публициста...» (Цензурная судьба биографии М. Н. Каткова в Биографической библиотеке Ф. Павленкова). // Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия: международная научно-практическая конференция (Москва, 5–7 февраля 2018 г.).

8. Либеральные и консервативные издания конца XIX в. в полемике о дарвинизме // Медиа в современном мире: 57-е Петербургские чтения (Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2018 г.).

9. «Полемика в русской прессе второй половины XIX в. о государственной деятельности гр. М. Н. Муравьева-Виленского» // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие (к 200-летию со дня рождения Александра II) (Санкт-Петербург, 24–25 мая 2018 г.).

10. Проблемы веротерпимости в публицистике М. Н. Каткова // Заседание «Византийского кабинета» Православной Духовной Академии (Санкт-Петербург, 9 ноября 2018 г.).

11. «Между царем и народом» – феномен бюрократии в оценке русской консервативной публицистики второй половины XIX в. // Стратегические

коммуникации в бизнесе и политике: VI Международная Научно-практическая конференции (Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2018 г.).

12. Проблемы экономики в осмыслении русских консервативных публицистов второй половины XIX в. // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия (Москва, 6–8 февраля 2019 г.).

13. Мотивы «Заката Европы» в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова // Медиа в современном мире: 58-е Петербургские чтения (Санкт-Петербург, 16–19 апреля 2019 г.).

14. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // XLII Международные научные чтения «Н. Г. Чернышевский и его эпоха»: (к 100-летию Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского) (Саратов, 23–24 октября 2020 г.).

15. «Образ Петра Великого на страницах русской журналистики в период наполеоновских войн (на примере «Русского вестника» С. Н. Глинки) // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения (Санкт-Петербург, 9–12 ноября 2020 г.).

16. Реформы Петра Великого и русская бюрократия в трактовке М. Н. Каткова // Медиа в современном мире: 60-е Петербургские чтения (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.).

17. «...С самого Петра, мы, бюрократия, составляем в государстве все...» – русская консервативная журналистика о бюрократии как детище петровской реформы // II международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.»: (К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи) (Москва, 5–6 октября 2021 г.).

18. Журнал В. П. Мещерского «Добряк» – к характеристике формата. // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия: к 70-летию факультета журналистики и 75-летию журналистского образования в МГУ (Москва, 3–5 февраля 2022 г.).

19. «Отрицательное направление» русской литературы как результат реформ Петра Великого – трактовка Н. П. Гилярова-Платонова // «Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 г.).

Результаты исследования отражены в публикациях:

А) в журналах, включенных в список ВАК по специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (ранее – 10.01.10 «Журналистика») и в базах данных Scopus и Web of Science Core Collection:

1. Кругликова О. С. «Московские ведомости» М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860-1870-х гг. // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 56. № 23. С. 205–209.

2. Кругликова О. С. Обсуждение вопроса о русификации иноэтнических окраин Российской Империи в московской консервативной печати 1860-х гг. // Медиаскоп. 2016. № 4. С. 13–18.

3. Кругликова О. С. Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 4. С. 1015–1030.

4. Кругликова О. С. Издания русского пореформенного консерватизма в оценке современных исследователей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 191–199.

5. Кругликова О. С. Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 4. С. 664–675

6. Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. //

Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5. С. 101–118.

7. Кругликова О. С. «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 2. С. 252–264.

8. Кругликова О. С. «Сохранить полное спокойствие в оценке деятельности покойного публициста»: к характеристике дореволюционной историографии М. Н. Каткова // Меди@льманах. 2018. № 3(86). С. 100–105.

9. Кругликова О. С. М. Н. Муравьев-Виленский в оценке русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Медиаскоп. 2019. № 1. С. 10.

10. Кругликова О. С., Сони́на Е. С. Специфика вербально-визуального бытования метафоры «окно в Европу» в русской журналистике XIX – начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 53–79.

11. Кругликова О. С. Образ Петра I на страницах журнала «Современник» в эпоху великих реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 111–115

12. Kruglikova O. S., Marchenko A. N., Sonina E. S., Shcherbakova G. I. Reforms of Peter the Great as a Precedent Phenomenon for Russian Digital Modernization // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, St. Petersburg, 14 апреля 2021 года. St. Petersburg, 2021. P. 177–180.

13. Кругликова О. С. «Истолковать явление Петра из законов развития идеи...» – размышления о Петре Великом в публицистике А. И. Герцена // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 218–228.

14. Кругликова О. С. Иллюстрированный журнал кн. В. П. Мещерского «Добряк» в контексте развития консервативной журналистики второй половины XIX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 3. С. 132–151.

15. Кругликова О. С., Силантьев К. В. «Еженедельник «Жизнь и суд» (1911–1917 г.) в контексте типологических трансформаций прессы начала XX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 5. С. 115–138.

16. Кругликова О. С. Журналистский мир Петербурга в карикатурах журнала «Добряк» (1882 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 137–142.

Б) в журналах, включенных в список ВАК по другим смежным специальностям:

1. Кругликова О. С. Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1863–1887 годы): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 71–88.

2. Кругликова О. С., Шаповалова К. А. Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын: преемственность идей в публицистике // Тетради по консерватизму. 2019. № 1. С. 103–117.

3. Кругликова О. С. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина и «Русский вестник» С. Н. Глинки о Петре Великом: созвучия и диссонансы // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 123–131.

4. Кругликова О. С. Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке русских консервативных публицистов пореформенной эпохи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 150–169.

5. Кругликова О. С. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3(10). С. 119–128.

6. Кругликова О. С., Битюцкая В. В. Религиозно-нравственные смыслы публицистики А. И. Солженицына // Ортодоксия. 2023. № 1. С. 132–155.

Структура работы обусловлена задачами исследования, состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе рассматривается вопрос о философских основаниях русского консерватизма, выявляются и интерпретируются в контексте социально-политических процессов второй половины XIX в. ключевые концепты русской консервативной журналистики. Во второй главе анализируются коммуникативные практики русской консервативной журналистики, рассматривается вопрос о степени их эффективности с точки зрения влияния на социально-политические процессы эпохи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общественно-политический дискурс каждой исторической эпохи оперирует определенным набором ключевых слов, значение которых изменяется со временем, поэтому для адекватной интерпретации содержания общественно-политического диалога в исторической ретроспективе необходимо изучить специфику смыслового наполнения понятийного аппарата эпохи, в то время как попытка оперировать современными исследователю значениями слов, употреблявшихся деятелями прошлого, неизбежно приводит к интерпретационным искажениям;
2. Борьба конкурирующих философских и политических доктрин за доминирование в общественном сознании происходит путем разъяснения и закрепления в публичном дискурсе свойственных транслируемой ими философии понятийных значений ключевых слов эпохи. При этом необходимо отметить, что, поскольку смысловое ядро любой идеологии составляет набор системообразующих метафор, то и диалог относительно базовых концептов той или иной идеологической модели неизбежно носит

метафорический характер, поэтому выявление и интерпретация ключевых концептов того или иного общественно-политического течения может осуществляться только через глубокое погружение в социокультурный контекст изучаемого периода;

3. Русский консерватизм как философское и политическое учение, являясь по своей сути осознанным традиционализмом, в каждый исторический период развития максимально полно являет себя через противостояние актуальному модернизационному вызову, поэтому основные концепты русского консерватизма в пореформенную эпоху – «Православие. Самодержавие. Народность» – формируются в диалогическом противопоставлении ключевым концептам либеральной идеологии «Свобода! Равенство! Братство!» и содержат в себе их имплицитно транслируемое опровержение;
4. Ключевые концепты русского консерватизма, сформированные в общественно-политическом диалоге пореформенной России, оказались продуктивны и жизнеспособны в политической практике, но не были доминирующими в общественно-политическом дискурсе, что ставит принципиальный вопрос об эффективности коммуникативных практик тех общественных деятелей, которые стремились развить и упрочить философско-политическое учение русского консерватизма;
5. Коммуникативные практики русских журналистов консервативного направления в пореформенный период представляют разнообразие подходов и стратегий, хотя по большей части оказываются неэффективны. Основной причиной неэффективности коммуникативных практик консерваторов является особенность общественного расслоения пореформенной России, исключавшая низшие слои населения из участия в публичном общественном диалоге, а также специфика бюрократической системы управления.

Основные научные результаты:

1. Показан специфический характер русского публичного дискурса второй половины XIX в., обусловленный тем, что оппоненты, используя одни и те же слова, не только наполняли их различным смыслом, но старались сделать так, чтобы в употребляемых ими понятиях имплицитно транслировалось опровержение альтернативных трактовок, тем самым поставлен вопрос о том, в какой мере вообще можно говорить о существовании общего для всех участников публичного дискурса этого периода социально-политического языка;
2. Выявлены и проанализированы ключевые концепты русского консерватизма, отраженные в прессе пореформенной эпохи¹¹⁸, показана специфика их осмысления в публицистическом наследии отдельных представителей консервативного направления¹¹⁹ в русской публицистике, проявлена диалогическая противопоставленность их базовым концептам либеральной идеологии¹²⁰;
3. Исследовано влияние на общественно-политический дискурс пореформенной России модернизационного вызова петровской

---

¹¹⁸ Кругликова О. С. Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке русских консервативных публицистов пореформенной эпохи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 150–169.; Кругликова О. С. Обсуждение вопроса о русификации иноэтнических окраин Российской Империи в московской консервативной печати 1860-х гг. // Медиаскоп. 2016. № 4. С. 13–18.;

¹¹⁹ Кругликова О. С. Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 4. С. 664–675.

¹²⁰ Кругликова О. С. М. Н. Муравьев-Виленский в оценке русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Медиаскоп. 2019. № 1. С. 10.; Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5. С. 101–118.; Кругликова О. С., Шаповалова К. А. Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын: преемственность идей в публицистике // Тетради по консерватизму. 2019. № 1. С. 103–117.

эпохи¹²¹, показана важная роль осмысления петровских реформ и образа царя-преобразователя в формировании концепции русского консерватизма в начале XIX в.¹²² и в пореформенный период¹²³ (Личное участие диссертанта в получении указанных результатов составляет 70%);

4. Реконструированы и проанализированы коммуникативные практики ведущих представителей русской пореформенной журналистики консервативного направления – М. Н. Каткова¹²⁴, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова¹²⁵, В. П. Мещерского,

---

¹²¹ Кругликова О. С., Сони́на Е. С. Специфика вербально-визуального бытования метафоры «окно в Европу» в русской журналистике XIX – начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 53–79.; Кругликова О. С. Образ Петра I на страницах журнала «Современник» в эпоху великих реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 111–115.; Kruglikova O. S., Marchenko A. N., Sonina E. S., Shcherbakova G. I. Reforms of Peter the Great as a Precedent Phenomenon for Russian Digital Modernization // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, St. Petersburg, 14 апреля 2021 года. St. Petersburg, 2021. P. 177–180.

¹²² Кругликова О. С. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина и «Русский вестник» С. Н. Глинки о Петре Великом: созвучия и диссонансы // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 123–131.

¹²³ Кругликова О. С. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3(10). С. 119–128.; Кругликова О. С. «Истолковать явление Петра из законов развития идеи...» – размышления о Петре Великом в публицистике А. И. Герцена // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 218–228.

¹²⁴ Кругликова О. С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М. Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-2. С. 248–255.; Кругликова О. С. «Московские ведомости» М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860-1870-х гг. // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 56. № 23. С. 205–209.; Кругликова О. С. «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 2. С. 252–264.; Кругликова О. С. «Сохранить полное спокойствие в оценке деятельности покойного публициста»: к характеристике дореволюционной историографии М. Н. Каткова // Меди@льманах. 2018. № 3(86). С. 100–105.; Кругликова О. С. Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1863–1887 годы): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 71–88.

¹²⁵ Кругликова О. С. Издания русского пореформенного консерватизма в оценке современных исследователей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 191–199.

Н. П. Гилярова-Платонова¹²⁶. В том числе впервые проанализирована визуальная составляющая журналистики консервативного направления, изучен феномен иллюстрированных журналов консерваторов в контексте становления типа иллюстрированного еженедельника в пореформенной России и развития обозначенных тенденций в начале XX в¹²⁷.

5. Обозначено принципиальное значение для степени эффективности коммуникативных практик консерваторов того факта, что издатели консервативного направления во многом шли наперекор ожиданиям большинства читательской аудитории, осуществив попытку в период кризиса религиозного сознания, которым характеризовалась пореформенная эпоха в России, вернуть сакральное в сферу политического и отталкиваться от православной христианской парадигмы в формировании общественно-политических взглядов;
6. В методологическом отношении показана продуктивность применения методологии историко-семантического анализа для интерпретации общественно-политического дискурса в исторической ретроспекции¹²⁸.

---

¹²⁶ Кругликова О. С. Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 4. С. 1015–1030.

¹²⁷ Кругликова О. С. Иллюстрированный журнал кн. В. П. Мещерского «Добряк» в контексте развития консервативной журналистики второй половины XIX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 3. С. 132–151.; Кругликова О. С. Журналистский мир Петербурга в карикатурах журнала «Добряк» (1882 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 137–142.; Кругликова О. С., Силантьев К. В. «Еженедельник «Жизнь и суд» (1911–1917 г.) в контексте типологических трансформаций прессы начала XX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 5. С. 115–138.

¹²⁸ Кругликова, О. С. Размышления о методе: историко-семантический анализ в исследованиях по истории журналистики // Русская публицистика: эволюция идей и форм: Сборник статей / Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. – Санкт-Петербург: Издательство Алетей, 2021. С. 55-72.

Глава 1. Ключевые концепты русского консерватизма в прессе пореформенной России

§ 1.1 Идеиные доминанты русского пореформенного консерватизма

Латинский термин *консерватизм* происходит от слова «хранить, сохранять». В русском языке XIX в. ему максимально полно соответствует термин *охранительство*, который часто использовался русскими консерваторами для политической самоидентификации. Идеей сохранения традиции, лежащей в основе консерватизма, объясняется то, что консервативные концепции не в своей идейно-философской основе, а в представлениях о политической практике и общественной жизни, в отличие от различных модификаций либеральной идеологии, всегда имеют выраженный национальный характер, несут на себе печать исторического опыта и ментальности той нации, которой они порождены.

Основополагающим принципом консерватизма является антирационализм, обращение к иррациональному началу в мире и человеке, неременная апелляция к религии. М. Ю. Чернавский отмечает, что консервативная философия вообще возможна только с опорой на одну из монотеистических мировых религий, причем исключительно в их ортодоксальном формате, не тронутым веяниями реформации¹²⁹. Таким образом, в основе консервативной философии могут лежать только католицизм, православие или ислам.

Гносеологический пессимизм, свойственный философии консерватизма, определяет установку консерваторов на ограниченность познавательных возможностей человека и как следствие невозможность построить гармоничную модель общества, основываясь на любых теоретических концепциях, порожденных несовершенным человеческим

---

¹²⁹ Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004.

разумом. Консерватизм – это антиутопическая философия, направленная на противостояние идеям социалистов-романтиков о возможности создать на рациональных началах общество социальной справедливости.

Антропологический пессимизм, являвшийся еще одним логическим следствием религиозного мировоззрения консерваторов, – также важная черта, свойственная любой консервативной философии. Либеральная философия и учения социалистов проистекали, в сущности, из руссоизма, априорно провозгласившего, что «человек по природе добр». Развитие этого тезиса приводило к тому, что нравственная природа «естественного человека», т.е. человека, не извращенного ложными понятиями, навязанными ему неправильно устроенным обществом, изначально гармонична, и путь человечества к всеобщему счастью лежит в направлении эмансипации естественного человека от ограничений, налагаемых обществом, от общественных предрассудков, возвращение природной нравственной чистоты, пребывая в которой, человек победит зло в мире уже окончательно и навсегда.

Противостоявшие этой концепции консерваторы были крайне скептически настроены по отношению к тезису о природной доброте и совершенстве человека, указывая на то, что природа человека дуалистична, в нем есть начало добра, Божеское начало, но есть в нем и начало дьявольское.

Н. В. Полякова справедливо полагает, что решение вопроса о природе человека составляет идейную сердцевину, отправную точку построения любых политических концепций: «в целом все политические теории предполагают, сознательно или бессознательно, аргументировано или аксиоматично, что человек либо “от природы добр”, либо “от природы зол”»¹³⁰. Действительно, в значительной мере вся идейная борьба между консерваторами и сторонниками либерализма сводится к «борьбе

---

¹³⁰ Полякова Н. В. Антропология российского консерватизма // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб., 2006. С. 252–253.

“оптимистического рационализма” с “пессимизмом христианского мифа”»¹³¹, где сторонники идеи естественной гармонии человеческой природы противостоят последователям религиозной идеи, отталкивающимся от постулата о первородном грехе, навсегда искажившем природу человека.

Наиболее резко и безапелляционно принцип антропологического пессимизма как основа политического мировоззрения декларируется в публицистике В. П. Мещерского. Признавая, как и все консерваторы, двойственную природу человека, наличие в нем двух существ – желающего добра и желающего зла – Мещерский убежден в господстве последнего: «С тех пор, как я себя помню, я знал, что человек – зверь. Человек есть зверь, и зверь лютее всех лютых зверей на земном шаре. Человек ужасен не только тем, что он злее всякого зверя, но тем, что мораль свою применяет к своим зверствам и ею оправдывает себя»¹³².

В то время как сторонники руссоизма следовали логике «исправьте общество, и исправится человек», религиозные консерваторы настаивали на том, что единственный путь исправления общества – духовное самосовершенствование каждого из его членов. Зло имманентно природе человека с момента грехопадения, а внутренняя борьба добра и зла, постоянно совершающаяся в человеке, и есть, собственно, духовная жизнь индивидуума. Один из ведущих мыслителей русского консерватизма второй половины XIX века Н. П. Гиляров-Платонов вопрошал: «откуда явилось ложное представление, что внешний прогресс (а он всегда есть внешний) способен улучшить человечество? (...) Внутренняя природа человека остается все та же век от века, и подвиг самосовершенствования принадлежит каждому лично, и каждый внук и правнук должен всегда начинать с того же, с чего дед и прадед»¹³³.

---

¹³¹ Там же. С. 254.

¹³² Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1891. № 53 С. 3.

¹³³ Гиляров-Платонов Н. П. Собрание сочинений в 2 т. М.: Изд-во К. П. Победоносцева, 1899. Т. 1. С. 192.

Консерваторы никогда не верили в то, что можно построить справедливое общество на рациональных основаниях, ибо человек по своей природе никогда не был рациональным существом. Мир героев Достоевского наглядно демонстрирует глубину внутренних противоречий и титаническую духовную борьбу, протекающую в человеке. Гиляров-Платонов также развивал эту мысль: «Назло всем системам на свете, в человеческой природе есть бездна непоследовательности, уходящей от всякого искусственного построения законов человеческой жизни, и тем самым обличающей их искусственность»¹³⁴. Идея о существовании рациональных, формализуемых законов общественного бытия – общежития – многократно опровергается консерваторами. «Общежитие идет, не заботясь о рацеях, которые ему читают. Оно не полк, дающий себя муштровывать воинским артикулом», – пишет Гиляров-Платонов¹³⁵.

Консерваторы предрекали, что попытка в корне преобразовать общество на рациональных началах потребует переустройства духовной природы человека, что приведет со всею неизбежностью к страшному и тотальному насилию «эмансипаторов» над «освобожденным» человечеством. Эту же мысль развивал в своих работах и Константин Леонтьев: «подвижный строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипированный прогресс XIX века, (...) должен привести или к всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ, на совершенно новых, и вовсе уж не либеральных, а напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, – в виде жесточайшего подчинения лиц (...) общинам, а общин – государству»¹³⁶. Причем К. Леонтьев дает такой прогноз развития общества не

---

¹³⁴ Гиляров-Платонов Н. П. Собрание сочинений в 2 т. М.: Изд-во К. П. Победоносцева, 1899. Т. 1. С. 25–26.

¹³⁵ Там же. С. 173.

¹³⁶ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философия, политика и публицистика: Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. С. 337.

применительно к абстрактному будущему, а даже довольно точно и провидчески указывает время, когда это случится, отмечая, что «замесят» эту новую культуру «люди столь близкого уже XX века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных»¹³⁷.

Стремление к устройству общества без изъянов и водворению в нем людей без пороков рассматривалось консерваторами как попытка построения царства Божия на земле, как новая Вавилонская башня, посягновение на борьбу с Богом, горделивая претензия человека на равенство с Творцом. Философские искания консерваторов в своих главных постулатах «содержали одновременно предостережения от недооценки величия мироздания и от абсолютизации возможностей человека при излишнем оптимизме в понимании его природы»¹³⁸.

При этом важно понимать, что отрицание возможности и необходимости коренного переустройства общества на рациональных основаниях вовсе не означало для консерваторов противодействия всякому изменению в существующем порядке вещей – они полагали, что общество может и должно совершенствоваться, изменяться. «Плохие те консерваторы, которые имеют своим лозунгом status quo, как бы оно ни было гнило», – писал один из идеологов русского консерватизма М. Н. Катков¹³⁹. Разница в реформаторских устремлениях консерваторов и сторонников коренных преобразований заключалась лишь в том, что консерваторы предлагали принимать как данность, что общественное зло, несмотря на любые преобразования, в той или иной форме будет существовать всегда, ибо его существование обусловлено самой природой человечества: «никакое человеческое дело не изъято от ошибок и злоупотреблений и никакие

---

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Полякова Н. В. Антропология российского консерватизма // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб., 2006. С. 258.

¹³⁹ Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 39.

учреждения не могут обеспечить от них»¹⁴⁰, а потому «чуткий, понимающий себя консерватизм не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересе своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-нибудь существенного»¹⁴¹. Задачу общества и власти они видели в постоянной терпеливой борьбе с общественными изъятиями, но без самонадеянной и утопической уверенности в том, что полное разрушение основ существующего порядка может породить гармоничное общество и безгрешное человечество.

Представители консервативного образа мыслей в России, как правило, не только не чуждались реформ, но и были их активными участниками, тому можно привести множество примеров – это и работа крупных землевладельцев славянофилов Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева в комиссиях по подготовке крестьянской реформы, и реформаторская деятельность М. Н. Муравьева-Виленского в Привислинском крае, и масштабная технологическая модернизация страны под руководством П. А. Столыпина. Для консерваторов было важно отделить то, что должно быть сохранено, что составляет сердцевину самобытной русской жизни, от того, что мешает этой самобытности развиваться и, следовательно, должно быть реформировано.

Итак, глубинная философская основа, из которой проистекают все без исключения консервативные концепции, – это вера в Бога и опора на ортодоксальную религию, гносеологический и антропологический пессимизм, естественным следствием которых является стремление к сохранению исторической традиции. В этой точке консервативные концепции уже дифференцируются по национальному признаку, ибо традиции, которые необходимо хранить, всегда обусловлены конкретной историей конкретного

---

¹⁴⁰ Там же. С. 441.

¹⁴¹ Там же. С. 38.

народа. Если в основе либерализма, социализма, коммунизма изначально лежат космополитическое восприятие «всечеловечества» и идея о необходимости преодоления патриотизма как пережитка прошлого, а следовательно, учения эти будут исповедовать неизменно одинаковые ценности, в какой бы точке земного шара ни родились их апологеты, то консерватизм тесно связан с понятиями нации и патриотизма, поэтому свои ценности и задачи консерватизм в каждой стране будет формулировать по-своему.

Важно также отметить еще одну отличительную черту консерватизма. В историографии советского периода консерватизм часто маркировался как реакционная философия. В рамках марксистско-ленинского подхода понятие *реакционный* имело негативное звучание, поскольку реакционеры противостояли либеральным и социалистическим преобразованиям, мыслившимся как единственно возможный путь прогресса, и потому являлись воплощением социального зла. Но если отрешиться от оценочных коннотаций и обратиться к исходному значению слова *реакционный*, т.е. ‘являющийся реакцией на внешний стимул или угрозу’, необходимо признать, что консервативная философия объективно является реакционной – и не может быть иной. Традиция есть не что иное, как квинтэссенция опыта многих поколений, это знание, возникшее из практического познания мира, но закрепленное как общепризнанное суждение, некритически принимаемое следующими поколениями. Традиция имеет свойство закрепляться и устойчиво воспроизводиться в социальных практиках многих поколений, и до той поры, пока ей ничего не угрожает, она не нуждается в рациональной рефлексии.

Если общество более или менее едино в следовании устоявшимся схемам, т.е. внутри него нет количественно значимой группы, нацеленной на упразднение устоявшихся социальных практик, и нет внешнего агрессивного вмешательства с целью их изменения, то традиция существует как данность и не нуждается в том, чтобы ясно артикулировать себя в поле рационального.

Попытка сформулировать, зафиксировать и обосновать сущность традиции проявляется как защитная реакция в период интенсивной модернизации¹⁴², поэтому консервативная философия всегда реакционна и развивается в полемическом ключе как противодействие экспансии новых социальных практик, воспринимаемых как угроза традиции. Поэтому, анализируя любую национальную модификацию консервативной мысли, необходимо ответить на два главных вопроса: что именно она хранит и чему именно она противостоит, т.е. реакцией на какую угрозу она является.

Первые ростки идей русского консерватизма в зачаточном виде возникают как реакция общества на насильственную вестернизацию, производившуюся Петром Великим. Стремительное насаждение в быту, в культуре, в некоторых сферах общественной жизни западноевропейских моделей, принимаемых без адаптации и зачастую даже без серьезной рефлексии, вызвало естественную реакцию самосохранения со стороны национальной исторической традиции и культуры. Правда, за неимением институциональных форм выражения, реализовалась она весьма своеобразно, в единственно доступной версии общественного протеста, которую можно было бы характеризовать как последовательный саботаж народом реформаторских инициатив власти.

Екатерининская эпоха носила двойственный характер. Стремясь, особенно в начале правления, встроить Россию в ментальный ландшафт Европы¹⁴³, императрица внешне декларировала приверженность просветительским культурным образцам, а в политической практике искала возможности примирить эти идеалы с «туземными прецедентами»¹⁴⁴. Однако

---

¹⁴² Kruglikova O. S., Marchenko A. N., Sonina E. S., Shcherbakova G. I. Reforms of Peter the Great as a Precedent Phenomenon for Russian Digital Modernization // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, St. Petersburg, 14 апреля 2021 года. St. Petersburg, 2021. P. 177–180.

¹⁴³ Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹⁴⁴ Моряков В. И. Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 3. С. 9–26.

нельзя, на наш взгляд, согласиться с широко распространенным в советской историографии мнением о расчётливом двуличии императрицы, обольщавшей общество несбыточными обещаниями одновременно с укреплением консервативной модели правления. На наш взгляд, помимо идеологических установок марксизма, на формирование такого мнения советских историков повлияло и игнорирование динамического аспекта развития просветительской философии.

Среди философов-просветителей, в сущности, только Руссо можно отнести к последовательным сторонникам атеизма и республиканизма, в целом же просветители придерживались различных модификаций монархической системы, допуская различные формы ее ограничения, и то с учетом национальных особенностей государствообразующего народа. В этом отношении Екатерину II, программный документ правления которой, знаменитый «Наказ», во многом строился на трудах Монтескье, Дидро и Беккариа, можно считать довольно последовательной приверженицей провозглашенных ими идеалов.

Однако позднейшие исследователи смотрели на правление Екатерины II глазами того времени, когда об эпохе и философии Просвещения принято было судить через призму свершившейся революции, т.е. понимая социальную философию Просвещения в ее наиболее радикальной форме. Отметим, что французская революция, действительно проистекавшая в идейном смысле из философских исканий Просвещения, далеко не сразу провозгласила те радикальные требования, которые стали для потомков ее символом. Начав с требований свободы, собственности и безопасности, обозначенных в Декларации прав, она только в период максимальной радикализации провозгласила устами Робеспьера свой тройственный лозунг «Свобода! Равенство! Братство!», в памяти потомков неизбежно ассоциированным с кровавым якобинским террором, отсвет которого ретроспективно распространился и на всех философов эпохи Просвещения.

Философия и политическая практика Екатерины II действительно соотносилась с наиболее умеренными концепциями философов-просветителей, при этом она, вполне в духе деклараций Монтескье, выбрала из их трудов те элементы, которые, с ее точки зрения, соответствовали географическому положению, климату, духу и характеру управляемого народа. Ясно видя пропасть между теоретическими построениями и управленческими реалиями, она стремилась, насколько возможно, примирить их, будучи в течение своего длительного правления самой последовательной устроительницей той модели государственного управления, которая будет одним из идеальных образцов для русских консерваторов.

Ключевым стимулом к развитию русской консервативной мысли стало не постепенное распространение идей французского Просвещения на уровне салонных бесед и круга чтения образованной части общества, а именно период Великой Французской революции, ставшей как бы реализацией философской теории в политической практике и поставившей перед русским обществом острые вопросы не только о форме политического устройства страны, но и о характере миропорядка в целом. Переосмысление политической практики проистекало из необходимости противостояния «безбожию XVIII в.», постепенно распространявшемуся через влияние идей французских просветителей на западноевропейскую и русскую философию: «первыми уроками французского, которые услышал народ, – писал Жозеф де Местр, – стали богохульства»¹⁴⁵.

Против распространения атеистических воззрений восстали Рене де Шатобриан и Жозеф де Местр во Франции, Эдмунд Бёрк – в Великобритании, философы романтической политической школы – в Германии (Новалис, Шлегель). Однако особенностью формирования русского консерватизма было то, что он обретал отчетливые контуры в период не только идейного, но и прямого военного противостояния с Францией, что, безусловно, наложило

---

¹⁴⁵ Местр Ж. М. де, Петербургские письма: [1803–1817] / сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1995. С. 162.

свой отпечаток на философские суждения консерваторов. Период наполеоновских войн стал отправной точкой для формирования русской консервативной политической доктрины. После блестящих военных побед петровского и екатерининского царствований череда оскорбительных поражений в наполеоновских войнах ударила по национальной гордости русских и поставила вопрос о судьбе и миссии русского народа.

Обращение к национальной традиции, национальному языку и национальной истории оказалось спасительным в период Отечественной войны 1812 г., когда нараставший внешнеполитический кризис на фоне многих внутренних неурядиц поставил перед властью задачу консолидации общества. Обращение императора за поддержкой к партии русских патриотов было политически неизбежным шагом, хотя сам он лично не был сторонником консервативного курса, а ко многим его представителям питал глубокую антипатию. Государю был несимпатичен Ф. В. Ростопчин, бывший сторонником Павла I и не скрывавший своей позиции относительно совершенного царубийства, ему также был неприятен Н. М. Карамзин, раздраживший государя острой критикой его внешнеполитического курса в первом манифесте русских консерваторов – «Записке о древней и новой России». Но события заставляли Александра опираться на консерваторов, потому что выиграть войну иначе было невозможно.

Победа в Отечественной войне на некоторое время укрепила позиции русских консерваторов, однако европейский поход русской армии и все более глубокое проникновение просвещенческих идей в среду русской военной элиты изменили идейную картину эпохи и привели к декабрьскому вооруженному восстанию в начале правления Николая I. Перед новым императором стояла сложнейшая задача ясно артикулировать национальную идеологию. Крайний патриотизм с резкой националистической риторикой был не только уместен, но неизбежен во время войны, теперь же необходимо было искать разумный баланс и, преодолев «невежественную национальную гордость», создать «просвещенную национальную гордость».

Дворянство, до войны 1812 г. не желавшее знать обычаев своего народа, во время военных бедствий столь же страстно бросилось учить русский язык, как полгода прежде стремилось отработать безупречный парижский выговор. Оказавшись народом-спасителем Европы и столкнувшись с европейской жизнью не по книгам, а воочию, русская интеллектуальная элита вновь озаботилась тем, чтобы быть как можно более европейцами, хотя не вполне забыла горький урок опасного пренебрежения своими корнями и традициями. Русская культура 1820-30-х гг. мучилась разрешением вопросов «Кто такие русские, каково их место в мировой культуре и истории, кем надлежит им быть в дальнейшем, как реализовать свою историческую миссию, и есть ли она вообще?» Философические письма П. Я. Чаадаева и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «История государства российского» Н. М. Карамзина и «История русского народа» Н. А. Полевого стремятся дать свои ответы на эти вопросы.

Параллельно тому, как шел духовный поиск русского общества, искало прочной идейной опоры и государство. Возглавивший в 1833 г. министерство народного просвещения граф С. С. Уваров уже в самых ранних своих работах, посвященных размышлениям о принципах правильно устроенного государственного образования, отмечал, что основой всей системы обучения должен стать курс отечественной истории, ибо «в народном воспитании преподавание истории есть дело государственное», причем преподаваться она должна по книге того писателя, который способен был бы «избрать достоверное и полезное, и сообразить оное с предполагаемою целью правительства»¹⁴⁶. Это показывает, с одной стороны, становление идеи воспитания у юношества представлений о человеке и обществе, основанных на изучении русской истории и ведущих к гармоничной адаптации европейских представлений о политической системе к реалиям русского

---

¹⁴⁶ Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. Режим доступа: http://dugward.ru/library/uvarov/uvarov_o_prepodavanii_istorii.html. (дата обращения: 20.03.2017).

политического быта, с другой же стороны, гласное заявление необходимости идеологического контроля над процессом преподавания. Эти идеи Уваров будет развивать и в качестве министра народного просвещения.

Точкой возникновения того комплекса идей, который позднее А. Н. Пыпин назовет «теорией официальной народности», считается знаменитый доклад Уварова государю, состоявшийся 19 ноября 1833 г. В этом документе была начертана идейная программа работы министерства под руководством Уварова, но значение его для русской культуры и политической философии оказалось, несомненно, гораздо шире. В силу того, что «к составу общей системы Народного Просвещения принадлежит много других предметов, как-то: направление, данное Отечественной Литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; влияние иностранных книг; покровительство, оказываемое художествам», принципы, декларируемые в подходах к народному воспитанию, распространялись на все сферы общественной жизни и приобретали характер общегосударственной системы идей и ценностей.

Доклад «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения» ставил на повестку дня вопрос о системной разработке государственной идеологии. В основе её должно было лежать все то же стремление «учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое Европейскому духу». От этой государственной задачи, по мнению Уварова, зависела судьба Отечества, а для её решения требовалось найти и осмыслить те начала русской государственной жизни, на которой зиждется «наш порядок вещей». Видение Уварова сводится в общих чертах к следующему: «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность (...) Без любви к

Вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. (...) Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. (...) Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее»¹⁴⁷.

Основой складывающейся при Николае I официальной модели русской культуры, которая охватит все сферы творчества и быта – архитектуру, литературу, живопись, музыку, моду – стала идея интеграции европейской и национальной традиции в новое самобытное и цельное явление. В архитектуре, сохраняющей основные европейские черты, появляются элементы декора, отсылающие к национальным мотивам; мелодии народных песен будут вплетены М. Глинкой в симфоническую музыку, и даже в европейские туалеты придворных дам внедряются яркими деталями творчески переработанные фантазией придворных мастеров элементы народного костюма – открытые плечи и корсеты будут сочетаться с расшитыми жемчугом подобиями кокошников. Появляются все необходимые символические элементы устоявшейся имперской государственности и сформированной национальной идеологии: в 1833 г. Николай I утверждает текст и мелодию государственного гимна «Боже, царя храни!», а затем официально закрепляет изображение двух вариантов государственного герба.

Однако необходимо отметить, что царствование Николая I, начавшееся в восстания декабристов, включавшее в себя польское восстание 1830 гг. и череду революций, прокатившихся по Европе на рубеже 1840-50-х гг., характеризовалось постоянным недоверием власти к любым проявлениям свободы общественной жизни. Ощущение постоянной угрозы трону и государственному порядку, исходившей как от беспокойных подданных, так

---

¹⁴⁷ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения // Ширинянц А. А. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / под ред. А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011.

и от политических процессов, уничтоживших покой и стабильность европейских держав, заставляло власть постепенно выстраивать систему идеологического контроля, после 1848 г. обратившуюся, в сущности, в информационный террор. Мрачное семилетие свирепства цензуры поставило императора в гибельное для него положение – желая оградить общество от негативного влияния, теми же плотинами власть оградила себя от понимания истинного положения вещей в государстве, заглушив не только голоса, могущие смутить народ, но и голос самого народа. Как отметил в своих записках один из видных государственных деятелей пореформенной России Н. Х. Бунге: «правдивый император Николай I был человек долга, порядка, дисциплины и сознавал Свои Царственные обязанности относительно народа, вверенного Ему Провидением», тем не менее «при всем желании знать истину, получал неверное понятие о фактическом положении государства, а тем более о настроении, господствующем в интеллигентных классах и народе»¹⁴⁸. Прямолинейному Николаю I для более успешного внедрения государственной идеологии не хватало политической гибкости и хитрости Екатерины Великой, которая предпочитала использовать умелую пропаганду вместо административного давления.

Разъединение власти, умевшей действовать только силовыми мерами, которые никогда не бывают эффективны в идейной сфере, с обществом, сопротивлявшимся этому воздействию, привело к тому, что блестяще сформулированная концепция новой национальной идеи была навязываема государством, но отторгнута обществом несмотря на то, что по своему смыслу была взята из самых глубинных национальных традиций, а не сконструирована теоретически-умозрительно некая оторванная от российской реальности программа действий. Теория официальной народности в политическом дискурсе надолго стала символом казенного патриотизма и гонения свободомыслия, хотя в сфере политической практики

---

¹⁴⁸ Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге, 1881–1894 г. // Источник. 1993. № 0. С. 30–31.

именно она на протяжении всей дальнейшей имперской, советской и постсоветской истории России сохраняла свою жизнеспособность и становилась основой разнообразных модификаций государственной идеологии.

В царствование Александра II, особенно в первый его период, продлившийся до середины 1860-х гг., резкая смена правительственного курса и стремительно падавшие под натиском общественного мнения заградительные барьеры цензуры вызвали к жизни новое явление. Русское общество было увлечено бурлящим потоком неожиданно легализованного свободомыслия, как отмечал И. С. Аксаков, «все в движении, все в брожении, все тронулось с места, возится, копошится и просится жить». И этот бурлящий поток вначале хлынул как единая река, течение которой приняло вполне определённое направление общего требования скорейших либеральных реформ, но вскоре единство этого течения начало неизбежно нарушаться.

В русском образованном обществе появились люди, которые стали выражать опасения, вызванные стремительностью, несогласованностью преобразований и невозможностью сколько-нибудь уверенного прогнозирования их результатов в условиях такой реформаторской спешки. Постепенно отколовшись от объединявшего большую часть русской интеллигенции умеренно-либерального лагеря, они начали в собственных теоретических построениях разрабатывать независимый взгляд на политическую ситуацию в стране и стремились осмыслить идеи уваровской триады в современной им действительности самостоятельно, не только вне инициативы и контроля правительства, но порою и вопреки установкам властей. И они ясно сознавали свою противопоставленность тому общественному кругу, который следовал идеям, послужившим основой французской революции.

Идеи Просвещения оказали решающее влияние на формирование сознания русской интеллигенции¹⁴⁹. До некоторой степени они стали маркерами взаимного опознавания людей одного круга. При этом они оказывали существенное влияние и на формирование самого понятия *интеллигенция*, поскольку базовый набор идей представителей этой социальной группы был ассоциирован с революцией, а слово *интеллигент* содержало в себе указание не столько на интеллектуальный уровень, как можно было бы подумать, отталкиваясь от его очевидной связи с английским *intellectual*, сколько на протестный характер воззрений, т.е. в слове «интеллигенция» имплицитно транслировался концепт «политическая оппозиция»¹⁵⁰.

Чтобы пояснить этот тезис, необходимо обратиться к истории становления и осмысления этого понятия. Сложный вопрос о том, является ли интеллигенция специфическим явлением русской истории и культуры или же ее складывание как особой социальной группы знаменует собой определённый этап развития общества независимо от национального контекста, решался различно еще в период первичного осмысления едва сложившегося феномена. Так, наряду с утверждением о том, что «русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование»¹⁵¹ звучавшим в работах Н. А. Бердяева и других «веховцев», например, П. Б. Струве, утверждавшего, что «интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный»¹⁵², в прямо полемически направленных против сборника «Вехи» выступлениях П. Н. Милюкова обозначалось, что «интеллигенция вовсе не есть явление

---

¹⁴⁹ Будучев В. А. Интеллигенция в перспективе межкультурных взаимоотношений: Роль философии просвещения и Французской революции в формировании русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 159.

¹⁵⁰ Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012.

¹⁵¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX–XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 64.

¹⁵² Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. 1909. С. 127–145.

специфически русское... и в других странах интеллигенция как отдельная общественная группа возникла, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда»¹⁵³. Впрочем, и Милуков был далек от того, чтобы считать русскую интеллигенцию совершенно типичным явлением, а признавал, что есть у нее особые специфические черты и лишь предостерегал «от преувеличений тех писателей, которые готовы считать все без исключения особенности русской интеллигенции, без дальнейших справок, нашими чисто русскими чертами»¹⁵⁴.

Независимо от той степени исключительности и самобытности, которую признавали мыслители разных групп за русской интеллигенцией как явлением, все они сходились в главном – в понимании того, что в самом общем виде понятие интеллигенции объединяет два ключевых признака: образованность, роднящую ее с грамматически однокоренным, но семантически различным понятием «интеллектуальности», и набор определенных нравственных императивов, неприменная приверженность которым как раз отличает интеллигента от интеллектуала. Негативное восприятие государства и власти в данном случае трактуется либо как производная, либо как одноуровневая составляющая этих моральных принципов. Максималистский идеализм, бывший неотъемлемой нравственной компонентой понятия интеллигенции, находил свое воплощение в высоком пафосе борьбы за общее благо в его идеальном воплощении. Но тот факт, что любое существующее или когда-либо существовавшее государство несовершенно, делает идеал недостижимым, а

---

¹⁵³ Милуков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. С. 7.

¹⁵⁴ Там же.

интеллигентскую максималистскую критику вечной, и не зависящей, по сути, от конкретных политических форм меняющегося государства.

Авторы одного из исследований интеллигенции как феномена русской истории, в главном вопросе примыкающие к позиции веховцев в том, что «интеллигенция как социальная группа, как своеобразный «класс» сложилась именно в России... русская интеллигенция – это исключительно национальное явление»¹⁵⁵, приходят к удивительно меткому умозаключению: «в силу своего максималистского идеализма интеллигенция всегда критически настроена по отношению к власти. Однако интеллигенция подвергает власть критике не “слева” или “справа”, а “сверху”, т.е. с завышенных, идеализированных нравственных и умственных позиций, в конечном счете нереальных»¹⁵⁶.

При этом в России общий пафос борьбы интеллигенции с несовершенством государства как формы общественного бытия дополнялся теоретической увлеченностью западными политическими моделями и их идеализацией, что на определенном этапе трансформировало стремление к борьбе с абстрактным государством за «физическое, общественное и личное освобождение личности»¹⁵⁷ (формулировка Иванова-Разумника) в неприятие именно национального государства, обозначенное Струве как интеллигентское отщепенство. Несовершенство прогрессивных режимов Запада было неочевидно, поскольку эти режимы осмыслялись не в практике их воплощения, а в красоте теоретического обоснования – как идеальное «там, где нас нет», в то время как несовершенства имеющегося национального государства были слишком очевидны для страдающей совести.

---

¹⁵⁵ Колесов М. С., Чемшит А. А. Интеллигенция как феномен русской истории // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60). № 3. С. 36–37.

¹⁵⁶ Там же. С. 37–39.

¹⁵⁷ Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 80.

В конечном итоге проистекающая из чистого источника абстрактного стремления к общему благу неприязнь к изъянам существующего общества приводила не к ответственному осмыслению путей их осторожного устранения и постепенного совершенствования, а к тому, что «преобладающее большинство русских людей из состава так называемой интеллигенции жило одной верой, имело один смысл жизни: эту веру лучше всего определить как веру в революцию. Русский народ – так чувствовали мы – страдает и гибнет под гнетом устаревшей, выродившейся, злой, эгоистической, произвольной власти... Главное, основная точка устремления лежала не в будущем и его творчестве, а в отрицании прошлого и настоящего. Вот почему веру этой эпохи нельзя определить ни как веру в политическую свободу, ни даже как веру в социализм, а по внутреннему ее содержанию можно определить только как веру в революцию, в низвержение существующего строя»¹⁵⁸ – так С. Л. Франк определил духовное состояние русской интеллигенции рубежа веков. Позже историк Н. А. Боханов обозначил его как «фетишизацию революции» русской интеллигенцией, но важно понимать, что в общих чертах оно формировалось на предыдущем этапе.

Поэтому та часть русского образованного общества, которая в пореформенной России не разделяла увлечения идеями, легшими в основу событий будущей революции, ясно сознавала, чему именно должны быть противопоставлены их устремления, от каких идей им нужно будет отталкиваться, формулируя свою «положительную программу». Необходимо отметить одну важную черту идеологического дискурса, подмеченную исследователем консерватизма А. А. Зориным: идеология всегда метафорична, при этом «сила идеологической метафоры, ее способность схватывать реальность и продуцировать новые смыслы существенным

---

¹⁵⁸ Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 118.

образом сказываются на динамике исторических событий»¹⁵⁹. Ядро любой идеологии составляет набор метафор, нуждающихся в раскрытии и объяснении через контекст, создающий определенную идеологическую нагрузку поэтического образа. В то же время политическая полемика так или иначе восходит к противопоставлению оппонентами альтернативного набора метафор и стремлению к деконструкции метафорических построений противников, в процессе которого «политика проверяет поэзию на осуществимость», а «поэзия политику – на емкость и выразительность соответствующих метафор»¹⁶⁰.

Ф. М. Достоевский не случайно так формулировал одну из важнейших задач своей публицистической деятельности: «Нет, у нас в России надо насаждать другие убеждения, и особенно относительно понятий о свободе, равенстве и братстве»¹⁶¹. Он ясно выявил то метафорическое ядро, которое лежало в основе идей революционной интеллигенции, и понимал, что этому набору метафор должен быть концептуально противопоставлен положительный идеал консерватизма. Еще более глубоко развивал эту идею И. С. Аксаков: «нет сомнения, что девиз первой французской революции: “свобода, равенство, братство” – евангельского происхождения... Но именно от того, что они эти принципы пообчистили от их божественной сущности и низвели их на степень юридических понятий, в их девиз и на их знамя не попало то слово, в котором одном – основа и жизненная сила всех вышеисчисленных христианских начал: это слово – “любовь”»¹⁶². Поэтому, продолжает Аксаков, и вышло трагическое противоречие: евангельский девиз стал лозунгом террора. Эту мысль развивал в своем поэтическом творчестве

---

¹⁵⁹ Зорин А. А. Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 20.

¹⁶⁰ Зорин А. А. Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28.

¹⁶¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 535.

¹⁶² Аксаков И. С. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.; СПб., 1886–1887. Т. 4. С. 338–358. .

еще один видный представитель русского консерватизма Ф. И. Тютчев. «Единство – возвестил оракул наших дней, / Быть может спаяно железом лишь и кровью. / Но мы попробуем спаять его Любовью, / А там посмотрим, что прочней»¹⁶³.

Начала «свободы» и «равенства», отмечал Аксаков, взятые вне их нравственной христианской основы, ведут к своей противоположности. Свобода – к разнузданности и своеволию, а «идея равенства, понятая чисто внешним образом, логически развиваемая вне идеи Бога, не может остановиться на равноправности перед законом, на уничтожении привилегий: она выставит знамя бунта против неравенства состояний и Божьих даров, потребует уравнивания ленивого с прилежным, бездарного с даровитым, невежды с ученым и в вечном протесте против природы и Бога – убьет самую жизнь, ни к чему не приведет, кроме смерти и разрушения. А знаменитое *fraternite*, выставленное на знамени французской революции, запретившей декретом исповедание бытия Божия, не есть ли само по себе логическая нелепость? Ибо *братство* предполагает *сыновство* и без сыновства, без понятия об общем отце, немыслимо. Люди только потому и братья, что дети одного отца, и если мы не сыны Божии, то нет и братства. Евангелие не употребляет слова *равенство*, да и нет в том надобности, потому что идея братства не только заключает ее в себе, но и *выше ее*, ибо восполняет любовью всякую неравномерность как искусственную, так и естественную»¹⁶⁴.

Приводя столь обширную цитату из произведения И. С. Аксакова, следует оговориться, что, с одной стороны, она принципиально важна для дальнейшего развертывания анализа изучаемых концептов, с другой – обширное цитирование текстов публицистики в целом неизбежно для

---

¹⁶³ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. ст., пер. и комм. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 191.

¹⁶⁴ Аксаков И. С. Ответ на рукописную статью «Христианство и прогресс», присланную в редакцию газеты «Русь» // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.; СПб., 1886–1887. Т. 4. С. 339.

данного исследования. С. Л. Франк, отмечая в статье «Сущность и мотивы русской философии» характерность для русской философии литературной формы и наиболее частое бытование философских построений в жанре публицистической статьи, подчеркивает, что это стало результатом не только определённой специфики исторического развития русской философии, но и было обусловлено ее особой духовной интенцией: «свободная и вненаучная форма философского творчества... связана в известной степени с его сущностью, с тем, что следует назвать конкретным интуитивизмом русской философии»¹⁶⁵.

Эта «свободная и вненаучная форма» изучаемых философских произведений, проникнутая метафорическими построениями и образами, зачастую не дает возможности пользоваться для аргументации тех или иных положений короткими фрагментами, поскольку как произвольное сокращение, так и превращение высказываний изучаемых авторов в косвенную речь, разрушает органичную форму бытования их мысли и искажает ее.

Резюмируя приведенные выше рассуждения о том, что идеалы французской революции, воплощенные в метафорической конструкции её девиза, представлялись консерваторам ядром мировоззрения либеральной интеллигенции как «идеального другого», оппонировавшему которому можно выстроить свою философскую концепцию. Можно сказать, ответом на два ключевых вопроса о русском консерватизме – что он хранит и чему противостоит – станет обращение к двум противопоставленным тройственным формулам: революционной триаде «*Свобода! Равенство! Братство!*» как отрицаемому и консервативной триаде «*Православие. Самодержавие. Народность*» – как утверждаемому. Важно отметить, что в данном случае каждый элемент одной триады семантически точно сопоставлен соответствующему элементу другой: православие как

---

¹⁶⁵ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 151.

воплощение свободы, самодержавие как символ равенства и народность как форма братства.

Представляется, таким образом, что при анализе отражения ключевых концептов консерватизма в русской журналистике XIX в. целесообразно рассматривать эти концепты не изолированно, т.е. как отдельные слова, имеющие сложно интерпретируемую концептуальную нагруженность, а сформировать **семантические группы понятий**, включающие, во-первых, рассматриваемый концепт и концепт-антитезу как семантическое ядро (поскольку смысл утверждаемого понятия не всегда ясен без представления о понятии опровергаемом), во-вторых, ряд смежных понятий, которые являются значимыми для раскрытия семантических связей изучаемого концепта. Эти смежные понятия включаются в данную семантическую группу в том случае, если в изучаемых текстах русской журналистики XIX в. они со значимой частотой используются авторами для пояснения понимания основных концептов данной группы, т.е. являются инструментальными для конструирования основного концепта.

Таким образом, формируются три основные семантические группы:

1. «Свобода – Православие» и дополняющие их понятия *просвещение, вера, знание, предрассудок, нигилизм, общество, общежитие*.

2. «Равенство – Самодержавие» и дополняющие их понятия *государство, гражданин, право*.

3. «Братство – Народность» и дополняющие их понятия *нация, единство, этнос*.

Каждая семантическая группа будет рассматриваться с помощью сопоставления различных трактовок ключевого концепта и инструментально дополняющих его понятий в произведениях публицистики различных представителей консервативного направления русской журналистики в целях выявить смысловые оттенки, составляющие поле консенсуса и поле дискуссии, поскольку «в ходе оформления идеологических конструкций их различные версии подгоняются друг под друга, проходят через фильтры

взаимных дополнений, искажений и истолкований»¹⁶⁶. Отталкиваясь от понимания того, что существование внятной и устойчивой идеологии возможно только при условии того, что «вокруг ее базовых метафор существует хотя бы минимальный консенсус»¹⁶⁷, можно будет по результатам этого сопоставительного анализа также сделать вывод о том, в какой мере идеология русского консерватизма сложилась в изучаемый период.

§ 1.2 Православие как идеал свободы в трактовке русских консерваторов

Понятие *свобода*, включенное в тройственный лозунг французской революции, обозначало в первую очередь освобождение человека от стеснений несправедливо устроенного общества, т.е. мыслилось прежде всего как свобода политическая. Однако эта политическая свобода, по справедливому убеждению французских просветителей, могла быть достигнута только на основании свободы внутренней, которая в их понимании выражалась в освобождении просвещенного разума от общественных предрассудков, к числу которых наиболее явно относилась религия, за счет максимального развития рационального научного познания. Много позже сторонник идеалов коренного преобразования общества А. И. Герцен, бывший свидетелем революционных событий во Франции 1848 г., не без горечи констатировал в одном из писем: «нельзя людей освобождать в наружной жизни более, чем они освобождены *внутри*»¹⁶⁸. Таким образом, принципиальным для раскрытия понятия свободы становится осмысление того, каково было в транслируемых концептах

---

¹⁶⁶ Зорин А. А. Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 590.

соотношение аспектов внутренней и внешней свободы и что именно понималось в качестве ее источника.

Французские просветители и их русские последователи уделяли пристальное внимание развитию наук о природе, полагая, что через успехи естествознания человек сможет отрешиться от религиозного мировоззрения, родившегося исключительно из его первобытного невежества и страха перед загадочными явлениями природы. Поэтому просвещение, давшее название целому периоду развития философской мысли, понималось именно как овладение академическими знаниями – приоритетно в сфере естественных наук.

В контексте консервативной мысли свобода без просвещения так же немыслима, как и в понимании французских энциклопедистов, но под просвещением понимается не освоение научного знания, а просвещение светом веры и истины, дающее человеку не свободу разума, а свободу духа. Максимально ясно это различие сформулировано Ф. М. Достоевским¹⁶⁹. Обращаясь к журнальному оппоненту на страницах «Дневника писателя», он писал: «вы произнесли и важное слово: “Просвещение”. Позвольте же спросить, что Вы под ним разумеете: науки Запада, полезные знания, ремесла или просвещение духовное? Первое, то есть науки и ремесла, действительно не должны нас миновать, и уходить нам от них действительно некуда, да и незачем. Согласен тоже вполне, что неоткуда и получить их, кроме как из западноевропейских источников, за что хвала Европе и благодарность наша ей вечная. Но ведь под просвещением я разумею (думаю, что и никто не может разуместь иначе) – то, что буквально уже выражается в самом слове “просвещение”, то есть свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни. Если так, то позвольте Вам заметить, что такое просвещение нам нечего черпать из западноевропейских источников за полнейшим присутствием (а не

---

¹⁶⁹ Кругликова О. С., Битюцкая В. В. Религиозно-нравственные смыслы публицистики А. И. Солженицына // Ортодоксия. 2023. № 1. С. 132–155.

отсутствием) источников русских... наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его»¹⁷⁰.

Предвосхищая возражения своего оппонента о том, что христианство не может содержать в себе весь цикл просвещения и что нельзя отрицать значения наук и гражданских идей, Достоевский подчеркивает, что просвещение религиозное не может вступать в противоречие с просвещением научным, а должно всегда лежать в основе его. Это умозаключение тесно соприкасается в приведенным выше высказыванием И. С. Аксакова о том, что и вся просвещенческая триада несомненно евангельского происхождения, но потеряла идею Бога как свою основу, а без него и знание, и свобода будут обращены во зло. Неизбежным следствием отречения от Бога, а следовательно, и отказа от нравственного закона, как писал Аксаков, будет свойственная материализму подмена понятий добра и зла понятиями вреда и пользы, возникновение системы взглядов, которую другой проповедник русского консерватизма, Н. П. Гиляров-Платонов, называл «услужливой философией, начало и конец всему полагавшей в желудке»¹⁷¹.

Утилитарное понимание свободы как эмансипации индивида от политических стеснений общества, по мнению русских консерваторов, неизбежно влекло за собой не освобождение, а порабощение более глубокого свойства. Эту идею развивал Н. П. Гиляров-Платонов в статье «Откуда нигилизм?». Он отмечает, что всякая новая идея, появляющаяся на очередном этапе развития новоевропейской цивилизации, сперва действует как орудие освобождения от существующего и осознаваемого в данный момент гнета, но в дальнейшем сама становится основой более тонкого порабощения. Эмансипирующее начало, которое до поры одно только и заметно в каждой вновь нарождающейся идее, постепенно и неизбежно раскрывает и иную свою сторону – порабощающую. Так, рабство было формально упразднено с

---

¹⁷⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 727–728.

¹⁷¹ Гиляров-Платонов Н. П. Собрание сочинений в 2 т. М.: Изд-во К. П. Победоносцева, 1899. Т. 1. С. 181.

переходом к капиталистическому обществу, но насилие над человеком никуда не делось, а только сменило свой вид на другой: «насилие капитала над трудом, право, стоит старого патриархального насилия господина над рабом»¹⁷². Анализируя смену одной формы насилия на другую, более тонкую и менее заметную, Гиляров-Платонов приходит к выводу о том, что «освобождение», предполагающее свободу общественного мнения и неограниченную власть его, будет самым опасным и жестоким насилием, ибо это будет насилие «более ловких, более остроумных над лицами более простодушными и скромными (...) Это – насилие соблазна и обольщения; это насилие, поражающее уже не физическую сторону человека, и не внешнее выражение его убеждения, но идущее против самого священного тайника свободы. И тем оно опаснее, чем оно тоньше: оно убивает свободу в самом корне, под видом уважения именно к той же самой свободе»¹⁷³.

Свобода в просвещенческой парадигме базируется на избавлении от предрассудков через рациональное познание. В «катехизисе» русской революционно настроенной интеллигенции, романе «Что делать?», провозглашается ясная формула пути к свободе: «Будем учиться – знание освободит нас». По меткому замечанию историка философии В. В. Зеньковского, «русский радикализм... сросся с этой наивной, поистине “мистической” верой в естественные науки, – хотя по своей сути русский радикализм... глубоко спиритуалистичен... Через эту веру в материализм русский радикализм примыкает к западному просветительству»¹⁷⁴.

Представители революционно-демократического крыла русской журналистики, рассуждая о политической свободе и миссии интеллигенции по ее водворению в России, опирались на представление о том, что просвещение может осуществляться только как избавление от предрассудков. Так, например, М. Е. Салтыков-Щедрин в очерке «Убежище Монрепо»

---

¹⁷² Там же. С. 11.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. С. 328.

рассуждает о возможной роли, призвании образованного человека, живущего в деревне: «у культурного русского человека, и помимо сельскохозяйственных затей, может существовать вполне деревенское дело, а именно: дело совета, разъяснения, просвещения и посильной помощи», реализуемое через то, чтобы «...стараться об рассеянии предрассудков, страхов и предубеждений»¹⁷⁵.

Однако слово *предрассудок* представителями двух полюсов общественного дискурса употребляется, очевидно, в совершенно различных смыслах. Консерваторы принимали во внимание непосредственное значение слова, тот первоначальный смысл, с которым оно вошло в русский язык, и который наиболее ярко выражен грамматической формой русского слова – убеждение, появившееся «прежде рассуждения», т.е. принимаемое без достоверных логических оснований. Впрочем, дискуссия о смысловом наполнении этого калькированного слова началась практически сразу же после того, как оно впервые появилось в произведениях А. П. Сумарокова как калька с французского *préjugé*: так, В. К. Тредиаковский выступил с полемическим суждением относительно того, что слово *предрассудок* в значении предварительного суждения употребляться не может, поскольку должно иметь смысл закрепленного в общем суждении ложного мнения¹⁷⁶.

Необходимо отметить, что в дальнейшем мыслители консервативного крыла тяготели к пониманию предрассудка как до-рационального, недискурсивного знания, в то время как их идейные оппоненты акцентировали аспект ложности, неистинности суждения, называемого предрассудком.

Возникновение этой характерной для консерваторов трактовки понятия *предрассудок* восходит, как и многие другие черты русского консерватизма, к трудам его родоначальника Н. М. Карамзина. Карамзин в майском номере

---

¹⁷⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1971. С. 78.

¹⁷⁶ Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М., 1999. С. 319-320.

«Вестника Европы» за 1803 г. помещает «Письмо к Философисту» на тему «О предрассудках в отношении к гражданскому обществу и политике», в котором утверждает, что «никакое гражданское общество не может сохраниться без предрассудков, которые суть ничто иное, как мнения о вещах, основанные на вере без основательного исследования. И так один Бог может не иметь предрассудков: ибо Он только может все обозреть и все испытать»¹⁷⁷.

Однако во второй половине XIX в., в том числе благодаря частому использованию в изданиях либерально настроенной журналистики, доминировавшей в общественном дискурсе, слово *предрассудок* в русском языке несколько изменило свое значение, закрепив и усилив негативную коннотацию ложности. Отчетливо противопоставляет предрассудок истине Н. А. Добролюбов (например, в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» писавший о Лермонтове: «он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно»¹⁷⁸); борется с этическими и эстетическими предрассудками Д. И. Писарев, надеявшийся, что предрассудки падут под светом рационального естественнонаучного знания; А. И. Герцен критиковал славянофилов за якобы свойственную им готовность ради единения с народом разделить все предрассудки народа, «вместо того, чтобы развивать разум в народе»¹⁷⁹.

В словаре В. И. Даля сохраняется как одно из значений слова *предрассудок* значение ‘твердое понятие, мнение, убеждение о деле, которое не довольно знаешь’, но с акцентом на то, что это ‘мнение превратное или одностороннее, ложное’ и с появлением в синонимическом ряду вариантов «поверье, суеверие»¹⁸⁰. В результате слово *предрассудок* оказалось

¹⁷⁷ Вестник Европы. 1803. № 10. С. 130.

¹⁷⁸ Добролюбов Н. А., Полн. собр. соч. М. 1934, т. 1, С. 238.

¹⁷⁹ Герцен А. И. Былое и думы.

¹⁸⁰ Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: в 4 т. Изд. 2-е. СПб., 1882. Т. 3. С. 400.

одновременно синонимом к слову *невежество* и к словам *традиция, вера и обычай*.

Создавался своеобразный семантический сдвиг – носитель предрассудков невежествен, к предрассудкам относятся следование традиции, обычаю, религиозной вере, а следовательно, образованный человек не может быть носителем веры и традиции.

Закономерно, что консерваторы, предпринявшие попытку возратить сакральное в сферу политического, обосновать необходимость религиозного взгляда на свободу, равенство, гражданственность и прочие социально-политические категории, обратились, в том числе, к реабилитации в общественном дискурсе понятия *предрассудок*. Возможности человеческого познания не безграничны: каждое новое открытие науки, подвергая сомнению суждения, которые прежде принимались без достаточного логического основания, выносит свое, новое суждение, которое также не может быть идеально и достоверно обоснованным, поскольку в нем неизбежно остается какой-то процент неизвестности, компенсируемой гипотезой, предположением, т.е. в сущности, процесс человеческого познания предстает как замена одних предрассудков другими. Если требовать от любого суждения идеальной достоверности, то достоверными окажутся только опыты чувственного познания, так что, по выражению Гилярова-Платонова, «в здоровом уме останется только идиот, которого ум ограничивается наблюдением за удовлетворением потребностей растительной жизни», в то время как человек, в принципе решившийся мыслить, т.е. оперировать абстракциями, тотчас окажется «свихнувшимся с ума, свихнувшимся именно потому, что перестал быть только растением и животным»¹⁸¹.

---

¹⁸¹ Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / сост. и комм. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 269.

Разрушая привычное для просвещенческой идеи тождество «разрушение предрассудков = прогресс», Гиляров-Платонов утверждал: «Предрассудки и обычаи разрушаются, заменяясь новыми, и в этом состоит преуспевание человечества. Но разрушение одних, принятие других совершается постепенно и частично. Кинуть все предрассудки и все обычаи можно только обратясь в четвероногих: прогресс невелик»¹⁸².

Исследователи истории философии обращают внимание на то, что «в интеллектуальных спорах новоевропейского Просвещения стало более отчетливо проявляться различие аргументов, основанных на вере и основанных на разуме»¹⁸³, а выраженное стремление более отчетливо противопоставить разум и веру привело к тому, что сформировался «коренной предрассудок Просвещения, составляющий его основу и определяющий его сущность... предубежденность против предрассудков вообще»¹⁸⁴.

Понимание того, что стремление к полному избавлению от предрассудков влечет человека и общественные институты не к развитию, а к деградации, раньше уже высказывалась Карамзиным в упоминавшемся письме к философу о предрассудках. Издатель «Вестника Европы», отталкиваясь от понимания того, что предрассудки составляют как бы спрессованное знание предыдущих поколений, обобщенный опыт предыдущих веков, легший в основу общественной конвенции, определяющей государственное бытие того или иного народа, отмечает, что отказ от этих предрассудков привел бы к тому, что каждому новому

---

¹⁸² Там же. С. 270.

¹⁸³ Габдуллин И. Р. Доконцептуальное предпосылочное знание и понятие предрассудка: историко- философские и философско-правовые аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6(80). Ч. 1. С. 41.

¹⁸⁴ Гадамер Х.-Г. «Истина и метод: основы философской герменевтики». Цит. по: Габдуллин И. Р. Доконцептуальное предпосылочное знание и понятие предрассудка: историко-философские и философско-правовые аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6(80). Ч. 1. С. 41.

поколению пришлось бы заново мучительно искать трудно рождающийся консенсус относительно основ социального устройства. Не говоря о том, что всем нелегко согласиться во мнениях по поводу гражданских правил, пишет Карамзин, даже если и «все граждане согласятся во мнениях; но должно будет для всякого нового поколения собирать новый сейм, ибо молодые люди также, боясь предрассудков, захотят все сами исследовать. Какое же будет твердое основание государств?»¹⁸⁵. Поэтому Карамзин видит смысл предрассудков в том, что они «соединяют века между собою, бывают результатом безмолвного согласия граждан»¹⁸⁶.

Важный акцент в понятии *предрассудка* возникает в публицистике Достоевского, отмечавшего, что значительная часть русской образованной публики, т.е. «уже успевшие окультуриться люди», на деле окультурились «только слабо и наружно, всего только в каких-нибудь привычках своих, в новых предрассудках, в новом костюме»¹⁸⁷, т.е. попросту под видом избавления от предрассудков сменили предрассудки одной общественной страты на предрассудки другой. В этом отношении понимание консерваторами *предрассудка* как недискурсивного знания предполагает принципиальную невозможность для человека освободиться вовсе от предрассудков, являющихся неотъемлемым этапом мышления. Предрассудок только очерчивает предпосылочный контекст, для чего неизбежно апеллирует к негласной понятийной конвенции определенной социальной группы. И если социальную группу можно сменить, сменив и набор предрассудков вместе с нею, то совсем избавиться от предрассудков просто невозможно.

Осмысляя разницу смыслового наполнения понятия *предрассудок* у консерваторов и прогрессистов, необходимо отметить еще и тот факт, что разные значения слова в конечном итоге закрепились в разных речевых пластах. В обыденной речи слово *предрассудок* представляло собой

---

¹⁸⁵ Вестник Европы. 1803. № 10. С. 133.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 325.

негативное оценочное суждение, а в академической речи, к которой в большей степени тяготели консерваторы, оно сохраняло значение философской гносеологической категории, означавшей доконцептуальное недискурсивное знание, и в этом качестве являло собой не «полемический коррелят свободе и разуму»¹⁸⁸, а обозначение определенного неизбежного этапа мыслительного процесса.

Гиляров-Платонов, подчеркивая тот факт, что предрассудки лежат в основе любого рассуждения, в том числе и рассуждения тех, кто целью своей поставил борьбу с предрассудками, указывает на основную ошибку консерваторов, сторонников религиозного мировоззрения, которую они совершают в полемике с материалистами: на стремление придать логическое, рациональное обоснование вере. Когда атеист, в очередной раз «повторяя глумление, еще в XVII веке произнесенное», скажет, что попы выдумали Бога, чтобы эксплуатировать народ, и «почиет ли на Бюхнере и Молешотте или идет далее, он прибавит, что нет ничего, кроме материи и кроме случая. И вы пойдете против него с доказательствами бытия Божия, повторите силлогизм Ансельма? Но вы станете на почву, где противнику бить вас всего удобнее. Нет, если бить его, то надобно заходить к нему с тыла; зад у него не прикрыт. Чего трусить, что религиозная вера дана прежде рассуждений; а на чем его вера? Если жрецы религию выдумали из корысти, то Бюхнер проповедовал материю без силы для гонорара»¹⁸⁹.

Реабилитация сакрального, утверждение религиозной веры как единственного прочного основания социальных процессов, отрицание необходимости рациональной рефлексии традиции как основы общежития, приводило консерваторов к выводу о том, что истинная свобода даже в

---

¹⁸⁸ Габдуллин И. Р. Доконцептуальное предпосылочное знание и понятие предрассудка: историко- философские и философско-правовые аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6(80). Ч. 1. С. 40.

¹⁸⁹ Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / сост. и комм. Ю. В. Климакова, отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 280.

прикладном политическом смысле должна состоять в том, чтобы «не муштровать общежитие артикулом», т.е. дать свободно реализовывать себя силе естественного течения человеческого общежития в русле традиции и национального обычая, опирающегося на веру, а не реформировать его кабинетными идеями, взятыми из иностранных образцов.

Слово *общежитие* в дискурсе консервативной прессы фигурирует в значении гораздо более широком, чем «место совместного проживания», хотя уже и в XIX в. в публицистике и эго-документах можно обнаружить его использование в том значении, которое приближается к его современному смыслу¹⁹⁰. Понимая общество как коллективный субъект, публицисты пореформенной России зачастую расширяли значение слова *общежитие* до всей полноты социального бытия, используя его в значении ‘социально-политический уклад’. Таким образом, *общежитие* становилось в большей степени синонимично таким понятиям более позднего времени, как *социально-политический строй*, а в марксистской парадигме приближалось к понятию *социальной формации*.

В произведениях публицистов либерально-демократического направления, также в ряде случаев использовавших слово *общежитие* для обозначения совокупности текущих социальных процессов, оно зачастую сохраняло умеренно выраженный негативный оттенок. Так, например, в романе А. И. Герцена «Кто виноват?» оно трактуется как «часть искусственных вериг, взаимных ланкастерских гонений, называемых общежитием, над которым все смеются и выше которого никто не смеет стать»¹⁹¹.

В статьях М. Е. Салтыкова-Щедрина, когда он говорил от своего имени, и, например, иронично высмеивал «сказки о “почве” со всею свитою

---

¹⁹⁰ Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков / сост. Л. А. Глинкина. Оренбург, 1998.

¹⁹¹ Герцен А. И. Кто виноват? // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 4: Художественные произведения. 1841–1846. М., 1955. С. 30.

условных форм общежития»¹⁹², также проявлялся негативный оттенок значения этого слова. Порой Салтыков-Щедрин использовал понятие *общежитие* в том же нейтрально-оценочном значении, что и публицисты консервативного толка, но важно отметить, что в таком значении оно было вложено писателем в уста одного из героев его очерков – станового пристава, очевидно являвшего собой пример человека консервативного образа мыслей. Герой Салтыкова-Щедрина, отмечая «успехи наук и развитие форм общежития» или признавая необходимость «повиноваться правилам общежития»¹⁹³, подразумевал под этим следование общим принципам коллективного бытия, но, вероятно, именно употребление слова *общежитие* в таком значении должно было, по мысли Салтыкова-Щедрина, маркировать героя как носителя консервативного мировоззрения.

Для публицистов консервативного направления призыв «не муштровать общежитие артикулом» не был проявлением той «благоговейной оторопи»¹⁹⁴, которая, по мнению Салтыкова-Щедрина, охватывала их при любом столкновении с существующими и устоявшимися социальными нормами, какими бы отжившими ни являлись они на самом деле. Он означал только отказ от чрезмерного вмешательства теоретических, кабинетных идей в процесс переустройства общества, признание того, что общество – сложная саморегулирующаяся система, которую невозможно подогнать под интеллектуальную схему, ибо жизнь неизменно оказывается богаче и разнообразнее любых теоретических изысканий.

М. Н. Катков, рассуждая подобным образом, приходит к парадоксальному, на первый взгляд, утверждению, что при правильном

---

¹⁹² Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 11. Благонамеренные речи. 1872–1876. М.: Художественная литература, 1971. С. 11.

¹⁹³ Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. Господа Головлевы. 1875–1880. Убежище Монрепо. 1878–1879. Круглый год. 1879–1880. М.: Художественная литература, 1972. С. 312.

¹⁹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 11. Благонамеренные речи. 1872–1876. М.: Художественная литература, 1971. С. 8.

понимании сущности консерватизма и либерализма, «чем либеральнее правительство, тем консервативнее общество»¹⁹⁵. Если главная цель либерализма – «свобода жизни, требующая, чтобы всякая человеческая сила развивалась собственной внутренней энергией», то, стремясь к политической свободе, которая «ничего другого не означает, как твердое, благонадежное обеспечение общественной и личной свободы со стороны государства», истинно либеральное правительство будет «устранять из жизни все, что препятствует и мешает ее естественному ходу, не допускать насилия» и отменять те законы, которые представляют собою не фиксацию норм и правил, рожденных самой жизнью, а «организованное вмешательство в жизнь», так что «либеральному в этом смысле правительству соответствует консервативное общество»¹⁹⁶.

Подобные умозаключения приводили консерваторов к постановке еще одной важной проблемы: если допустить создание в России таких форм правления, которые установили бы демократические представительские институты и тот комплекс политических свобод, который подразумевался первым постулатом революционной триады, то, благодаря специфике отечественной истории и политической традиции, эта свобода обратилась бы в самую очевидную тиранию. Образованный класс автоматически получает преимущество в реализации своих политических свобод через демократические институты, базирующиеся на влиянии на общественное мнение с помощью прессы. Власть общественного мнения, которая является неотъемлемой частью представительного правления, обернулась бы в России властью образованного меньшинства над малограмотным большинством.

Образованный класс, разделенный с основной массой населения, с народом, культурной рознью или, по выражению Достоевского, оторванный от народной почвы, получив контроль над страной через институты представительства, не смог бы действовать в интересах народа, ибо этих

---

¹⁹⁵ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 4. С. 652.

¹⁹⁶ Там же.

интересов не знал, не понимал и не разделял. Как отмечал Достоевский, едва только окультурившиеся на европейский манер русские, даже малообразованные «всегда и начинают именно с того, что презирают прежнюю среду свою, свой народ и даже веру его, иногда даже до ненависти»¹⁹⁷. «Почему в Европе, – вопрошал писатель, – называющие себя демократами всегда стоят за народ, по крайней мере на него опираются, а наш демократ зачастую аристократ и в конце концов всегда почти служит в руку всему тому, что подавляет народную силу, и кончает господчиной»¹⁹⁸.

Того же взгляда придерживался и Ю. Ф. Самарин: «народ безграмотный, народ, разобщенный с другими сословиями, народ, реформами Петра выброшенный из колеи исторического развития, не способен, не может принять участия в движении государственных учреждений. Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман»¹⁹⁹. Консерваторы не без оснований опасались, что, с учетом специфики русского социально-культурного расслоения, демократия быстро трансформируется из модели «демократия – это власть народа» в модель «демократия – это власть демократов», обратившись для большинства русских вместо свободы в изощренную форму деспотии.

В этом смысле консерваторы пореформенной России сохраняли приверженность одному из главных и наиболее ранних тезисов русского консерватизма, высказанному еще его основоположником Н. М. Карамзиным: «Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей! Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и

---

¹⁹⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 325.

¹⁹⁸ Там же. С. 730.

¹⁹⁹ Самарин Ю. Ф. По поводу толков о конституции // Русь. 1881. № 29.

страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»²⁰⁰ Более чем через полвека его внук князь В. П. Мещерский будет рассуждать в том же духе, утверждая, что свобода, «коей источник есть Бог», «рождается из любви к ближнему и дает душе и жизни бесконечное содержание, твердый как камень устой и непрестанное созерцание целей, из-за которых стоит жить, стоит трудиться, и не хватает существующего времени»²⁰¹.

Идеям христианства в русском общественном дискурсе XIX в. противостояла материалистическая концепция «среды», проистекавшая все из того же руссоизма, логическим следствием которого было стремление перенести ответственность за многие поступки человека на неправильно устроенное общество, обстоятельства негативной «среды», под влиянием которой нравственная природа человека была искажена. Среди русских консервативных мыслителей наибольшее внимание полемике с учением о среде с позиций христианского вероучения о свободе уделял Достоевский. Христос, отвергнув все дьявольские искушения, не пожелал поработить веры человека ни силой, ни хлебом, ни чудом. Христианство признает за человеком полную свободу нравственного выбора, возлагая на него и всю полноту ответственности за этот выбор.

Достоевский подчеркивал: «делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного личного долга, от всякой

---

²⁰⁰ Карамзин Н. М. Мысли об истинной свободе // Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть первая. СПб., 1862.

²⁰¹ Мещерский В. П. Бог и фельетонисты // В улику времени. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 174–175.

самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»²⁰².

Свобода по-разному понималась в контексте христианской традиции и секулярного буржуазного гуманизма. В знаменитой пушкинской речи Достоевский противопоставляет идеал Аполлона Бельведерского, идеал человекобога, христианскому идеалу Богочеловека, т.е. противопоставляет провозглашение высшей ценностью жизни человека и его комфорта признанию того, что есть ценности выше самой жизни. Именно способность соотносить себя с ценностями, бытующими вне земной жизни и не упраздняемыми смертью, делает человека человеком. Если идеал секулярного гуманизма состоит в наслаждении и своеволии, то идеал христианства – в полном обладании своей волей, которое, собственно, и делает человека свободным. «В нынешнем образе мира свободу полагают в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему»,²⁰³ – так полагал автор «Дневника писателя».

Важно отметить, что в дальнейшем свойственное консервативной публицистике пореформенной России противопоставление свободы, имеющей источником духовное начало, и идеи предельной детерминированности человеческого бытия средой нашло свое глубокое развитие в философской публицистике XX в. Возобладавшие к этому времени материалистические философские концепции опирались на тезис «бытие определяет сознание», в то время как полемически противопоставленные им последователи русской консервативной мысли продолжали развивать положение о том, что нельзя низводить человека до

---

²⁰² Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 54.

²⁰³ Там же. С. 535.

уровня одного из проявлений материального мира, воспринимать его только как продукт среды и общественного устройства. В работе «Русская идея» Н. А. Бердяев, понимая материализм как «крайнюю форму детерминизма, определяемости человеческой личности внешней средой», видит его главный изъян в том, что материализм не предполагает «внутри человеческой личности никакого начала, которое она могла бы противопоставить действию окружающей среды извне. Таким началом может быть лишь духовное начало, внутренняя опора свободы человека, начало, не выводимое извне, из природы и общества»²⁰⁴.

В публицистике консервативного направления пореформенной России особенную важность приобретало не просто общее признание религии основой истинной свободы, а именно соотнесенность с содержанием православной догматики, понимание именно византийского христианства как наиболее глубокого воплощения свободы. Первый элемент консервативной триады звучит не как «религия», а именно как *православие*, поэтому вопрос о специфике православного вероучения и судьбе православной церкви в осмыслении социально-политической доктрины консерватизма играет важную роль.

Князь В. П. Мещерский в публицистическом сборнике «В улику времени» отмечал, что «ничего нет в мире либеральнее нашей православной церкви». При этом свобода, проистекающая из следования православному вероучению, «требует изгнания нетерпимости и жестокосердия, требует введения во все области жизни любви и участия в жизни других, требует уничтожения рабства и холопства во всех видах и во всех сферах жизни, и открывает необъятный горизонт для развития общества, для образования его, для государственной будущности»²⁰⁵.

---

²⁰⁴ Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 174.

²⁰⁵ Мещерский В. П. Бог и фельетонисты // В улику времени. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 174–175.

Важно отметить, что для представителей русского консерватизма приверженность православию была не только данью традиции, не только молчаливым и безропотным принятием веры предков. Достоевский в одном из писем, предваряя замысел романа «Братья Карамазовы», пишет: «Да ведь не как дурак же, фанатик, я верую!» и подчеркивает, что и вера вообще, и приверженность православию стали результатом сложного пути духовных исканий, сомнений, скепсиса: «Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я»²⁰⁶.

Сходное признание делает и Гиляров-Платонов в переписке с одним из своих соратников Н. Шаховским, анализируя знаменитую «Исповедь» Л. Н. Толстого: «начиная с конца семинарии (...) пойдут мучительный процесс искания истины не формальной (...), религиозно-философских сомнений и выхода их них. Исповедь об этом представила бы параллель жалкой исповеди Толстого, который был и есть, при всем таланте, все-таки игнорант прежде всего. Но мне излагать свою исповедь по многим причинам неудобно – не говоря о других, потому уже, что потребовался бы не один том, а два»²⁰⁷.

То, что путь человека XIX в. к вере был непростым, подчеркивал и Ф. И. Тютчев. Становление материалистической философии, успехи естественных наук, окрылявшие материалистов мечтой о ближайшем открытии всех тайн природы и полном упразднении мистического восприятия мироздания, разъедающий скепсис, постепенно обретавший господство в системе образования, приводили к тому, что «детская вера», воспринимаемая юношеством XIX века в рамках патриархального домашнего воспитания, разрушалась при первом же столкновении с системой образования, основанной на европейском подходе к просвещению как прежде всего к освоению естественнонаучного знания. Поэтому

---

²⁰⁶ Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973. С. 462.

²⁰⁷ Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов: краткий публицистический очерк. Ревель: Тип. «Рев. изв.», 1893. С. 48.

полемика о распространении естественных наук и об их роли в системе образования оказывалась в русской журналистике этого периода тесно сопряжена с обсуждением религиозно-нравственной и социальной проблематики²⁰⁸.

Князь Мещерский также полагал, что главной причиной успеха нигилистической пропаганды было установление совершенно светского характера образования и воспитания. В одной из своих статей, построенной в форме диалога с вымышленным собеседником, князь рассуждал о либеральном требовании сделать изучение закона Божьего в школах добровольным, устранив при этом от ведения этого курса священнослужителей и доверив преподавание светским педагогам. Эта мера означала бы придание окончательно атеистического характера воспитанию юношества, что во мнении консерваторов было равносильно катастрофе.

Мещерский приводит против этих требований самые естественные для консерваторов аргументы: если образование будет строиться на рационалистических началах, то из него вовсе исчезнет элемент нравственности, потому что рационально обосновать нравственные начала невозможно: «я, положим, кончил курс, другой, третий, четвертый; религии мы не знаем и не учились. Нам нужно добыть себе известное положение: положим мне нужны деньги для начала, и другому тоже; я характера прямого и решительного: я преспокойно убиваю любого, у кого есть деньги, и беру деньги; другой, менее решительный, не убивает, а обкрадывает; третий приезжает в ваш дом и гонит вас прочь под предлогом, что он хочет жить в этом доме; четвертый берет родную сестру и оскорбляет её...»²⁰⁹.

Его либеральный оппонент возражает, что и без закона Божьего это все запрещено уголовным законом. Но герой Мещерского говорит, что закон

---

²⁰⁸ Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5. С. 101–118.

²⁰⁹ Мещерский В. П. Печать и общество // В улику времени. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 108.

уголовный выдуман людьми и может быть переписан. Следовательно, если большинство людей пришли «путем высшего образования к убеждению, что нет ничего предосудительного ни в краже, ни в убийстве, ни в разврате, ни в поджоге, тогда тем, которые нам говорят: этого нельзя, потому что это преступление против уголовного закона, мы отвечаем очень просто: не угодно ли отменить эти законы, мы этого требуем, мы пришли к убеждению, что все эти законы отжили свой век; а так как мы большинство, то мы требуем, чтобы наша воля была исполнена. Эти законы учредил законодатель прежнего времени. Теперь мы хотим быть законодателями»²¹⁰.

Собеседник возражает, что в этом случае общество вынуждено будет применить силу. Но сила, говорит Мещерский, никого не успокоит, давление только спровоцирует большую настойчивость требований массы и, в конце концов, приведет к тому, что власть перейдет в руки большинства, требующего отменить прежний закон. Значит, весь вопрос в том, что массы не должны требовать себе права на преступление, а для этого они должны иметь нравственность – единственно возможную внутреннюю узду, сдерживающую зверя в человеке, которого невозможно сдержать никаким внешним давлением. Другого источника нравственности, кроме христианского закона и идеи Бога, не существует, и даже в основании уголовного закона и уважения к нему лежат все те же представления о «можно» и «нельзя», которые внушены законотворцам христианской этикой. «Реальный же мир ни умеренности, ни благоразумия дать не может, ибо он не признает пределов для своих требований материальных»²¹¹, и таким образом из полного пренебрежения «духовным существом русского государства» создается почва, «из которой со всех сторон вырастают или самоубийцы, или убийцы, или цареубийцы»²¹².

---

²¹⁰ Там же. С. 109–110.

²¹¹ Там же. С. 113.

²¹² Там же. С. 135.

Однако, несмотря на разнообразные увещевания консерваторов в практике подхода к устройству образования, с середины XIX века тенденция к доминированию материалистических учений в образовании стремительно прогрессировала, и несколько позже, уже на рубеже XIX–XX веков, русский консервативный мыслитель Л. А. Тихомиров, размышляя о причинах распространения в России политического терроризма, писал: «дети поступали в гимназию верующими. Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала»²¹³.

Ф. И. Тютчев подчеркивал, что путь к вере должен проходить три стадии: нерассуждающая вера «простых» людей, скепсис людей «полуискусных», т.е. утративших чистоту интуитивной веры под влиянием научного скепсиса, и «искусных» – мудрецов, осмысливших вещи в их полноте и достигших определенного синтеза веры и знания. Однако беда общественной сферы, по Тютчеву, заключается в значительной степени в том, что ни люди простые, ни мудрецы, активно не участвуют в общественной жизни, не занимаются ею, а максимально деятельными является как раз многочисленная группа «полуискусных» людей, которые пытаются изменять и регулировать законы общества «на основе ограниченного разума и непросветленной натуры»²¹⁴.

Однако даже для тех мыслителей, чья вера не погибла, пройдя через горнило сомнения и испытания позитивистского скепсиса, вставала проблема межконфессиональных противоречий, поиска наиболее правильного пути в вере. В русской консервативной публицистике был выраженный элемент межконфессиональной полемики, связанной, прежде всего, с критикой сущностно тесно связанных с православием католицизма и протестантизма.

В рассуждениях представителей русского консерватизма выстраивалась следующая логическая линия: католицизм со свойственным

---

²¹³ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М.: Издательство журнала «Москва», 2000. С. 162.

²¹⁴ Тарасов Б. Н. Федор Тютчев о назначении человека и смысле истории // Ф. И. Тютчев. Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 20.

ему объединением светской и духовной власти в одном лице стал первым шагом на пути искажения истинно христианской идеи, отказом от провозглашенного Христом принципа «Кесарю – кесарево». Это первое искажение повело в дальнейшем католичество по ложному пути постоянной борьбы за светскую власть, участия в политических интригах, стяжательства и обращения со временем в политический институт со всеми свойственными ему негативными сторонами: бюрократизацией, стремлением к обогащению и политическому влиянию. Реформационные течения явились естественным следствием такой эволюции католической церкви, были справедливым протестом верующих. «Свершается заслуженная кара / За тяжкий грех, тысячелетний грех»,²¹⁵ – писал Тютчев о росте влияния протестантских конфессий в Европе.

Однако протестантизм, ставший, по Тютчеву, заслуженным наказанием католичеству за извращение христианской идеи, не мог сам заменить его, ибо являлся, согласно самому названию своему, именно философией протеста и существовал только до тех пор, пока протестовал против могущества Западного христианства, но сам по себе не представлял единой системы духовных ценностей и потому неотвратимо с самого начала своего пути шел от борьбы за чистоту веры к неверию и атеизму. Сочувствие идеям и движению первых протестантов и одновременно трагическое сознание неизбежности их движения к безверию звучит в другом стихотворении Тютчева: «Я лютеран люблю богослуженье, / Обряд их строгий, важный и простой, – / Сих голых стен, сей храмины пустой / Понятно мне высокое ученье. / Не видите ль? Собравшись в дорогу, / В последний раз вам Вера предстоит: / Еще она не перешла порогу, / Но дом ее уж пуст и гол стоит, – / Еще она не перешла порогу, / Еще за ней не затворилась дверь... / Но час настал, пробил... Молитесь богу, / В последний раз вы молитесь теперь»²¹⁶.

---

²¹⁵ Ф. И. Тютчев. Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 180.

²¹⁶ Ф. И. Тютчев. Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 118.

Допуская в противовес узурпировавшему истину католичеству неограниченную свободу личного толкования Евангелия, протестантизм вместо одного непогрешимого Папы создал миллионы непогрешимых «пап», дав каждому своему последователю право самостоятельного духовного поиска, не соотнесенного ни с общей конфессиональной системой идейных констант, ни с индивидуальными восприятиями других последователей. Поэтому в протестантизме априорно содержалась тенденция к неограниченному дроблению на группы и группки, на ответвления и секты. С точки зрения представителей русского консерватизма, неограниченная свобода трактования в религиозной сфере должна была привести к тому, что со временем и самые основы веры будут подвергнуты сомнению, а затем и опровергнуты и утрачены вовсе.

Этот образ был очень ярко дан Достоевским на страницах «Дневника писателя». Он описывает, как некие люди несут сосуд с драгоценной жидкостью, перед этой процессией встречные падают ниц, целуют сосуд с живительной влагой, и вдруг «встают люди и начинают кричать: “Слепцы! чего вы сосуд целуете: дорога лишь живительная влага, в нем заключающаяся, дорого содержимое, а не содержащее... Идолопоклонники! Бросьте сосуд, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло!”». Однако после того, как разбивается сосуд, драгоценное содержимое разливается по земле и исчезает. Все, даже главные бунтари, только что призывавшие разбить сосуд, сознают, что драгоценная влага была утеряна вместе с ним. Далее Достоевский образно описывает причины и результат стремительной фрагментации единого и гармоничного некогда учения: «пока еще влага не ушла вся в землю, подымается суматоха: чтобы что-нибудь спасти, что уцелело в разбитых черепках, начинают кричать, что надо скорее новый сосуд, начинают спорить, как и из чего его сделать. Спор начинают уже с *самого начала*; и тотчас же, с самых первых двух слов, спор уходит в букву. Этой букве они готовы поклониться еще больше, чем прежней, только бы поскорее добыть новый сосуд; но спор ожесточается, люди распадаются на

враждебные между собою кучки, и каждая кучка уносит для себя по нескольку капель остающейся драгоценной влаги *в своих особенных* разнокалиберных, отовсюду набранных чашках и уже не сообщается впредь с другими кучками. Каждый своею чашкой хочет спастись, и в каждой отдельной кучке начинаются опять новые споры. Идолопоклонство усиливается во столько раз, на сколько черепков разбился сосуд»²¹⁷.

Достоевский тонко подмечает, что протестантизм не имеет консолидирующего потенциала – он может объединять своих приверженцев только на начальной стадии возникновения и именно вокруг самого явления протеста, когда объединяющим началом становится ненависть к общему врагу, а не понимание единства созидательных устремлений. Писатель предполагал, что протестантизм начнет саморазрушаться после первой же победы над своим идейным противником: как только католичество утратит свои доминирующие позиции и протестантизму потребуется предъявить миру не только обличения ошибок своего предшественника, но и свою созидательную идею, его последователи не смогут договориться об общем понимании ее оснований. Свобода личного толкования писания постепенно сформирует религию с беглой догматикой, ищущей опоры в рациональном объяснении.

Русские консервативные мыслители видели в специфике восточного христианства залог того, что русскому духовному единству не могут угрожать разрушительные веяния протестантизма: подчеркивая принципиальное отличие православной парадигмы от католической, они опирались на провозглашенную православием идею симфонии (созвучия), т.е. совместного стройного действия аппарата светской власти в сфере государственного управления и церкви в сфере духовного воспитания нации. Согласно этой идее, восходящей ещё к писаниям императора Юстиниана, светская власть и церковь, будучи независимы друг от друга, действуют не разнонаправленно,

---

²¹⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. Т. 2. С. 14.

а сообща. Государство выступает хранителем церкви как залога духовного благополучия и единства нации, а церковь, в свою очередь, одухотворяет государственное управление, направляя монарха и подданных на путь христианской нравственности, без которой невозможно гармоничное существование общества. Эту идею неоднократно затрагивает в своей публицистике Катков, отмечавший, что «Русский царь есть не просто глава государства, но страж и радетель восточной Апостольской Церкви, которая отеклась от всякой мирской власти и вверила себя хранению и заботам Помазанника Божия»²¹⁸ и в то же время «произвол Монарха ограничивается только его совестью, тем, что называется страхом Божиим»²¹⁹.

В несколько романтизированном виде представлял реализацию этой идеи в историческом прошлом Руси Н. М. Карамзин: «наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской; служило ей полезным орудием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право – вещать истину государям, не действовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости»²²⁰.

По мысли публицистов русского консерватизма, Россия, избегнув общей судьбы католической Западной Европы, имела более любого другого европейского народа шансов сохранить истинную приверженность христианской вере. «Противоположность между нами и Западом в том состоит, – пишет Катков, – что там все основано на договорных отношениях, а у нас на вере, и противоположность эта определилась первоначально положением, какое Церковь приняла на Западе и какое приняла она на Востоке. Там в основании двоевластие, у нас – единовластие Церкви и с ней

---

²¹⁸ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 510.

²¹⁹ Там же. С. 536.

²²⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 36.

всему народу свобода, а власть, полная и нераздельная, Царю, – вот наша система»²²¹.

С этой точки зрения большинство консерваторов относились критически к деятельности Петра I в отношении церкви. Подчинение церкви государству они считали трагической ошибкой, нарушившей самую суть Православия, уронившей церковь в глазах народа и тем самым повлекшей за собой кризис веры в разных слоях общества.

Оппоненты русских консерваторов также часто указывали на эту двойственность положения русской церкви. С одной стороны, обличая заблуждения католицизма и его все более светский характер, православная церковь подчеркивала недопустимость принципа слияния светской и церковной власти и декларировала свое влияние сугубо в духовной сфере, а с другой стороны, находясь под управлением светской власти в лице Синода, фактически являлась не более чем частью государственного аппарата. Такое тесное слияние православия с русской монархией вызвало уже в самом начале XIX века в образованных кругах русского общества, оппозиционно настроенного к самодержавию, определенную моду на католицизм. Правда, русским католикам, таким как, например, М. С. Лунин и П. Я. Чаадаев, за их очевидной удаленностью от повседневности политической жизни Европы, католицизм представлялся в несколько идеализированном виде, они видели лишь то, что папы дерзали порою противостоять самовластью императоров, но упускали из виду, что это противостояние носило всего лишь характер хищнической борьбы за эту самую власть.

Противоречивое положение православного духовенства в государстве и в значительной мере обусловленный им упадок авторитета церкви признавали и русские консерваторы. Карамзин отмечал, что «если церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним и вера», а между тем «умный монарх в делах государственной пользы

---

²²¹ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 511.

всегда найдет способ согласить волю митрополита или патриарха с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности»²²².

«Тяжко сознаться, – писал И. С. Аксаков, – но благодаря косности, благодаря ложному положению Русской церкви, надевшей, по горькому выражению Владимира Соловьева, государственный мундир, голос её почти не слышен, не авторитетен, по-видимому, не властвует над душами»²²³.

Ю. Ф. Самарин также полагал, что всякое доверие к религии уничтожается в результате того, что «официальный консерватизм под предлогом охранения веры, благоволения к ней, благочестивой заботливости о ее нуждах мнет и душит ее в своих бесцеремонных объятиях, давая чувствовать всем и каждому, что он дорожит ею ради той службы, которую она несет на него»²²⁴

– такое инструментальное подчинение вопросов веры и духовности нуждам политической практики приводит к полной дискредитации церкви, «возбуждает в совести если не противодействие, то, по крайней мере, некоторую к себе недоверчивость, как выражение нескрываемой вражды»²²⁵.

В. П. Мещерский в размышлениях о причинах широкого распространения нигилизма в русском обществе приходил к выводу, что беззащитность общества перед разлагающими его началами обусловлена именно этим «оцепенением православной русской церкви, составляющей одно с государством»²²⁶.

Консерваторы были далеки от того, чтобы напрямую предлагать восстановление патриаршества, но выступали за изменение роли Святейшего Синода, придание ему менее светского и более независимого характера и

---

²²² Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 36.

²²³ Аксаков И. С. Об отношении современного прогресса к христианству (по поводу статьи В. С. Соловьева «О духовной власти в России»). // Аксаков И. С. Сочинения в 7 т. М., 1886–1887. Т. 4. С. 198.

²²⁴ Самарин Ю. Ф. Предисловие к богословским сочинениям А. С. Хомякова. С. 38.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Мещерский В. П. В улику времени. СПб., 1880. С. 34.

приглашение иерархов церкви к участию в обсуждении коренных законов в сотрудничестве с Сенатом.

Однако на протяжении всего XIX века власть в целом действовала в отношении в церкви в совершенно обратном ключе²²⁷: церковь обретала все более подчиненное положение, испытывала материальные трудности, сокращалось число приходов, падало нравственное влияние пастырей на паству, так что к концу века положение духовенства в государстве стало крайне тяжелым, что нашло отражение не только в официальных документах и данных статистики, но и в русской литературе этого периода – в романах Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского и др.

Особенно остро вопрос о положении церкви в государстве затрагивался в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова. Бакалавр Православной духовной академии, он неоднократно выступал с полемическими публикациями по вопросам церковного устройства, чем навлек на себя гнев обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и целый ряд цензурных кар. Обличая синодальный принцип управления церковью за утрату духа соборности и формальный, бюрократический подход, Гиляров-Платонов был далек от того, чтобы в современных ему условиях мечтать о возрождении патриаршества. Он видел ясно, что, во-первых, патриаршество само по себе не есть еще залог независимого положения церкви в государстве и, напротив, потенциально является почвой для развития пагубных тенденций единовластия в церкви, является «папизмом в зародыше»; во-вторых, долгие годы синодального управления церковью привели уже к существенным изменениям отношений государства и церкви, так что формальное возрождение патриаршества на деле обернулось бы лишь переименованием должности, между тем как по внутреннему смыслу не было бы разницы между первенствующим членом Синода и Патриархом. Решение этой

---

²²⁷ Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700–1917 гг. М., 2003; Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М., 2007.

проблемы Гилярову-Платонову виделось в восстановлении периодических местных соборов, в усилении коллегиального характера церковного управления²²⁸.

Другой выход из сложного положения, в котором оказалась Церковь, предлагал Мещерский: созыв Церковного Собора «для обсуждения тысяч вопросов, созданных распущенностью общества», чтобы в результате этого обсуждения Церковь могла «подать голос в вопросе как всего лучше, правильнее и действеннее явиться ей врачом и целителем духовных недугов в области воспитания нашего юношества и вообще в обществе, обуреваемом таким множеством враждебных церкви и народу течений»²²⁹.

Мещерский предлагал также сделать обязательным еженедельное посещение школьниками воскресной обедни, причем непременно в городском храме, а не в школьной церкви, так, чтобы учащиеся юноши стояли перед алтарем бок о бок с верующим народом, соединялись с ним в молитвенном благоговении и не на словах, а на деле приобщались к вере народной. Его задушевной идеей была организация в храме еженедельных бесед законоучителя или приходского священника с учащимися при условии «полной свободы вопросов и ответов», дабы «никакие истины не могли иметь сухое значение уроков, где учитель говорит, а ученики только слушают»²³⁰. Однако, озвучивая эту идею, и сам князь отчетливо понимал, что реализация ее осложнится отсутствием пастырей, одновременно достаточно образованных и достаточно духовно просветленных, обладающих ораторским талантом и опытом духовного наставничества, необходимыми для того, чтобы отважиться на полноценно открытую беседу с юношеством.

Такая постановка вопроса о взаимоотношениях церкви и государства делала для консерваторов крайне актуальным и еще один аспект: проблему

---

²²⁸ Дмитриев А. П. «В церкви главные вопросы наши» // Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011.

²²⁹ Мещерский В. П. Что нужно? // В улику времени. Изд 2-е. СПб., 1880. С. 236.

²³⁰ Там же. С. 237.

юридических границ веротерпимости в полиэтническом и многоконфессиональном государстве. Наиболее полную разработку этот вопрос получил в публицистике М. Н. Каткова.

Издатель «Московских ведомостей» последовательно выступал за то, чтобы охранение православия производилось не путем механического отделения его от других вероисповеданий или политического притеснения последних. Подчеркивая, что именно гонения на раскол порождали удивительное упорство его последователей, публицист приходит к выводу, что мерами полицейской охраны ограждать верующих от совращений бессмысленно, поскольку «ежедневный опыт свидетельствует как нельзя убедительнее, что делу религии такая охрана опаснее напасти»²³¹.

Стремление защитить церковь полицейскими мерами оказывалось со стороны государства «медвежьей услугой», поскольку обличало внутреннее неверие в силу того учения, которое лежит в основе церковного единения, указывало на боязнь того, что при прямом столкновении с проповедниками других вероисповеданий православные пастыри окажутся недостаточно убедительны, что в конечном итоге приводило все к той же дискредитации церкви. В этом отношении Катков был последовательным критиком таких правительственных мер, как запрет православным на переход в иную веру. Этот вопрос становился актуальным, прежде всего, в отношении западных окраин империи с традиционно высоким процентом населения, исповедовавшего католицизм и обострялся в связи с тенденциями русификации Привислинского края²³² после польского восстания. Указывая на то, что насильственное удержание человека в пределах формальной и обрядовой структуры одной конфессии при его духовном тяготении к другой не даст в качестве результата искомого гражданского и идейного единения, Катков писал, что противники православия – католики – не требуют от

---

²³¹ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 659.

²³² Кругликова О. С. Обсуждение вопроса о русификации иноэтнических окраин Российской Империи в московской консервативной печати 1860-х гг. // Медиаскоп. 2016. № 4. С. 13–18.

колеблющихся формального отпадения от православной церкви, позволяя своим идейным последователям внешне демонстрировать приверженность православию, если этого требует формальный государственный закон, при условии сохранения принципиального влияния католического священства на их духовный строй и образ мыслей. Таким образом, пишет Катков, «мы тщимся оградиться от них политическими мерами, и они очень рады оставить за нами полицейскую часть человека, а себе берут духовную. Они очень рады выесть ядро, а нам оставить скорлупу. Нам – форму и букву, нам метрическую книгу, нам оскверненную молитву и поруганное таинство, а им святыню совести, им сердце и дух человека»²³³. Такой обмен, по мнению Каткова, не в интересах церкви и не в интересах государства.

Публицисту виделось решение этого вопроса в следовании принципам истиной терпимости, балансирующей между уверенностью в том, что «между душой человека и Богом государство не вправе полагать меч свой», и ясным пониманием того, что «свобода, как религиозная, так и всякая другая, не значит давать оружие нашему врагу; свобода не значит отказываться от власти в пользу чужого деспотизма»²³⁴. Катков считал необходимым, чтобы любой русский подданный имел право свободно войти и стать частью православной церкви и также свободно покинуть сообщество верующих, не будучи удерживаем в нем юридическими рамками, но чтобы при этом государство не принимало мер, могущих напрямую способствовать распространению и укреплению влияния иных конфессий в России.

Истинная приверженность православию как религии духовной свободы подразумевала для консерваторов и искреннюю убежденность в силе не столько церковной организации, сколько духа самого православного вероучения, близкого русскому народу и не теряющего своей духовной силы от соприкосновения с иными учениями, а потому и не нуждающегося в полицейском надзоре. Поэтому настоящая веротерпимость представлялась

---

²³³ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 4. С. 648.

²³⁴ Там же. С. 637.

им как отсутствие преследований за исповедание той или иной веры и полноценность гражданских прав для лиц любой конфессиональной принадлежности. «Национальная церковь России есть Церковь Православная, и никакая иная не может быть русским национальным учреждением, – писал Катков, – но их этого отнюдь не следует, чтобы люди, исповедующие веру, не признаваемую в качестве русской национальной, не могли быть русскими. Национальность в христианском мире есть дело светское и определяется не религией, а государством»²³⁵.

Постановка вопроса о сопряженности проблемы религиозной и национальной самоидентификации в приведенной цитате Каткова обращает наше внимание на принципиально важную черту консервативной философии пореформенного периода. Анализируя элементы консервативной триады, необходимо сознавать, что они тесно связаны между собой и теряют полноту смысла, будучи оторваны друг от друга. Характер значения православия в концепции русского консерватизма невозможно понять без логической связи с понятием народа и исторически выработанной этим народом формы власти. Стоявший у самых истоков формирования концепции русского консерватизма А. С. Шишков писал: «Тесными узами вера сопряжена с любовью к отечеству»²³⁶.

Консерваторам было свойственно понимание православия как основы патриотизма и национального самосознания. Многовековая самоотверженная борьба русского народа с самыми разнообразными завоевательными поползновениями имела успех в значительной мере именно потому, что, как правило, носила характер противоборства с иноверцами и возносила на флаг лозунг борьбы за сохранение православной веры. Вполне возможно, что государство не устояло бы против постоянных иноземных вторжений, если бы война не становилась своего рода религиозным подвижничеством, если

---

²³⁵ Там же. С. 645.

²³⁶ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. СПб., 1825. Ч. 4. С. 175–176.

бы борьба за сохранение государства не была одновременно борьбой за свою культурную самобытность и уникальность веры. Отчасти этим обстоятельством было обусловлено инстинктивное обращение русского образованного общества начала XIX века от идей Просвещения, от масонства и разнообразных космополитических теорий к спасительному православию в период Отечественной войны 1812 года.

В православии русские консерваторы XIX века видели основу русской национальной идеи, объединяющую платформу, почву, на которой строится духовное единство нации и, следовательно, источник, из которого проистекает её стремление к политическому суверенитету, обусловленное сознанием своей инакости по отношению к остальному миру, своей избранной принадлежности к системе ценностей, альтернативной западноевропейской.

Неслучайно и православные мыслители, и их антагонисты видели именно в принятии Россией греческого христианства поворотную точку русской истории. Если первые усматривали в этом событии перст Провидения, хранивший Россию и направивший её по единственно верному пути, то вторые, вслед за П. Я. Чаадаевым, полагали, что «по воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии»²³⁷, к предмету «глубокого презрения» европейских народов и тем самым начали движение по тупиковому пути, навсегда исключившему Россию из семьи европейских наций, обрекая себя на интеллектуальную отсталость и культурную изоляцию.

В размышлениях С. С. Уварова, автора главной формулы русского консерватизма, православие закономерно занимало значимое место: «Без любви к Вере предков, – писал он, – народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце (...) человек, преданный своему отечеству, столь же мало согласится

---

²³⁷ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>. (дата обращения: 24.09.2024).

на утрату одного из догматов господствующей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха».²³⁸

«Главнейшее и сильнейшее потрясение царства производится стремлениями к разрушению господствовавшей в нем веры», – предостерегал А. С. Шишков. Его мысли вторил Н. М. Карамзин: «с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где пастырь душ может обещать в награду один венец мученический»²³⁹. То есть православие мыслилось в том числе и как важнейшая духовная опора трона в критические моменты истории, когда государь для спасения отечества должен потребовать от граждан жертв беспрецедентных, на которые человек может пойти только за идею высшего порядка.

Это придавало концепту свободы, осмысляемому через идею православия, дополнительный важный аспект. Обширные пространства России, её центральное положение на самом крупном континенте, колоссальная протяженность не защищенных естественными географическими факторами границ и обилие агрессивных соседей диктовали её внутривнутриполитической жизни совершенно особые условия, рождавшие уникальные философские концепты. Как справедливо отмечает один из ведущих американских славистов Ричард Пайпс, политический опыт России «контрастировал с опытом Западной Европы, которая наслаждалась неуязвимостью перед внешними вторжениями уже с XI века», поскольку «её территория огромна: благодаря завоеванию Сибири Россия уже в XVIII веке была самым большим государством на Земле. Более того, обширному пространству её недоставало естественных границ в виде гор и морей, что

---

²³⁸ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Уваров С. С. Избранные труды. М., 2010.

²³⁹ Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 36.

означало незащищенность страны перед непрекращающимися набегами со стороны кочевых монгольских и тюркских племен»²⁴⁰.

В русской культуре, литературе, публицистике слова *русский* и *православный* свободно использовались как синонимы, а простонародье даже чаще использовало понятие *православный* для идентификации себя по национальному признаку, вероисповедание и нация не мыслились друг без друга, ведь к середине XIX века Российская империя оставалась единственным православным государством мира, а русские – единственным православным народом, сохранившим свой политический суверенитет. При этом существовала теснейшая связь православия с русским самодержавием, связь, в рамках которой сильная государственность, обладающая военной и политической мощью, выступала единственным гарантом сохранения национальной веры от иноземной культурной экспансии, а взамен пользовалась нравственной поддержкой церкви, пропагандирующей пастве безоговорочное принятие требований государства, даже если это было сопряжено с личными жертвами для граждан.

Поэтому в русской политической мысли понятие свободы всегда включало в себя компонент свободы государства от захватчиков. В то время как в западной Европе акцент делался на свободе индивида по отношению к государству и обществу, русские из поколения в поколение привычно жертвовали свободами индивида для усиления надличностного целого – государства – в его борьбе с иноземными вторжениями. Для готовности жертвовать необходимо было ясное понимание своего культурного суверенитета, своей самобытности, основанной на приверженности православной вере. В понимании консерваторов концепт свободы составлялся как бы из двух ключевых идей: *православие* как религия максимальной свободы духа и *православие* как основа политической свободы, суверенитета русского государства.

---

²⁴⁰ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 27.

§ 1.3. Самодержавие как воплощенное равенство в осмыслении русских консервативных журналистов

Взгляд на все категории политической мысли исключительно через призму христианского вероучения заставлял русских консерваторов негативно относиться к идее формального социального равенства, закрепленного законодательно и насаждаемого искусственно.

В уже приводившемся высказывании Аксакова максимально ясно сформулирована главная идея консерваторов: требующие формального равенства не остановятся на равенстве материальном, на обобществлении имущества и уравнивании гражданских прав, а непременно потребуют и дальнейшего искусственного уравнивания, так что придется искать возможностей уравнивать умного с глупым, одаренного с бездарным, трудолюбивого с лентяем и т.д.

Механически установленное формальное равенство консерваторы отрицают как прямой путь к деспотии, к тоталитарной уравниловке. В романе «Бесы» Достоевский дает прекрасный образ провинциального политического теоретика Шигалева, который построил свою политическую утопию на идее равенства и с логической неотвратимостью пришел к утверждению жесточайшего террора и тотального доноительства в системе, в которой гениев приходится убивать в младенчестве из уважения к равенству как основополагающему принципу.

Отрицая «шигалевское» равенство, проистекающее из «ревнивого наблюдения друг за другом, чванства и зависти»²⁴¹, консервативные мыслители сохраняют приверженность главной и единственно возможной форме равенства действительного – равенства в полноте нравственной ответственности за то, как каждый из людей сумел воспользоваться теми дарованиями и способностями, которые были ему свойственны, на что

---

²⁴¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 535.

направил он свои интересы и силы. В этом отношении описанный Аксаковым «протест против неравенства Божьих даров» теряет всякий смысл, ибо при неодинаковости врожденных дарований, принцип равенства восторжествует через евангельское «кому много дано, с того многое спросится».

О таком равенстве пишет Достоевский: «Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет и будет выносить у Шекспира ненужное. Что ж он будет унижен, раб? Отнюдь нет. Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: «Честь тебе и слава, – скажет он ему, – и я рад послужить тебе; хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, как человек, тебе равен»²⁴².

Тесно связано с понятием равенства и понимание гражданственности, сущности того, что означает для консерваторов «быть гражданином». Задавшись таким вопросом, вполне естественно обратиться прежде всего к материалам журнала князя В. П. Мещерского, который это слово вынес в название своего издания как манифест и основополагающую идею.

Достоевский, которого издатель на некоторый, довольно краткий, период (1873–1874 гг.), привлек к редакторской работе в журнале, представляясь читателям в своем новом редакторском статусе, сетовал: «горе тому литератору и издателю, который в наше время задумывается. Еще горше тому, кто сам захотел бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявит об этом искренно; а если заявит, что уже капельку понял и желает

---

²⁴² Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 745.

высказать свою мысль, то немедленно всеми оставляется... Я сильно подозреваю, что “Гражданину” еще долго придется говорить самому с собой для собственного удовольствия... “Гражданин” должен непременно говорить с гражданами, и вот в том вся беда его!»²⁴³ Важно обратить внимание на то, что слова эти сказаны в 1873 г. – в тот период, когда в русской литературе и журналистике *гражданственность*, *гражданский долг*, *гражданская скорбь*, *гражданский поступок* – едва ли не самые распространенные и часто повторяемые словосочетания, а *гражданственность* является неким ключевым словом общественного дискурса пореформенной России. Следовательно, если Достоевский предполагает, что при этом среди читателей для него не найдется собеседников, т.е. граждан, это значит, что он как-то иначе понимает гражданственность, чем большинство его коллег по перу.

Вероятно, он солидарен в понимании со своим издателем, который, поясняя в одном из первых номеров журнала смысл его названия, написал: «Мы разумеем великое слово “Гражданин” как труженик для внутренней жизни своего народа, но труженик самостоятельный в силу свободы уважаемого порядка. Верно и то, что не во французском опошленном и обессиленном “*citoyen*” следует искать объяснения понятия “Гражданин”, но в английском и немецком – *Burger*... Быть гражданином – не значит кричать о свободе, но значит свободно участвовать в правильном движении своего народа вперед. Движение вперед, определяемое не потребностями всех, а капризами нескольких, кто бы они ни были, перестает быть историческим и органическим развитием государства»²⁴⁴.

Это высказывание заслуживает внимательного рассмотрения. В понятии *гражданин* обозначаются три составляющие: труд, свобода, и следование интересам народа. Кроме того, для нас важно, что Мещерским подчеркивается различие понимания гражданственности в политических

---

²⁴³ Там же С. 42.

²⁴⁴ Гражданин. 1872. № 2.

традициях разных государств Западной Европы. Противоположение французской политической мысли, в значительной мере сформированной энциклопедистами эпохи Просвещения и социалистами-утопистами, и немецкой, существенное влияние на которую оказали философы немецкого идеализма, значимо тем, что подчеркивает и антитезу понятия о гражданственности, свойственного русской либерально настроенной журналистике, в идейном плане апеллировавшей прежде всего к французской традиции, и журналистики консервативной, испытавшей существенное влияние Гегеля и Шеллинга.

Общественно-политический дискурс России второй половины XIX в., как уже говорилось, являлся полем столкновения, осмысления и попыток адаптации в национальном социокультурном контексте различных концепций западноевропейской философии. Пришедшее в русский язык в период распространения письменности старославянское *гражданин*, являлось словообразовательной калькой с греческого, т.е. было соотнесено с понятием *город* и обозначало городского жителя, т.е. изначально не имело политического оттенка смысла. Слово *гражданин* использовалось как нейтральное обозначение городского обывателя, иногда в значении противопоставления духовному и военному сословию, т.е. ближе всего по смыслу было к слову *мещанин*.

В период политических трансформаций петровской эпохи первому русскому императору понадобилось сформировать новую общественную элиту, которая могла бы заменить родовое дворянство, противодействовавшее реформам, а следовательно, понадобился и идеологический, понятийный инструмент формирования её групповой идентичности. Новая элита – будущая бюрократия – должна была ориентироваться на идеальный образ *гражданина*, соотнося это понятие с определенным кругом политических прав и обязанностей. По приказу императора в 1724 г. переводится на русский язык и широко распространяется в светских учебных заведениях трактат немецкого правоведа Самуэля Пуффендорфа «О должностях человека и

гражданина». Согласно этому трактату, понятие *гражданин* получало расширительное значение ‘соотечественник, подданный государства’. Допустив номинацию *гражданин* для всего населения определенного государства, потребовалось установить также и ключевые характеристики, которыми должен обладать человек, претендующий на принадлежность к этой категории – указать черты и качества, делающие человека не просто подданным, но именно гражданином. Пуффендорф постулирует в качестве основы гражданственности именно мотив служения, противопоставляя его своеволию и указывая, что «человек, ставший гражданином, теряет естественную свободу и подчиняет себя власти, включающей в себя право на жизнь и смерть... Мы называем человека истинно политическим животным, то есть хорошим гражданином, если он явно подчиняется повелениям правителей, если он всеми силами стремится к общественному благу и охотно подчиняет ему свое личное благо, или, вернее, если он не задумывает ничего хорошего для себя, если только это не будет также хорошо для других и также для государства...»²⁴⁵. Для петровского времени было в целом характерно укрепление понятия общественного блага как системообразующего для всех сторон коллективного бытия²⁴⁶ и постулирование стремления к общему благу как естественного мотива всех действий и правителя, и подданных.

Время правления Екатерины Великой внесло некоторое противоречие в трактовку понятия *гражданин* – в Наказе императрица следует традиции просвещенческой философии, поэтому, как отмечает Г. В. Дуринова, «впервые соотнесенное с французским *citoyen* в тексте “Наказа” Екатерины II, слово *гражданин* стало реципиентом политической семантики

---

²⁴⁵ Пуффендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по естественному праву. Режим доступа: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/>. (дата обращения 21.08.2024).

²⁴⁶ Хархордин О. Что такое «государство»? // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 152–216.

французского термина»²⁴⁷. Для уточнения этой политической семантики можно обратиться к тексту программного документа, зафиксировавшего многие ключевые понятия французской политической семантики – «Декларации прав человека и гражданина», которая в первых же строках манифестирует право гражданина на политический протест как одно из основополагающих прав. Русская прогрессивная интеллигенция, как уже говорилось, апеллировала к понятийному контексту французской революции постоянно, поэтому употребляя слово «гражданин», она имплицитно транслировала концепт протеста.

Позже, в 1783 г., Екатерина II предпримет переиздание трактата Пуффендорфа, и введет его обязательное изучение в школах²⁴⁸. Однако влияние французского *citoyen* уже значительно укрепилось в русском культурном контексте, так что употребление слова *гражданин* стало устойчиво ассоциироваться с революционными идеями²⁴⁹. Именно поэтому при Павле I была предпринята попытка вернуть слово *гражданин* к исходному политически нейтральному значению, не связывая его по смыслу ни с трактовкой, восходящей к работе Пуффендорфа, ни с трактовкой, возникшей в результате влияния идей революции – в публичном дискурсе предписано было заменять *гражданин* на *мещанин*²⁵⁰.

Зарождение русского консерватизма, как уже отмечалось, пришлось как раз на период правления Александра I и складывалось, с одной стороны, как оппозиция либеральным устремлениям первого периода царствования, с другой – как ответ на вызовы международной политики, связанные с

---

²⁴⁷ Дуринова Г. В. Слово как объект исторической семантики: гражданин и общество в русском языке второй половины XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 6.

²⁴⁸ Дуринова Г. В. наброски к истории социально-политического понятия гражданин и вопрос о происхождении общества (XVIII – нач. XIX в.) // Векторы развития современной России. От формирования ценностей к изобретению традиций. 2014. С. 72–87.

²⁴⁹ Улуханов И. С. История слов горожанин—гражданин // Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1968. Вып. VI. С. 166–178.

²⁵⁰ Греч Н. И. Записки о моей жизни / текст по рукописи и с комментариями Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.; Л.: ACADEMIA, 1930. С. 151.

периодом наполеоновских войн и необходимостью преодолеть результаты французской культурной экспансии на предыдущем историческом этапе. Поэтому в этот период один из родоначальников консерватизма Г. Р. Державин в рассуждениях о достоинствах гражданина вновь акцентирует аспект служения, ибо *гражданин* должен быть «благопокорным начальству своему подчиненным и ревностным к службе Государя своего подданным»²⁵¹.

Таким образом, можно сказать, что к середине XIX в. в русском культурном контексте семантическое поле слова *гражданин* раздваивается, поскольку параллельно функционировали два концепта гражданственности: свойственный консервативно-государственническому направлению с доминирующим значением служения и самопожертвования и органичный для либерального дискурса, т.е. испытавший влияние сначала идей французской революции, а затем еще более существенное влияние политического наследия декабризма, в результате которого «*гражданин* становится носителем специфически русского морально-этического концепта»²⁵², связанного с постоянной критикой власти с высоты недостижимых моральных императивов.

При этом важно отметить, что царствование Николая I, особенно его завершающий период, воздействовали на русское общество таким образом, что либеральный дискурс на время оказался доминирующим, объединив на платформе умеренного либерализма всех интуитивно протестующих против стеснений николаевского режима. Поэтому для консерваторов пореформенной России было принципиально важным семантическое разотождествление гражданственности и протестности: гражданин, с точки

---

²⁵¹ Державин Г. Р. Речь о пользе просвещения // Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением Известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. С.-Петербург: в типографии Ф. Дрехслера, 1812. С. 375.

²⁵² Дуринова Г. В. Слово как объект исторической семантики: гражданин и общество в русском языке второй половины XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 3.

зрения консерваторов, – это человек, не противопоставляющий идею свободы и идею государственности (в духе гегелевской мысли о государстве как высшей форме самосознающей свободы), честно трудящийся на благо этой государственности и не делающий ничего напоказ, т.е., в формулировке Мещерского, «не кричащий о свободе». В последнем постулате содержится свойственная консерваторам критика показной гражданственности. Следование определенному господствующему образу мыслей, интеллектуальной моде вместо искреннего убеждения неоднократно подвергалось критике со стороны Достоевского: «уж конечно, тут отчасти и стадность: все пишут, все тревожатся, так как же и мне не тревожиться, подумают, что не гражданин, не интересуюсь»²⁵³.

Эта интеллектуальная мода, установившаяся в русском обществе пореформенного периода, расценивалась консерваторами как явление весьма опасное, поскольку именно поверхностно понятые и категорично интерпретированные постулаты либерализма наиболее легко и широко распространялись среди учащейся молодежи и провинциальной интеллигенции. Важно подчеркнуть, что существование этой моды признавалось представителями обоих полюсов общественно-политического диалога. Салтыков-Щедрин не без горькой иронии отмечает, что если в прежние времена либерализм был отчасти подвигом, то вскоре либералами, по едкому выражению героя очерка «Дневник провинциала в Петербурге», стало можно заборы подпирать²⁵⁴. Помимо полемики между идейными лидерами консерватизма и либерализма, философами, мыслителями, был еще, если можно так выразиться, нижний этаж общественного дискурса, в котором этот спор уплощался и упрощался до набора опошленных постоянным повторением вырожденных сентенций.

---

²⁵³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 762.

²⁵⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 10. Господа ташкентцы. М.: Художественная литература, 1970. С. 450.

Это упрощение было, несомненно, вполне симметричным с обеих сторон – на этом уровне позерствующий либерал, претендующий всю жизнь простоять, как один из героев Достоевского, «воплощенной укоризной пред отчизной», противостоял Собакевичам и Коробочкам, понимающим консерватизм именно как бессмысленное сохранение статус-кво, сколь бы отжившим и губительным оно ни было. Этот факт констатировали и сами консервативные публицисты, ясно разделяя едкую насмешку над неразумными последователями, искажившими учение, и уважительную полемику с идеологическими вдохновителями этих учений. Достоевский, самый едкий насмешник над напускным либерализмом темных людей, всегда делал оговорку: «Я про стадо говорю, я праведников не трогаю. Праведники везде есть, даже и из европейцев русских, и я их чту»²⁵⁵.

Со своей стороны, представители либерального и революционно-демократического направления подмечали подобное же расслоение и в стане консерваторов. Так, Салтыков-Щедрин подразделяет сторонников «принципа обуздания» на лгунов лицемерных, которые поддерживают действующую систему потому, что она укрепляет их господствующее положение, и лгунов-утопистов, искренних фанатиков, дающих этой системе теоретическое обоснование. Только если Достоевский к «праведникам либерализма» выражает уважение, а к рядовым последователям либеральной моды относится скептически, то Салтыков-Щадрин, напротив, именно рядовых приверженцев охранительства считает предпочтительным типом: лгуны-лицемеры, по его мнению, предпочтительнее, поскольку бороться с ними проще. Искренние же фанатики консервативной идеи не вызывают у Салтыкова-Щедрина уважения даже своею искренностью, поскольку «лицемера-лгуна я могу презирать, тогда как в виду лгуна-фанатика мне

---

²⁵⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 763.

ничего другого не остается, как трепетать. Как хотите, а право презирать все-таки хоть сколько-нибудь да облегчает меня...»²⁵⁶.

Необходимо признать, что благодаря господству либеральных идей в журналистике и высших слоях общества пореформенного периода в публичном поле «недопонятый либерализм» был распространен гораздо более «недопонятого консерватизма». Эта мода на либеральную фразу представлялась консерваторам опасной, потому что могла в сознании человека поставить следование интересам своего направления выше здравого политического смысла. Достоевский призывал «не стыдиться хоть иногда, что вас кто-нибудь назовет гражданином, и... хоть иногда сказать правду, если б даже она была и недостаточно, по-вашему, либеральна»²⁵⁷, и ему вторил Катков, предлагавший быть «либеральными в своем консерватизме и консервативными в своем либерализме»²⁵⁸, главное быть только русскими прежде всего, и смотреть на любые вопросы в позиции здоровой оценки блага и интересов России. Это созвучно формулировке гражданственности, данной Мещерским – «участвовать в правильном движении своего народа».

Однако для понимания этого движения необходимо понимать народ, вот почему и Достоевский не видел вокруг себя достаточно истинных граждан, чтобы беседовать на гражданские темы; понимание народа большинством русского образованного общества, с его точки зрения, было утрачено. Надо, впрочем, заметить, что и оппоненты консерваторов весьма ясно сознавали тот факт, что их соотнесенность с народной культурой разрушена. Так, например, в знаменитой статье Д. И. Писарева «Бедная русская мысль» делается глубокая констатация: «народ с нами не говорит, и

---

²⁵⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 11. Благонамеренные речи. 1872–1876. М.: Художественная литература, 1971. С. 15.

²⁵⁷ Там же. С. 219.

²⁵⁸ Из передовой статьи «Московских ведомостей». № 125. 6 мая 1881 г.

мы его не понимаем»²⁵⁹, но в понимании Писарева это не является препятствием для разночинной интеллигенции к тому, чтобы деятельно преобразовывать политическую жизнь своего народа. Преобразовывать, не стремясь его понять, а предполагая его именно переделать, но переделать впоследствии, когда совершится уже социальная революция, тяготы которой революционная интеллигенция предполагала жертвенно понести на своих плечах. В их позиции, таким образом, парадоксально сочеталась ненависть к узурпаторам существующим и открытая готовность самим стать узурпаторами – разумеется, во имя достижения идеала.

Мещерский последовательно развивает в своем творчестве тему «нерусской России». В сборнике статей «В улику времени», который почти полностью посвящен этому вопросу, он многократно повторяет, что «незнание России вот отличительная черта Петербурга». При этом петербургская интеллигенция по недоразумению искренне полагает, что действует, работает для России, в то время как не имеет с нею на деле ничего общего, ибо «Русская Россия живет поныне, как жила 30 лет назад, веруя в Бога, уважая семью, себя, свое отечество, и благоговейно чтя своего монарха Русского Царя. Петербург ведь не Россия и Россия не Петербург!»²⁶⁰.

Русские дворяне, а во второй половине XIX в. уже и образованные разночинцы, бывшие по духу, собственно, иностранцами в своем отечестве, зачастую буквально не владевшие родным языком, исповедовали свойственные западной культуре политические ценности, вступающие в конфликт с созданной русским народом системой национальной государственности, что обуславливало системный антагонизм между элитой и властью. Причем, поскольку возможность политических выступлений (в форме гвардейских заговоров, подпольных политических организаций, пропаганды и т.д.) и гласного обсуждения вопросов политической жизни в

---

²⁵⁹ Писарев Д. И. Бедная русская мысль («Наука и литература в России при Петре Великом». Исследование П. Пекарского) // Писарев Д. И. Сочинения в 4 т. Т. 2. Статьи 1862–1864. М.: ГИХЛ, 1955. С. 36.

²⁶⁰ Мещерский В. П. В улику времени. СПб., 1880. С. 15–16.

печати принадлежала исключительно элите, то создавалось впечатление тотального протеста всего народа против монархической власти, силой узурпировавшей государственное управление и удерживавшейся в течение нескольких веков только по непонятной случайности.

Консерваторы, утверждавшие благотворность монархической традиции, доказывали, что в политическую борьбу с самодержавием вступает вовсе не народ, а только узкий слой денационализированной элиты, которая, по выражению Достоевского, «только и делала, что отвыкала от России, и кончила тем, что разнакомилась с ней окончательно и сносилась с нею только через канцелярию»²⁶¹. Причем, как подчеркивал Мещерский, интеллигенция, несмотря на такую отдаленность от народа, стремилась перекроить народное сознание на свой лад, ведь «русский народ, здравый, умный, со своею православною и политической верою воспринятыми духовным инстинктом в душе твердо и непоколебимо, предстал перед петербургским интеллигентом всех положений отвратительным уродом, за переделку которого надо было взяться немедленно»²⁶². В схожем ключе высказывался и Катков, считавший, что «истинное зло России заключается в той гнилой части её интеллигенции, которая чуждается своего народа»²⁶³.

Важнейшей идеей консерваторов была убежденность, что при очевидном антагонизме между элитой и властью антагонизма между царем и народом нет и быть не может. Единство царя и народа было залогом успешного существования русской монархии на протяжении нескольких столетий. Катков писал: «Народ организованный, имеющий одно отечество и одну верховную власть, которой всякая другая власть в народе подчинена, есть един с государством и его главою». Идея о том, что монархический принцип явился главным плодом жизни русского народного духа, активно развивалась и в публицистике почвенников. Монархическое государство как

---

²⁶¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. СПб., 2011. Т. 2. С. 59–60.

²⁶² Мещерский В. П. В улику времени. СПб., 1880. С. 36.

²⁶³ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 3. С. 575.

единственное существенное достижение русской культуры названо в знаменитой статье Н. Н. Страхова «Роковой вопрос». В публицистике славянофилов эта идея приобрела особое звучание.

Квинтэссенцией её стала концепция народной монархии, которую развивал Ю. Ф. Самарин: «У нас есть одна сила историческая, положительная, – это народ, и другая сила – самодержавный царь. Последний есть также сила положительная, историческая, но только вследствие того, что ее выдвинула из себя народная сила, и что эта последняя сила признает в царе свое олицетворение, свой внешний образ. Пока этими двумя условиями обладает самодержавие, оно законно и несокрушимо». Самарин выражал уверенность в том, что если элите доведется проверить на прочность этот политический принцип, то она вынуждена будет столкнуться с решительным противодействием народа, поскольку между народом и царем «давно заключен невысказанный, а подразумеваемый и всеми понимаемый союз для взаимной защиты»²⁶⁴. Много позже П. Б. Струве, мыслитель и политический деятель, прошедший сложный путь эволюции политических убеждений, отправной точкой которого были идеи марксизма, а логическим финалом – идеи, весьма близкие русскому консерватизму, обличая русскую интеллигенцию в знаменитом и трагическом сборнике «Вехи», развивал мысль о том, что утратившая духовную связь с народной жизнью интеллигенция три столетия натравливала народ на историческую монархию, при всех своих недостатках все-таки выполнявшую свою главную функцию – функцию сохранения национальной государственности.

Таким образом, взгляды русских консерваторов не обосновывали господство дворянской элиты, но в значительной мере критически осмыслили роль русского дворянства и унаследовавшей многие его черты разночинной интеллигенции, с середины XIX в. выступавшей основным двигателем общественных процессов. В денационализированной элите дворянской и

---

²⁶⁴ Самарин Ю. Ф. По поводу толков о конституции // Русь. 1881. № 29.

разночинной, в петербургской бюрократии видели консерваторы одно из главных зол: опасное средостение между царем и народом, под влиянием которого монархия утрачивала свой истинный смысл – теряла свой надсословный характер.

Консерваторы, безусловно уважавшие традицию как данность, вовсе не ограничивались в своих размышлениях тем, чтобы констатировать, что «единая, безусловно свободная и бесспорная верховная власть есть великое благо русского народа, завещанное ему предками и добытое их трудом и кровью»²⁶⁵, но стремились осмыслить самодержавие как политическую модель, обеспечивавшую полноценную реализацию идеи равенства.

Для Каткова в этом отношении принципиально важен надклассовый характер самодержавия. «Трон затем возвышен, – пишет он, – чтобы перед ним уравнивались различия сословий, цехов, разрядов и классов»²⁶⁶. Идея гармоничности монархии как надсословного правления не была, разумеется, открытием, совершенным Катковым, – эта мысль звучала и трудах европейских консерваторов (Боссюэ) и в уже упоминавшемся «Наказе» Екатерины Великой, где было сказано, что «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим»²⁶⁷.

Монарх, не принадлежа ни к одному из классов общества, не будучи включен ни в какие социальные группы профессионального, кастового свойства, единственный может сохранять объективность в решении вопросов, имеющих значение для всего государства, и в решении этих вопросов искренно руководиться только соображениями общей пользы. «Русское самодержавие, – поясняет Катков, – не имеет ничего общего с тем, что рисуют себе люди, судящие о нем по чужим понятиям. Понятое в своем истинном смысле, оно окажется лучшим и вернейшим обеспечением всякого блага, каким только может дорожить человечество. Оно выражает собою

---

²⁶⁵ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 441.

²⁶⁶ Там же. С. 433.

²⁶⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1907. С. 4.

единую власть, ни от каких партий и отдельных интересов не зависящую, надо всем возвышенную, чистую ото всякого эгоизма, равную целому»²⁶⁸.

По мысли консерваторов, любое народное представительство, на каком бы принципе ни основывался механизм его формирования, неизбежно превратится в поле интриг, в борьбу сословных и корпоративных интересов, будет служить своекорыстным устремлениям наиболее ловкой социальной группы и в ущерб остальным. Царю же незачем отстаивать приоритет той или иной группы своих подданных, с высоты царского престола видны лишь интересы общие, интересы единого целого – государства. «От того, что русский царь не дворянин, не торговый, не посадский человек и не крестьянин, – писал И. С. Аксаков, – все сословия считают его своим в равной степени, и это значение его заключает в себе историческое, всею землею признанное уполномочие быть верховным вершителем всех сословных вопросов и тяжб»²⁶⁹.

Отчасти подобные мысли звучали у консерваторов начала XIX века, а первый манифест русского консерватизма – записка Н. М. Карамзина о древней и новой России – содержит указание на то, что с переменой государственного устава Россия «гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»²⁷⁰

Принципы демократического устройства могут быть реализованы в небольшом по размеру и численности населения государстве, где остается все-таки надежда на то, что враждующие группы сумеют договориться ко всеобщему удовольствию, так как их объединяют сходные в целом интересы небольшого города-полиса. Но как только государство разрастается, оно включает в себя все новые и новые части, обладающие особенностями и

---

²⁶⁸ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 510–511.

²⁶⁹ Москва. 1867. № 52.

²⁷⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 48.

уникальными интересами, усиливается классовая дифференциация общества, интересы многочисленных социальных групп начинают вступать в острый конфликт. Поэтому, по мнению консерваторов, в крупном государстве любые органы представительства пагубны, так как в самом их основании уже заложен элемент обмана – будучи призваны выражать интересы всех групп общества при принятии важных государственных решений, они на деле становятся игрищем хищнических страстей социальных групп, борющихся за власть в своекорыстных интересах. Достичь же реальной общественной гармонии и соблюдения интересов всех членов общества возможно только при участии объективного арбитра, уравнивающего разнонаправленные интересы частей по имя благополучия целого.

С точки зрения Каткова, усовершенствование политических форм идет именно в направлении от более примитивных республиканских к более совершенной монархической. Он опровергает характерные для его современников представления о падении республики в Риме и складывании империи как о деградации античной политической культуры, и утверждает, что, напротив, республиканский Рим был лишь ступенью великого пути становления самой гармоничной формы государственности – монархии.

«Не против, но на защиту свободы обнажен её меч», – отмечал Катков, говоря о самодержавной власти²⁷¹. Для консерваторов правильно реализованный монархический принцип есть единственная гарантия настоящей общественной и гражданской свободы, и настоящего равенства. В знаменитой статье «К какой принадлежим мы партии?» Катков задается риторическим вопросом: не в том ли должен состоять прогресс, чтобы общество наконец освободилось от государства? И приходит к выводу, что «лишь только мы представим себе, что государственное начало будет исключено (...) как в тот самый миг общество, по-видимому освобожденное от государства, утратит, напротив, значение свободного общества и во всем

---

²⁷¹ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 511.

составе своем превратится в то самое начало, от которого думало освободиться; оно само будет государством, и государством тем худшим, что государство будет в нем всё во всём, не давая ничему свободного существования и на все налагая свою печать... Вырвите с корнем монархическое начало, оно возвратится в деспотизм диктатуры; уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, место его не останется пусто, оно будет занято или бюрократами, или демагогами, олигархами самого дурного свойства... уничтожьте централизацию не в её злоупотреблениях, а в самом её корне, – вы убьете целую национальность, вы разрушите труд веков, подорвете основу дальнейшего развития, но зла не уничтожите, напротив, еще усилите: вместо одного органического центра явится несколько фальшивых, несколько мелких деспотий, где еще ревнивее и придирчивее разовьется дух вмешательства и опеки и где для личной свободы будет еще менее благоприятных условий»²⁷².

Важно отметить при этом, что, исключая любое формальное ограничение самодержавия, многие представители консервативного крыла русской публицистики, и прежде всего славянофилы, активно разрабатывали идею создания совещательного органа в духе Земского собора. Им представлялась идеальной та модель правления, которая существовала при первых Романовых, когда монарх, обладавший юридически ничем не ограниченной властью, опирался при решении наиболее масштабных государственных вопросов на мнение выборных людей от всех слоев общества. В статье «Тридцать лет царствования Иоанна Васильевича» А. С. Хомяков писал: «Земская дума не имела никакой власти и была только выражением народного смысла, призванного на совет с государем; по этому самому она не только не могла произвести никакого раздвоения власти, но утверждала её, связуя воедино волю государя с обычаем и нравственным чувством народа»²⁷³. Славянофилы отстаивали Земский собор не как

---

²⁷² Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 36–37.

²⁷³ Хомяков А. С. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 3. С. 35.

противовес самодержавию, но как его необходимую опору, не случайно далее в тексте статьи Хомякова отмечается, что первые Романовы, приняв власть от Земской думы, «любили совещаться с нею, скрепляя государственную силу любовью и смыслом народа»²⁷⁴.

Не имея возможности формально ограничить волю и деятельность государя, Земский собор, выразивший мнение народа, обеспечивал нравственную легитимацию мер, предпринимаемых властью, т.е. желаемое славянофилами народное представительство не имело собственно парламентских функций, не нарушало едиnodержавного принципа, хотя именно настойчивая пропаганда этой идеи воспринималась и современной славянофилам цензурой и позднейшими исследователями как основание для того, чтобы причислить славянофилов к либералам, каковыми они по истинной сути своих воззрений никогда не являлись.

Размышления о земствах как об одном из первых опытов представительных учреждений развивает Мещерский в одном из «Политических писем», озаглавленном «Земское увлечение». Князь указывает, что традиционно нерадивое хозяйничанье русского дворянства в собственных имениях, приведшее его к середине 1860-х гг. к почти полному разорению, особенно после отмены крепостного права привело к тому, что «провинция России ощущала уже весьма сильно недостаток в людях, в рабочих, так сказать, в интеллигенции: часть дворянства заснула, другая часть выехала из своих имений и начала проживать выкупные свидетельства...»²⁷⁵. И именно в это-то время острого недостатка в образованных и деловитых людях в провинции была проведена «земская реформа наилиберальнейшей Петербургской стряпни»²⁷⁶, т.е. предполагавшая многоступенчатые выборные процедуры и формирование «многоличных», как называет Мещерский, т.е. состоящих из многих

---

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Мещерский В. П. Нечто в роде исповеди // Речи консерватора. СПб., 1876. С. 118.

²⁷⁶ Там же. С. 115.

представителей, земских учреждений. Но в провинции и одного человека, способного эффективно организовывать работу на общее благо, часто было затруднительно найти, необходимость же выбирать – и выбирать многих – превратила земство, с точки зрения Мещерского, в мало жизнеспособное учреждение, ибо сила любого общественного института не в структуре его устройства, а в людях, которые замещают в нем должности.

Однако акцент в организации работы земства постепенно свелся к выборной процедуре как таковой, как к процессу, имеющему самостоятельное значение в отрыве от той деятельности, которую предстоит вести избранникам. Выборы многими стали восприниматься как род новой общественной игры и порою превращались в карикатурные псевдополитические ристалища энского уезда, инструментами предвыборной борьбы в которых могли служить не только содержательные дебаты, но и родство, связи, обеды, посулы и пр.

Мещерский ужасается «столь поразительному контрасту между реформаторами Петербурга, создающими целый либеральный проект земства, где понадобились для его осуществления около 2000 способных и образованных земских людей, и между Россией, то есть русским обществом, в первый же год реформы заявляющим, что оно не может дать даже ста таких способных и образованных земских деятелей»²⁷⁷.

Мотив «гражданского безлюдья» будет одним из доминирующих в публицистике Мещерского. Как и все консерваторы, князь полагал, что исправлять надобно не общественные учреждения, а людей. Разделяя общий скепсис консерваторов по отношению к теоретическим планам преобразования общества, он считал, что честные и умные люди, включенные в работу того или иного общественного или государственного учреждения, своими личными качествами, благонамеренностью и здравомыслием компенсируют любые неизбежные погрешности системы, на каких бы

---

²⁷⁷ Там же. С. 155.

теоретических основаниях она ни была построена, равно как и, напротив, благонамеренные дураки или хваткие деловитые казнокрады будут разлагать любой государственный организм, как бы ни был он формально устроен. Стало быть, и хлопотать следует не возникновении тех или иных учреждений, а о воспитании достойных граждан. Поэтому вопросы образования и воспитания всегда привлекали к себе внимание консервативных публицистов, особенно Каткова, который был вдохновителем и архитектором образовательной реформы и стремился действовать в этом отношении не только как мыслитель и теоретик, но и как практический деятель, учредив собственное учебное заведение – знаменитый катковский лицей.

Если Мещерский рассуждает о приоритете нравственных качеств граждан для благополучия страны более через призму политической рациональности, то Достоевский в свою очередь развивает сходную мысль религиозном аспекте: если бы частным людям удалось в их повседневной жизни приблизиться к христианскому идеалу нравственности, то даже и такое чудовищное учреждение, как крепостное право, потеряло бы свой жуткий смысл – и не в результате реформы его или упразднения, а в результате того, что не было бы уже дела любой барыне, даже гоголевской Коробочке, «совершенной уже христианке, крепостные или не крепостные ее крестьяне? Она им “мать”, настоящая уже мать, и “мать” тотчас же бы упразднила прежнюю “барыню”. Это само собою бы случилось. Превжняя барыня и превжний раб исчезли бы как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди, совсем в новых между собою отношениях, превже неслыханных»²⁷⁸.

«В христианстве, в настоящем христианстве, – отмечает Достоевский, – есть и будут господа и слуги, но раба невозможно и помыслить. Я говорю про настоящее, совершенное христианство. Слуги же не рабы. Ученик Тимофей прислуживал Павлу, когда они ходили вместе, но прочтите послания Павла к Тимофею: к рабу ли он пишет, даже к слуге ли, помилуйте! Да это

---

²⁷⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 744.

именно “чадо Тимофее”, возлюбленный сын его. Вот, вот именно такие будут отношения господ к своим слугам, если те и другие станут уже совершенными христианами! Слуги и господа будут, но господа уже будут не господами, а слуги не рабами»²⁷⁹.

Это не означало, впрочем, что Достоевский полагал подобный идеал легко реализуемым в политической практике или настаивал на том, чтобы не изменять вовсе никаких общественных учреждений иначе как через духовное совершенствование людей, поскольку консерваторы, как уже говорилось, не верили в возможность всеобщего духовного перерождения, но тем важнее было для них обозначение того духовного идеала, с которым следовало соотноситься, оценивая несовершенство действительности. «Да, конечно, господа насмешники, настоящих христиан еще ужасно мало (хотя они и есть), – признавал писатель, – но почему вы знаете, сколько именно надо их, чтоб не умирал идеал христианства в народе, а с ним и великая надежда его? Примените к светским понятиям: сколько надо настоящих граждан, чтоб не умирала в обществе гражданская доблесть?»²⁸⁰.

Равенство граждан в системе монархического правления осмыслялось не только в аспекте равенства людей перед Богом в нравственной ответственности за свои поступки или в аспекте гармонии политического равновесия правления надсословного самодержца, но и аспекте соотношения гражданских прав и обязанностей для всех членов общества.

Катков отмечает, что все имевшие место в истории республиканские режимы предусматривали действие механизмов народоправления только во время мира и политической стабильности. В случаях же, когда государство подвергалось какой-либо опасности, будь то внешняя угроза или внутренняя дестабилизация, вызванная эпидемиями, неурожаем и т.д., в действие приводились диктаторские механизмы управления как единственно эффективные в экстренной ситуации: «У нас вышло совсем из памяти, что ни

---

²⁷⁹ Там же. С. 745.

²⁸⁰ Там же. С. 746.

одно из самых свободных государств не отказывалось от своего несомненного права законным образом принимать в исключительных обстоятельствах исключительные меры. В Англии в случае надобности может быть отменен акт, обеспечивающий личную безопасность, – “Habeas Corpus”. В Риме в минуты опасности сенат постановлял свое знаменитое *videant consules* – и консулы были облакаемы диктаторской властью»²⁸¹.

Если же обратить взгляд на историю России с самого момента становления её государственности, то неизбежен вывод, что «экстренные» ситуации – войны или угрозы войн, неурожай, смуты и т.д. – сопутствовали ей неотлучно, перетекая одна в другую. Это вызвало к жизни ту форму власти, которая, по справедливому замечанию Р. Пайпса, более всего походила на военную диктатуру, отличавшуюся постоянно высокой степенью милитаризации и подчинения личных интересов государственным.

Но эта форма власти, полагали консерваторы, возникла не как злой умысел кучки людей, надеявшихся приобрести от нее личные выгоды, но как политическая необходимость, её установление именно в этих формах государственной жизни было осознанным выбором нации, склонной отстаивать политический суверенитет и культурную уникальность целого народа ценой отказа отдельных граждан от личных своекорыстных целей. Важной для консерваторов чертой осмысления феномена власти в целом и самодержавной её формы в частности было то, что они, по прекрасному выражению Н. А. Бердяева, характеризовавшего воззрения славянофилов в статье об А. С. Хомякове, воспринимали власть как «обязанность, долг, тяготу, подвиг, а не привилегию, не право»²⁸². В соответствии с консервативной парадигмой не династия узурпировала единоличную власть, как полагали революционно настроенные общественные деятели, а народ русский «не захотел мира сего» и возложил это бремя на избранника. В

---

²⁸¹ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 3. С. 29.

²⁸² Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/khomyakov/index.html>. (дата обращения: 23.09.2024).

условиях постоянно существующей внешней опасности народ и государь как бы заключили негласную конвенцию о том, чтобы одинаково полно возложить на себя тяготы противостояния врагу, отказавшись от многих личных устремлений.

Отсюда провозглашенная Катковым формула «Русские подданные имеют нечто большее, чем права политические, они имеют политические обязанности»²⁸³. Эта же мысль звучала в трактовке В. П. Мещерского: «Теперь обязанности свои знать и исполнять важнее обществу, чем знать его права»²⁸⁴. Право – то, чем можно воспользоваться или нет, по своему желанию, обязанность – то, что должно исполнить независимо от своего желания. В этом смысле в самодержавной системе проявляется и еще один оттенок равенства: царь и его подданные равны в обязанности владеть каждый свою часть бремени государственных забот. «Высоко призвание Государя России, высоко, но и обязательно, – более обязательно, чем всякая другая власть на земле. (...) Его обязанности выше всех его прав»,²⁸⁵ – писал Катков, подчеркивая в другой публикации, что «сам Монарх не мог бы умалить полноту своих прав (...) да народ и не понял бы его»²⁸⁶. Народ не понял бы его, по Каткову, именно потому, что это было бы расторжением негласной конвенции, нарушением равенства – желание монарха снять с себя бремя власти, в то время как у подданных нет возможности избежать своих политических обязанностей, в глазах народа было бы предательством.

Гиляров-Платонов ссылается еще на одну созвучную по смыслу сентенцию Хомякова: «Припоминаю, что подобное мнение высказано было прямо Хомяковым в письме к сербам. Не помню точных слов, но смысл именно тот: “Для полного гражданского счастья нужно, чтоб каждый думал прежде о своих обязанностях, чем о правах, и самое право сознавал как

²⁸³ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 3. С. 982.

²⁸⁴ Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1893. № 54. С. 3.

²⁸⁵ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 36–37.

²⁸⁶ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 536.

обязанность”»²⁸⁷. Гиляров-Платонов в этом контексте напоминает также о важности безвозмездного общественного служения, которое в результате одной из величайших, по его мнению, ошибок минувших великих реформ оказалось «если не упразднено, то, можно сказать, затоптано», потому что теперь «все получают оклад, и городское самоуправление и земская и мировая юстиции. К удивлению остаются еще гласные без жалованья и почетные мировые судьи, но зато последних и освободил закон от всякой обязанности»²⁸⁸.

В семантическом сопоставлении понятий *равенство* и *самодержавие* в публицистике русских консерваторов постулируется самодержавие как высшая и единственно возможная форма истинного равенства, которое осмысляется в различных аспектах. Критически относясь к идее формального социального равенства, консерваторы обращаются к христианскому пониманию того, что люди истинно равны единственно перед Богом – и равны только в степени нравственной ответственности за свою жизнь. Приходя к умозаключению, что искусственное уравнивание приведет не к установлению справедливости, а к установлению тотальной диктатуры, консерваторы предлагают обратиться к исторической традиции, предлагающей стихийно сформировавшуюся и доказавшую свою эффективность в многовековом противостоянии внутренним и внешним угрозам модель человеческого общежития – самодержавную монархию.

Принцип равенства, в их понимании, реализуется в монархической системе через надсословный характер власти, не сопричастной интересам какого-то сословия или социальной группы. Равенство всех граждан – от подданных низших сословий до самого государя – осмысляется через призму понятия о гражданственности как свободно избранном и добровольно принятом служении, при этом истинный гражданин – не тот, кто эгоистично

---

²⁸⁷ Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / сост. и комм. Ю. В. Климакова, отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 382.

²⁸⁸ Там же. С. 172.

требует прав, но тот, кто терпеливо исполняет обязанности, в том числе достойным гражданином должен быть и сам Государь, рассматривающий свои беспрецедентные права только как инструмент для эффективного выполнения своих обязанностей.

§ 1.4. Народность как форма политического братства в дискурсе русской пореформенной журналистики консервативного направления

Идея народности, как справедливо отмечают исследователи²⁸⁹, подвергалась различным интерпретациям и не имела, в отличие от двух других элементов консервативной триады сколько-нибудь отчетливого воплощения. Православие и самодержавие помимо того, что являются элементами триады, имеют ясное поле бытования в общественно-политическом дискурсе: интерпретация понятия православия так или иначе невозможна без соотнесенности с христианской догматикой и историей восточной христианской церкви, а в основе любых интерпретаций самодержавия неизбежно находится вполне отчетливая модель политического устройства. Мы можем вычленять в публицистике русских консервативных мыслителей определенные акценты, доминирующие аспекты и проч., но с опорой на ясно выраженный Символ Веры и трехсотлетнюю историю самодержавного государства. Для размышлений о категории народности подобная основа у нас отсутствует. Смежные понятия *народ*, *этнос*, *нация*, *национализм* и т.д. сами по себе весьма неоднозначны и десятилетиями, если не сказать веками, активно дискутируются как в науке, так и медиадискурсе. Поэтому реконструкция концепта народности будет представлять, вероятно, наибольшую сложность.

---

²⁸⁹ Бадалян Д. А. Понятие «народность» в русской культуре // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. СПб., 2006; Егоров Б. Ф. Эволюция в понимании народности литературы в русской критике середины 1850-х гг. // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1971. Вып. 266.

Размытость семантического поля слова «народность» приводит к тому, что исследователи зачастую и вовсе отказываются от попыток ее интерпретации, изымая из тройственной формулы Уварова компонент народности как представляющийся им малозначимым и излишним. Так, например, в масштабном обобщающем труде Г. И. Герасимова говорится, что «русский консерватизм XIX – нач. XX вв. хранил и берегал две основные, взаимосвязанные друг с другом идеи: православие и самодержавие»²⁹⁰. Одновременно с этим утверждением, однако, автором обозначается и тот факт, что уваровская формула – единственная успешная теоретическая конструкция консерватизма, и остается не объясненным, на основании чего в таком случае проведена подобная идеологическая редукция «лишнего» понятия.

Безусловно, существенно осложнялась интерпретация третьего элемента консервативной триады специфической формой слова – не *нация* или *национальность* как более распространенные в тот момент формы калькирования, а именно *народность*. Долгое время в русском политическом дискурсе функционировали параллельно различные версии перевода французского *nationalité*. Исследователи полагают, что вариант перевода *народность* принадлежит П. А. Вяземскому²⁹¹ и датируется 1819 г., однако к этому времени варианты *нация* и *национальность* также существуют, и очевидно являются более употребительными. В связи с этим закономерной является постановка вопроса о том, почему для конструирования идеологической формулы консерватизма ее авторами была выбрана именно форма *народность*, какие оттенки смысла акцентировались в этом слове?

А. И. Миллер справедливо указывает на то, что слова *национальность* и *нация*, появились в русском языке в связи с осмыслением событий и правовых актов французской революции, и имели тесную ассоциативную

---

²⁹⁰ Герасимов Г. И. Идеалистический подход к истории: теория, методология, концепции. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Издательские решения, 2022.

²⁹¹ Малинов А. В. Понятие «народность» в историософской концепции С. С. Уварова // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 519–526.

связь с конституционализмом, представительством, и идеей ограничения или полного разрушения монархического принципа²⁹². Провозгласив в качестве источника власти и основы суверенитета волю нации вместо воли Бога, революционные мыслители наделили нацию новой формой политической субъектности, которая логически не согласовалась с остальными элементами консервативной триады, вступая в прямое противоречие и с православием, и с самодержавием. Поэтому стремление найти иную форму выражения понятия было вызвано прежде всего желанием разорвать семантическую связь между словом, обозначающим совокупность жителей державы, и манифестацией их права на определенные формы политического самовыражения.

Кроме того, в русском контексте важно было обозначить и еще один аспект, вероятно, повлиявший на выбор варианта перевода. Одной из базовых социально-политических проблем России, как уже отмечалось, был культурный, ценностный, мировоззренческий разрыв между «оевропейской» элитой и большинством населения империи. Необходимость преодоления этого разрыва являлась одним из ключевых постулатов русского консерватизма. В начале XIX в. «понятие *нация* использовалось для описания конституционных реформ, оставаясь почти исключительно принадлежностью франкоязычной части дискурса российских элит»²⁹³, а слова *народ* и *народный* постепенно обретали все более выраженные коннотации «простонародный, плебейский», поэтому к 1830-м гг., к моменту создания консервативной триады, ее авторам требовалось отразить на символически-понятийном уровне преодоление культурного и социального разлома. Поэтому завершающий элемент триады «должен был сочетать

---

²⁹² Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1(46). С. 162–186.

²⁹³ Там же. С. 168.

смысловые оттенки французских слов *nationalité* (национальный) и *popularité* (народный)»²⁹⁴.

Представляется возможным в вопросе трактовки смыслового наполнения понятия народность в концепции русских консерваторов пореформенной России оттолкнуться от мысли Аксакова, выраженной в ключевой для нашего исследования цитате, уже неоднократно приводившейся, о противопоставлении тройственного лозунга французской революции и евангельского смысла заявленных в нем понятий. Напомним тот ее фрагмент, который касается категории братства: «знаменитое *fraternité*, выставленное на знамени французской революции, запретившей декретом исповедание бытия Божия, не есть ли само по себе логическая нелепость? Ибо *братство* предполагает *сыновство* и без сыновства, без понятия об общем отце, немислимо. Люди только потому и братья, что дети одного отца, и если мы не сыны Божии, то нет и братства»²⁹⁵. В известной степени понятие народность в консервативной триаде призвано было исправить эту, как казалось консерваторам, логическую нелепость. Православие как первый элемент триады провозглашало любовь к ближнему как к брату своему во Христе и в этом отношении, действительно, логически упраздняло необходимость третьего компонента – братства. Однако в публицистике русских консерваторов можно найти указания на то, что категория народности, сопоставленная с понятием братства, возвращает в триаду идею сыновства, но дополняет её звучанием политическим, т.е. религиозный аспект понимания братства вполне исчерпан поставлением во главу угла идеи православия. Акцент переносится на братство и сыновство иного рода – относящиеся к сфере государственного устройства.

---

²⁹⁴ Малинов А. В. Понятие «народность» в историософской концепции С. С. Уварова // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 523.

²⁹⁵ Аксаков И. С. Ответ на рукописную статью «Христианство и прогресс», присланную в редакцию газеты «Русь» // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.; СПб., 1886–1887. Т. 4. С. 339.

Вот так, например, звучит этот мотив в «Дневнике писателя» Достоевского: «Разве это у нас только слово, только звук, только наименование, что “царь им отец”? Кто думает так, тот ничего не понимает в России! Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слиянного со своим царем воедино... именно вера народа в царя, как в отца своего, все спасет, все убережет, удалит беду... у нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке... Не письменным листом утвердится, а созиждется лишь на детской любви народа к царю, как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что и немислимо у других, у договорных народов, детям можно столь многое доверить и столь многое разрешить, как нигде еще не бывало видно, ибо не изменят дети отцу своему и, как дети, с любовью примут от него всякую поправку всякой ошибки и всякого заблуждения их»²⁹⁶.

Если концепт православия воссоздает идею сыновства по отношению к Богу, то концепт народности обозначает идею сыновства подданных по отношению к царю. При таком взгляде становится понятной и та концепция государственного, или интегрального, национализма, которая лежит в основе политических взглядов консерваторов на вопросы этноконфессиональной политики Российской империи. Все граждане государства являются в равной степени подданными государя, в этом отношении они объединены братством, логически проистекающим из признания этого сыновства, и это братство не может бы разрушено или поставлено под сомнение по причине их этнической или конфессиональной розни.

Нельзя, однако сказать, что среди представителей консерватизма существовало отчетливое единство в интерпретации этих вопросов, но их дискуссия, весьма, впрочем, активная, носила все-таки характер инструментальный, а не фундаментальный. Катков с самого начала трактовал

---

²⁹⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 785.

национальность не как синоним понятия «этнос», а как отражение государственного единства, поэтому он использовал уточненное понятие – «политической нации». Политическая нация для Каткова – это такое социальное образование, которое в состоянии построить и отстаивать свою государственность и политическую независимость. Перебрав все населяющие территорию Российской империи иноэтнические общности, Катков приходит к выводу, что, несмотря на их внушительную на первый взгляд общую численность – до 19 млн. из 56 млн. населения государства – при ближайшем рассмотрении оказывается, что цифра эта мифическая, ибо она складывается из множества малочисленных элементов: во-первых, более чуждых по языку и культуре между собой, чем каждый из них по отношению к русскому этносу, во-вторых – не способных в силу малочисленности явиться «политической нацией», т.е. основой государства.

Определяя Каткова как «националиста», современники и позднейшие исследователи зачастую приписывали ему шовинистические воззрения. Между тем отрицательное значение понятия *национализм* связано, прежде всего, с этническим национализмом, ибо он может в моноэтнических государствах являться идейным обоснованием военной агрессии и геноцида других народов (как это было в Германии в середине XX в.), а в многонациональном государстве – движущей силой сепаратизма, определяющего политическую нестабильность и ставящего под удар политическую и территориальную целостность государства. В отличие от этнического национализма национализм государственный, или имперский, идеологом которого являлся Катков, выступает в качестве интегрирующей силы, объединяющей вокруг наиболее крупной, государствообразующей нации как вокруг политического ядра, все более мелкие народности.

Важно отметить, что Катков опирался на идею необходимости правовой унификации положения иноэтнических элементов, т.е. именно на процесс интеграции, а не на подавление государствообразующей нацией мелких народностей. Этнические, или, как чаще пишет Катков, «племенные»

особенности не обязательно сглаживать, т.к. «национальное единство не есть однообразие. Чем могущественнее и плодотворнее должна развиваться жизнь целого, тем более, при основном и незыблемом единстве, требуется разнообразия элементов, входящих в состав государства»²⁹⁷. Приоритет государствообразующей нации отстаивается в данном случае «не ради нее самой, а ради общегосударственных интересов в целом»²⁹⁸.

Аксаков, отстаивая свою трактовку идеи народности, чаще апеллировал к категории «русский», а Каткову было удобнее использовать слово «Россия» – полиэтническая держава, в которой разнородные этнические элементы интегрированы общей национальной идеей, существенной частью которой являлась монархическая государственность.

Государственная ориентированность националистических идей Каткова определяла его, на первый взгляд, противоречивую позицию в отношении еврейского вопроса и украинского сепаратизма: публицист настойчиво выступал за отмену черты оседлости и прекращение притеснений евреев, но при этом непримиримо воевал с любыми проявлениями украинофильства. Через призму идей интегрального национализма это объяснялось легко: евреи в империи претендовали не на политическую самостоятельность и автономию, но только на юридическое равенство с другими гражданами империи, то время как любые попытки теоретического конструирования самостоятельной украинской идентичности, при том, что малороссияне юридически и так ни в чем не были ущемлены по сравнению с другими жителями империи, были лишь инструментом, первым шагом для реализации дальнейших планов сепаратизма.

Формулируя свою концепцию национальной политики, Катков ориентируется, прежде всего, на пример Франции, где «все, что имело какую-нибудь силу и долю влияния, все всегда чувствовало себя французским, все

---

²⁹⁷ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 191.

²⁹⁸ Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. СПб., 2007. С. 8.

держало высоко знамя французской национальности. А потому из новоприсоединенных элементов все (...) старалось прежде всего о том, чтобы стать несомненно французским. Иностранец здесь не хочет быть иностранцем; он гордится званием француза, и чувствует себя оскорбленным и униженным (...) когда между им и французом делается различие»²⁹⁹.

Несомненно, национальный характер внутренней политики Франции, с точки зрения Каткова, обеспечивает её целостность и устойчивость как политического организма, в отличие, например, от избравшей федеративный принцип политического устройства Австрии, которую Катков называет самой слабой державой Европы. «Сборные державы» (т.е. федерации), как утверждает Катков, всегда находятся под угрозой, в критическом состоянии, «пока не утвердилась в них бесспорно и могущественно одна национальность как главное условие прочности государственного состава и вместе как главное условие внутреннего процветания и развития»³⁰⁰.

Продолжая осмыслять идею народности как форму политического братства, необходимо, таким образом, отметить, что государствообразующей нации (в правовом поле Российской империи использовалась формулировка – «державный народ»³⁰¹) отводилось место старшего брата, который был ближе всего к царю как непосредственная опора трона и одновременно нес на себе многие тяготы младших братьев, являясь их экономической и политической базой. Эта идея не только существовала на уровне деклараций, но и реализовывалась практически. В частности, именно державному народу отводилась основная роль в обеспечении политической независимости государства и защите его границ – большинство иностранцев привлекались к военной службе только в качестве добровольцев, в то время как державный

---

²⁹⁹ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 149.

³⁰⁰ Там же. С. 187.

³⁰¹ Фадеичева М. А. Этническая политика в Российской Империи XIX в. «Положение об иностранцах» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2003. № 4. С. 369–382.

народ нес бремя рекрутской повинности³⁰². В силу своей численности он же нес на себе и основное налоговое бремя – многие иноэтнические регионы империи на момент присоединения нуждались в изменении бытовой и социальной инфраструктуры и требовали от центральной власти существенных инвестиций, направленных на улучшение жизни населения, не всегда компенсируемых соответствующим приращением налоговой базы.

Сложность решения вопроса о тонкостях взаимоотношений государствообразующего народа империи и малых народов, объединенных с ним общей государственной жизнью, требовала постоянно уточнения и углубления взглядов консерваторов на национальный вопрос в империи, тем более что вторая половина XIX в. была полна политическими потрясениями, вносящими все большую остроту и разнообразие в диалог о проблеме интеграции иноэтнических окраин. Понимание позиции консервативных публицистов по этому вопросу необходимо для разъяснения концепта народности и, в свою очередь, требует более глубокого погружения в политический контекст происходившей дискуссии.

Отправной точкой для полемики о путях интеграции иноэтнических окраин Российской Империи стали события 1863 г. в Польше. Ход Польского восстания и действия русской администрации довольно подробно освещены в ряде научных работ, несколько трудов посвящены исключительной роли русской и, прежде всего, московской печати в процессе формирования общественной позиции по польскому вопросу в разгар мятежа³⁰³, однако в целях нашего исследования наибольший интерес представляет период, непосредственно последовавший за умиротворением Привислинского края, поскольку он ознаменован обширной дискуссией в прессе о национальной политике русского государства.

---

³⁰² Архипова А. И. Вопрос о воинской повинности инородцев северо-востока Сибири (середина XIX – начало XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12(56). С. 85–89.

³⁰³ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978; и др.

Польский инцидент 1863 г. вызвал не только эскалацию напряженности в отношениях России с европейскими державами (Англией, Францией, Австрией, Пруссией), но и спровоцировал рост сепаратистских тенденций в западной Малороссии, Ост-Зейском и Северо-Западном крае. Перед российской властью стояла гораздо более широкая и значимая проблема, чем подавление конкретного восстания: обеспечение гармоничной интеграции иноэтнических регионов империи в единое культурное и социально-политическое целое с государствообразующей нацией. «Общественное движение, возникшее в России благодаря польскому мятежу, принесло уже ту огромную пользу, что заставило подвергнуть проверке и оценке крепость и прочность тех внешних уз, которые связуют между собой различные части русского государства...», – отмечал И. С. Аксаков во втором номере газеты «Москвич» за 1867 г. И если суть проблемы была ясна, то пути её решения оказались более чем не очевидны.

Отношение русского общества к польскому восстанию в сам период вооруженного противостояния было в целом довольно единодушным. Начавшееся как социальное выступление, восстание вскоре превратилось в борьбу за национальную независимость, провозгласив вместо требований социальной справедливости лозунг возвращения политического суверенитета в давно утраченных границах «от моря до моря», что для России означало бы отделение от её территорий нескольких губерний. Поэтому даже те общественные силы России, которые сперва относились к действиям поляков сочувственно, постепенно объединились под лозунгом скорейшего подавления восстания³⁰⁴. Пожалуй, наиболее ярким и образным отражением этого отношения можно считать поэтические строки Ф. И. Тютчева: «Ужасный сон отяготел над нами, / Ужасный, безобразный сон: / В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, / Воскресшими для новых похорон»³⁰⁵.

---

³⁰⁴ Кругликова О. С. Публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова. Публицист и власть. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

³⁰⁵ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост. Б. Н. Тарасов. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 168.

Русскому обществу в 1863 г. была очевидна обреченность польского мятежа, однако под «восставшим мертвецом» в данном случае явно подразумевалась не польская нация, а идея самостоятельной польской государственности. Между этими понятиями в восприятии русского образованного общества проводилась четкая грань, которую, в частности, подчеркивал Ю. Ф. Самарин в статье «Современный объем польского вопроса», опубликованной в 38-м номере газеты «День» за 1863 год: «В основе самостоятельного государства всегда лежит народная стихия более или менее цельная, составляет как бы ядро его, и государственная форма служит одним из проявлений этой стихии *ad extra*; но это еще не дает права к обратному предположению, ибо не всякая народность и не во всякую эпоху своего существования способна облечься в форму самостоятельного государства: на это нужны сверх того, другие, очень разнообразные условия, которые могут быть или не быть (...) национальная особенность сама по себе еще не оправдывает притязаний на политическую самостоятельность...»³⁰⁶.

К 1864 г., когда успех русской армии в борьбе с вооруженными отрядами повстанцев была столь же очевидна, как и победа над «европейской интригой» русской дипломатии под руководством князя А. М. Горчакова, уверенно отвергнувшего ультиматумы европейских держав, поддерживавших пыл польских повстанцев несбыточными обещаниями военного вмешательства³⁰⁷, на повестке дня оказывался вопрос о дальнейшем политическом устройстве умиротворенного края. Общественному единодушию, с которым решался вопрос о судьбе самостоятельной польской государственности, пришел конец, когда необходимо было решать вопрос о судьбе и положении польской нации в составе русского государства.

«Обрусение и государственное единство – это, бесспорно, самые ходячие идеи и задачи нашего времени, задачи крупные и серьезные», –

---

³⁰⁶ Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост. Э. В. Захаров. М., 2008. С. 336.

³⁰⁷ Широкоград А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003; Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. М.: Модест Колеров, 2013. С. 131.

пишет Аксаков во 2-м номере газеты «Москвич» за 1867 г. «Обрусение» или «русификация» имперских окраин во второй половине 1860-х стали пульсирующим нервом внутривосточного развития страны, хотя ни в представителях власти, ни в среде образованного общества не было единого представления не только о путях русификации, но и о самом значении этого понятия.

Почему эта проблема представлялась именно в России столь неоднозначной и почти неразрешимой? Тогда вопрос о русификации затрагивал, прежде всего, западные окраины империи. М. Н. Катков в «Московских ведомостях» постоянно указывал на то, что «именно западная окраина русских владений, подверженная наибольшей опасности в случае каких-либо столкновений с европейскими государствами, вопреки очевидным требованиям разумной политики, является наименее связанною с ядром России»³⁰⁸.

Действительно, западные губернии представляли собой важный оборонительный рубеж для России и одновременно удобный плацдарм для европейской военной агрессии, поэтому с момента вхождения Польши в состав Российской империи гарнизоны русских войск, размещенные в этом регионе, были более многочисленны, чем в иных имперских окраинах, и имели особый статус. В правление Николая I «в мирное время эта полностью отмобилизованная армия имела статус действующей, а её главнокомандующий генерал-фельдмаршал светлейший князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский в своих действиях не был подотчетен военному министру и непосредственно подчинен самому императору»³⁰⁹. Позднее преемники Паскевича на посту главнокомандующего и вовсе объединяли в своем лице военную и гражданскую власть в крае.

---

³⁰⁸ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 260.

³⁰⁹ Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 89.

Как отмечал в своих воспоминаниях публицист и государственный деятель Е. М. Феоктистов, на протяжении длительного времени (1883–1896 гг.) возглавлявший цензурное ведомство: «Польша – наш первый пост в случае войны; конечно, в её пределах произойдет первое столкновение с неприятелем»³¹⁰. Однако эти стратегически столь важные для империи регионы имели неоднородную социальную и этническую структуру. Многократно в течение своей истории переходившие в результате военных завоеваний из рук в руки территории представляли собой сложный феномен в смысле этнокультурной неоднородности населения. Являвшееся в определенной степени искусственным политическим телом Царство Польское, порожденное условиями Венского трактата, объединяло территории, населенные не только поляками, но частично и малороссами, белорусами, великорусами, подчиненными поместному дворянству, бывшему этнически польским. В целом в численном отношении польский компонент превалировал, однако иноэтнические группы также представляли собой значимую часть населения Царства. Не было население однородно и по конфессиональной принадлежности – причем жители православного вероисповедания практически полностью являлись представителями низших социальных классов.

В Остзейском же крае, включавшем в себя Эстляндскую, Курляндскую, и Лифляндскую губернии, и в так называемом Северо-Западном крае, в состав которого входили Виленская, Ковенская, Гродненская, Могилевская, Минская и Витебская губернии, более многочисленные низшие слои населения – крестьянство и городское мещанство – были представлены в целом представителями иной по отношению к местному дворянскому населению этнической группы, а в некоторых случаях – и иной конфессии.

Сельское население Северо-Западных губерний состояло преимущественно из белорусов православного вероисповедания (которых,

---

³¹⁰ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 250.

сообразно с представлениями середины XIX века, имперское правительство считало, собственно, русскими), и литовцев, многие из которых также принадлежали к православию благодаря тому, что еще до усиления иезуитско-католического и униатского влияния в крае многие литовцы были добровольно крещены. Дворянское же население края было преимущественно польско-католическим.

Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии были несколько более однородны в конфессиональном отношении, центральный статистический комитет относит их к числу губерний «полностью, или почти полностью иноверческих», с очевидным преобладанием лютеранской веры, но с этнической точки зрения расслоение также было очевидно: крестьяне были по происхождению преимущественно латышами и эстами, с небольшими в количественном отношении вкраплениями белорусского и великорусского элементов, дворянство же, составлявшее около 6% населения, состояло преимущественно из этнических немцев.

Согласно отчету о структуре населения империи, подготовленному в 1863 г. по поручению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом, процент дворянского населения в империи увеличивается «... по направлению к югу и юго-западу, посреди малороссийского и бывшего казачьего поселения и достигает наибольших размеров в губерниях белорусских и литовских, где польская беспоместная шляхта и дворянские околицы доводят её до крайних пределов. В Ковенской губернии находится наибольшая пропорция числа дворян не только в России, но и во всей Европе»³¹¹. Практически каждый десятый проживающий в Ковенской губернии относился к дворянскому сословию. Благодаря такому существенному влиянию польской шляхты восстание 1863 г. в Польше легко и скоро перекинулось на губернии Северо-Западного края, а также вызвало обострение националистических настроений остзейских латышей.

---

³¹¹ Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год (С карт. населенности Европейской России). СПб., 1863. С. 296.

Как отмечает историк Д. Сталюнас, такая сложность этнической и социальной структуры западных губерний обусловила совершенно иное значение самого слова «поляк». Не только в общественно политическом дискурсе середины XIX в., но и в официально-бюрократической терминологии этого времени слово «поляк» могло употребляться как собирательный термин, обозначающий, прежде всего, соединение двух факторов: поляк – это дворянин и католик, тогда как концепт этнической принадлежности при этом не был ярко выражен³¹².

Влияние на культуру и развитие западных губерний польского и немецкого компонентов придавало дополнительный оттенок проблеме интеграции этих территорий в систему русской имперской государственности. Русская интеллигенция со времени форсированной и насильственной европеизации петровской эпохи воспитывалась в контексте западноевропейской культуры и потому охотно признавала её интеллектуальное и культурное первенство по отношению к национальной традиции.

Государственная администрация во главе с министром внутренних дел П. А. Валуевым после подавления восстания в Польше не спешила предпринимать резкие шаги, понимая, что агрессивная политика русификации в отношении Привислинского края чревата обострением сепаратизма в других окраинах и главное – ростом социальных противоречий внутри страны. Как отмечал соратник Каткова по Московскому университету и изданию «Московских ведомостей» профессор Н. А. Любимов, после краткого мига единения и патриотического подъема во время польского восстания наступило охлаждение, чреватое новым политическим кризисом, ибо «интеллигентный круг, мнивший себя либеральным, был ошеломлен, но еще не обращен»³¹³. В том же духе размышлял и Ф. И. Тютчев: «есть у

---

³¹² Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив. 2002. Т. 7. С. 250–271.

³¹³ Любимов Н. А. Н. М. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. С. 260.

Славянства злейший враг, и еще более внутренний, чем немцы, поляки, мадьяры и турки. Это так называемые интеллигенции». Тютчев полагал, что народные массы обладают исключительным политическим инстинктом, который позволяет народу стихийно делать правильный выбор в кризисные моменты истории, но «на то и интеллигенция, чтоб развращать инстинкт»³¹⁴.

К середине XIX в. в образованных слоях русского общества развился тот удивительный феномен, который Ф. И. Тютчев в письме И. С. Аксакову от 20 сентября 1867 г. назвал «русофобией некоторых русских людей – кстати, весьма почитаемых»³¹⁵. Русофобия образованных русских (которой страдали, отметим, и некоторые высокопоставленные чиновники) приводила к тому, что распространение общих принципов русской государственности и элементов русской национальной культуры в западных губерниях рассматривалось самими представителями русской администрации как путь к деградации более развитой культуры под давлением варварской силы русского политического владычества. Именно этот аспект был неосторожно и весьма откровенно затронут Н. Н. Страховым в статье «Роковой вопрос», послужившей поводом к закрытию в 1863 г. журнала братьев Достоевских «Время».

Очарованность культурными достижениями поляков и немцев, «цивилизовавших» своим влиянием русских, литовцев, эстов и латышей в западных губерниях, приводила к тому, что диалог о русификации иноэтнических западных окраин органично вплетался в более широкий и значимый диалог о европеизации России, о характере её соотнесенности с европейской цивилизацией, иначе говоря – в вечный диспут славянофилов и западников. Но и в среде русской национальной партии, как известно, не было полного согласия.

---

³¹⁴ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост. Б. Н. Тарасов. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 342.

³¹⁵ Там же. С. 334.

Издатель и редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков, идейный вдохновитель антипольской кампании в прессе 1863 г., после подавления восстания развернул активную агитацию в пользу административной русификации края, настаивая на лишении замешанного в восстании польского шляхетства их поместий и продаже по самым выгодным ценам этих земель этническим русским, а также на введении различных экономических льгот для русских переселенцев.

И. С. Аксаков, признавая, что существует «ряд вопиющих безобразий в отношении наших окраин к центру», не был согласен с позицией Каткова, отмечая, что вне идеи народности не может пониматься государственное единство, «никакое искусственное или принудительное отождествление инородцев с народным историческим типом (...) не достигнет цели, если нет при этом действия нравственных и чисто общественных сил»³¹⁶.

Издания Аксакова и Каткова развивали свои основные положения относительно русификации: Катков – с точки зрения практики государственного управления, Аксаков – с точки зрения поиска объединяющих нравственных начал, на основании которых должна произойти ненасильственная интеграция инородческих элементов с русскими.

Поиск общих нравственных основ требовал для начала морального обоснования самого факта присоединения тех или иных инородческих территорий к империи. В этом отношении Катков и публицисты славянофильского лагеря были вполне единодушны, признавая ключевым основанием для поглощения империей того или иного иноэтнического фрагмента тот факт, что данная народность утратила или не смогла создать своей национальной государственности по причинам внутреннего характера, не связанным напрямую с внешними воздействиями или силовым захватом.

---

³¹⁶ Москвич. 1867. № 2.

Этой же мысли придерживался и Ф. И. Тютчев, подчеркивавший в переписке с И. С. Аксаковым, что России никогда не принадлежала роль активного провокатора негативных процессов международной политики, «не в призвании России являться на сцене, как *Deus ex machine*. Надо, чтобы сама История очистила наперед для неё место...»³¹⁷.

Катков неоднократно высказывался относительно Польши, утверждая, что именно внутренние неурядицы, имевшие своей основой крайний индивидуализм граждан, неспособность к согласному действию и неготовность жертвовать частным интересом во имя общего, разрушили её некогда мощную государственность. Поэтому московский публицист призывал не пенять на человека, который мимоходом прислонился к крыльцу полностью сгнившего изнутри деревянного дома и тем обрушил ветхое строение. Причина разрушения – не случайный прохожий, а многолетнее медленное гниение здания, которое допустили его хозяева и обитатели. В целом сходной логикой руководствуется и Ю. Ф. Самарин, размышляя о моральных основаниях русского владычества в Остзейском крае. В «Письмах из Риги», неопубликованном публицистическом сочинении, ходившем в списках по рукам с 1848 г., Самарин пишет, что Остзейский край не был в полной мере онемечен, т.е. не подвергся серьезному влиянию немецкой культуры, так как «в XIII веке крестоносцы и купцы приезжали в Остзейский край на промысел, и возвращались оттуда: первые – с заслуженными индульгенциями, вторые – с барышами», при этом и те и другие не видели конечной своей цели в развитии края, не оседали в нем, не становились сами в полной мере местными жителями, а эксплуатировали край и его коренных обитателей, причем довольно жестоко, возбуждая против себя недовольство сих последних. «Нигде, – пишет Самарин, – разобщение между туземцами и пришельцами не было так глубоко и губительно для тех и для других, как в колонии Остзейской». Такая внутренняя разобщенность привела,

---

³¹⁷ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост. Б. Н. Тарасов. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 337.

естественно, и к невозможности полноценно противостоять нарастающим внешним агрессиям – население края фрагментарно примыкало то к латинскому рыцарству, то к москвитам, то кооперировалось с отдельными отрядами татар, руководствуясь разноречивыми соображениями. Поэтому, считает Самарин, «вследствие образования Остзейского края он не мог извлечь и выработать государственного начала из самого себя, оно должно было проникнуть в него извне. Утрата политической независимости была обнаружением его внутренней несостоятельности»³¹⁸.

Отталкиваясь от общего основания, в дальнейших рассуждениях Аксаков, Катков и Самарин расходились прежде всего в понимании роли государства. Каткову основой решения национального вопроса в России виделся непреложный принцип равенства всех территорий и народов перед общим и единым для всех законом, общими принципами государственности. Приводя в этом отношении в пример французскую политику в национальном вопросе, Катков отмечает, что могущественное единство Франции «происходит, конечно, от того, что после каждого завоевания Франция, влагая в ножны меч, открывала свои объятия для своих новых подданных и ставила их относительно своих старших детей в положение полнейшего равенства»³¹⁹. Что же касается России, то главной ошибкой её в сфере внутренней политики являлось то, что «мы приобрели бессознательную склонность давать не только особое положение инородческим элементам, но и сообщать им преимущества над русскою народностью и тем развивать в них не только стремление к отдельности, но и чувство гордости своею отдельностью; мы приобрели инстинктивную склонность унижать свою народность»³²⁰. Отметим, что Катков в отстаивании принципа равенства инородческих элементов и доминирующей народности был вполне последователен и настаивал на применении этого принципа также и для

---

³¹⁸ Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост. Э. В. Захаров. М., 2008. С. 512.

³¹⁹ Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011. Т. 2. С. 173.

³²⁰ Там же. С. 174.

расширения политических прав тех иноэтнических элементов, которые находились в худших, чем государствообразующая нация, условиях (последовательность его позиций в так называемом еврейском вопросе уже отмечалась выше).

«Национальное единство не есть однообразие»³²¹, полагал Катков, но мощь и значение государствообразующей нации определяются её ролью объединяющего ядра для более мелких народов империи, из которых «не только черемис совершенно не поймет обитателя Суоми, или Финляндии, но эстонец, который ближе к этому последнему, не в состоянии понимать его»³²². Однако каждый из этих народов, длительно соседствуя и подвергаясь влиянию народа русского, в состоянии понять его и соотнесен в культурно-историческом плане с русским народом более, чем с кем-либо из менее крупных народов империи. Таким образом, русский народ, вернее, его интеллектуальная, духовная, политическая и бытовая культура, должны являться универсализующим образцом, в неременной соотнесенности с которым должны находиться все иноэтнические культурные компоненты, что, впрочем, для Каткова не означало насильственного навязывания русскими своей культуры как безальтернативной.

Государство, которому Катков отводил предельно активную роль в этом процессе, должно было обеспечивать приоритет русской национальной культуры, но приоритет именно как объединяющего фактора, не исключаящего существования и развития наряду с общегосударственным языком, общегосударственной верой и церковью местных наречий и иных конфессий. «Есть в России одна господствующая народность, – утверждал Катков, – один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свой обычай; есть целые страны с своим особенным характером и преданиями. Но все эти разнородные племена, все

---

³²¹ Там же. С. 191.

³²² Там же. С. 177.

эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти (...) В России есть господствующая церковь, но в ней же есть много исключаящих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого (...) все разнородное в составе России, все, что может быть, исключает друг друга и враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства»³²³. Государственность, политическая сила, была для Каткова основой решения, в том числе, и национального вопроса – определения самими гражданами своей национальной принадлежности не через соотнесенность с этносом, а через соотнесенность с государством.

Аксаков же принципиально настаивал на том, что вопрос национальный должен быть по возможности выведен вообще из сферы политической, должен решаться в сфере поиска самим народом утраченных духовных внутренних основ самосознания, которое и придает ему ту почти мистическую силу духовного и культурного подчинения себе других народностей – подчинения добровольного, которое даже в глазах самих притесняемых имеет какую-то внутреннюю правду и нравственную силу. Интересно, что в качестве примера Аксаков, так же, как и Катков, приводит Францию, но ситуация представляется ему совершенно в ином свете – сила национального духа французов помогает им растворить в себе иные народности до полной однородности. Катков еще прежде иронизировал по поводу публикаций Аксакова, отмечая, что Аксаков в ходе многословных рассуждений приходит к тому ценнейшему выводу, что французы офранцуживают потому только, что они французы, немцы онемечивают уже

---

³²³ Там же. С. 49.

потому, что они немцы, и только русские никого не могут обрусить потому, что сами недостаточно русские. Аксаков также не отказал себе в удовольствии уязвить полемического соперника, сказав, что среди разношерстной публики, двинувшейся ныне в крестовый поход на обрусение российских окраин, есть и странные господа, выдумавшие какую-то государственную народность, химеру, призракное существование которой не основано на духе какой-то определенной нации.

«Можно ожидать политического слияния как последствия внутреннего перерождения и духовного примирения, но нельзя предполагать обратного, то есть умиротворения и соглашения посредством насильственного и внешнего сочетания», – поддерживал мысль Аксакова Ю. Ф. Самарин, полагавший, что «мера, предложенная “Московскими ведомостями”, даже не прекратила бы борьбы, а открыла бы ей новое, более широкое поприще»³²⁴.

Необходимо отметить, что на практике государственная администрация, несмотря на колебания и некоторую непоследовательность мер, все-таки в целом двигалась в направлении, указанном Катковым. Как в Польском крае (который в последней четверти XIX в. в духе политики русификации станут официально именовать Привислинским), так и в Северо-Западном крае, возглавляемом генералом М. Н. Муравьевым, предпринимались административные меры, нацеленные на укрепление позиций представителей державного народа³²⁵.

В 1864 г. была проведена крестьянская реформа, отменившая в Северо-Западном крае временнообязанные отношения (исполнение крестьянами феодальных повинностей до выплаты всех выкупных платежей), была проведена раздача безземельным крестьянам и батракам земель, ранее принадлежавших мятежным помещикам. На осуществление этой меры были выделены из казны 5 миллионов рублей. 19 февраля 1864 г. вышел указ «Об

³²⁴ Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост. Э. В. Захаров. М., 2008. С. 353.

³²⁵ Кругликова О. С. М. Н. Муравьев-Виленский в оценке русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Медиаскоп. 2019. № 1. С. 10.

экономической независимости крестьян и юридическом равноправии их с помещиками», произошло увеличение крестьянского надела одновременно со снижением податей. Эти меры быстро сказались не только на повышении лояльности местного населения к властям, но и на стремительном развитии сельского хозяйства. И впоследствии, даже в период реакции времени правления Александра III, власти не решились полноценно распространить на эти территории те меры, ограничивавшие результаты крестьянской реформы и действовавшие в интересах крупных землевладельцев, которые приняло правительство в отношении основной территории России: «в Белоруссии из-за боязни влияния польских помещиков закон о земских начальниках³²⁶ царские власти ввели только в 1900 году и только в пределах Витебской, Могилевской и Минской губерний»³²⁷.

В декабре 1865 г. был принят закон, по которому всем высланным из западных губерний за участие в мятеже предлагалось в течение 2-х лет продать свои земли православным переселенцам. Лицам польского происхождения, прежде всего католикам, покупать эти земли было запрещено, лишены они были и права пользоваться ссудой Дворянского банка. В апреле 1869 г. министерство государственных имуществ было вынуждено издать дополнительное распоряжение, в соответствии с которым только дети католиков, перешедших в православие, а не сами лица, осуществившие такой переход, считались русскими и имели соответствующие экономические привилегии. Такое распоряжение было вызвано массовым переходом местных католиков в православие с целью получения экономических выгод.

---

³²⁶ «Положение о земских участковых начальниках», принятое 12 июля 1889 г., ограничивало полномочия волостных судов, сходов и старост, т.е. органов крестьянского самоуправления, подчиняя их администрации в лице земского начальника, должность которого мог занимать только человек, принадлежащий к дворянскому сословию и преодолевший высокий имущественный ценз. Подробнее об этом см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. С. 507–535.

³²⁷ Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Беларуси: С древнейших времен до нашего времени. Минск: Аверсэв, 2004.

Вообще распространение православия в западных губерниях было одной из основных задач местной власти. Избегая прямых и резких проявлений гонения на католицизм, власти ограничились вменением в обязанность полиции следить за тем, чтоб ксендзы не подстрекали жителей к мятежу. Однако многие костелы под благовидным предлогом ветхости сооружений или недостатка прихожан все-таки закрывались.

По инициативе М. Н. Муравьева был создан церковно-строительный комитет, занимавшийся возрождением православных церквей, увеличено жалование православного духовенства. «Необходимость увеличения содержания православному духовенству в Северо-Западном крае, – писал М. Н. Муравьев в записке, поданной императору, – есть один из самых важных предметов, подлежащих в настоящее время разрешению. <...> Предмет этот так важен, что нет тех пожертвований, которых правительство не должно было для него сделать»³²⁸. Необходимо отметить, что Муравьев предложил своеобразное с экономической точки зрения решение этого вопроса. На постройку церквей, доплаты духовенству и русскому чиновничеству в крае (получавшему также повышенное по сравнению с остальными регионами империи жалование) шли так называемые контрибуционные выплаты, производившиеся вплоть до 1897 г. С 1864 г. 10%-й налог взимался со всех доходов местных помещиков.

Обучение в школах Северо-Западного края было переведено на русский язык с сохранением в некоторых местностях преподавания катехизиса на местном (жмудском или литовском) наречии. Литовская письменность была переведена с латиницы на кириллицу, хотя издание книг на литовском языке не было запрещается, в отличие от издания книг на польском. Также велась пропаганда определенного взгляда на историю края, причем «Материалы по истории Русско-Литовского края», регулярно публиковавшиеся в «Могилевских губернских ведомостях», в большей

---

³²⁸ Из бумаг графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1887. № 5. С. 307.

степени акцентировали внимание на этнокультурном противопоставлении белорусов и литовцев полякам, чем на попытке объединить их с русскими, то есть принципиальное значение приобретала не столько русификация, сколько деполонизация края.

М. Н. Муравьев даже выдвинул проект создания нового Виленского университета для шести губерний Северо-Западного края. По его плану университет мог включать четыре факультета, на которых обучались бы белорусы и литовцы (постепенно предполагалось заменить призванное русское чиновничество в крае выходцами из местного населения), причем рассматривалась даже возможность создания кафедры литовского языка. Впрочем, эта смелая для того времени инициатива графа Муравьева не нашла поддержки в высших сферах и не была воплощена в жизнь³²⁹.

Политика Российской Империи в национальном вопросе всегда была сложной и несколько противоречивой³³⁰, причем необходимо отметить, что вопрос о внутреннем устройстве многочисленных народностей, составляющих Русское государство, порой становился частью сложной системы внешнеполитических интриг. Европейские державы справедливо полагали, что именно этнический вопрос может являться зоной наибольшей уязвимости многонациональной имперской государственности, умело провоцировали и режиссировали противостояния на национальной почве. Восстание в Польше в 1863 г. было использовано Англией и Францией как повод для возможного вмешательства во внутренние дела Российской империи, оно повлекло за собой появление украинофильства и возникновение сепаратистских тенденций в западных губерниях. От успешного решения проблемы интеграции иноэтнических окраин напрямую зависели внутренняя стабильность и внешняя безопасность страны. Поэтому

---

³²⁹ Гигин В. Оклеветанный, но не забытый (Очерк о М. Н. Муравьеве-Виленском). Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/575-2012-02-22-21-57-02.html>. (дата обращения: 25.09.2024).

³³⁰ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в). СПб.: ЛИСС, 1998.

осмысление этого вопроса занимало общество пореформенной России, в особенности представителей национально-консервативной партии, всегда ставивших интересы сильной централизованной государственности во главу угла.

Как и в двух предыдущих элементах рассматриваемой триады, в осмыслении братства и национального вопроса консервативные публицисты не могли обойти вниманием проблему культурной разобщенности образованного общества и народа. Насильственная европеизация русского дворянства в начале XVIII века определила разность культуры и быта привилегированного класса и простолюдин и привела к тому, что *народность* стала трактоваться в значительной степени как «простолюдинность», т.е. соотнесение не с нацией, а с определенной социальной группой внутри неё, при этом еще и с пренебрежительной коннотацией – в сущности, слово «народный» чаще использовалось в значении ‘плебейский’, чем в более очевидном значении ‘общенациональный’. Возникшее деление на «публику» и «народ», художественно обозначенное в знаменитой статье К. С. Аксакова³³¹, привело к гораздо более опасному расколу в политическом братстве, чем полиэтничность и многоконфессиональность.

Если развивать далее идею братства как общего сыновства, можно сказать, что русский образованный класс консервативным публицистам казался евангельским блудным сыном, который хоть и не утратил отеческой любви, несмотря на обилие своих прегрешений, но долго скитался на духовной чужбине. Эта идея разрыва с народной почвой и необходимости его преодоления последовательнее всего развивалась в работах Достоевского. Воссоединение национальной традиции с европейской образованностью, положенная в основу почвенничества, «примирение цивилизации с народным

---

³³¹ Аксаков К. С. Опыт синонимов. Публика-Народ // Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 237–238.

началом»³³², мыслилась Достоевским как возможность уникального культурного синтеза, который и будет тем новым словом, что призвана явить собою в мире Россия, если только «блудный сын» сможет вернуться к отеческому порогу. Но это требовало окончательного преодоления разделения нации на «публику» и «народ», а значит, необходимости осмыслить истоки этого разделения – Петровскую реформу.

Достоевский, уходя от традиционных для журналистики этого периода рассуждений о жестокости репрессивных мер первого русского императора, внедрявшего палочное просвещение, видит проблему его реформ именно в том духовном неустройстве, которое вызвал культурный раскол европеизированной элиты с народом. Вступая в полемику с публицистом «Русского вестника» В. Г. Авсеенко, который позволил себе на страницах журнала М. Н. Каткова несколько критических высказываний о русском народе как пассивной и инертной силе, скептически отнесясь к идее Достоевского о превосходстве народной правды над образованностью высших классов, автор «Дневника писателя» указывает на то, что в петровскую эпоху произошло закрепощение одной части нации во имя просвещения другой. Нация раскололась на две неравные части, каждая из которых выполняла свою часть миссии – одни обрели беспрецедентное расширение взгляда и вкушали плоды культуры всех наций, другие хранили святыню православия и народной правды. Этот период был необходим и закономерен, но теперь он пройден, и будущее России зависит от того, сколько «вкусивших от культуры» сможет «воротиться опять к народу и к идеалам народным, не теряя своей культуры».

Достоевский патетически восклицает, обращаясь к своему оппоненту и обвиняя его в неблагодарности к народу: «... стоило вас культурить, чтоб взамен того развратить народ... Неужели ж народ наш, закрепощенный

---

³³² Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 г. // Громова Н. А. Достоевский. Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов. М.: Аграф, 2000. С. 68.

именно ради Вашей же культуры..., после двухсотлетнего рабства своего заслужил от Вас, от окультурившегося человека, вместо благодарности или даже жалости, лишь один только этот высокомерный плевок... За Вас же он был двести лет связан по рукам и по ногам, чтобы Вам ума из Европы прибыло, и вот Вы, когда Вам прибыло из Европы ума (?), избоченившись перед связанным и оглядывая его с культурной высоты своей, вдруг заключаете о нем, что он “плох и пассивен и мало выказал деятельности (это связанный-то), а проявил лишь некоторые пассивные добродетели”»³³³.

В вопросе о культуре звучат интересные ноты, во многом предвосхищающие идеи, сформулированные в начале XX в. Освальдом Шпенглером, о принципиальном различии понятий *цивилизация* и *культура*. Хотя в разрозненных публицистических выступлениях, письмах и черновых записях Достоевского нельзя проследить четкого терминологического разделения, на уровне коннотаций это различие прочитывается. Из Европы, как отмечает Достоевский, образованный класс принял не культуру, которая всегда органически связана с жизнью народа, а именно цивилизацию, т.е. не дух и смысл, а внешние атрибуты. «Что же культурного-то, по-вашему, мы принесли народу: перчатки, кареты»,³³⁴ – записывает Достоевский в тетради 1875–76 гг. Сходную идею развивает писатель в одном из писем К. П. Победоносцеву: «*Культуры* нет у нас (что есть везде), дорогой Константин Петрович, а нет – через нигилиста Петра Великого. Вырвана она с корнем. А так как не единым хлебом живет человек, то и выдумывает бедный наш бескультурный поневоле что-нибудь пофантастичнее, да понелепее, да чтоб ни на что не похоже (потому что хоть всё целиком у

---

³³³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 310.

³³⁴ Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 83. С. 463.

европейского социализма взял, а ведь и тут переделал так, что ни на что не похоже)»³³⁵.

Культура как синоним духовности и цивилизация как символ бытовой благоустроенности, неумеренного потребления и разврата неоднократно появляются в записных тетрадях писателя. «Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество»³³⁶, продолжая осваивать внешние атрибуты цивилизации, оказалось, как пишет Достоевский, «окультурено отрицательно», и остались от этого внешнего окультуривания лишь исковерканный французский язык, да проживание доходов. Цивилизация «перчаток и карет» усвоилась через разврат: «всякая цивилизация начинается с разврата. Жадность приобретения. Зависть и гордость. Развратом взяла реформа Петра Великого». Теоретическое же обоснование необходимости цивилизации привело в дальнейшем к разврату мысли: «И вот все поколения оказались несостоятельны, и это плоды трудов Петра! Что принесло, чем кончило наше поколение: социальные не свои теории и рабскою боязнию иметь свою мысль (“Современник”, “Русское слово”)³³⁷. Эта идея отразилась и в апрельской книжке «Дневника писателя» за 1876 г., где Достоевский особенно подчеркивает, что соприкоснувшиеся с развратом цивилизации, наружно окультуренные люди начинают презирать и ненавидеть свою прежнюю среду, народ и национальную культуру.

Включаясь в обширную дискуссию о значении реформ Петра Великого, которая разворачивалась в русской журналистике этого периода³³⁸,

---

³³⁵ Достоевский Ф. М. Письма. 209. К. П. Победоносцеву. 19 мая 1879. Старая Русса // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 577–579.

³³⁶ Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 83. С. 293.

³³⁷ Там же. С. 258.

³³⁸ См. об этом: Кругликова О. С. Образ Петра I на страницах журнала «Современник» в эпоху великих реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 111–115; Кругликова О. С. «Истолковать явление Петра из законов развития идеи...» – размышления о Петре Великом в публицистике А. И. Герцена // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 218–228.

Достоевский подчеркивает, что оспаривать общий вектор деятельности Петра неправильно и невозможно. Да и вектор этот задан не Петром, а всей прежней историей и будущим призванием России: «...через реформу Петра произошло расширение *прежней же* нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее»³³⁹. В этом отношении Достоевский примыкает к числу тех историков и публицистов, которые расценивали деяния Петра не как слом траектории государственного развития России³⁴⁰, а только как ускоренное, форсированное движение к тем же целям, которые были обозначены всем прежним развитием русского государства: «Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское побережье, лет сто тридцать раньше Петра. Если б завоевал его и завладел его гаванями и портами, то неминуемо стал бы строить свои корабли, как и Петр, а так как без науки их нельзя строить, то явилась бы неминуемо наука из Европы, как и при Петре»³⁴¹.

Но писатель смотрит на Петровскую реформу через призму своей идеи о мессианском призвании русского народа, тесно связанную именно с пониманием народности: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать *братом* <курсив мой – *О. К.*> всех людей, всечеловеком, если хотите»³⁴². Говоря о Допетровской Руси, которая «была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически»³⁴³, Достоевский отмечает, что в своем стремлении к замкнутости, в своем бережливом и ревнивом отношении к унаследованной ею от Византии святыне православия, тщательно хранимого ею от

---

³³⁹ Там же. С. 414.

³⁴⁰ Кругликова О. С. Образ Петра I на страницах журнала «Современник» в эпоху великих реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 111–115.

³⁴¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. Т. 1. С. 332.

³⁴² Там же. С. 448.

³⁴³ Там же. С. 412.

тлетворных веяний Запада, Русь уже готовилась «быть неправа». Быть неправа в своем стремлении сохранить православие в самой себе и для самой себя, а не нести его остальному миру, исполняя свою великую миссию. Петр же не позволил ей остаться неправой, он втолкнул Русь в Европу, и «с Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное, – и вот в этом, повторяю, и весь подвиг Петра»³⁴⁴.

Только став полноправной частью европейской культуры, русские получили возможность осознать и исполнить свое всечеловеческое значение: «Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению... О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое... наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой *братства и братского стремления нашего* <курсив мой – О. К.> к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, Вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило»³⁴⁵. В трактовке Достоевского именно объединение двух частей разъединенного русского народа было главным залогом того, что когда-нибудь может исполниться мировое

---

³⁴⁴ Там же. С. 413.

³⁴⁵ Там же. С. 448.

предназначение русских, которое он связывает именно с идеей братства, причем братства всеобщего.

Итак, концепт народности в трактовке консерваторов имеет несколько ключевых аспектов, каждый из которых семантически связан с понятием братства:

– во-первых, аспект, обусловленный патерналистским началом государственной власти, т.е. братство подданных империи, граждан, через сознание своего сыновства по отношению к монарху;

– во-вторых, понимание народности как основы конструирования гражданской идентичности, т.е. братство множества народов как единой семьи в полиэтнической империи, где державному народу отводится роль старшего брата;

– в-третьих, братство всеобщее, вновь уже не политическое, а евангельское, которое является венцом развития русской национальной идеи, но станет возможным только после культурного единения элиты с народом.

Необходимо отметить, что идея народности как реализации в государственном строительстве христианского концепта братства (как в аспекте братства между людьми, так и в аспекте братства и между народами в составе полиэтнической империи) оказалась в исторической ретроспективе одной и наиболее плодотворных в отечественной политической практике: к этому принципу обращались и в имперский, и в советский период, да и сегодня он продолжает реализовываться, оставаясь символически закрепленным в одном из главных атрибутов государства – государственном гимне, воспевающим «братских народов союз вековой».

Подводя итог рассмотрения ключевых концептов русского консерватизма на страницах прессы второй половины XIX в., можно констатировать, что они, во-первых, были отчетливо детерминированы базовыми философскими установками, лежащими в основе консерватизма как философской системы: религиозным мировоззрением,

антропологическим и гносеологическим пессимизмом; во-вторых, в силу априорной реакционности любой традиционалистской философии, концептуализировались во многом «от противного», т.е. отталкивались от необходимости придать иное смысловое наполнение уже функционирующим в общественном дискурсе словам и понятиям, или заменить их на смежные с иной смысловой акцентировкой. При этом зачастую речь шла о необходимости реконцептуализировать языковые заимствования, которые были семантически связаны с инокультурным контекстом.

Это делало принципиально важным для консерваторов вопрос о сущности языка и путях его развития. Еще на самом раннем этапе становления русского консерватизма именно дискуссия о языке как о принципиально важном факторе формирования личной и национальной идентичности проявила различия консервативных и либеральных философских систем в понимании влияния национального языка на формирование сознания. А. С. Шишков, один из ключевых деятелей начального этапа становления русского консерватизма и активный участник этой дискуссии, видел четкую связь между языком и картиной мира – с его точки зрения, именно языком, которым человек овладевает первично, как родным и главным, детерминирован набор усваиваемых им понятий и смыслов, которые, в свою очередь, определяют нравственность и манеру поведения человека. В этом отношении Шишков оказался способен на своего рода научные прозрения, приблизившись к обозначению понятия языкового менталитета и к формированию своеобразной философии языка, которая демонстрировала глубокую лингвистическую интуицию создателя «Беседы любителей русского слова»³⁴⁶. Для Шихова апелляция к общественному значению языка как базиса личной нравственности и ценностной соотнесенности с традицией предков имела принципиальное значение: «по мнению А. С. Шихова, использование слова в непривычных семантических

---

³⁴⁶ Камчатнов А. М. Шишков как предтеча русской философии языка // Бюллетень библиотеки «Дом А.Ф.Лосева». М.: Водолей, 2009. Вып. 9. С. 73–89.

связях (“сцеплениях понятий”), “навязанных” иностранным словоупотреблением, “перекраивает” сознание говорящего, выражаясь современным научным языком, изменяет в сознании говорящего языковую картину мира, лишая его языкового чутья»³⁴⁷.

Продолжал подобные рассуждения Шишкова издатель «Русского Вестника» С. Н. Глинка, отмечавший, что «с изменением значения слов изменяются и понятия; слова тесно соединены с мыслями, а мысли с делами. Что же впоследствии, если каждое столетие и полустолетие, слова, понятия и деяния наши будут изменяться; наконец, если каждый год и каждый месяц, будем образовываться по прихотям вкуса и мод заграничных?»³⁴⁸.

В этом отношении можно сказать, что задача закрепления в общественно-политическом дискурсе за теми или иными единицами языка, в том числе и заимствованными, тех понятийных значений, которые органично вытекают из национальной традиции и служат интересам укрепления национальной идентичности, была унаследована консерваторами пореформенной России от своих идейных предшественников.

Транслируемые консерваторами общественно-политические установки позволяют говорить о том, что часто звучавшие в их адрес обвинения в противостоянии общественному развитию, шовинизме и стремлении к политическому и культурному изоляционизму едва ли справедливы. Если консерваторы и боролись за интересы государствообразующей нации, то по большей части в тех случаях, когда эти интересы ущемлялись в ущерб политическому здравому смыслу, причем боролись в интересах надэтнического целого – имперского государства. Не были они в полном смысле и изоляционистами, поскольку были нацелены на культурный диалог с другими народами, требуя лишь того, чтобы их соотечественники могли выступать в этом диалоге равноправной стороной, имея ясное понимание своего

---

³⁴⁷ Седова Д. Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. С. 57–69.

³⁴⁸ Русский вестник. 1811. № 7.

самобытного национального взгляда, а не пребывая в вечном культурном ученичестве.

Консервативная идеология, начавшая свое формирование в России не под крылом власти, а в среде патриотически настроенного образованного общества, развивалась долгое время как оппозиционное общественно-политическое течение. После смены правительственного курса, будучи теоретически доработана и взята на вооружение государством как базис для официальной государственной идеологии, она стала принадлежностью административно-бюрократического аппарата; в обществе же, напротив, стала вызывать насмешки и скрытую критику, гласные проявления которой подавлялись цензурой. Как и в екатерининскую эпоху, при Николае I общество не было озабочено развитием консервативной идеологии – с этим прекрасно справлялось государство. Но в николаевское царствование государство очевидно переусердствовало на этом пути, создав систему информационного террора, возмущавшую даже консервативно-патриотически настроенную часть общества и отделившую императора от интеллектуальной элиты нации.

Вскоре политическая ситуация вновь меняется, эпоха либеральных реформ Александра II опять переносит «центр тяжести» русского консерватизма в гласную общественно-литературную сферу, обращая консерваторов-монархистов в оппозицию, состоящую из людей независимо мыслящих и готовых отстаивать свои взгляды от нападков одновременно и цензуры, и собратьев по перу, большинство которых с восторгом приветствовало либеральные преобразования. Литературными талантами М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, Н. П. Гилярова-Платонова, Ф. М. Достоевского, В. П. Мещерского была создана гармоничная система консервативных взглядов, основой которой были религиозные убеждения, свободные от обскурантизма, монархизм, свободный от подобострастия, патриотизм без шовинизма и государственный прагматизм.

Стремясь актуализировать в современном им общественно-политическом дискурсе идейную формулу, предложенную на предыдущем этапе становления консервативной идеи и во многом дискредитированную недалекновидной информационной политикой николаевского царствования, консервативные журналисты пореформенной России пытались реконцептуализировать её основные понятия, внося в них элемент внутренней, скрытой полемики с ключевыми понятиями идеологии своих оппонентов.

В наиболее сжатом виде реконцептуализированные ими понятия можно было бы охарактеризовать следующим образом:

1. Православие, понимаемое в духовном смысле как абсолютное воплощение свободы духа, а на уровне общественно-политической практики как система ценностей общества, которая, во-первых, устанавливает приоритет духовных благ по отношению к материальным и интересам коллектива по отношению к индивидуальным, во-вторых, формирует четкое представление о культурной, духовной идентичности последователей этой системы ценностей, их обособленности по отношению к остальному миру (культурный суверенитет) и консолидирует общество на основе декларируемой культурной оппозиции другим государствам и обществам, гарантируя тем самым не только свободу духовную, но и политическую свободу от иноземного влияния и владычества.

2. Самодержавие, понимаемое как непреложная ценность национального политического суверенитета, обеспечиваемого за счет сильного государства с централизованной системой управления, тяготеющего к сосредоточению всей нераздельной полноты власти в лице конкретного человека с целью обеспечения социального равенства за счет надсословного характера правления, базирующееся на понимании власти как бремени, а гражданственности – как осознания нераздельности обязанностей и прав;

3. Народность, символизирующая братское единение подданных империи в сыновней преданности монарху и политически реализуемая в многонациональном имперском государстве в форме системы интегрального национализма, т.е. признания приоритета политических интересов державного народа как ядра полиэтнической государственности, на фоне широкой культурной автономии малых народов, нацеленной на сохранение особенностей их языка, культуры, бытовых традиций и стремления к установлению равенства прав и возможностей для представителей различных народов империи.

Глава 2. Коммуникативные практики русской журналистики консервативного направления в пореформенный период

Принципиальным вопросом, на решение которого нацелено исследование, предпринятое в данном разделе работы, является вопрос о том, почему консервативная философско-политическая доктрина не смогла успешно позиционировать себя в русском общественном сознании пореформенной России и потерпела крах на рубеже веков, не в силах что-либо противопоставить надвигавшейся революции. Проанализировав основные концепты русского консерватизма, приходится признать, что исторический опыт доказывает жизнеспособность и устойчивость в российской политической практике тех установок, которые он постулировал. Поэтому можно предположить, что причины кроются не в несостоятельности самой доктрины, а в тех обстоятельствах, которые сопутствовали ее предъявлению широкому общественному сознанию, иначе говоря, не в идеях, а в практике их донесения до адресата. Это заставляет нас обратиться к анализу коммуникативных практик русских консерваторов.

Коммуникативные практики, как часть социальных практик, всегда в значительной мере детерминированы реалиями эпохи – техническими, социальными, культурными, политическими и пр. Изучая коммуникативные практики в исторической ретроспективе нам необходимо рассмотреть в контексте изучаемой эпохи несколько принципиально важных составляющих каждого издательского проекта. Главной из них является целеполагание: какую цель ставил перед собой автор того или иного издательского проекта, зачем ему понадобилось вступить в социальную коммуникацию, как он видел свою социальную миссию? При этом необходимо ставить вопрос и о том, в какой мере эта цель была объективно достижима в контексте социокультурных процессов эпохи.

Естественно, следующим аспектом является релевантность для достижения этих целей использованных издателем средств. Это касается

жанровых и стилистических особенностей изданий, которые были характерны для различных издательских проектов, организационной структуры работы редакции, путей взаимодействия с читательской аудиторией, характера взаимоотношений с властью и цензурой.

Важно еще раз подчеркнуть, что оценка коммуникативных практик с точки зрения их эффективности возможна только при условии ясного понимания той главной цели, которую преследовал данный издатель или общественный деятель. Например, в ряде случаев такие традиционные показатели эффективности журналистской коммуникации, как рост популярности и тиража изданий, позитивные отзывы читателей, признание профессиональной среды и др., не будут являться критериями успеха – возможно, издатель с самого начала не рассчитывал на популярность у публики и закрывал глаза на возможное презрение коллег по цеху, имея в виду иные задачи своей коммуникативной стратегии.

В данной главе предпринята попытка проанализировать коммуникативные практики наиболее значимых издателей консервативного направления, рассмотрев через призму заявлявшихся ими целей их наиболее масштабные издательские проекты. В ряде случаев подобное исследование будет отчасти смыкаться с жанром очерка творческой биографии издателя, но мы будем касаться биографических деталей только в той мере, в какой они оказали существенное влияние на формирование коммуникативной стратегии того или иного персонажа повествования. Например, невозможно недооценивать значение аристократического происхождения для коммуникационной стратегии, избранной князем В. П. Мещерским, или не сознавать, что выбор журналистской манеры и типа издания Н. П. Гиляровым-Платоновым обусловлен его богословским образованием и происхождением из духовного сословия.

Различие изучаемых коммуникативных практик обусловило также и несимметричную структуру главы – параграфы существенно отличаются по объему, и этому есть объективные причины. Издательская деятельность

Ф. М. Достоевского как журналиста консервативного направления была не столь продолжительна и разнообразна, как, например, деятельность В. П. Мещерского, хотя идейное, духовное влияние Достоевского как мыслителя на формирование консервативной мысли и на современный ему общественно-политический дискурс в целом было куда значительнее, чем у издателя «Гражданина».

Степень успешности издательской деятельности с точки зрения масштаба ее влияния на общество и политику не коррелирует напрямую с ее продолжительностью и разнообразием форм, а в контексте поставленной исследовательской задачи необходимо изучить по возможности все детали и обстоятельства, определявшие эволюцию издательских проектов и степень их эффективности, уделяя должное внимание как достижениям, так и провалам издателей. Анализ эффективности коммуникативных практик журналистов консервативного направления предполагает рассмотрение причин и последствий трансформации издательских форм в большей степени, нежели констатацию успеха единожды найденной модели влиятельного издания. В этом отношении объяснимо, что деятельности создателя нескольких динамично менявшихся проектов будет уделено большее внимание, чем автору единственного, пусть и гораздо более успешного издания.

§ 2.1. Коммуникативная стратегия М. Н. Каткова: от воздействия на читателя к воздействию на чиновника

В отношении коммуникативных практик консервативной журналистики прежде всего интересен феномен М. Н. Каткова как «государственного деятеля без государственной должности». Вопрос об истинном положении Каткова в общественно-политической жизни современной ему России остается открытым несмотря на множество исследований, посвященных этой проблеме. Характер колебаний отношения исследователей к Каткову в зависимости от политической конъюнктуры

эпохи и находящиеся в распоряжении ученых документальных материалов исчерпывающе описан в подробном историографическом очерке С. М. Саньковой³⁴⁹. Де-юре будучи отставным профессором и редактором не популярной у широкого читателя газеты, де-факто Катков являлся одной из самых влиятельных фигур внутренней и внешней политики России 1870–80 гг. – в этом отношении разногласий между исследователями нет. Как нет и всестороннего представления о том, каковы были истоки и практические механизмы этого исключительного политического влияния.

Богатый материал для исследования этого вопроса представляет мемуарное и эпистолярное наследие высших государственных чиновников и общественных деятелей этой эпохи, а также делопроизводственные бумаги Третьего Отделения ОЕИВК. В частных записях и засекреченных донесениях можно найти информацию о тех скрытых пружинах бюрократической машины, которые заставляли ход государственных дел подчиняться влиянию не наделенного формальной властью человека, в то время как материалы газетных публикаций и открытые официальные документы показывают лишь внешний пласт общественно-политической жизни эпохи. Рассмотрим биографию и общественную деятельность Каткова через призму этих специфических источников.

Катков начал публицистическую деятельность в 1839 г. Будучи студентом Московского императорского университета, Катков стал сотрудничать в «Московском наблюдателе», редактором которого в это время был В. Г. Белинский – на тот момент близкий друг Каткова. В мае того же года Катков ведет переговоры с редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским о сотрудничестве в этом журнале, а в октябре уже переезжает из Москвы в Санкт-Петербург, чтобы всецело посвятить себя журнальной работе. Уже его первые юношеские произведения не остались

---

³⁴⁹ Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор, 2007.

незамеченными: статью Каткова, написанную по поводу изданного И. П. Сахаровым сборника народных песен, даже приписывали знаменитому московскому профессору Н. И. Надеждину.³⁵⁰

Кроме того, Катков переводит многие шедевры мировой литературы, и переводы его публика также находит удачными. Его переводы из Шекспира, Гейне и Гофмана появляются на страницах «Отечественных записок» и «Литературного прибавления к “Русскому инвалиду”».

Во время учебы в Берлинском университете (1840–1841 гг.) Катков ведет в «Отечественных записках» рубрику, посвященную немецкой литературе, сообщает заграничные известия, которые печатаются в отделе «Смесь» под названием «Берлинские новости». По возвращении из Берлина Катков на время прекращает участие в журнале и всецело посвящает себя работе над диссертацией, которую блестяще защищает в 1845 г. Его научный труд «Об элементах и формах славяно-русского языка» был высоко оценен коллегами по Московскому университету. В это время у Каткова произошла размолвка с Белинским, бывшим одним из главных столпов редакции «Отечественных записок».

Но, вероятно, главной причиной перерыва в его литературной деятельности была нищета. Журнальные публикации отнимали много времени и сил, но в то время не обеспечивали средств к существованию. Катков, разночинец по происхождению, родившийся в бедной семье, которая, к тому же, скоро лишилась отца, вынужден был заботиться не только о себе – на его попечении находились престарелая мать и младший брат. Безденежье заставляет Каткова искать пути к тому, чтобы упрочить материальное положение, и он всерьез задумывается о государственной службе и карьере чиновника.

После защиты диссертации Катков становится профессором Московского императорского университета. Кафедра русской словесности

---

³⁵⁰ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1889. С. 10.

была на тот момент занята, и ему предложено было место адъюнкт-профессора на кафедре философии, где он читает лекции по психологии, логике и истории философии. Профессорская деятельность Каткова была недолгой: в 1850 г. вышло распоряжение о том, что преподавание философии должно быть передано профессорам богословия, священнослужителям. По ходатайству попечителя Московского учебного округа графа Строганова Катков получает место редактора университетской газеты «Московские ведомости». Руководя этим изданием в период с 1851 по 1856 гг., Катков приобрел неоценимый первый опыт редакторской деятельности и не только проявил себя с литературной стороны, но и продемонстрировал способности руководителя, предпринимателя, организатора. Однако серьезную трудность в деятельности редактора представляло то, что газета не принадлежала ему; его предприимчивость и инициатива в значительной мере ограничивались правлением университета, и Катков стал задумываться о независимой издательской деятельности.

После отмены Александром II ограничений на создание новых органов периодики Катков в 1855 г. решает подать прошение министру народного просвещения А. С. Норову о разрешении на издание нового журнала. Получив таковое, Катков покидает пост редактора «Московских ведомостей» и становится редактором и издателем журнала «Русский вестник».

Велика была роль «Русского вестника» и его редактора в литературном процессе. Именно на страницах этого журнала увидели свет величайшие творения русской классической литературы: большинство произведений Ф. М. Достоевского, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, романы Л. Н. Толстого и повести И. С. Тургенева, произведения Н. С. Лескова («На ножах»), А. Ф. Писемского («Взбаламученное море»), В. Крестовского и многих других знаменитых русских писателей украшали литературный отдел издания.

С точки зрения политической позиции изменение взглядов Каткова принято трактовать как решительный поворот от либерализма к

консерватизму. Однако, обратив более пристальное внимание на ранний период творчества Каткова и юношеский этап его биографии, можно убедиться, что кардинального перелома не было – скорее имело место постепенное обретение самостоятельного и решительного голоса по мере преодоления естественного юношеского конформизма по отношению к авторитетам, непреложным для круга друзей и сверстников. В конце сороковых – середине 1850-х годов Катков в поисках интересных собеседников, товарищей по развитию, примыкает к известному университетскому кружку Н. Станкевича, ставшему интеллектуальной колыбелью для многих ведущих деятелей русского либерального движения. Но даже во времена самых теплых отношений Каткова с Белинским, Бакуниным, Герценом и другими членами кружка последние часто говорили о чувстве отчуждения к молодому приятелю, который, несмотря на их влияние, мыслил все-таки своеобразно³⁵¹.

С юных лет Катков, воспитанный в духе живой и глубокой религиозности, симпатизировал тем философским системам, которые ищут возможности примирения духовных исканий религии с движением науки по пути рационального познания, видел в религиозном мистицизме не противоречие знанию, а «иное знание», органично дополняющее несовершенство человеческого разума. Его увлечение идеалистической философской системой Шеллинга и личное знакомство в Берлине со знаменитым философом, безусловно, оказали на него существенное влияние, в то время как приятели его юности в основном увлеклись изучением материалистических философских систем. Со второй половины 1840-х годов «Катков полностью отошел от Белинского» и с этого момента «ни к каким кругам более не примыкал»³⁵², так же как, впрочем, и его будущий яростный оппонент А. И. Герцен, который, пережив идеологический разрыв с кругом

---

³⁵¹ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1889. С. 64–67.

³⁵² Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х гг. Л., 1991. С. 304.

близких друзей и признав окончательный распад своего кружка, покинул родину в 1847 г.

Вторая половина 1850-х гг. – период, интересный удивительным проявлением общественного единодушия в поддержке общего движения обновления и реформ. Однако причина этого единодушия была не в том, что все русское образованное общество, составлявшее и саму печать, и ее читателей, одинаково видело перспективы и задачи этого обновления, а в том, что недалёковидная в своей излишней жесткости информационная политика предшествующего николаевского царствования удивительным образом сплотила против себя совершенно противоположные общественные силы. «В первую эпоху литературного движения, наступившего с новым царствованием, – вспоминал Н. А. Любимов, – скрытая рознь, какая таилась в этом движении, не была еще заметна. Было течение как бы общим потоком... но скоро рознь направлений выступила наружу...»³⁵³ Даже издания Каткова и Герцена не отличались еще так разительно, как после рубежного 1862 года. Более того, «в представлении не особо искушенной аудитории, “Колокол”, “Русский вестник” и “Современник” взаимодополняли друг друга»³⁵⁴, – с той лишь разницей, что их либерализм имел различные оттенки: чуть более консервативный у «Вестника» и чуть более радикальный – у «Колокола», что, впрочем, многие объясняли только тем, что «Русский вестник» говорил подцензурно, а «Колокол» вещал свободно.

В 1856–58 гг. «Русский вестник» воспринимался цензурой как задиристый журнал, и неоднократно навлекал на себя гнев цензоров. В декабре 1858 г. цензору фон Крузе грозило даже отстранение от должности за пропуск нескольких статей, наделавших много шума³⁵⁵. Третье отделение, еще за юношеские литературные опыты на страницах «Отечественных

---

³⁵³ Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб.: Обществ. польза, 1889. С. 6.

³⁵⁴ Макушин Л. М. М. Н. Катков и «Русский вестник» в 1856–1862 гг.: от либерализма к охранительству // Акценты. 2001. № 5–6. С. 70–77.

³⁵⁵ Никитенко А. В. Дневник. М.: Захаров, 2005. Т. 2. С. 98–99.

записок» включившее Каткова в список неблагонадежных лиц, укрепилось в своем недоверии к журналисту за первые годы его редакторства. Но временная консолидация на платформе умеренного либерализма в редакции «Русского вестника» была недолгой³⁵⁶. Конфликт между сотрудниками набирающего популярность журнала привел к расколу редакции – её покинули радикально настроенные Б. Н. Чичерин и Е. Ф. Корш, Катков же остался полновластным идейным лидером издания.

В целом подобный конфликт между редакторами и сотрудниками был типичным для русской журналистики XIX в.: публицистам хотелось высказать свою общественную позицию, а редактору-издателю – избежать цензурных преследований и сохранить журнал. Однако в данном случае причины противостояния были более серьезные: судьба «Русского вестника» в значительной мере отразила судьбу всего либерального течения русской общественной мысли в период внутреннего размежевания этого разнородного идейного направления. Идеологическое давление николаевского времени, равно исключавшее возможность практического влияния на общественное мнение и государственную политику для представителей всех идейных течений, делало противостояние режиму универсальной объединяющей платформой для всей мыслящей интеллигенции. Теперь же, когда открывались реальные перспективы общественной деятельности, вчерашние единомышленники, «дружившие против» ненавистной обоим третьей стороны, становились оппонентами, а порой и врагами. На поверку оказалось, что юношеский умеренный либерализм Каткова был, собственно, критикой политики Николая I; впрочем, и её со временем Катков также станет считать хоть и не всегда удачной в выборе средств, «но правильной в своей цели».

---

³⁵⁶ Кантор В. М. Н. Катков и крушение эстетики либерализма. // Вопросы литературы. 1973. № 5. С. 23–35; Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX века. М.: Мысль, 1972.

Постепенно расхождение во взглядах становится все более очевидным, умеренно-либеральный «Русский вестник» Каткова уже в 1861 г. начнет попытки намеками и обиняками расшатывать исключительный авторитет Герцена, особенно очевидный в среде молодежи, которая доставала и читала лондонские издания, несмотря на запреты. Говоря о полемике тех или иных российских изданий с Герценом в это время, можно иметь в виду лишь косвенные ссылки на материалы «Колокола» и упоминания о лондонских изгнанниках столь привычным для русской подцензурной печати эзоповым языком, ибо как произведения, так и имя Герцена запрещено было упоминать публично, и «русским журналистам приходилось проводить через цензуру лишь скрытые герценовские цитаты, понятные далеко не всем».³⁵⁷

Во втором номере «Русского вестника» за 1861 год в статье «Старые боги и новые боги», Катков открыто полемизирует с «Современником» и скрыто, между строк, иронизирует по поводу авторитета изданий Герцена. Сравнивая Герцена с московским прорицателем Иваном Яковлевичем, о котором много толков было в то время в Москве, Катков пишет, что не стоит упрекать непросвещенных московских барынь, едущих на поклонение к шарлатану-прорицателю, если уж русская образованная публика столь же слепо отправляется на поклонение своему новому идолу, с которым даже открытая полемика запрещена, ибо «новые культы обладают привилегиями: они окружены святыней неприкосновенности»³⁵⁸. Напомним, в эти годы имело место своеобразное паломничество: в Лондон действительно отправлялось множество русских, и не только таких, которые имели к Герцену какое-то действительно дело, но и таких, какие желали посмотреть на него просто из любопытства: «Герцен слыл “Апостолом русской свободы”,

---

³⁵⁷ Громова Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени: дис. ... докт. филол. наук. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. С. 93.

³⁵⁸ Русский вестник. 1861. № 2. С. 894.

как его кликали тогда в Лондоне уличные мальчишки, водя к нему на поклонение русских туристов»³⁵⁹.

После того как под «единодержавным» руководством Каткова «Русский вестник» стремительно эволюционировал вправо, возглавил полемику русской подцензурной печати с Герценом³⁶⁰ и вступил в конфронтацию с «Современником», некогда считавшийся идеологически опасным журналист уже рассматривался цензурой как человек благонамеренный. Однако обретение Катковым того исключительного статуса, который обеспечил ему существенное влияние на ход государственных дел, произошло уже в 1863 г., когда Катков приобрел на правах аренды газету «Московские ведомости».

Тот факт, что передача газеты в аренду Каткову совпала по времени с переходом его на государственнические промонархические позиции, заставлял и современников и исследователей подозревать журналиста в том, что его преданность трону была не бескорыстной, а хорошо оплачиваемой³⁶¹, тем более что «Московские ведомости» имели важную привилегию – право на публикацию казенных объявлений. Однако эти обвинения не имели под собой серьезных оснований: инициатором отдачи газеты в аренду являлся Московский императорский университет, которому принадлежало издание и который при выборе арендатора из числа конкурирующих за это право лиц руководствовался исключительно соображениями материальной выгоды; арендный контракт был составлен таким образом, что прибыль от государственных объявлений не составляла значимого дохода для арендатора; никаких доказательств вмешательства властей в ход

---

³⁵⁹ Павлов Н. М. Полемика Каткова с Герценом. Эпизод из шестидесятих годов.// Русское обозрение. 1895. № 5. С. 311.

³⁶⁰ Кругликова О. С. Публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова. Публицист и власть. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

³⁶¹ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

объявленного «тендера» и составление условий с арендатором обнаружить не удалось³⁶².

Укрепление промонархических позиций Каткова в большей степени связано с политическим контекстом времени. Событиями, определявшими политическую повестку в начале 1863 г., было восстание в Польше и разгоревшаяся в связи с ним дипломатическая война против России. Европейские державы уже неоднократно использовали польский вопрос для давления на Россию. Еще во времена Крымской войны страны антироссийской коалиции предпринимали попытки формирования польских воинских соединений для войны с Россией, в начале же 1860-х гг. крупные колониальные державы, и прежде всего Франция, поддерживали активные сношения с польским революционным комитетом и обещали ему не только дипломатическую поддержку, но и прямое военное вмешательство в случае выступления польских революционеров. Вскоре после начала восстания России были предъявлены ультиматумы со стороны трех держав – Англии, Франции и Австрии – с требованием скорейшего разрешения польского вопроса и удовлетворением всех политических требований восставших.

Русское правительство оказалось в тяжелейшем кризисе: на фоне дестабилизации во внутренней политике, вызванной периодом реформ, оно не могло решиться на стремительное и суровое подавление военных выступлений повстанцев, хотя сила, безусловно, была на стороне империи, и в прямом военном противостоянии полякам не на что было надеяться. Но власть не имела политической опоры для решительных действий – в обществе стремительно развивалось антиправительственное движение и крепла оппозиция. Колоссальное внешнеполитическое давление осложняло ситуацию, тем более что российская армия, несколько лет назад потерпевшая сокрушительное поражение от объединенных военных сил Европы,

---

³⁶² Кругликова О. С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М. Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2007. № 4-2. С. 248–255.

находилась в процессе полной системной модернизации, рассчитанной на длительный период и бывшей в самом начале. Военный министр Д. А. Милютин на прямой вопрос государя о боеспособности армии в этот переходный период вынужден был дать неутешительный ответ³⁶³. Правительству, в сущности, не из чего было выбирать: европейская война была почетной гибелью в бою, а уступки требованиям иностранцев – позором и политическим самоубийством.

Редактор «Московских ведомостей» принял непростое решение: невзирая на то, что он был критически настроен в отношении многих внутривластных процессов эпохи, Катков стал служить интересам национальной государственности в кризисный момент. Его деятельность в период Польского восстания освещена в научной литературе весьма подробно. С первых дней восстания Катков безусловно и уверенно требует его скорейшего подавления, убеждает общество в том, что европейские угрозы – не более чем политический блеф, остро полемизирует с нелегальной эмигрантской прессой, бьет тревогу по поводу наметившихся в результате восстания тенденций к сепаратизму в других окраинах Российской империи. Но главное – он проводит широкую пропагандистскую кампанию по консолидации общественных сил внутри страны. Провозгласив, что «энергия и единодушие, с каким выскажутся русские люди против планов, несогласных с жизненными интересами России, могли бы оказать немалое влияние на дальнейший ход событий», Катков не только поддерживал, но отчасти инициировал волну патриотических выступлений, нашедшую свое выражение в массовой подаче верноподданнических адресов. Катков принял активное участие в составлении некоторых из них (от московского дворянства, от Московского императорского университета и от старообрядцев-беспоповцев)³⁶⁴ и спровоцировал дальнейшее развитие этого

---

³⁶³ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Росспэн, 2003.

³⁶⁴ Кругликова О. С. Публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова. Публицист и власть. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

общественного движения, нагнетая ура-патриотический ажиотаж вокруг подачи адресов. Увлеченная патриотической волной общественность консолидировалась вокруг трона, и правительство получило пусть временную, но столь необходимую единодушную поддержку народа.

Л. М. Макушин в статье о «Департаменте Каткова»³⁶⁵ отмечает, что Каткову удалось создать слаженную идеологическую машину, в которой каждое его издание выполняло свой политический маневр в контексте общей пропагандистской кампании. После того, как М. Н. Катков становится арендатором «Московских ведомостей», «Русский вестник» обретает новый статус и новые функции. Катков любой вопрос рассматривал с точки зрения его соотнесенности с политическими процессами в стране, и при этом был исключительно авторитарным редактором (несмотря на то, что основная текущая работа по редактированию «Русского вестника» постепенно перешла к его другу и соратнику П. М. Леонтьеву, Катков никогда не переставал контролировать общее направление журнала), так что все его издания четко отражали единую систему политических взглядов. Любимов заведовал как материальными вопросами редакции, так и содержательным наполнением литературного и новостного отдела, однако писать политические обзоры ему было запрещено – формулирование политических взглядов издания было исключительной прерогативой Каткова. А поскольку Катков, «выдавая по шесть передовиц в неделю для «Московских ведомостей», был не в состоянии обеспечить «Русский вестник» своей публицистикой»³⁶⁶, то с 1863 г. политические обзоры в журнале вообще прекратились.

«Московские ведомости» живо откликались на злобу дня в кратком газетном формате, «Русский вестник» же должен был обеспечить научно-историческое обоснование политических позиций издателя, придать публикациям газеты глубину и основательность аргументации.

---

³⁶⁵ Макушин Л. М. «Департамент Каткова»: идеология и технология // Акценты. Воронеж, 2002. Вып. 1–2. С. 37–45.

³⁶⁶ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / сост. П. А. Николаев. М.: Книга, 1982. Т. 2. С. 510.

В июльской книжке «Русского вестника» за 1863 г. помещена статья П. К. Щербальского «Французская политика в Польше в 1768–69 гг.». Очевидная цель этой публикации – подчеркнуть указываемую газетой Каткова роль Франции и Англии как провокаторов Польского восстания, показывая в историческом контексте, что стимуляция польско-русского национального антагонизма традиционно была характерной чертой французской внешней политики.

С момента начала восстания в Польше существовали опасения, что оно может перекинуться на соседние области Малороссии, где исторически был силен элемент польско-католического шляхетства, поэтому было важно немедленно начать идеологическую борьбу в этом направлении, так что в августовской книжке «Русского вестника» появляется статья не профессионального историка, а писателя и публициста Василия Авсеенко «Малороссийское шляхетство в 1762 г. Новые материалы по истории XVIII века», имевшая целью на основании исторических документов продемонстрировать взаимовыгодные и в целом лояльные отношения малороссийского дворянства и русской монархии.

Редакции журнала было непросто оперативно подготовить серьезные научные исторические исследования, соответствующие политическим целям «Департамента Каткова», на это требовалось время. К началу 1864 г. был подготовлен целый пул исторических публикаций, отвечавших задачам антипольской пропаганды, многие из которых принадлежат перу тогдашнего флагмана исторической тематики в «Русском вестнике» Д. И. Иловайского. В январской книжке 1864 г. была опубликована его статья «3 мая 1791 г.». В этот день была принята недолго просуществовавшая (всего 19 месяцев) Польская Конституция. Важно то, что сам факт попытки принятия такой конституции был ответом последнего польского монарха Станислава Августа Понятовского на очевидные признаки деградации государственной системы Речи Посполитой. Как известно, одним из принципиальных моментов в антипольской пропаганде Каткова было указание на тот факт, что польский

государственный суверенитет прекратил свое существование отнюдь не в связи с русской агрессией, а в силу внутривосточных процессов, отражавших неспособность польской нации к организованной государственности.

Польская тема – лишь один из прецедентов слаженного информационного воздействия редакций «Московских ведомостей» и «Русского вестника». В дальнейшем каждый новый поворот русской внешней политики будет освещаться в журнале в аспекте его исторической подоплеки. Например, в 1868 г., во время очередного обострения политического противостояния на Балканах, связанного с противодействием объединенных сил англо-французской дипломатии развитию созданного Россией Союза балканских государств. Под давлением англо-французской коалиции Союз прекратил свое существование в 1868 г., в ответ на это Россия предприняла стандартный для себя шаг в случае всех дипломатических споров с Англией – усилила угрозу индийским колониям, присоединив Коханское царство и начав активное освоение среднеазиатских рынков сбыта, что в конечном итоге привело в общей эскалации напряженности в восточном вопросе.

В это время Катков в «Московских ведомостях» яростно клеймит внешних врагов, а «Русский вестник» опять отрабатывает свой маневр в этой кампании: с января по май 1868 года на его страницах появляются историко-популярные публикации Е. М. Феокистова «Рецензия на книгу Розена “Русская политика на Востоке перед Крымской войной”», «Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость». Задача этих публикаций прозрачна и вполне традиционна – обосновать бескорыстие, историческое и моральное право русских притязаний на Балканах.

Возвращаясь к моменту начала польского восстания, необходимо отметить, что популярность Каткова в обществе в это время стремительно растет, его публикации привлекают широкое общественное внимание, в глазах большинства публики, да и соратников по перу, в это время Катков – идейный вождь русского общества. Естественно, деятельность Каткова

привлекла к себе внимание и многих высокопоставленных чиновников. С ним вступает в переписку министр внутренних дел П. А. Валуев, с ним сближаются братья Милютины и министр народного просвещения А. Н. Головнин, через посредство Ф. И. Тютчева Катков взаимодействует с министром иностранных дел А. М. Горчаковым. Для Каткова польское восстание стало началом восхождения от отставного университетского профессора до «глашатая воли народной», не стеснявшегося давать советы не только правительству, но и российским самодержцам. Даже А. И. Герцен, его яростный оппонент, будет иронично называть его сотрудников «правительствующая редакция “Русского вестника”»³⁶⁷.

Однако принципиально важно отметить, что в ходе этого восхождения система взаимоотношений журналиста с властью не сводилась к идеологическому диктату чиновников по отношению к изданию. Катков стремился одновременно сохранить и благорасположение высших сфер, и свободу идеологического маневра, хотя и министр внутренних дел, и министр народного просвещения желали завладеть пером Каткова и популярностью его издания для решения своих политических задач.

В одном из писем летом 1863 г. П. А. Валуев предлагает журналисту для избегания возможных искажений информации, поступающей от корреспондентов редакции, обращаться напрямую к министру за сведениями по любому интересующему его вопросу. В последующих письмах он неоднократно повторяет свое предложение сообщать «точные сведения и благонадежные»³⁶⁸. Катков не отказывается напрямую от предложенного сотрудничества, но и не прибегает к нему³⁶⁹. Уговоры министра воспользоваться перепиской с ним как источником достоверной информации продолжают и в последующих письмах: «Если о чем хотите справиться,

---

³⁶⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / под ред. В. П. Волгина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 17. С. 112.

³⁶⁸ М. Н. Катков и П. А. Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. № 9. С. 412.

³⁶⁹ Переписка Каткова и Валуева сохранилась не полностью, писем Каткова всего восемь, писем же Валуева – 30, поэтому содержание отсутствующих писем Каткова можно лишь отчасти восстановить по ответам Валуева.

пишите просто: правда ли то и то, в полстраницу. Обещаю в той же pagina fracta скорые и определительные ответы»³⁷⁰.

Головнин находил возможным со стороны государственной казны сделать уступку газете в плате за рассылку номеров подписчикам по почте. Катков от этого предложения отказался. Так как министр вторично обратился к издателю с предложением посодействовать газете, Катков указал на то, что редакции было бы удобнее, если бы им было предоставлено право при рассылке издания самостоятельно заделывать пост-пакеты и отправлять их на железнодорожную станцию, минуя газетную экспедицию. Причем сам Катков ходатайствовал не об уменьшении платы газеты почтамту, а только об устранении организационного неудобства.

Министр народного просвещения отправил ходатайство в почтовое ведомство, предложив со своей стороны не только пойти навстречу изданию, но и снизить плату газеты почтамту в связи с самостоятельным выполнением редакцией данного вида работ. Однако почтовое ведомство отказало. Прибыв в Москву и лично беседуя с Катковым, министр народного просвещения предложил редактору открыть в «Московских ведомостях» специальный педагогический отдел, который снабжался бы регулярно статьями по вопросам организации системы образования в Российской империи. Имея в виду наличие такого отдела, министерство народного просвещения закупало бы ежегодно более 2000 экземпляров газеты. Это было уже очевидным предложением «спонсорства» со стороны министерства, причем предложением исключительно выгодным – более 2000 гарантированных подписчиков. Однако Катков отказался и от этого предложения³⁷¹.

Редактору «Московских ведомостей» важно было сохранить независимость, и хотя от прямой конфронтации с министрами он уклонялся, его газета без стеснения критиковала деятельность обоих ведомств.

---

³⁷⁰ М. Н. Катков и П. А. Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. № 9. С. 412.

³⁷¹ Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб.: Общественная польза, 1889.

Некоторое время министры не теряли надежды приручить строптивца Каткова. Это создавало серьезную проблему для чиновников цензурного ведомства. Уже в августе 1863 г. поступали множественные замечания цензоров на статьи «Московских ведомостей», ибо «Катков рубит с плеча направо и налево».³⁷² Однако высокое начальство долго оставляло его критические выходки без внимания – в октябре 1863 г. А. В. Никитенко отмечает в дневнике, что «Головнин не хочет, чтобы Каткову отвечали с некоторую силою на его нападки на министерство народного просвещения, против которого он ратует свирепо и ругательно».³⁷³ Потворство министров поставило в неловкое положение цензоров, так что к началу 1864 г. отношения Каткова с цензурой носили почти комический характер: «Сегодня в заседании Совета по делам печати, – пишет Никитенко, – между прочим, была доложена ругательнейшая статья “Московских ведомостей” на Петербург. Я при этом случае сказал, что о Каткове Совет ничего не может постановлять: пусть министр ведается с ним, как считает за удобнейшее, а Совет был бы только смешон, выслушивая и бесплодно заноса в свои протоколы то, чему он противиться и чего остановить не в состоянии»³⁷⁴. Катков благосклонно принимал реверансы министров в свой адрес, но поддерживать в печати готов был только те идеи, которые разделял по своему искреннему убеждению.

Впрочем, терпение высших чиновников также было не беспредельно, и Валуев начал раздражаться тем, что у Каткова «нечто вроде *idée fixe* насчет необходимости исключительного положения для «Московских ведомостей»³⁷⁵. К началу 1866 г. недовольство Валуева достигло апогея – отчаявшись наладить отношения с Катковым, министр решился дать газете три предостережения, и издание было приостановлено. Этот эпизод весьма

---

³⁷² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. 2. С. 450.

³⁷³ Там же. С. 469.

³⁷⁴ Там же. С. 496.

³⁷⁵ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / под ред. П. А. Зайончковского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 2. С. 180.

подробно описан в научной литературе: Катков отказался публиковать полученные предостережения, оплатил все необходимые штрафы и, будучи официально отстранен от редакторства, временно передал газету своему другу и коллеге Н. А. Любимову, но не пошел на компромисс с министром. Правительство было заинтересовано в том, чтобы прекратить развернувшуюся в прессе шумиху вокруг скандального противостояния министра и журналиста, и благодаря личному вмешательству Александра II, возвратившего Каткову право издания газеты, последний не только отстоял свое право рассуждать о министерских делах, но и получил разрешение в дальнейшем обращаться с письмами напрямую к государю³⁷⁶.

Ситуация развернулась в пользу Каткова еще и потому, что конфликт с цензурой разразился накануне покушения Каракозова на Александра II. На фоне этого события борьба либерального министра (причем именно того, в чьей непосредственной компетенции находились вопросы безопасности государя) с лучшим изданием охранительно-монархического крыла выглядела весьма симптоматично, что немедленно нашло отражение в эпиграмме, принадлежавшей перу В. П. Мещерского:

Дня накануне рокового,
 Мишурным рвеньем возгоря,
 Предостерег. Кого? Каткова!
 А не предостерег царя...³⁷⁷

Готовность Каткова отстаивать свое мнение в споре с правительством и цензурой нашла позитивную оценку даже среди журналистов следующих поколений, в том числе, в либеральной среде. Влас Дорошевич, сравнивая в своих воспоминаниях поведение Каткова и Суворина в аналогичных ситуациях столкновения с цензурой, отдает несомненное предпочтение Каткову, который «имел в нужную минуту находчивость и смелость: – Не

---

³⁷⁶ Деревягина Е. В. К цензурной истории «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. // Просветительская миссия журналистики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 62–74; Кантор Р. М. Кризис «Московских ведомостей» в 1866 г. СПб., 1922.

³⁷⁷ Мещерский В. П. Письма в Тверитино // Русский вестник. 1897. № 8. С. 43.

подчиниться. И не платить наложенного на него штрафа. Отстаивая свою самостоятельность. И. С. Аксаков на предостережение за “недостаток патриотизма” ответил громовой статьей. (...) Это были издатели газет. Суворин безмолвно подчинил “Новое время” распоряжению»³⁷⁸. Катков сумел поставить себя таким образом, что в дальнейшем чиновники, пытавшиеся снискать его дружбу и поддержку, не рисковали обращаться за пропагандой тех мер, которые, как они знали, не мог бы искренне одобрить Катков. «Выдающиеся способности Каткова как писателя-публициста, его популярность заставляли иногда руководителей министерства финансов и внутренних дел прибегать к помощи пера Каткова, чтобы популяризировать те меры, и начинания их, которые, как они знали, совпадали с его личными взглядами»³⁷⁹.

Постоянно менялось и отношение чиновников Третьего отделения к некогда внесенному в списки неблагонадежных умеренно-либеральному журналисту. В 1863 г. Катков – воплощенное общественное мнение, причем общественное мнение, выгодное правительству, основанное на идее консолидации вокруг трона перед угрозой внешнего врага и внутренних революционных потрясений, мнение, которое необходимо охранять от пагубных влияний. Контакты и беседы Каткова – предмет живейшего интереса Московского обер-полицмейстера, который следил за ними по поручению шефа жандармов генерала А. Л. Потапова. После того как 1 мая 1863 г. Каткова посетил переводчик британского посольства Томас Митчелл, обер-полицмейстер отправил начальству успокоительное донесение о том, что в результате беседы с иностранным агентом, имевшим целью изменить враждебное отношение Каткова к Англии как к одной из сторон, умышленно

---

³⁷⁸ Дорошевич В. М. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 604.

³⁷⁹ М. Н. Катков и П. А. Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. № 8. С. 289.

разжигающих Польское восстание, журналист своего патриотического настроения не изменил, и иностранец отбыл восвояси, не достигнув успеха³⁸⁰.

В дальнейшем идея правительства бдительно следить за изменением политических позиций как самого редактора «Московских ведомостей», так и его оппонентов, укреплялась и развивалась. Чиновники Третьего Отделения, делавшие из перлюстрируемых писем лиц, заподозренных в неблагонадёжности и поставленных под негласный надзор полиции, выписки для докладов начальству имели, очевидно, предписание отслеживать любые негативные высказывания в адрес Каткова как высказывания, косвенно оскорбляющие само правительство.

Их внимание привлек фрагмент из письма чиновника особых поручений при Виленском генерал-губернаторе И. А. Забелина из Вильно от 5 сентября 1866 г. к Ивану Белюстину в Калязин Тверской губернии: «Ни один поляк не мог столько навредить Русскому делу, сколько подлец Катков. Это беснующееся самолюбие, которое при крайней ограниченности сведений местных хочет управлять целою Россиею». И. А. Забелин в 1866 г. возглавлял редакцию старейшей Литовской газеты «Виленский вестник». В его письме содержится также любопытное указание на то, что власти негласно ограничивали прессу в стремлении к полемике с изданием Каткова: «Мне запрещено писать против Каткова, против его нелепых фантазий об обрусении жидов и поляков посредством русского языка»³⁸¹.

Наиболее резкие высказывания порой влекли за собой дальнейшие разбирательства и меры со стороны властей. Одним из таких поводов к разбирательству стала выписка из письма за подписью «П. Рат.» из Женевы от 16 сентября 1870 г. к отставному полковнику Васильеву в Варшаву «... весьма прискорбно, что гг. Катков и ему подобные вместо того, чтобы указывать все то, что нам следует заимствовать полезного от устройств по

---

³⁸⁰ Донесение Московского обер-полицмейстера генералу Потапову от 1 мая 1863 г. // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение). Оп. 38. Д. 23. Ч. 84. Л. 81–83.

³⁸¹ Выдержки из писем некоторых лиц // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение). Оп. 1. Дело 1969. Л. 5.

всем отраслям Германии (...) своим в сущности бесполезным писанием раздражают национальности внутри и дерзко задевают соседей. (...) Хранит нас Господь от влияния журналистики, герои коей, вместо добросовестного разъяснения, готовы повергнуть все в хаос, лишь бы иметь больше подписчиков»³⁸². На выписке сделана пометка рукой управляющего III отделением от 28 сентября 1870 г. «Господину начальнику Варшавского жандармского округа, секретно: «Прошу Ваше Превосходительство приказать выяснить негласно и сообщить мне, кто может быть П. Рат.»³⁸³ В поступившем ответе с пометкой «секретно», сообщалось, что «П. Рат.» – это генерал-лейтенант Петр Алексеевич Ратов, на деятельность которого отныне было обращено бдительное око полиции³⁸⁴.

Необходимо отметить, что смелость и решительность во взаимодействии с властями Каткову придавала та действительно всенародная популярность, которую он приобрел в период польского восстания. Характер восстания был таков, что провозглашенные вначале требования социальных преобразований постепенно уступили место территориальным притязаниям. Даже сочувствовавшая полякам русская либеральная интеллигенция не была готова поддерживать требования отделения от империи нескольких крупных губерний и раздражалась внешнеполитическим давлением на правительство. Здоровый инстинкт национального самосохранения способствовал сплочению перед «польской угрозой», а Катков с его пламенными призывами к единению в борьбе, становился все более популярен. Но единодушие слабело по мере умиротворения восстания, и вскоре единству общественного мнения по ключевым политическим вопросам пришел конец. И вместе с тем шла к закату и исключительная популярность Каткова в обществе.

Вера Каткова в силу влияния печатного слова на массы была поколеблена, но опыт взаимодействия с чиновно-бюрократической средой

---

³⁸² Там же. Л. 3.

³⁸³ Там же. Л. 3 и 3 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 4.

указал на возможность иного пути участия в государственных делах. Отныне Катков пытается подкреплять влияние изданий на общество влиянием издателя на правительство. Тираж газеты в это время неуклонно падает (как отмечает Е. М. Феоктистов: «Московские ведомости» только во время польского восстания 1863 г. имели обширный круг читателей, впоследствии же число их подписчиков не превышало 6000 на всю Российскую Империю!»³⁸⁵), но политическое влияние редактора только растет.

По мере укрепления придворных и чиновных связей Каткова отношение к нему общества меняется. В мае 1863 г. Совет Императорского московского университета уведомляет попечителя Московского учебного округа о том, что профессорами университета было принято решение почтить Каткова званием почетного члена университета. В представлении профессора Полунина говорилось: «Михаил Никифорович Катков учился в Московском Университете и со славою занимал в нем кафедру философии. Оставив кафедру, с неменьшею славою подвизается на литературном поприще, и своими литературными трудами оказывает существенную услугу отечеству и делает честь месту своего воспитания»³⁸⁶. Однако уже в декабре 1863 г. члены Академии наук упорно сопротивляются навязываемому им президентом Академии избранию Каткова членом-корреспондентом. Никитенко с удовлетворением отмечает: «От Каткова мы кое-как отделались, представив причину, что комплект членов-корреспондентов полон и нет вакансий, хотя, собственно говоря, это не причина»³⁸⁷. Все более резко выраженная консервативная платформа издания сужает круг преданных читателей.

В 1865 г., в период нарастающего конфликта с Валуевым, Каткову снова удается привлечь симпатии значительной части общества, но эти симпатии являлись лишь оборотной стороной общественного недовольства министром.

---

³⁸⁵ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания // За кулисами политики (Е. М. Феоктистов. В. Д. Новицкий. Ф. Лир. М. Э. Клейнмихель). М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 151.

³⁸⁶ Дело об избрании Статского Советника Каткова в почетные члены Университета // ЦИАМ. Ф. 418 (Московский Императорский университет). Оп. 32. Д. 154.

³⁸⁷ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. 2. С. 487.

Московское дворянство подносит Каткову серебряную чернильницу с дарственной надписью «в изъявление удовольствия за патриотическое направление его литературных трудов»³⁸⁸, а Московский университет поддерживает в конфликте с цензурой³⁸⁹.

Но уже в начале 1870-х гг. чиновники Третьего отделения делают следующую выдержку из письма Л. Мейна из Москвы от 5 марта 1872 г. к К. А. Бильбасову: «Его <Каткова> уже многие поняли в Москве. Подняться ему в общественном мнении невозможно, и он, конечно, сознавая это, махнул рукою и играет “во всю”. Он себе шею не сломит, людей этого рода презирают, но берегут»³⁹⁰. Далее автор письма с явным воодушевлением отмечает, что падает подписка на «Московские ведомости» и снижается общий интерес к газете: «Пусть хоть общественное презрение выскажется открыто, раз в печати всему и всем затыкают рот»³⁹¹.

Хотя от «Московских ведомостей» отхлынули люди, настроенные либерально, однако среди оставшегося узкого круга постоянных поклонников были преимущественно люди влиятельные. Родственные с Катковым по образу мыслей консерваторы-преобразователи, которые, как правило, и являлись ключевыми действующими лицами мелкой и крупной политики 1880-х гг., черпали в «Московских ведомостях» аргументацию для своей идеологической позиции. Не совсем прав был Никитенко, который в феврале 1872 г. записал в дневнике по поводу приостановки газеты А. А. Краевского «Голос», что теперь прекратилась последняя независимая газета в России, ибо “Московские ведомости” считать нечего, потому что они превратились в правительственную газету»³⁹². «Московские ведомости» не превратились в правительственную газету в том смысле, что не стали рептильным изданием, по определению лояльным ко всему, что бы ни исходило от спонсирующего

---

³⁸⁸ Весть. 23 декабря 1865.

³⁸⁹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. 3. С. 5.

³⁹⁰ Выдержки из писем некоторых лиц // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение). Оп. 1. Дело 1969. Л. 10.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. 3. С. 328.

их ведомства. Катков избрал противоположный путь. Тонко используя связи редактора в среде высшего чиновничества и популярность издания у высокопоставленных читателей, «Московские ведомости» пытались сами создавать то правительство, с которым они совпадали бы во мнениях и которое могли бы поддерживать, не поступаясь принципами.

Во второй половине 1870-х гг. Катков действительно оказал прямое влияние на ряд кадровых решений в верхах. Например, смещение с поста министра финансов Н. Х. Бунге и замена его И. А. Вышнеградским современниками всецело относилась на счет деятельности редактора «Московских ведомостей». Как вспоминал С. Ю. Витте, «Катков, как представитель крайне консервативного направления, вел войну против тогдашнего министра финансов Бунге, человека очень почтенного, либеральных взглядов... Нападая на Бунге, Катков вместе со всей крайней консервативной партией, которой он руководил, должен был выставить какого-нибудь своего кандидата. Вот он и выставил Вышнеградского»³⁹³.

Важно отметить и еще один момент – каждое такое назначение было вкладом Каткова в свое политическое будущее. Как отмечал Витте: «назначению Вышнеградского во многом содействовал Катков, и так как, по-видимому, Вышнеградский был до определенной степени обязан Каткову, то он, когда сделался министром финансов, относился к Каткову очень бережно»³⁹⁴. Особенно яркой иллюстрацией работы этого принципа является состоявшееся не без участия Каткова назначение Д. А. Толстого министром народного просвещения. Катков давно был лично знаком с вновь назначенным министром, правда, его журнал «Русский вестник» конфликтовал с Толстым как с обер-прокурором синода³⁹⁵, но редактор «Московских ведомостей» никогда не гнушался временной коалицией с прежними противниками, если это было необходимо в интересах дела.

---

³⁹³ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 1 (1849–1894) Детство. Царствования Александра II и Александра III. М.; Таллинн: Скиф Алекс, 1994. С. 276.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Любимов Н. А. Н. М. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889.

Проведенная Толстым гимназическая реформа, в сущности, была исполнением директив Каткова, бывшего истинным её разработчиком и вдохновителем. По мнению Е. М. Феокистова, исключительное влияние Каткова на министра объяснялось прежде всего полной беспомощностью Толстого в порученном ему деле: «у него не было собственных идей, и он жадно уцепился за человека, который стоял перед ним с вполне готовою программой»³⁹⁶. Влияние Каткова на Толстого для современников было не только очевидным фактом, но и поводом для острословия. Никитенко называет Каткова «повелителем» Толстого, и фиксирует в дневнике такой случай: «Во время прений в комиссии Государственного совета о классицизме и реализме, когда граф Толстой, защищая классицизм, выходил из себя и непомерно его восхвалял, Чевкин по окончании чтения обратился к Толстому и сказал: “Вы, граф, не дочитали всего, что Катков говорит об этом”»³⁹⁷.

Когда Катков получил необходимое ему влияние на министра народного просвещения³⁹⁸, перед ним встала еще одна задача: отстоять «послушного» министра перед нападками оппозиции и критикой общества. Назначение Толстого и его первые шаги под руководством Каткова по внедрению классицизма не вызвали одобрения либеральной общественности. Будущий министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов писал о Д. А. Толстом: «Личность эта, стоявшая в продолжение пятнадцати лет во главе одной из важнейших отраслей государственного управления, сотворила больше зла для России, чем все остальные деятели, даже вместе взятые»³⁹⁹.

Не только люди либеральных взглядов, но даже и приверженцы консервативных убеждений, уважавшие графа Толстого лично, зачастую не

---

³⁹⁶ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания // За кулисами политики (Е. М. Феокистов. В. Д. Новицкий. Ф. Лир. М. Э. Клейнмихель). М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 180.

³⁹⁷ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. 3. С. 319.

³⁹⁸ Кругликова О. С. «Московские ведомости» М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860-1870-х гг. // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 56. № 23. С. 205–209.

³⁹⁹ Деятели отечественной истории. Биографический справочник / сост. А. П. Шикман. М.: Наука, 1997. С. 452.

одобряли его деятельности как министра и обер-прокурора. «Я должен сказать, – пишет князь В.П. Мещерский, – что назначение графа Толстого министром народного просвещения и обер-прокурором Святейшего синода было одною из крупнейших ошибок царствования Александра II, ибо вряд ли можно было подыскать для этих двух должностей менее подходящего человека. (...) его недостатки и духовные особенности мирились со всякою деятельностью, со всякою должностью, за исключением тех двух, на которые он был назначен»⁴⁰⁰.

Такое всеобщее недовольство назначением Толстого должно было привести к его неизбежному скорому падению, однако он продержался на своих постах вплоть до 1880 г. – и во многом благодаря неустанной деятельности Каткова, положившего целью сохранить «послушного» министра у власти как можно долее.

Переписка Каткова с Александром II и Александром III (как в статусе цесаревича, так и по восшествии на престол) по вопросам образования довольно обширна. И одна из немаловажных её тем – стремление подчеркнуть достоинства Толстого как личности, как министра, как верного государева слуги.

В письмах к Александру II Катков многократно предостерегает его от того, чтобы подлаживаться под общественное мнение, агитирующее против министра народного просвещения, ибо в смутную эпоху люди склонны «хотеть чего сами не знают, требовать, чего не хотят, и действовать вопреки самим себе»⁴⁰¹. Общественное мнение, признает Катков, настроено против нынешнего министра, оппозиция резонно полагает, что смещение Толстого остановит дело реформы. Однако реформа одобрена Государем, и прислушиваться к общественному мнению излишне – у державы может быть лишь один хозяин. Опасаясь быть обвиненным в личной заинтересованности в судьбе министра, Катков пишет: «Я не имею никаких личных пристрастий

---

⁴⁰⁰ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 555.

⁴⁰¹ Письмо М. Н. Каткова Александру II // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 705. Л. 15.

к графу Толстому. Сблизился я с ним лишь в интересах дела, которому и он и я служим; в личных же моих к нему отношениях я имел бы скорее повод чувствовать себя недовольным и даже оскорбленным. Но Боже меня сохрани руководиться в деле общей пользы какими-либо личными соображениями»⁴⁰².

Попытка Каткова влиять на изменение не только гимназического образования, но и принципов устройства университета, вызвала сопротивление московской профессуры. В 1879 г. сложилась конфликтная ситуация вокруг переизбрания ректора Московского императорского университета Н. С. Тихонравова: совет университета высказался подавляющим большинством (35 против 12) за то, чтобы оставить Н. С. Тихонравова в этой должности. Однако сложно было рассчитывать на то, что это решение совета будет беспрепятственно утверждено попечителем Московского учебного округа Н. П. Мещерским. Попечитель, бывший горячим сторонником классицизма, симпатизировал Каткову, а ректор Тихонраков не только имел заслуженную репутацию человека либеральных убеждений и противника преобразования университета в пользу классической системы, но и последовательно вел с издателем тяжбу, возникшую в связи с финансовыми недоразумениями между университетом и «Московскими ведомостями». Предполагая возможность противодействия со стороны попечителя утверждению избранного ректора, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков обратился с особой запиской министру внутренних дел А. П. Валуеву, и даже просил последнего препроводить эту записку государю⁴⁰³. В записке генерал-губернатор пишет: «Между попечителем и ректором не существует должного согласия по делам Университета... Отсутствие надлежащей доли самоуверенности, слабость характера, бестактность и ограниченность необходимых дарований в деле

---

⁴⁰² Там же. Л. 19.

⁴⁰³ Переписка с московским генерал-губернатором Долгоруковым министра внутренних дел П. А. Валуева об утверждении в должности ректора Московского Университета Тихонравова // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1238. Л. 2.

управления поставили попечителя в нравственную зависимость от советов и указаний Каткова». Катков же, «пользуясь постоянным к нему обращением попечителя, имеет большое влияние на учебные учреждения Московского учебного округа».

Сетуя на то, что Катков сильно настроен против Тихонравова из-за существующей между университетом и редакцией финансовой тяжбы, Долгоруков высказывал опасения, что попытка давления на совет университета со стороны попечителя и неутверждение любимого и студентами и коллегами профессора Тихонравова может спровоцировать студенческие волнения и иметь опасные политические последствия: «нет сомнения, что Каткову желалось бы при посредстве попечителя провести в ректоры вместо Тихонравова кого-либо из своих сторонников, что при нерасположении к ним прочих профессоров а равно и студентов грозило бы опасными для спокойствия Университета проявлениями общего неудовольствия»⁴⁰⁴. В конечном итоге инцидент разрешился мирно, но представляется весьма симптоматичным для оценки роли Каткова сам факт секретной переписки на столь высоком уровне.

Реформа образования была особенно ненавистна молодежи, для которой уже в середине 1870-х гг. Катков сделался символом всего общественного зла. Уволенный за участие в студенческих беспорядках из Технологического института Н. П. Гончаров, близкий по кругу своих знакомств к группам нечаевцев и чайковцев, в 1871 г. издал несколько нелегальных листов под общим названием «Виселица». Называя в них реформу классического образования «подлыми проектами гнусного творца», Гончаров пишет, что газетной критикой и полемикой Каткова «не проберешь, он опять победил, и опять его козни обращены в закон... С этим рабом, висельником и подлецом надо сражаться другим образом. – Он двенадцать лет уже торжествует и почти правит русской землей. Он загубил десятки

---

⁴⁰⁴ Там же. Л. 5.

тысяч людей Сибирью, оставив на долю множества семей печаль и нищету. Он вследствие этого разбогател, обзавелся лицеем и теперь издал для нашей молодежи классически-безнравственные законы образования. Он пойдет и еще дальше, если наконец не убьют этой гадины... Да будет это маленькое кровопускание началом наших грядущих событий»⁴⁰⁵. В начале 1872 г. за напечатание и распространение этих листовок Гончаров предстал перед Петербургской судебной палатой и был осужден на 6 лет каторги и вечное поселение в Сибири⁴⁰⁶. Интересно, что в ходе самого процесса одним из главных, с точки зрения обвинителя, доказательств покушения обвиняемого на самые важнейшие основы государственного порядка, были именно агрессивные выпады в адрес Каткова, в то время как защитник настаивал на том, чтобы расценивать их как косвенное подстрекательство к убийству частного лица и подчеркивал, что Катков не занимает государственной должности, следовательно, не является государственным человеком и формальным носителем высшей власти⁴⁰⁷.

Н. П. Гиляров-Платонов, один из сотрудников «Русского вестника» в 1860-х гг., а впоследствии редактор московской ежедневной газеты «Современные известия», по поводу дела Гончарова писал К. П. Победоносцеву: «Время странное!.. Какая чепуха! Катков отождествляется с общественным порядком...» Размышляя в другом письме тому же адресату о причинах изменения отношения общества к Каткову, Гиляров-Платонов писал: «Перед обществом была дилемма: революционная дерзость вызывала омерзение, но не меньшее и идеалы “Московских ведомостей”. Всякому свойственно иметь убеждения, но защита во что бы то ни стало Толстого, которую вели “Московские ведомости” (...) притом под

---

⁴⁰⁵ «Виселица» – революционные листовки о парижской коммуне: подпольная печать 70-х годов / предисл., публ., коммент. С. Валка. «Периодические листки» Н. П. Гончарова. Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 162.

⁴⁰⁶ Там же. С. 160.

⁴⁰⁷ Правительственный вестник. 1872. № 47.

эгидою цензуры, воспрещавшей возражения, – это, воля Ваша, роль уже бесчестная»⁴⁰⁸.

В 1880-х гг. Катков действительно находится «под эгидой цензуры» – власть предпочитала выяснять отношения с издателем «Московских ведомостей» вне стандартной схемы взаимодействия с прессой, указывая на промахи публициста в приватном режиме. Так, например, министр внутренних дел Д. А. Толстой писал 21 января 1885 года Е. М. Феокистову: «Потрудитесь написать М. Н. Каткову, что Государь находит несправедливым обвинение Московскими ведомостями Министра Финансов в ведении переговоров с Ганземаном о заключении займа, так как никаких займов министр не предполагал, потому и не было никаких переговоров»⁴⁰⁹.

Дружеская переписка с Катковым была для высокопоставленных чиновников как источником возможной поддержки, так и источником потенциальной опасности, в специфике бюрократического мира, с его интригами и карьерной борьбой, излишняя открытость в беседах с журналистом могла грозить неприятностями. 17 ноября 1882 года Н. А. Любимов в письме предостерегает Каткова: «Феокистов умоляет, что случится узнать через него, не делать прозрачным в печати. Он очень встревожен был намеком на Reptilien Fond в Вашей статье, т.к. об этом у него разговор был только вдвоем с Толстым. Боялся, не повредило бы ему»⁴¹⁰.

В переписке Е. М. Феокистова с К. П. Победоносцевым содержится описание показательного случая, произошедшего в 1886 г. Е. М. Феокистов обратился к своему патрону за разъяснениями, приложив к своему обращению следующее письмо Каткова: «С самого начала, то есть с 1863 года как “Московские ведомости” поступили в мои руки, ежегодно от Министерства Двора возобновлялись подписки на доставление их в кабинет

---

⁴⁰⁸ Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 194.

⁴⁰⁹ Письма Д. А. Толстого Е. М. Феокистову // ОР ИРЛИ РАН. Ед. хр. 9108. Л. 33.

⁴¹⁰ Переписка Н. А. Любимова с М. Н. Катковым // ГАРФ. Ф. 1718 (Катков). Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

его величества. Обыкновенно требование это поступало в начале или в половине декабря. Теперь мы уже в конце года, а требования нет и, по всему вероятно, не будет. Это, конечно, не помешает мне посылать “Московские ведомости” прежним порядком по тому же адресу. Но я опасаясь скандала: не будет ли этот экземпляр возвращен мне при отзыве, что посылать газету на имя е[го] в[еличества] не требуется? Это, конечно, не останется без огласки, последствия которой едва ли будут хорошие, если не для меня и не для газеты, то для дела, которому она служит. Это было бы странное *désaveu* после грамоты, данной мне в этом году⁴¹¹. Но от [И. И.] Воронцова [-Дашкова] или от его приспешников все может статься. Не знаю, как поступить, чтобы предупредить подобный исход. Самому мне неловко обращаться к кому-нибудь за советом»⁴¹².

В ответном письме к Феокистову Победоносцев иронично замечает: «Узнаю [М. Н.] Каткова в этой записке. Ему чудятся тут черные козни, а это, по всей вероятности, – или канцелярское небрежение или канцелярская экономия». Далее обер-прокурор Синода проясняет тот канцелярский механизм, который позволял Каткову обращать такое пристальное внимание самых высокопоставленных лиц – и даже государя – на содержание своих статей: «Высылал бы газету по-прежнему. Чтоб узнать в чем дело, надо бы спросить маленьких людей в придворных канцеляриях, а больших совестно и спрашивать о таком обстоятельстве. Я убежден, что никакого умысла тут нет. Да и газеты не кладутся на стол государю, какие бы то ни было, а на «Моск[овские] вед[омости]» обращается его внимание извне, по поводу разных статей»⁴¹³. Важно отметить указание на то, что внимание государя на статьи газеты обращается «извне», т.е. представителями как раз той чиновной среды, с которой активно взаимодействовал Катков и, несомненно, в том

---

⁴¹¹ Катков говорит в данном случае об ордене Св. Владимира второй степени, пожалованном ему за содействие укреплению в умах истинных начал русской государственной жизни.

⁴¹² Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феокистову // Литературное наследство. Т. 22–24. С. 507.

⁴¹³ Там же. С. 507.

числе и в своих собственных видах, т.е. с целью отстоять с помощью аргументации Каткова предлагаемые им правительственные меры.

Подробности работы этого механизма отражены и в переписке Н. А. Любимова с Катковым. Любимов в письме из Петербурга от 30 октября 1882 г. пишет: «Статья “Московских ведомостей” о параллели с республиканской Францией особенно понравилась Ивану Давыдовичу <Делянову>. Он спрашивал Константина Петровича <Победоносцева>, послал ли тот государю. Константин Петрович случайно не получил номера “Московских ведомостей” в тот день. Иван Давыдович прислал свой экземпляр»⁴¹⁴. Любимов же пишет Каткову 20 января 1884 года: «О впечатлении, произведённом статьей 12 января, кое-что слышал. Победоносцев немедленно с письмом послал статью Государю. Государь выразился графу Толстому: я рад, что есть здравомыслящий человек в России»⁴¹⁵.

Статус «министра без портфеля», закрепившийся за Катковым в середине 1880-х гг., породил и некоторые двусмысленные эксцессы в чиновничьей среде. Любимов в одном из писем пересказывает Каткову забавный случай, произошедший в кругах высшей петербургской бюрократии: «Вопрос о комиссии прошений рассматривался в особом совещании из гр. Толстого, Победоносцева, Островского и одного сенатора на Г. – забыл фамилию; кажется, еще Рихтера. Спрашивают: – зачем попал Островский? Отвечают: – он друг Каткова. Анекдот говорил мне Иван Давыдович <Делянов>»⁴¹⁶.

Влияние Каткова на решение некоторых вопросов государственной политики стало настолько очевидным, что возникла идея, покончив с двойственной неопределенностью положения Каткова по отношению к власти, придать его влиянию официальный статус, сделав Михаила

---

⁴¹⁴ Переписка Н. А. Любимова с М. Н. Катковым // ГАРФ. Ф. 1718 (Катков). Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

⁴¹⁵ Там же. Л. 43.

⁴¹⁶ Там же. Л. 104.

Никифоровича членом Государственного совета. Слухи о его назначении распространились благодаря публикации заметки в «Новом времени», откуда многие столичные издания заимствовали информацию. Развивая эту тему, пресса породила целый ворох несуществующих назначений – с легкой руки газетчиков кандидатами в состав Государственного совета оказались также писатели А. Н. Островский и И. С. Тургенев. Основываясь на сведениях, данных в газетных публикациях, редактор и совладелец Международного телеграфного агентства А. А. Краевский поспешил передать депешу об этих назначениях заграничным изданиям, за что и имел впоследствии неприятное объяснение с министром внутренних дел Игнатьевым⁴¹⁷.

Слухи дошли и до двора – из доклада великого князя Михаила Николаевича. Император немедленно повелел напечатать официальное правительственное сообщение следующего содержания: «В некоторых повременных изданиях сообщены были слухи о предполагавшемся будто бы назначении редактора “Московских ведомостей” тайного советника Каткова членом Государственного Совета и даже о том, будто бы он отказался от высокого сего назначения. Оба эти слуха лишены всякого основания»⁴¹⁸. Это правительственное сообщение, однако, не было напечатано незамедлительно, так как содержание его насторожило предусмотрительного и искушенного в играх с общественным мнением министра внутренних дел. Граф Игнатьев решил повременить с публикацией сообщения и справиться дополнительно у Государственного секретаря Е. А. Перетца, стоит ли давать правительственное сообщение именно в такой редакции. Замешательство было вызвано, во-первых, тем, что «Тайный советник Катков именуется в сообщении редактором “Московских ведомостей”, а Главным управлением по делам печати утвержден по его просьбе редактором две недели назад г. Петровский»⁴¹⁹, а во-вторых, беспокойством о том, чтобы «опровергая

---

⁴¹⁷ Дело о правительственном сообщении // РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГС 1882 г. Д. 8. Л. 4.

⁴¹⁸ Там же. Л. 2.

⁴¹⁹ Там же. Л. 3.

слухи о назначении члена Государственного Совета, правительственное сообщение не впадало бы само в односторонность». Министр полагал, что «когда в обществе обретаются (...) слухи о назначении нескольких лиц членами Государственного Совета, представляется неудобным ограничиться опровержением лишь об одном из них, т.к. это публикою будет принято за косвенное подтверждение слухов об остальных». После того, как Государственный секретарь передал эти соображения министру великому князю, тот в свою очередь так же оказался в замешательстве. Предложенная редакция опровержения была утверждена лично Государем. Изменить её можно было только после вторичного доклада, однако вопрос был слишком малозначителен для того, чтобы дважды обращать на него внимание императора. Но и доводы министра были также существенны. Михаил Николаевич в этой ситуации почел за лучшее все же опубликовать опровержение о назначении Каткова, не касаясь слухов об Островском и Тургеневе, однако, чтобы не допускать прямой ошибки в сообщении, предложил просто изъять из текста слова «редактор “Московских ведомостей”». В такой редакции сообщение и появилось в «Правительственном вестнике».

Любопытна реакция на эти слухи К. П. Победоносцева. В письме Игнатьеву от 20 января 1882 г. он писал: «Сегодня читаю в “Новом времени”, что Каткова назначают членом Государственного Совета, а в городе слышу разговоры, что статья внушена Вами. Я старый приятель Каткова, но признаюсь, что такого назначение не одобрил бы, если бы меня спросили. Прежнего Каткова правительство потеряет, а нового не приобретет»⁴²⁰.

В 1886 г. активная критика внешнеполитического курса со стороны Каткова раздражила уже не чиновников, а самого государя, и разгневанный Александр III потребовал дать «Московским ведомостям» третье официальное предостережение. Однако и здесь власть решила, смирив

---

⁴²⁰ Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / сост. М. Н. Покровский. М., 1923. Т. 1. С. 359.

первый порыв гнева, не вступать в открытое противостояние с Катковым. Имевший большое влияние на государя Победоносцев убеждал Александра III, что такой шаг даст слишком много козырей в руки противодействующей правительственному курсу либеральной партии, и последствия его будут масштабны и труднопредсказуемы: «Телеграф разнесет это известие по всем концам мира. Это будет замечательное политическое событие. Оно будет истолковано в смысле поворота нашей политики. Оно отразится на бирже. Оно вызовет торжественные демонстрации во всех крупных городах и, между прочим, со стороны враждебных России партий. Внутри России произойдет крайнее недоумение и смущение». Рассудив, что обер-прокурор справедливо опасается разрушительных последствий от цензурного преследования Каткова, государь ограничился выговором журналисту в личной беседе. При этом важно отметить, что даже в ходе этой личной беседы Катков не открыл государю, кто из представителей министерства иностранных дел был источником сведений, опубликованных в вызвавшей недовольство статье.

Хотя необходимо отметить, что и сам Победоносцев к этому времени считал, что «Катков забывается, и принимает тон, несоответственный с его положением», однако вину за это обер-прокурор возлагал в большей степени на чиновников, которые «поставили его в положение ненормальное и вскружили ему голову», создав такое положение дел, в котором «всякий забудется»⁴²¹. Далее обер-прокурор Синода так рассуждает о творческой биографии Каткова: «Вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности, как русского публициста и притом единственного, потому что все остальное – мелочь или дрянь, или торговая лавочка. Но зачем было делать из Каткова государственного человека?.. Этим его испортили и вывели его из пропорции.

---

⁴²¹ Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 218–219.

Он писал превосходные статьи, но можно было им радоваться, а не делать из них государственного события»⁴²².

Разразившая в марте 1887 г. история с приостановкой «Московских ведомостей» была не только результатом самоуверенной горячности Каткова, но и следствием сложной игры придворных интриг. Обрушившееся на публициста недовольство государя и перспектива возможной утраты благорасположения высших сфер фатально подействовали на состояние здоровья Каткова, давно и неизлечимо болевшего. Катков тяжело переживал свою опалу, протекавшую на фоне очевидного злорадства его политических врагов. К. П. Победоносцев, уговаривая государя сменить в отношении Каткова гнев на милость, обращал внимание монарха на то, что «Катков едва ли долго продержится»⁴²³.

Действительно, на фоне этих событий болезнь получила стремительное развитие, так что уже в июле 1887 г. Катков был при смерти. Н. А. Любимов с тревогой писал 15 июля К. П. Победоносцеву: «До сих пор нет вести о каком-либо знаке внимания сверху к нашему великому умирающему... Это жаль в интересе самой власти, находившей в таланте и авторитете Михаила Никифоровича такую поддержку. Жаль тем более, что перипетии последнего времени имели сильнейшее влияние на развитие болезни Михаила Никифоровича. Хорошо ли будет потом вспомнить, что Катков умер как бы в забвении сверху?»⁴²⁴.

Каткова не стало спустя пять дней после этого письма, 20 июля 1887 г. Император направил телеграмму с соболезнованиями вдове. Телеграмма в обществе была воспринята как знак примирения власти со строптивым публицистом, как писал И. Д. Делянов в письме Победоносцеву «все русские люди и приверженцы самодержавия как-то ободрились»⁴²⁵. В телеграмме, обращаясь к вдове, государь назвал смерть Каткова «вашей и нашей утратой»,

---

⁴²² Там же. С. 220.

⁴²³ Там же. С. 220.

⁴²⁴ Там же. С. 246–247.

⁴²⁵ Там же. С. 248.

а о заслугах покойного выразился так: «Сильное слово его, одушевленное любовью к отечеству, возбуждало сердца и укрепляло мысль в смутные времена»⁴²⁶.

После смерти Каткова в 1887 г. его биография стала предметом идеологической борьбы, как и его репутация при жизни⁴²⁷. Много лет спустя после смерти публициста, во время правления Николая II в государственной политике России еще чувствовалось мощное влияние идей Каткова. Государственный секретарь А. А. Половцов 15 августа 1898 г. запишет в дневнике: «Государь исполнен благих намерений; при словесном докладе соглашается со всем тем, что ему говорят, но когда вслед за тем ему представляют письменные доклады, то на этих докладах являются совсем иного смысла резолюции, внушаемые отголосками Каткова, Толстого, Делянова»⁴²⁸.

Истоки специфического положения Каткова в политической картине России второй половины XIX в. напрасно искать в особом характере его издательской деятельности и уж тем более не стоит приписывать его огромное политическое влияние уникальному публицистическому дарованию. Литературные способности в обществе второй половины XIX в. могли дать известность, создать репутацию, принести неприятности, обернуться ссылкой, но прямого влияния на ход государственных дел оказать не могли.

Безусловно талантливый публицист, самобытный мыслитель и прагматичный политик, Катков только на заре своей общественной деятельности поддался обаянию всемогущества общественного мнения. Уже к середине 1860-х гг. он сетует на шаткость мнений и неуправляемость общественных инициатив. Отсутствие консолидации и

---

⁴²⁶ Там же. С. 247.

⁴²⁷ Кругликова О. С. «Сохранить полное спокойствие в оценке деятельности покойного публициста»: к характеристике дореволюционной историографии М. Н. Каткова // Меди@льманах. 2018. № 3(86). С. 100–105.

⁴²⁸ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: в 2 т. / ред., биограф. очерк и коммент. проф. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 212.

антиправительственная направленность политической публицистики, чреватые дестабилизацией государства, приводят Каткова к идее, характерной для многих политиков «державников» – в интересах общего блага общественным мнением можно и должно пренебречь.

Принципиально важно в данном случае сделать оговорку о природе общественного мнения как феномена в России XIX в. Под «обществом» понималась только та весьма незначительная относительно общего населения империи прослойка образованных людей, которые составляли аудиторию периодики. Эта прослойка «по своему генезису формировалась как западная субкультура»⁴²⁹, оторванная петровской вестернизацией от национальной культуры, а екатерининской вольной грамотой – от государства, и потому находившаяся в сложных отношениях, часто переходящих в прямой антагонизм как с верховной властью, так и с основной массой народа, который был по неграмотности своей недостижим для любых воздействий печати, да и сам по традиции безмолвствовал. Катков ясно чувствовал, что «общественное мнение» и «мнение народа» – в России вещи разные, а потому принял решение пренебречь мнением общества ради интересов народа и государства.

«Московские ведомости» отныне – не газета для общества, а газета для правительства, инструмент давления на бюрократический мир, поскольку влиять на мнение широких масс невозможно ввиду их неграмотности, а влиять на образованное общество крайне затруднительно, потому что оно в подавляющем своем большинстве придерживается совершенно иных ценностей и нравственных ориентиров.

Газета имела узкий круг высокопоставленных читателей, которые черпали в передовицах Каткова аргументацию для своих действий или проверяли направление общего политического движения верхов,

---

⁴²⁹ Отечественная история IX–XIX вв.: учебник для студентов высших учебных заведений / А. А. Федулин, В. Э. Багдасарян, А. Ю. Белов и др.; под ред. проф. А. А. Федулина. М.: Кнорус, 2011. С. 440.

сообразовывая с ним свой личный политический курс. Василий Розанов скажет о своеобразной роли Каткова в политике России 1880-х гг., что в его кабинете «задумывались “реформы” России, ограничивались другие реформы; задумывались вообще “ну” и “тпру” России»⁴³⁰. Газета была сердцем определенной бюрократической партии, в которой одни были обязаны Каткову своим продвижением вверх, другие дорожили его расположением как гарантией стабильности своего общественного положения. Главное, что эти практические вершители судеб государства видели в Каткове своего идейного вождя и вдохновителя, а падение тиража и беснующаяся ненависть большинства читающей публики не имели для Каткова значения. В сущности, начиная в 1870-х гг. настоящим полем деятельности Каткова была не публицистика, а бюрократическое закулисье, и это был его осознанный выбор.

Вероятно, поэтому не удавалось и возродить политическое влияние «Московских ведомостей» после смерти Каткова, и не в бедности публицистического дарования Л. А. Тихомирова или С. Ф. Шарапова, пытавшихся заменить московского громовержца после его кончины, была проблема, а в том, что красота и аргументированность «громовых» передовиц сами по себе не имели решающего значения, если не подкреплялись умелой интригой.

Однако это вовсе не принижает роли Каткова как талантливого журналиста и смелого издателя. Свое положение человека, которого ценят и к которому прислушиваются, он занял именно благодаря своим журналистским и организаторским дарованиям, а также благодаря той последовательности и смелости, с которой он отстаивал свои взгляды.

Осознав недостаточность влияния «громогласных» передовиц, Катков втягивается в хитросплетения личных взаимоотношений с властью имущими, и тем не менее, властям так и не удалось сделать из Каткова идеологическую

---

⁴³⁰ Розанов В. В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7. С. 37.

марионетку, напротив, даже весьма высокопоставленные лица иногда Каткова побаивались, опасаясь урона своему политическому имиджу от того эффекта, который может произвести резкое слово популярных «Московских ведомостей», к тому же «даже государственные люди, встречавшие опору со стороны Каткова, тяготились ею; самолюбие их в высшей степени раздражалось тем, что они вынуждены были заискивать перед человеком, который представлял собой своего рода особую инстанцию в государстве и в покровительстве которого просвечивала известная доля презрения к ним», – отмечает Е. М. Феоктистов⁴³¹.

Характерная черта публицистики Каткова – полемичность. Однако полемика Каткова всегда отличалась тем, что носила откровенно личный, резкий, иногда оскорбительный по отношению к оппоненту характер. В целом тон публицистики Каткова был всегда несколько утрированным, независимо от того, рассматривал ли он действительно вопросы исключительной государственной важности, или весьма будничные, рядовые проблемы. Это позволило Розанову сказать, что «Ум, зоркость, дальновидность Каткова – были гораздо слабее его слова. Он говорил громами довольно обыкновенные мысли. Слова его хватало до Лондона, Берлина, Парижа, Нью-Йорка; мысли его хватало на Московский уезд, ну, на Петербург...»⁴³².

Показательны во многих отношениях отзывы зарубежной печати на кончину знаменитого московского публициста. «Единственный журналист, с которым мы желали бы поменяться местами, скончался вчера в Москве. Нет в мире ни одной газеты, издаваемой в центре дел, которая близилась бы к нашему идеалу, кроме той, которая в течение четверти века была известна Европе как орган г. Каткова», – писала *PallMall Gazette*. Не менее ярко характеризовала достоинства Каткова как публициста *Independent Belge*:

---

⁴³¹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания // За кулисами политики (Е. М. Феоктистов. В. Д. Новицкий. Ф. Лир. М. Э. Клейнмихель). М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 120.

⁴³² Розанов В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7. С. 39.

«Одаренный талантом, обладающий методической последовательностью мышления, неутомимый полемист, великий московский журналист на принадлежал ни к какой партии. Он не был ни панславистом, ни славянофилом, ни западником; он был только Русским, но Русским до самых глубочайших изгибов своего ума».

Трудно однозначно ответить на вопрос, была ли коммуникативная стратегия Каткова эффективна. Как человек ближайшего горизонта мышления и прагматического склада, он сознательно отказался от идеи влияния на духовную картину современной ему эпохи, предпочитая политико-административный уровень реализации идей «здесь и сейчас». И в этом отношении Катков был, безусловно, эффективен, сумев навязать свою политическую волю власти в решении важнейших вопросов. Но социальные процессы интересны тем, что в них текущая практика момента не так важна, как долгосрочное укоренение определенных идей и паттернов мышления. Пока Катков был жив, его влияние было несомненно, но когда его не стало, транслировавшиеся им идеи оказались быстро и надолго забыты.

§ 2.2. Просветительство и «известная мера пошлости» как издательская стратегия Н. П. Гилярова-Платонова

Никиту Петровича Гилярова-Платонова (1824–1887) называли «неопознанный гений»⁴³³, столь обширны и разнообразны были его интересы, глубока и оригинальна философская мысль, своеобразна публицистика, плодотворна общественная деятельность. Священнослужитель и богослов, философ, педагог, публицист, цензор и издатель Гиляров-Платонов долгое время не привлекал к себе внимания исследователей. Выходец из духовного сословия, Гиляров-Платонов с

---

⁴³³ Так охарактеризовал его русский мыслитель С. Ф. Шарапов

отличием окончил Московскую духовную семинарию, позднее – Московскую духовную академию, получив степень магистра богословия. Его преподавательская деятельность была относительно недолгой (1848–1855) из-за разгоревшегося конфликта с академической администрацией, хотя, как отмечает в своих воспоминаниях один из его слушателей, протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, как педагог Никита Петрович пользовался большим успехом и авторитетом у слушателей⁴³⁴.

С мая 1856 г. Гиляров-Платонов занимает должность цензора Московского цензурного комитета. Принципиальный человек и либеральный цензор, Никита Петрович решался вопреки инструкциям цензурного ведомства допускать к напечатанию статьи по крестьянскому вопросу, не отсылая их предварительно на согласование доверенным чиновникам в Петербург. «Благодаря этому, в частности, получили возможность помещать актуальные материалы по отмене крепостного права и такие журналы как “Русский вестник” и “Русская беседа”»⁴³⁵. Пропуск нескольких статей по крестьянскому вопросу в славянофильском «Сельском благоустройстве» и издании А. Д. Желтухина «Журнал землевладельцев» привел Гилярова-Платонова к серьезным неприятностям по службе⁴³⁶.

При этом необходимо отметить, что Никита Петрович крайне скрупулезно и ответственно подходил к своим цензорским обязанностям. Как он представлял себе роль цензора в общественном и литературном процессе, можно видеть из его письма одному из авторов, произведение которого подверглось некоторым цензурным изъятиям, из-за чего возмущенный литератор и потребовал объяснений от цензора. «Вы изъясняете мысль, –

---

⁴³⁴ Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: в 2 т. М.: Синод. тип., 1899. Т. 1. С. VI.

⁴³⁵ Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 180.

⁴³⁶ Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: в 2 т. М.: Синод. тип., 1899. Т. 1. С. IX.

пишет автору цензуравшейся статьи Гиляров-Платонов, – что я, слуга школы, запрещаю место потому только, что оно несогласно с моими личными убеждениями. Нет, я слуга государства – идея которого, по моему мнению, должна быть – защита слабого перед сильным; и слуга настолько, насколько собственно его требования согласны с моими личными убеждениями. (...) Но вы меня считаете честным человеком, благодарю вас, тысячу раз благодарю. Нужно побыть честному человеку хоть несколько в шкуре цензора, чтобы понять, как много значит это простое признание, как трудно, почти невозможно его дождаться»⁴³⁷.

Практику Гилярова-Платонова как цензора наглядно иллюстрирует эпизод, рассказ о котором был опубликован вскоре после его кончины в журнале «Русский архив». За подписью Ф. Е. в декабрьском номере журнала за 1887 г. был помещен рассказ «Черта из жизни Гилярова-Платонова», в котором хорошо знавший Никиту Петровича публицист Ф. П. Еленев⁴³⁸ передал случай, могущий послужить «хорошей рамкой для нравственного облика недавно отошедшего от нас собрата»⁴³⁹. В бытность Гилярова-Платонова цензором, буквально вскоре после того, как он принужден был оставить Московскую Духовную академию при таких обстоятельствах, что только благодаря покровительству графа Блудова «не был выброшен на улицу... а получил должность цензора»⁴⁴⁰, Никита Петрович получил на рассмотрение рукопись провинциального автора, который уже несколько месяцев не мог добиться вердикта цензуры относительно своего текста. Гиляров-Платонов остался в восторге от рукописи, выразил автору свое полное согласие с его мыслями и обещал, что даст разрешение на публикацию, хотя одновременно с этим выразил уверенность в том, что будет за пропуск этой статьи немедленно отставлен от должности. Увидев цензора

---

⁴³⁷ Там же. С. XI.

⁴³⁸ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 191.

⁴³⁹ Русский архив. 1887. № 12. С. 574.

⁴⁴⁰ Там же. С. 573.

в домашней обстановке и угадав в нем человека семейного и весьма небогатого, смущенный автор воспротивился этому проявлению благородства, и не пожелал публикации такой ценой. Этот эпизод, как отмечает Еленев, характеризует Гилярова-Платонова как «человека цельного...не торговавшегося со своими убеждениями и совестью»⁴⁴¹.

Позднее, в 1863 г., уже покинув пост цензора, в качестве чиновника Министерства народного просвещения Н. П. Гиляров-Платонов входит в состав комиссии по разработке нового цензурного устава, где яростно отстаивает необходимость минимизировать инструменты административного влияния на прессу. Когда был принят проект цензурных правил, в котором оставался весьма широким простор для административных мер воздействия (предостережений), Гиляров-Платонов, не согласившись с большинством комиссии, подал особое мнение, настаивая на полноценном внедрении вместо административной судебной ответственности прессы.

В декабре 1867 г. Н. П. Гиляров-Платонов уже в статусе редактора-издателя ежедневной газеты «Современные известия» (первый номер увидел свет 1 декабря) вступит по тому же поводу в яростную полемику с ведомственной газетой «Северная почта». Указ Александра II от 6 апреля 1865 г. о даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати, как изначально предполагалось, должен был носить временный характер. Так, в тексте документа говорится, что он действует «при настоящем переходном состоянии судебной у нас части и вплоть до дальнейших указаний опыта»⁴⁴². Следовательно, обозначенную в нём систему предостережений должно использовать до того момента, как в стране завершится преобразование судебной системы, и все дела по нарушению закона о печати будут рассматриваться реформированным судом. Однако на практике Министерство внутренних дел стремилось сохранить систему

---

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. СПб., 1867. Т. 40. С. 396.

предостережений в неприкосновенности и после реформы судопроизводства. Н. П. Гиляров-Платонов, а вслед за ним И. С. Аксаков на страницах газеты «Москвич» высказывали требование о пересмотре Временных правил о цензуре и печати в связи с тем, что они после судебной реформы исчерпали себя. В частности, Гиляров-Платонов поместил в «Современных известиях» текст упомянутого нами выше особого мнения, поданного в 1863 г. В ответ «Северная почта» опубликовала коллегиальное решение с обоснованием системы предостережений. Таким образом, диалог полностью повторился почти 5 лет спустя, на этот раз публично, в печати, однако результат его остался прежним – возражения публицистов не были приняты во внимание.

Работа Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете при такой неуступчивости характера строптивного цензора, разумеется, не могла быть продолжительной. Он был освобождён от занимаемой должности А. В. Головинным в 1862 г. с весьма любопытной аргументацией: причиной увольнения стало то, что цензор слишком активно сам сотрудничал в периодической печати.

Действительно, Н. П. Гиляров-Платонов неоднократно выступал с публикациями в тех изданиях, которые цензуровал⁴⁴³. Правда, не все его публикации могут быть выявлены, так как в большинстве случаев они не были подписаны. Предположительно перу Гилярова-Платонова принадлежат полемические публикации в «Молве», направленные против С. М. Соловьёва и его исторической школы: так, например, составители примечаний к изданию воспоминаний Гилярова-Платонова, указывают на возможную принадлежность перу Никиты Петровича статьи «Два слова о новой не исторической школе г-на Соловьёва», увидевшей свет в 11 мая 1857 г.⁴⁴⁴. Доподлинно известно, что он поместил несколько статей по этическим и

---

⁴⁴³ См. об этом: Кругликова О. С. Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 4. С. 1015–1030.

⁴⁴⁴ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 481.

социальным вопросам в «Журнале землевладельцев», цензором которого он являлся, а также существуют указания на то, что многие передовицы газеты И. С. Аксакова «Москва», посвящённые вопросам церковной жизни и деятельности духовенства, были написаны Гиляровым-Платоновым.

Не можем не отметить здесь же следующий факт. В 1886 г. женой И. С. Аксакова было предпринято издание полного собрания его сочинений (из типографии М. Г. Волчанинова (быв. М. Н. Лаврова и К^о) в течение пяти лет вышло 7 томов). Примечательно, что в первом томе «Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из “Дня”, “Москвы”, “Москвича” и “Руси”. Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878» оказалась опубликованная статья, принадлежавшая перу Гилярова-Платонова, об этом издателям в конце книги пришлось сделать такую оговорку: «Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что в неё попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковым. Это именно статья, напечатанная в отзыве статей газеты “Москва”, на стр. 159–165-й, принадлежащая Н. П. Гилярову-Платонову, как бывшему сотруднику “Москвы”. Считаю необходимым оговорить эту прискорбную ошибку»⁴⁴⁵.

В начале 1870-х гг. А. С. Суворин обратился к Гилярову-Платонову с просьбой написать автобиографию для «Русского словаря»⁴⁴⁶, задуманного издателем «Нового времени». В последнем разделе журнала, по мысли Суворина, должны были помещаться биографические сведения о самых достойных деятелях современности, к числу которых он безоговорочно отнёс и Никиту Петровича. В ответном письме Гиляров-Платонов означает, что его печатные труды публиковались в «Русской беседе», «Дне», «Молве», отчасти в «Русском вестнике» и «Журнале землевладельцев». «“Русская беседа” началась моей критической статьёй», – отмечает он⁴⁴⁷. В его переписке с

---

⁴⁴⁵ Сочинения И. С. Аксакова: в 7 т. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 792 (страница следует за 791-й, непронумерованная – О. К.).

⁴⁴⁶ Ежегодный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с 1875 г. Включал в себя справочную информацию, изображения, рекламу, статистические материалы.

⁴⁴⁷ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 210.

И. Ф. Романовым⁴⁴⁸ находим: «Когда началась “Москва”, покойный Аксаков предложил мне столбцы для передовых два раза в неделю⁴⁴⁹. То же видим и в корреспонденции с князем Н. В. Шаховским: «Когда Аксаков начал издавать “Москву” и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченной властью (я и писал их)»⁴⁵⁰. В посланиях, адресованных К. П. Победоносцеву, Гиляров-Платонов, кроме того, упоминает, что ему предлагали место редактора официальной министерской газеты «Северная почта», от которого он отказался⁴⁵¹.

Самыми серьёзными и значительными своими статьями Н. П. Гиляров-Платонов считал публикации в «Русской беседе», которую он также цензуровал в бытность свою цензором; здесь он поместил девять крупных статей и даже едва не стал постоянным сотрудником и соредактором журнала⁴⁵². Среди этих статей были такие важные для формирования мировоззрения Гилярова-Платонова работы, как рецензия на «Семейную хронику» С. Т. Аксакова⁴⁵³, «Несколько слов о механических способах в исследовании истории»⁴⁵⁴, «Новые объяснения к старому спору»⁴⁵⁵, «Современные идеи православны ли?»⁴⁵⁶ и др.

Редакторская и издательская деятельность Н. П. Гилярова-Платонова началась против его воли: он, по его собственному выражению, употреблённому в письме к И. Ф. Романову, «был втянут в неё обманом»⁴⁵⁷.

---

⁴⁴⁸ Романов Иван Фёдорович (1861–1913) – писатель, публицист-консерватор. Псевдоним – Рцы.

⁴⁴⁹ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 248.

⁴⁵⁰ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 484.

⁴⁵¹ Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 61.

⁴⁵² Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 252.

⁴⁵³ Русская беседа. 1856. № 1. С. 1–69.

⁴⁵⁴ Русская беседа. 1858. № 1. С. 66–87.

⁴⁵⁵ Русская беседа. 1857. № 4. С. 1132–1134.

⁴⁵⁶ Русская беседа. 1859. № 1. С. 47–56.

⁴⁵⁷ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 280.

Подробнее Гиляров-Платонов излагает эту ситуацию в упомянутой выше переписке с А. С. Сувориным: «Один господин, теперь уже умерший, упросил меня: 1) подать просьбу об издании газеты, 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трёх статей в месяц. Хозяйственная часть и вся редакция не должны были лежать на моих плечах. Деньги на издание были обещаны. Но случилось – всё пуф, и издание всё оказалось на моих плечах, так что после заявленного имени моего даже отступление было невозможно»⁴⁵⁸.

В результате 1 декабря 1867 г. Гиляров-Платонов начнёт выпускать в Москве ежедневную газету «Современные известия». Как правило, начало издания совпадало с началом календарного года. Обусловлено начало издания в декабре, вероятно, тем, что не вполне уверенный в своих организаторских талантах и не имевший редакторского опыта Никита Петрович решил «предпослать месяц вперёд, чтобы убедиться, верно ли нами угадана потребность времени»⁴⁵⁹. Кроме того, этот месяц носил как бы характер рекламного представления издания, дав читателям вполне понять, какой будет новая газета. Издатели надеялись привлечь большее число подписчиков на будущий год.

Однако, несмотря на то, что издательский дебют Гилярова-Платонова состоялся во многом против его желания, когда срок испытаний истёк, он констатировал с некоторою самоуверенностью: «Да, “Современные известия” не лишние в современной печати»⁴⁶⁰. Газета довольно быстро приобрела популярность у читателей и заслужила некоторые одобрительные отзывы прессы. Ободряюще приветствовали новое издание не только «Москвич» Аксакова и «Московские ведомости» Каткова, но и либеральный «Голос» Краевского⁴⁶¹.

---

⁴⁵⁸ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 212.

⁴⁵⁹ Современные известия. 1868. № 1.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Там же.

Впрочем, сам издатель в эту пору не знал, стоит ли радоваться этой формирующейся популярности: Н. И. Основский, который уговорил Гилярова-Платонова поставить своё имя на титульном листе газеты и обещал взять на себя основную часть технической работы и заботы о материальной стороне издания, вскоре сбежал, оставив Никиту Петровича в крайнем затруднении. Гиляров-Платонов желал бы избавиться от своих редакторских обязанностей и передать газету попечениям достойного издателя, оставшись лишь сотрудником, но вскоре отказался от этой идеи. Так, в письме К. П. Победоносцеву он сообщает: «Передать газету, спустя месяц после основания, значит произвести скандал и совершенно убить самую газету. Кто же её тогда возьмёт? Кроме того, я должен был бы объявить в то же время, что подписавшиеся не ради дешевизны, а ради меня, могут получить назад деньги, но не убита ли была бы этим газета окончательно? <...> Без этого дело принимало вид аферы, а я – вид человека, подставляющего своё имя для заманки публики, а потом ушедшего»⁴⁶².

Итак, Н. П. Гиляров-Платонов решил оставить издание за собой. Самую большую трудность составляла для него необходимость вести редакционные финансы.

В. А. Гиляровский в «Москве газетной» свидетельствует: Н. П. Гиляров-Платонов был «человеком именно не от мира сего. Он спал днём, работал ночью, редко кого принимал у себя, кроме ближайших сотрудников, да и с теми мало разговаривал. <...> Тогда газета шла хорошо, денег в кассе бывало много, но Никита Петрович мало обращал на них внимания. Номера выпускал частью сам (типография помещалась близко, в Ваганьковском переулке), частью – второй редактор, племянник его Ф. А. Гиляров, известный педагог-филолог и публицист. Тоже не от мира сего, тоже не считавший денег»⁴⁶³. Когда же друзья и сотрудники жаловались

---

⁴⁶² Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 74.

⁴⁶³ Гиляровский В. А. Сочинения: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 61–63.

Никите Петровичу на финансовую недобросовестность управляющего и советовали его учитывать, Гиляров-Платонов отвечал всем одно и то же: «А, оставьте эти деньги, так это всё противно»⁴⁶⁴.

Забегая вперёд, не можем не сказать, что именно эта невнимательность, а вернее, нежелание уделять внимание финансовым вопросам, стала во многом губительной для газеты. Редакцию «Современных известий» дважды на крупную сумму обворовали её недобросовестные сотрудники, что решительно подкосило финансовое благополучие издания.

Гиляров-Платонов в программе, сопровождавшей прошение о разрешении издания, указывал, что «сохраняя характер политический, газета не будет упускать событий, имеющих общественное значение, в какой бы области они ни совершались: в мире религиозном, литературном, торговом, промышленном и в области общественного быта в теснейшем смысле слова»⁴⁶⁵. При этом адресатом всех этих разнообразных известий был широкий круг невзыскательной публики, вращавшейся в среде отнюдь не только отвлечённых вопросов политики и философии, и представлявших собой многочисленный средний слой городских обывателей.

В. А. Гиляровский отмечает, что главным конкурентом «Современных известий» впоследствии станет «Московский листок» Н. И. Пастухова – массовая газета, издававшаяся полуграмотным редактором для полуграмотного читателя⁴⁶⁶.

Однако сведения, представленные Гиляровским и на многие годы определившие отношение исследователей к «Современным известиям» как рядовому представителю череды московских бульварных листков, не вполне верны.

Н. П. Гиляров-Платонов стремился создать специфический формат издания. «Мы желаем удовлетворить вызванной новым временем жажде

---

⁴⁶⁴ Там же. С. 63.

⁴⁶⁵ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 17. Л. 2

⁴⁶⁶ Гиляровский В.А. Сочинения: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 63.

политического знания. Ежеминутно растёт новая публика, – пишет он в первом номере газеты за 1868 г., – ежеминутно подбывает, и её перехватывают литературные промышленники. В то же время Гиляров-Платонов не собирался сам становиться в число таких промышленников от журналистики и занимать публику анекдотами и сплетнями. «Вы говорите, что петербургские дешёвые газеты ведут дело шаромыжнически, – рассуждает он в письме К. П. Победоносцеву, – совершенно верно; но выведите отсюда совершенно противоположное заключение. Ужели вы думаете, что эти газеты имеют успех, потому что шаромыжничают? Ужели в России находятся десятки тысяч человек, которые выписывают газеты собственно потому, что надеются видеть в них скандалы? Допустить этого нельзя. В разносной продаже успевает номер со скандалами; платит тот-другой пять копеек, чтоб почитать скандал. Но вы допустите такое умозаключение в целой массе: будем подписываться на полгода, на год, ибо там будут скандалы? Нет, подписываются потому, что развилась уже жажда политического чтения и проникла в массу, даже до извозчиков. Дешевизна облегчает удовлетворение этой жажды; а издатели, да и вы-то с ними вместе, воображаете, что для этого надобны фортели».

«Честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественников послужит тот, кто, имея дарование на кое-что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и учёное, совлечёт с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ним о том, что ему знать желательно, но что растолковать ему отчасти не хотят, отчасти не умеют», – считал Н. П. Гиляров-Платонов⁴⁶⁷.

Приглашая в октябре 1867 г. к участию в газете своего давнего приятеля К. П. Победоносцева, Никита Петрович так объясняет свои планы относительно издания: События общественные и политические должны

---

⁴⁶⁷ Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 74.

доставлять материал, из которого по мелочам, в виде выводов частных, проводить начала мысли и гражданского долга в публику. А для этого надо прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою⁴⁶⁸. Единственное, что его беспокоило и что Гиляров-Платонов называл своим подвигом, – это «трудно соблюсти известную меру пошлости, необходимой для дешёвого издания».

Именно соблюдая «известную меру пошлости», которая позволяла пробиться к широкому и малообразованному читателю, Н. П. Гиляров-Платонов и пригласил сотрудничать в своём издании поэта и писателя Н. И. Пастухова, который, покинув «Современные известия», основал своё собственное издание – упомянутый нами выше «Московский листок». При этом на стадии планирования издательского проекта Гиляров-Платонов считал своим главным конкурентом вовсе не бульварные листки. «Русские ведомости»⁴⁶⁹ представлялись и ему, и его компаньону, оказавшемуся впоследствии «плутом из плутов и обманщиком из обманщиков»⁴⁷⁰, наиболее вероятным соперником в борьбе за аудиторию. Более того, уговоривший Н. П. Гилярова-Платонова на редакторство Н. А. Основский, который, как оказалось, вёл переговоры с Никитой Петровичем по поводу начала нового совместного издания и одновременно с владельцем «Русских ведомостей» об аренде у него газеты, позже предложил 3000 рублей в год отступного – плату за то, чтобы тот не воспользовался уже полученным разрешением на издание, так как переговоры об аренде «Русских ведомостей» к этому времени завершились успехом⁴⁷¹.

---

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Общественно-политическая газета, основанная литератором Н.Ф. Павловым (1803–1864) и выходившая в Москве с 1863 по 1918 г.; была органом либеральной московской профессуры и земских деятелей, противостоявшим более консервативным «Московским ведомостям».

⁴⁷⁰ Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 70.

⁴⁷¹ Там же. С. 54

Идея формата, совмещающего развлекательный тон и политико-просветительскую направленность, порою вводила в заблуждение даже опытных представителей журнального мира. Гиляров-Платонов сетовал по поводу некоторого недопонимания, возникшего по этому поводу между ним и И. С. Аксаковым, анонсировавшим в своей газете будущее издание Никиты Петровича: «Иван Сергеевич от доброго сердца оказал мне услугу немножко медвежью: читая его рекламу образованный человек легко может прийти к мысли, что моё изданию предназначается исключительно для мещан, будет излагаться маленько-мужицким слогом, и в конце концов – есть такое издание, которому в порядочной гостинной нет места. Чудак не показал мне заранее своей рекомендации. Впрочем, это ничего: “Москву” читают не очень многие»⁴⁷².

Специфика целевой аудитории «Современных известий» определяла весьма разноплановый характер информации. На страницах одного номера соседствовали публикации о строительстве моста в Ольвиополе и случае с православным священником в еврейской корчме, перечисление личного состава Дерптского университета и известие о том, что в Петербурге женщина родила урода, сопровождаемое подробным его описанием и указанием на то, что последний был отправлен акушером для спиртования в медико-хирургическую академию. При этом передовица, предварявшая этот новостной калейдоскоп, была посвящена системным недостаткам общественного устройства страны.

Политические статьи Н. П. Гилярова-Платонова отличались изящной простотой стиля и очевидностью нехитрой аргументации. В отличие от витиеватых и патетических «громовых» передовиц М. Н. Каткова, которые были непонятны малообразованному читателю, передовые статьи Гилярова-Платонова содержали простые аналогии и понятные примеры. Так, в передовице, посвящённой объявленному правительством тендеру на

---

⁴⁷² Там же. С. 68.

заключение крупного контракта в связи с расширением Николаевской железной дороги, автор излагает своё мнение, основываясь на аналогии с хорошо известным русскому купеческому миру образцом кредитного плутовства, когда прежде уже забравший некоторый кредит заёмщик в дальнейшем «уже не просит, а требует, и займодавец не смеет ему отказать из опасения потерять всё, что дано было прежде»⁴⁷³. Это куда яснее полуграмотному читателю, чем подробное изложение сложных кредитных отношений между государством и Главным обществом российских железных дорог.

Не все корреспонденты Гилярова-Платонова способны были соблюдать эту изящную простоту стиля, позволявшую говорить просто и занимательно о сложнейших общественно-политических процессах. И самому Никите Петровичу такая необходимость «говорить дискантом» порою была в тягость, к тому же ему приходилось отказывать некоторым своим корреспондентам в публикации: «К великому моему сожалению не могу у себя поместить вашу статью, – писал он К. К. Толстому, – по той же причине, по которой статью “Откуда нигилизм” поместил не у себя, а в “Руси”, и свои воспоминания “Из пережитого” печатаю в “Русском вестнике”. Публика “Современных известий” совсем другая, ей ваша статья не по зубам, по пословице не в коня корм»⁴⁷⁴.

«Приятно ли, в самом деле, размениваться по мелочам? – размышлял Н. П. Гиляров-Платонов в одном из писем К. П. Победоносцеву. – Хватило бы на нечто более крупное. Охота ли передать сплетню и ею заняться? А нельзя. Публика, которою живёт журналист, крайне разнообразна. Не дайте заснуть за слишком серьёзными вещами, надо иметь в виду и младенцев-

---

⁴⁷³ Современные известия. 1868. № 85.

⁴⁷⁴ Шарапов С. Ф. Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: ст., заметки, письма и выдержки. М.: Типо-литогр. А. В. Васильева и К°, 1903. С. 50–51

читателей, которым ещё нужны диковинки как дикарям. А их большинство и они всегда фонд издания»⁴⁷⁵.

Такая близость к читателю определяла быстрый рост популярности издания. «Было время, когда “Современные известия” были самой распространённой газетой в Москве и весьма своеобразной: с одной стороны, в них печатались политические статьи, а с другой – они с таким же жаром врывались в общественную городскую жизнь и в обывательщину. То громили “Коварный Альбион”, то с не меньшим жаром обрушивались на бочки отходников, беспокоивших по ночам Никиту Петровича Гилярова-Платонова, жившего на углу Знаменки и Антипьевского переулка», – вспоминает В. Гиляровский⁴⁷⁶.

Знаменательно, что читатели и сами часто принимали участие в создании газеты. Письма и отклики корреспондентов из народа активно публиковались на страницах «Современных известий». Их своеобразный язык, который сохранялся редакцией в неприкосновенности (по утверждению секретаря редакции М. С. Скавронской, в них исправляли только самые грубые грамматические ошибки да водворяли на положенное место букву Ъ⁴⁷⁷), оживлял газету, а главное – ещё более приближал её к целевой аудитории. Впрочем, и редакционный стиль изложения вполне импонировал читателю. Язык Н. П. Гилярова-Платонова навсегда сохранил отпечаток церковного, богословского, проповеднического стиля. М. П. Погодин писал ему: «Семинария и Филарет оставили также печать на вашем образе действий и на речи»⁴⁷⁸. Большинство читателей «Современных известий» овладевали азами грамотности в церковно-приходских школах, где

---

⁴⁷⁵ Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 106.

⁴⁷⁶ Гиляровский В. А. Сочинения: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 61.

⁴⁷⁷ Скавронская М. С. За четверть века // Наблюдатель. 1897. № 1. С. 201–227; № 2. С. 221–239

⁴⁷⁸ Шаховской Н. В. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // Русское обозрение. М.: Университетская типография, 1896. Кн. 6 (т. 42). Ноябрь. С. 454–470; Декабрь. С. 995.

под руководством священнослужителей учились читать по Часослову и Псалтыри.

Необходимо отметить, что успех газеты у публики определённого сорта не остался незамеченным и цензурой, которая по понятным причинам всегда с особенным пристрастием относилась не к крупной качественной периодике, а к дешёвым изданиям для народа. За 20 лет деятельности издание Гилярова-Платонова 20 раз подвергалось различным цензурным карам, в том числе 13 раз запрещалось к розничной продаже, а в 1877 г. было приостановлено на 2 месяца. Причём часто в рапортах цензоров в качестве самого решительного аргумента звучало указание именно на специфику аудитории газеты: «не полагаем, чтобы подобного рода корреспонденции были уместны в газете дешёвой и доступной массе читателей»⁴⁷⁹; «подобные фразы неуместны и вредны в его небольшой, дешёвой газете, имеющей в числе подписчиков людей полуобразованных»⁴⁸⁰ и т.д.

Между тем представитель консервативных политических взглядов Н. П. Гиляров-Платонов мог бы рассчитывать на снисходительность цензуры, ведь он полагал: роль публициста в обществе отнюдь не в том, чтобы способствовать росту социального напряжения и антагонизма. Напротив, он подчёркивал: публицист, хотя в силу своего журналистского предназначения неизбежно «должен искать несовершенств в общественном устройстве», делает это лишь для того, чтобы способствовать устранению этих несовершенств, принимать участие в созидательной общественной работе. Найти в общественном быте предмет недовольства – «это не значит возбуждать недовольство, волновать страсти, подкапываться под порядок. Здесь лежит ясно различимая черта: в каких пределах вращается недовольство, к кому обращаются с требованием исправления и какие предлагаются средства? Публицист, не уважающий истории и преданий своего народа и коренных основ общественной жизни, которой он живёт,

---

⁴⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 32. Л. 12 об.

⁴⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 32. Л. 17.

столь же недостоин своего призвания, как поклонник суеверий и диких инстинктов массы, или нахальный льстец властей»⁴⁸¹.

Важным для оценки издания Гилярова-Платонова является вопрос о том, в какой мере ему удалось реализовать замысел политико-просветительского издания, «соблюдающего известную меру пошлости», чтобы обрести популярность в публике, не перешло ли, в конце концов, это издание черту, отделяющую его от бульварного листка? Отчасти ответом на этот вопрос могут служить оценки интеллигентных читателей, таких как М. П. Погодин, например, писавший в июне 1872 г. Н. П. Гилярову-Платонову: «Статья в 167 номере “Современных известий” об ультрамонтанстве великолепная, государственная, европейская. Когда я читаю подобные статьи мне всегда бывает жалко, что такой ум сильный разменивается на мелочи»⁴⁸², а также опыт сотрудничества «Современных известий» с Л. Н. Толстым.

В 1870-х гг. Л. Н. Толстой, как известно, стремился сделать свои рассказы и повести достоянием широкого малообразованного читателя, обратить свою религиозную проповедь не только и не столько в среду интеллигенции, сколько направить её в массу простого народа. Для этого ему необходимо было публиковать свои произведения в изданиях, доступных этой категории читателей, а не на страницах элитарных толстых журналов, как прежде. Выбор Толстого пал на «Современные известия», скорее всего, именно потому, что это было дешёвое издание, ориентированное на городского обывателя, которое при этом не впадало в очевидно бульварный тон.

У Гилярова-Платонова и Толстого были широкие планы сотрудничества: они с уважением относились друг к другу, писателю нужна

---

⁴⁸¹ Шаховской Н. В. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // Русское обозрение. М.: Университетская типография, 1896. Кн. 6 (т. 42). Ноябрь. С. 454–470; Декабрь. С. 40–42.

⁴⁸² Шаховской Н. В. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // Русское обозрение. М.: Университетская типография, 1896. Кн. 6 (т. 42). Ноябрь. С. 454–470; Декабрь. С. 995.

была площадка для публикаций, издателю – рост популярности газеты, испытывавшей постоянные финансовые трудности. Опубликовав в девятнадцатом номере «Современных известий» за 1882 г. статью о Московской переписи населения, в которой он сам принимал участие, Л. Н. Толстой предложил Н. П. Гилярову-Платонову поместить в газете его новую повесть. «Смерть Ивана Ильича», которую впервые читал в редакции «Современных известий». Повесть была частично уже пущена в набор, однако дальнейшему сотрудничеству помешали идейные разногласия. Гиляров-Платонов отказался содействовать появлению в печати знаменитой «Исповеди» Толстого. Он препроводил её для публикации в редакцию «Русской мысли», но текст был, очевидно, невозможен с позиции цензуры, поэтому редактор «Русской мысли» обратился к Никите Петровичу с просьбой написать к тексту такое предисловие, которое делало бы возможной попытку «протащить» скандальный текст через цензуру. Но Гиляров-Платонов не только отказался участвовать в подготовке этого текста к публикации, но и как человек верующий и воцерковлённый, ответил горячей полемической отповедью, обличавшей духовную гордыню писателя. Отказ с пояснениями был направлен письмом редактору «Русской мысли» с копией Толстому. «Это письмо настолько рассердило графа Льва Николаевича, что он не только отказался дать для “Современных известий” свою повесть, но навсегда порвал знакомство с Никитою Петровичем. Никита Петрович был очень огорчён разрывом с Толстым, но никогда не раскаивался в своём поступке», – пишет С.Ф. Шарапов⁴⁸³.

Н. П. Гиляров-Платонов, обратившись с простым и ясным словом к широким слоям читающей публики, для популяризации консервативных политических взглядов и начал национальной культуры сделал не меньше, а возможно и больше, чем редакторы элитарной качественной прессы

---

⁴⁸³ Шарапов С. Ф. Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки. М.: Типо-литограф. А. В. Васильева и К°, 1903. С. 95.

консервативного направления М. Н. Катков и И. С. Аксаков. Однако предпринимателем он оказался не слишком успешным, издание подкосили вышеупомянутые беспечность издателя в отношении редакционных финансов и конкуренция со вновь открывавшимися дешёвыми городскими листками. Когда в 1881 г. начал выходить «Московский листок», а спустя два года – сходная по типу газета «Новости дня», финансовый крах «Современных известий» стал неизбежен. Как отмечает Н. В. Шаховской, «главная масса подписчиков, на которой держится всё издание газеты, та самая публика, до которой Гиляров хотел спуститься, чтоб её впоследствии поднять за собою поспешила отпасть от “Современных известий”, чтобы поучение променять на развлечение»⁴⁸⁴.

Фатальным для Н. П. Гилярова-Платонова было то, что этот отток подписчиков совпал по времени со значительными инвестициями, которые он решил произвести в своё издательское дело, купив в кредит новые машины для типографии и писчебумажную фабрику. Чтобы спастись из отчаянного финансового положения Никита Петрович предпринял попытку издания еженедельного журнала с картинками «Радуга», который начал выходить в 1883 г. Подробнее об этом издательском проекте будет сказано в разделе, посвященном иллюстрированным еженедельникам консервативного направления, здесь отметим только, что этот новый издательский проект не оказался спасительным для Гилярова-Платонова.

Журнал Гилярова-Платонова «Радуга» придерживался просветительского тона занимательного семейного чтения, используя картинки только как пояснительные иллюстрации к публикациям. В журнале, как и в газете, Гиляров-Платонов следовал идее использовать возможности привлекательного для обывателя формата для разговора с ним об общественно-политических вопросах.

---

⁴⁸⁴ Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: в 2 т. М.: Синод. тип., 1899. Т. 1. С. LV.

Предваряя издание, Н. П. Гиляров-Платонов писал: «пятнадцатилетняя публицистическая деятельность издателя увольняет его от обязанности подробно пояснять, в каком духе поведётся “Радуга”. Мы не будем тешить грязного воображения, давать пищу озлобленному глумлению или поощрять умничанье, самодовольное и ограниченное. Хотим служить чистым вкусам, невинным удовольствиям, тихим развлечениям, вдумчивой любознательности»⁴⁸⁵. Поясняя выбор названия для издания, он даёт поэтический образ природы после грозы, когда всё ещё свидетельствует о недавнем ливне, но буря утихла, небо прояснилось, и под первыми лучами солнца, поднимающими пар от земли, в воздухе повисает радуга. Этот образ Гиляров-Платонов обращает в аллегория современного ему общественного состояния: «современное затишье есть неизбежное последствие двадцатилетнего периода реформ, как за лихорадкой всегда следует утомление. Отчасти усталость, отчасти разочарование, отчасти бессильное напряжение. <...> Между тем все сдвинулось, начиная с политических учреждений общественного быта до отношений семейных, даже до понятий и верований. Сдвинулось, но не установилось»⁴⁸⁶.

Каждый номер журнала открывался актуальной политической передовицей на свойственном изданиям Гилярова-Платонова простом языке, ориентированном на рядового обывателя, а продолжался традиционными для семейного журнала рубриками: художественные произведения; научно-популярные рассказы; ноты; рецепты; мода; кроссворды; шарады.

Публицистическому блоку журнала, как и «Современным известиям», была свойственна некоторая калейдоскопичность, отвечавшая, впрочем, потребностям так называемого пёстрого читателя. Например, второй номер журнала «Радуга» начинается подробной информацией об обнародованном накануне государственном бюджете на 1883 г., далее – анализ состава некоторых его статей и попытка экономического прогноза. Непосредственно

---

⁴⁸⁵ Радуга. 1883. № 1. С. 1.

⁴⁸⁶ Там же.

за ними, без всякого отдельного заголовка, идёт подтверждение запрета служащим сообщать печати какие-либо сведения о своей деятельности без санкции своего начальства. После этого (также без всякого отделения или логического перехода) помещён рассказ о пожаре в цирке в Бердичеве, повлёкшем значительные человеческие жертвы⁴⁸⁷.

Что касается иллюстраций, то большинство из них выполнялись художниками по заказу специально для «Радуги». Задачи, поставленные издателем перед журналом, требовали особого отношения к иллюстрации. Каждая картинка несла просветительскую смысловую нагрузку и крайне редко использовалась как элемент декора. Например, к научно-популярной статье о первобытных людях была подготовлена серия поясняющих иллюстраций, а небольшая информация о приобретении московским зоопарком барса сопровождалась занимательным научно-популярным описанием этого биологического вида и иллюстрацией с натуры.

Издатель надеялся на то, что новый формат оживит читательский интерес к его изданиям и поможет выбраться из материальных трудностей, но надежды его были напрасны. После одного года издания он вынужден был передать права на приносивший убытки еженедельник Л. М. Метцлю и Д. А. Мансфельду, которые, изменив структуру и содержательную концепцию, издавали его до 1887 г. При новых издателях журнал лишился общественно-политической направленности, на место передовиц пришли биографии знаменитостей с портретами, увеличился раздел шарад и ребусов, театральная и музыкальная рубрика выделились в самостоятельные издания – «Сцена» и «Аккорд», выходившие как приложения к «Радуге».

Газету «Современные известия» Гиляров-Платонов продолжал издавать до самой своей смерти в 1887 г., несмотря на то что в 1883 г. его имущество за долги было распродано с аукциона и ему пришлось перебраться в меблированные комнаты, а в 1884 г. всерьёз задуматься о

---

⁴⁸⁷ Радуга. 1883. № 2.

закрытии своего детища. Однако в 1885 г. ситуация понемногу меняется к лучшему: оживляется подписка, пользуются успехом опубликованные сначала частично в «Русском вестнике», а затем отдельной книгой его мемуары – «Из пережитого» (1886).

После смерти М. Н. Каткова в 1887 г. Гиляров-Платонов хлопочет о том, чтобы правительством ему были переданы «Московские ведомости». Однако, невзирая на поддержку некоторых сторонников в чиновной среде (в его пользу хлопотали И. Д. Делянов, И. П. Корнилов и др.), в редакторстве было отказано, и эти бесполезные, а порою и унижительные хлопоты, доставившие ему немало переживаний, приблизили его кончину.

Обширное и интереснейшее публицистическое наследие Н. П. Гилярова-Платонова стремились собрать и издать его близкие, ученики, единомышленники. Так, К. П. Победоносцев предпринял двухтомное издание «Сборника сочинений» (1899), куда вошли основные публицистические статьи Гилярова-Платонова; А. М. Гальперсон подготовила к печати его «Экскурсии в русскую грамматику» (1883) и посмертный труд «Основные начала экономии» (1889).

В целом творчество Гилярова-Платонова мало изучено, а его фигура в русской публицистике консервативного направления остаётся как бы в тени более известных персонажей, таких как М. Н. Катков, И. С. Аксаков, А. С. Суворин и др., кому он не уступает по оригинальности взглядов и публицистическому дарованию. Отчасти это было осознанным выбором Н. П. Гилярова-Платонова, не стремившегося присоединиться к «публицистам в генеральских мундирах» и пожелавшего говорить о своих основополагающих идеях с простым народом «в рубище»⁴⁸⁸. Однако это не умаляет влияния его издательской и публицистической деятельности на формирование и распространение русской национально-консервативной идеологии во второй половине XIX в.

---

⁴⁸⁸ Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 61.

§ 2.3 В. П. Мещерский: патронат и издательское новаторство в коммуникативных практиках великосветского беллетриста

Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) происходил из старинного княжеского рода. Происхождение давало князю широкий круг разнообразных знакомств и связей в высшем обществе, а родство с П. А. Вяземским и Н. М. Карамзиным, которому он по материнской линии приходился родным внуком, создавало вокруг юноши определенный ареол симпатий и ожиданий, позволявший ему рассчитывать на благосклонное восприятие публикой его публицистических опытов. Забегая вперед, стоит отметить, что публицистическая деятельность Владимира Петровича снискала самые противоречивые оценки, сделав его фигурой в целом одиозной, в то время как его вклад в историографию оценивался высоко как современниками, так и историками, причем и принадлежавшими к числу его политических противников, и примыкавшими к кругу его единомышленников. Мемуары, которые Мещерский начал издавать еще при жизни, стали уникальным источником сведений о политических интригах и частной жизни двора, так что в некрологе князю, помещенном в «Историческом вестнике» (который до того многократно печатал позитивные отзывы об этих воспоминаниях), было сказано: «писать новейшую историю России, минуя воспоминания князя Мещерского, совершенно невозможно. Его близость ко двору создала ему, как литератору, исключительное положение и, надо отдать ему справедливость, он использовал эту свою близость широко и с большой пользой для нашего исторического знания»⁴⁸⁹. Впрочем, «известная направленность памяти мемуариста»⁴⁹⁰ придает

---

⁴⁸⁹ Глинский Б. Владимир Петрович Мещерский. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mesherskij_w_p/text_1914_nekrolog.shtml. (дата обращения: 24.06.2024).

⁴⁹⁰ Волгин И. Л. Достоевский – журналист: («Дневник писателя» и русская общественность). М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 9.

воспоминаниям Мещерского необъективный характер и заставляет исследователей внимательно перепроверять по другим источникам сообщенные князем сведения.

Как журналист князь дебютировал в 1860 г. в «Северной пчеле», некоторое время был сотрудником катковских «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Все это время он не оставлял государственной службы: первые годы после окончания Училища правоведения он служил по судебному ведомству, был полицейским стряпчим, затем уездным судьей.

Мещерский сблизится с сыновьями императора Александра II в 1861–62 гг. Первоначальное знакомство его с августейшей семьей состоялось во время путешествия государя с супругой в Ливадию. Благодаря покровительству Т. Б. Потемкиной он был представлен императорской семье и произвел положительное впечатление на императрицу Марию Александровну, которая увидела в нем благонаправленного и фундаментально образованного юношу хорошего происхождения, успевшего получить разнообразные впечатления действительной жизни в ходе службы, и к тому же ровесника наследника престола великого князя Николая Александровича. Сочтя общество Мещерского в некоторых отношениях полезным для сына, императрица дала князю рекомендательное письмо к цесаревичу. В Петербурге, представившись великим князьям, Мещерский через посредство их воспитателей С. Г. Строганова и О. Б. Рихтера довольно скоро стал своим в узком дружеском кружке цесаревича Николая Александровича.

Позднее, в 1863 г., Мещерский по протекции знакомого ему еще по салону матери П. А. Валуева перешел на службу в министерство внутренних дел, и те семь лет, которые он в качестве чиновника особых поручений при министерстве ездил по русской провинции, оказались удивительно ценными для него в плане построения системы своих политических взглядов. Мещерский был одним из немногочисленных петербургских публицистов и едва ли не единственным придворным, который был по-настоящему знаком с той страной, над будущим которой он размышлял и прошлым которой

дорожил: «Россию я изучал не в Петербурге, но в постоянных разъездах по восьми центральным великорусским губерниям»⁴⁹¹. Уникальное знание провинциальной русской жизни, отличавшее его и от братьев по перу не только в либеральном, но и в консервативном лагере, и от его знакомых в великосветских салонах, сделало Мещерского незаменимым собеседником будущего наследника престола. Из этих поездок, по собственному признанию князя, он вынес «два убеждения: первое, что жизнь в России идет вперед, второе, что многом Петербургский либерализм тормозит это движение вперед Русской жизни»⁴⁹². Эти два убеждения станут идейной основой публицистики Мещерского на долгие годы, причем, поскольку под «Петербургским либерализмом» князь понимал главным образом либеральную печать, то его полемические выпады будут чаще всего направлены именно на либеральных журналистов.

Из своих многочисленных поездок Мещерский писал много писем и прежде всего цесаревичу, с которым мог обсуждать как самые разнообразные впечатления русской провинциальной жизни, так и душевные темы любви и дружбы. При этом князь «не упускал случая произвести впечатление опытностью и знанием жизни. Захватывающие и полудетективные истории из практики чиновника особых поручений, описанные его бойким пером, пробуждали в читателях неподдельный интерес»⁴⁹³. Между многочисленными командировками пребывая в Петербурге, Мещерский становится завсегдатаем многих светских мероприятий с участием великих князей, однако, когда началась знаменитая поездка Николая Александровича по России, Мещерский не попал в число свиты, назначенной сопровождать наследника.

За время поездки по России и затем заграничного путешествия цесаревича Мещерский, оставшийся в Петербурге, сблизился с младшими

---

⁴⁹¹ Мещерский В. П. Нечто в роде исповеди // Речи консерватора. СПб., 1876. С. 3.

⁴⁹² Там же. С. 5.

⁴⁹³ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 53.

великими князьями, особенно с Александром Александровичем. Будущий Александр III своим единственным настоящим другом считал старшего брата Николая. Утратив в разлуке с братом столь необходимое ему, всегда не любившему светские условности и лживую атмосферу двора, дружеское общение, он с симпатией и доверием сблизился с молодым князем Мещерским, в котором привык видеть человека, дружески близкого любимому и уважаемому старшему брату. Многолетние отношения, завязавшиеся впоследствии между Мещерским и Александром III, изобиловали как периодами пылкой дружеской привязанности, так и этапами полного охлаждения, их многосложные перипетии прекрасно отражает опубликованная ныне и доступная широкому читателю переписка князя с наследником престола⁴⁹⁴.

Она свидетельствует о том, что наиболее важным этапом этих отношений был период 1865–67 гг., когда Александра Александровича сразила страшная весть о смерти брата Николая – события, в результате которого он терял самого близкого себе человека и приобретал пугавшее его положение наследника русского престола, т.е. оказывался вынужден возложить на себя миссию, к которой совсем не был готов. Поэтому для нового наследника престола «в тяжелые дни после смерти брата Мещерский был тем, кто помогал освоиться с неожиданным и нежеланным положением, тем, в ком Александр нашел столь необходимую ему нравственную поддержку перед принятием присяги»⁴⁹⁵.

Более того, князь Владимир Петрович, очевидно, претендовал на роль своеобразного духовного наставника, руководителя наследника престола в его подготовке к восшествию на трон. Первое время после обретения статуса цесаревича подавленный и растерянный Александр Александрович был

---

⁴⁹⁴ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁴⁹⁵ Черникова Н. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 9.

весьма благосклонен к настойчивым советам и воспитательным беседам князя, однако вскоре менторский тон Мещерского и его упорное стремление навязать наследнику престола свои представления о должном и недолжном, стали раздражать будущего государя. Отношения Мещерского с царственным другом еще ухудшились в результате того, что князь попытался распространить своё воспитательное влияние на молодую супругу цесаревича, которая категорически не приняла его требовательной опеки и утомительной дружбы.

Однако время, в которое Мещерский пользовался доверием и расположением цесаревича, не прошло зря – одним из главных «воспитательных» достижений Владимира Петровича было то, что ему удалось создать салон, часто бывая в котором, Александр Александрович имел возможность познакомиться со многими представителями русской общественной мысли, услышать различные мнения об актуальных политических вопросах.

Свои собрания Мещерский называл «форумом» – местом, где Сенат встречается с народом, в отличие от аналогичных собраний у А. А. Татищева, которые князь называл собственно «Сенатом», поскольку там собирались только высокопоставленные чиновники⁴⁹⁶. Политический салон князя был весьма полезен цесаревичу как канал общения с разносторонними и глубоко образованными людьми, обмен мнениями с которыми постепенно приводил к становлению у наследника престола самостоятельного политического мировоззрения, носившего, разумеется, печать идейного влияния радушного хозяина интеллектуальных вечеров. Цесаревич с большим интересом посещал собрания у князя Владимира Петровича, засиживался порой и за полночь; знакомства, завязавшиеся в салоне Мещерского, могли способствовать придворной карьере его гостей; влияние князя на

---

⁴⁹⁶ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 9.

политическое мировоззрение будущего императора становилось все более очевидным.

Это приводило к росту раздражения против князя при дворе, где его основными недоброжелателями стали глава Третьего Отделения П. А. Шувалов и министр внутренних дел А. Е. Тимашев. Они опасались попыток Мещерского влиять на цесаревича в вопросах внешней политики. Россия в это время стояла перед сложным выбором внешнеполитического курса. Накануне и в начале франко-прусской войны консервативная «русская партия», к которой принадлежал и Мещерский, настаивала на дипломатическом союзе с Францией и противодействии политическому усилению Германии, в то время как адепты «немецкой партии» при русском дворе, в число которых входили Тимашев и Шувалов, желали обратного. В 1871 г. Мещерский был приглашен к шефу жандармов и услышал недвусмысленные угрозы в адрес «людей, которые хотят во что бы то ни стало делать из цесаревича начальника политической русской партии»⁴⁹⁷.

Кроме того, к Мещерскому ревниво и неприязненно относились великие князья, младшие братья цесаревича. Когда к нерасположению некоторых вельмож и братьев прибавилось и недовольство со стороны супруги будущего императора, цесаревич отдалил от себя Мещерского. Много позже, уже в конце 1880-х гг., когда биография одиозного публициста обрстет великим множеством слухов, охотно муссировавшихся его недоброжелателями, будет обсуждаться предположение, что такой резкий разрыв с цесаревичем был обусловлен проявлением финансовой нечистоплотности князя – растратой казенных средств, отпущенных на организацию образовательного учреждения. Однако никаких подтверждений тому, даже намеками, ни в переписке всех участников процесса, ни в официальных документах, исследователям обнаружить не удалось, в то время как версия о неприязненном отношении семьи императора к Мещерскому как

---

⁴⁹⁷ Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 293.

о причине разрыва подтверждается множеством эпистолярных документов и мемуарных свидетельств⁴⁹⁸.

Посещение цесаревичем салона Мещерского зимой 1873 г. стало последним. В письме, уведомлявшем князя о том, что его не будут более принимать в Аничковом дворце, говорилось, что это разрыв не окончательный, упоминалась возможность свидеться через несколько лет, однако на деле это означало десятилетнее отлучение князя от личных встреч с наследником престола, хотя переписка их, пусть и редкая, сохранялась. Именно в то время, когда отчетливо наметилось охлаждение в отношениях с цесаревичем, в 1872 г. князь Мещерский решает попробовать свои силы в качестве издателя и начинает выпуск газеты-журнала «Гражданин».

Первые же публикации Мещерского в «Гражданине» раздражили его начальство. Князю было предложено выбрать между журнальной деятельностью и государственной службой, и Мещерский подал в отставку, предпочтя поприще публициста продвижению по служебной лестнице. Однако оставление службы означало и необходимость обходиться без единственного постоянного источника дохода, так как сколько-нибудь значительного состояния у князя не было. «Гражданин» же в финансовом отношении не оправдал ожиданий Мещерского, издание не было особенно успешно, приобретя в первые годы не более 1600 подписчиков. Вероятно, даже вместе с экземплярами, распространявшимися в розницу, тираж издания в первый год не превышал 2000 экземпляров.

Для того чтобы начать издание «Гражданина», князь занял денег в расчете на их скорый возврат от прибыли журнала, но о прибыли пока приходилось только мечтать. Его обращение к дружеской помощи цесаревича – прошение о крупной безвозмездной субсидии – породило долго бытовавшее в историографии русской журналистики мнение, что «Гражданин» с самого начала своего издания субсидировался Александром Александровичем.

---

⁴⁹⁸ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009.

Однако это предположение убедительно опровергнуто современными исследователями⁴⁹⁹ – Мещерскому было отказано в материальной поддержке, и до 1883 г. «Гражданин» субсидий не получал. Князь быстро истратил свое небольшое состояние на издание, и вскоре «Гражданину» грозило закрытие из-за убытков, но очередной займ (предположительно, у М. Н. Каткова) позволил князю сохранить журнал.

В это время главным источником дохода для князя становится его литературная деятельность. Он с достойной удивления стремительностью выпускает в свет один за другим романы из великосветской жизни, пользующиеся, несмотря на сомнительные художественные достоинства и крайнее нерящество слога, исключительной популярностью у публики.⁵⁰⁰ Бойкое, хотя и небрежное перо романиста, по свидетельству современников никогда не перечитывавшего написанное, обладало своеобразным, пусть и несколько односторонним талантом. Мещерский тонко подмечал типические, узнаваемые черты характеров, иронично и с не лишенным элегантно юмором живописал оттенки великосветских отношений и пристрастий, а близость автора к недостижимым для большинства сферам общественной элиты делала его романы неиссякаемым источником захватывающего материала о жизни света. И хотя нельзя не согласиться с тем, что «история русской изящной литературы свободно обходится без имени князя В. П. Мещерского как романиста, оставившего после себя мало-мальски

---

⁴⁹⁹ Черникова Н. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: патронаж и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009.

⁵⁰⁰ «Тавриада», современная поэма (СПб., 1863); «Один из наших Бисмарков», фантастический роман (СПб., 1873); «Женщины петербургского большого света», роман (СПб., 1874); «Лорд-апостол», повесть (СПб., 1876); «Хочу быть русской», роман (СПб., 1877); «Граф Обезьянинов» (СПб., 1879); «Ужасная ночь», повесть (СПб., 1881); «Реалисты большого света», повесть (СПб., 1883); «Недоразумение», роман (Гражданин. 1884. Кн. 2, 3, 4, 6–8); «Болезни сердца», комедия (СПб., 1886); «Курсистка», повесть (СПб., 1886); «Миллион», комедия (СПб., 1887); «Издалика», комедия (СПб., 1888); «Тайны современного Петербурга», «Мужчины петербургского большого света» (СПб., 1897) и др.

значительный след»⁵⁰¹, все-таки необходимо признать, что современники из числа не особенно взыскательной публики зачитывались его творениями, и некоторое время именно финансовый успех Мещерского-романиста позволял оставаться на плаву Мещерскому-публицисту и издателю.

Во время отлучения от общения с цесаревичем князь предпринял несколько громких и удачных благотворительных проектов, скорее всего, не столько с целью собственно благотворительности, сколько в стремлении вернуть себе расположение великого князя своей бурной общественной деятельностью. К числу таких проектов можно отнести издание благотворительного сборника «Складчина» в пользу пострадавших от трехлетнего неурожая и последовавшего за ним голода в Самарской губернии. В состав сборника, изданного в начале 1874 г. и принесшего около 15 000 рублей чистого сбора, вошли произведения И. А. Гончарова, П. А. Вяземского, Ф. М. Достоевского, Н. К. Михайловского, А. Н. Майкова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Важнее в финансовом отношении оказался даже не сам сбор от издания, а та популярность темы помощи голодающим, которую вкупе с активной агитацией в «Гражданине» Мещерскому удалось создать в обществе. Число добровольных пожертвований благодаря такой информационной поддержке стремительно росло. Важным для выяснения нравственной репутации князя Мещерского аспектом является то, что участники сборника по общему согласию избрали его казначеем проекта, и он вполне оправдал это доверие, что косвенно опровергает предшествовавшее обвинение князя в растрате казенных сумм⁵⁰². Имей место в действительности история с растратой, информация непременно просочилась бы в общество, и репутация мошенника не позволила бы князю пользоваться таким единодушным доверием собратьев по перу.

---

⁵⁰¹ Глинский Б. Владимир Петрович Мещерский. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mesherskij_w_p/text_1914_nekrolog.shtml. (дата обращения: 24.06.2024).

⁵⁰² Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 79.

Общественная позиция «Гражданина» часто представляется противоречивой, пережившей традиционную для русских консерваторов эволюцию «слева направо». Исследователи обращают внимание на то, что заявленное князем в переписке с будущими сотрудниками стремление «не гнаться за цветом, не гнаться за популярностью», чтобы избежать партийной односторонности⁵⁰³, соседствовало с постоянным упоминанием эпитета «консервативный» по отношению к своему изданию. В сущности, никакого противоречия здесь нет. Государственнический характер русского консерватизма в качестве одной из основных своих требований выдвигает отказ от партийной принадлежности, мотивированный тем, что необходимо избежать главенства партийных установок над соблюдением практических актуальных интересов государства. Этот мотив часто звучал у Каткова, призывавшего быть не консерваторами, а просто русскими, заботящимися о конкретных пользах своего государства, этот же мотив мы легко находим и в публицистике Мещерского.

В отзыве о книге Р. Фадеева «Чем нам быть?» Мещерский восторгается рецензируемым автором за то, что «он, очевидно, принадлежит к крошечной горсти людей, ясно видящих положение нынешней России, тогда как отличительная черта всякой партии заключается в том, что она ясно видит только себя и никого более»⁵⁰⁴. О стремлении создать «журнал без тенденции» Мещерский пишет и цесаревичу, поясняя замысел будущего издания. «Космополитизм один будет изгнан»,⁵⁰⁵ – обещает князь, имея в виду, что идейной основой журнала будет следование практическим интересам русской национальной государственности.

Мещерский не рассчитывал только на свои личные публицистические способности и с самого начала понимал, что залог успеха журнала в

---

⁵⁰³ Письмо Мещерского к Н. А. Корфу. Цит. по: Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX – нач. XX века. Князь В. П. Мещерский. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 53.

⁵⁰⁴ Мещерский В. П. Политические письма // Речи консерватора. СПб., 1876. С. 1.

⁵⁰⁵ Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005. С. 21.

коллективе талантливых сотрудников, потому стремился привлечь к участию в «Гражданине» многих популярных писателей и публицистов. Ему удалось заручиться участием в журнале литературных звезд первой величины Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский, Ф. И. Тютчев, А. Н. Апухтин, А. К. Толстой, А. Н. Майков, М. П. Погодин, Я. П. Полонский и Н. Н. Страхов охотно писали для «Гражданина». Тому способствовали две основные причины: во-первых, неутомимая энергия предприимчивого князя, умевшего иногда тонко польстить авторскому самолюбию, сыграть на амбициях, а иногда быть просто неотступно навязчивым; во-вторых, практически отсутствие у людей консервативного образа мыслей выбора площадок для высказывания – в картине тогдашней журналистики основное место занимают издания леволиберального и радикального толка, консервативная пресса была малочисленна, так что разбирать особенно не приходилось.

В своем издании Мещерский изначально занимал позицию издателя-основателя и публициста, предоставляя должность редактора наемным сотрудникам. Первым редактором «Гражданина» стал Г. К. Градовский. Обманувшись в трактовке «внетенденциозной» позиции издания, которую сначала провозглашал Мещерский, известный в будущем либеральный публицист вскоре понял, что ему не по пути с издателем, придерживающимся консервативных убеждений, и умолял или продать ему право издания, или расторгнуть досрочно контракт на должность редактора.

Первые публикации самого Мещерского были встречены не просто холодно, а враждебно. Рассуждая о судьбе Великих реформ, князь позволил себе высказывание, которым заслужил впоследствии прозвище «князь точка»: не отрицая положительного значения и пользы этих преобразований, он отметил, что поспешность совершаемых реформ не позволяет даже полноценно осмыслить их результаты и перспективы, русская государственная жизнь не успевает реформы «переварить», а потому необходимо взять паузу, остановить реформаторскую скачку хотя бы для того,

чтобы оценить, что получилось из уже проделанных реформ, временно в реформах «поставить точку».

Эта статья вызвала шквал критики в либеральной прессе, причем критики обостренно-личностного свойства. Так, например, в «Отечественных записках» М. Е. Салтыков-Щедрин представит публике Мещерского в качестве одного из героев «Дневника провинциала в Петербурге» князя Оболдуй-Тараканова.

Несмотря на то, что князя, конечно, огорчил такой прием со стороны собратьев по перу, Мещерский «был из тех людей, которых только подзадоривает антагонизм. Не десять, не двадцать, не тридцать лет, а целые полвека он имел “своеобразную смелость” стоять одиноко, имея против себя всю Россию»⁵⁰⁶. Много позже, в предисловии ко второму изданию публицистического сборника «В улику времени» Мещерский заявит: «В ответ на многочисленную брань, охарактеризовавшую сущность отзывов о моей книге, отвечу лишь одно: выпускаю в свет второе издание, исправленное и дополненное тремя новыми статьями». Однако важно помнить, что это задиристое обращение предпослано сборнику 1880 г. – это уже позиция зрелого публициста, получившего обширный и печальный опыт в журнальных боях. Совсем не с таким воинственным хладнокровием реагировал на первые критические фельетоны в свой адрес начинающий автор. Эмоциональный молодой человек, которого за его сентиментальный склад характера некоторые друзья юности аттестовали как «известного слюнявца», после первых нападков в печати на свои опрометчиво-консервативные опусы, столь немодные в тогдашнем русском обществе, по собственному признанию «с горя, опять же, по неопытности, не две, а трижды две ночи не спал»⁵⁰⁷.

Несмотря на такой нерадушный прием идеи «точки в реформах» в публицистике и в публике, Мещерский будет настойчиво и последовательно

---

⁵⁰⁶ Русское слово. 1914. № 158.

⁵⁰⁷ Мещерский В. П. Нечто в роде исповеди // Речи консерватора. СПб., 1876. С. 6.

развивать эту идею в своих дальнейших произведениях. В «Политических письмах», он полемизировал с теми общественными деятелями, которые утверждали, что для преодоления уже четко обозначившихся к концу 1870-х гг. негативных сторон реформ необходимо их интенсивное продолжение. Этот тезис всегда вызывал у князя недоумение. Осмысляя проблему свободы печати, относительно которой публицисты либерального лагеря также выражали мнение, что правительство, несмотря на очевидный рост нигилистической и социалистической пропаганды, должно идти далее по пути освобождения печати от государственного контроля и именно в продвижении по этому пути видели залог гармонизации ситуации в будущем, Мещерский писал: «Вот, признаюсь, чего я никак не могу понять, почему печать, которая под цензурою ухитряется проповедовать столько лжи и фальши, вдруг станет при полной свободе проповедовать правду и нравственность!»⁵⁰⁸.

Этой же логике он следовал, размышляя о проблемах земской деятельности, недоумевая, как расширение деятельности земств может быть решением проблемы недостаточной добросовестности, деловитости и эффективности земств уже существующих: «Где же тут логика? Земство имеет (...) слишком тесный круг деятельности, дворянство тоже, и ни то, ни другое ничего не делают для блага России или весьма мало: почему же, когда будет поручено более делать тем, которые меньшего не делают, они станут это большее лучше делать, чем то меньшее, которое они плохо делали?»⁵⁰⁹. И с особенной остротой ставится этот вопрос в отношении мечтавшегося многим политического представительства, которое, по мнению Мещерского превратится неизбежно в «пустое краснобайство», ибо совершенно непонятно, каким образом «то же земство и то же дворянство, которые теперь не умеют избирать председателей управ и предводителей, *за неимением*

---

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Мещерский В. П. Политические письма // Речи консерватора. СПб., 1876. С. 11.

людей, вдруг найдут и изберут 58 гениальных русских людей»⁵¹⁰, если разрешить им выбирать не предводителей, а депутатов Земской думы. Все это, по мнению Мещерского, создает картину, при которой «детям, которые не умеют еще бойко читать» сказали: «вы никогда не выучитесь хорошо читать, перейдите прямо к собственным сочинениям – вы скорее разовьетесь»⁵¹¹. Идея «точки» или, вернее, паузы в реформах, которая необходима для осмысления и коррекции уже проделанного, будет одной из постоянных доминант публицистики Мещерского.

Несмотря на задиристый тон полемики самого князя и усердное содействие лучших литературных сил, «Гражданин», как уже говорилось, не имел ни широкого распространения, ни финансового успеха. Некоторое оживление подписки отмечалось в 1873–74 гг., когда обязанности редактора после увольнения Градовского согласился принять на себя Ф. М. Достоевский. Этот эпизод мы подробно рассматриваем в разделе, посвященном публицистике Достоевского, здесь отметим лишь, что имя знаменитого романиста и его рубрика «Дневник писателя» привлекли к изданию Мещерского около тысячи дополнительных подписчиков и, что немаловажно, новых авторов. Хотя в целом «Гражданин» не особенно страдал от недостатка сотрудников, редакторство Достоевского расширило число публицистов, готовых публиковаться в издании Мещерского, хотя редакция не располагала возможностью платить высокие гонорары. До марта 1873 г. Федор Михайлович работал один, затем он настоял на появлении в редакции должности секретаря, которую занял В. Ф. Пуцыкович, ставший после ухода Достоевского из «Гражданина» официальным редактором журнала⁵¹².

Важно подчеркнуть, что близкое знакомство и сотрудничество с Достоевским сильно повлияло на развитие мысли Мещерского. Постепенно

---

⁵¹⁰ Там же. С. 12–13.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Черникова Н. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 31

под влиянием идей Федора Михайловича у него формируется представление о сущности консерватизма, весьма близкое к концепции почвенничества: «Теперь история России принудила нас войти в такую эпоху, когда самым настоящим образом надо решить: кому себя принести в жертву: народу ли русскому быть побежденным петербургским русским обществом, окончательно с ним разошедшимся, или последнему покориться русскому народу»⁵¹³.

Незначительный тираж «Гражданина» несколько увеличился в 1877 г., что было, впрочем, отражением общей тенденции, связанной с русско-турецкой войной и возросшим благодаря ей спросом на всю периодику. Тема славянского единения и помощи балканским народам занимала значительное место в публицистике Мещерского, однако взгляды его в этом отношении претерпели значительные изменения. Уверенность в необходимости живого участия России в жизни балканских славян была поколеблена в князе его впечатлениями от поездки в Сербию, предпринятой в 1876 г. В книге «Правда о Сербии» Мещерский подробно рассказывает, как рушился в его представлениях мираж славянского единения и формировалась совершенно иная картина, свидетельствующая об отсутствии на Балканах настоящих симпатий к русским, об очевидном отчуждении, пролегающем между «освободителями» и «порабощенными».

Во время русско-турецкой войны Мещерский также оказался в самом центре событий и предпринял в разгар военной кампании благотворительную поездку с целью доставить необходимые вещи раненым. В Петербурге, разместив в газетах объявления о сборе благотворительных средств, Мещерский собрал довольно значительную сумму, более 5 000 рублей, и отправился в полное опасностей путешествие, дневник которого он опубликовал впоследствии отдельной книгой.

---

⁵¹³ Мещерский В. П. Народ и общество // В улику времени. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 139.

Эта благотворительная акция послужила появлению в обществе очередных толков о возможных растратах, факт которых князь, разумеется, отрицал. Прямых доказательств, как и прямых опровержений, в данном случае представить невозможно, но важно отметить, что подобного рода обвинения коснулись не только Мещерского, но и других деятелей благотворительности «на славянское дело». Согласно общей практике того времени учет благотворительных сумм велся небрежно, невозможно было взять с каждого солдата, которому выдавались махорка или одежда, расписку в её получении, формальностям такого рода не принято было уделять внимания. Это приводило к тому, что шумиха вокруг благотворительных сумм возникала неоднократно – против Н. П. Гилярова-Платонова в аналогичном случае было заведено даже уголовное дело, ничем не кончившееся за абсурдностью обвинений, которые И. С. Аксаков, например, считал оскорбительными и подчеркивал, что в деле благотворительности речь может идти только о полном взаимном доверии жертвователей и тех, кому они поручают заведовать сбором и распределением средств.

Как и все консервативные издания, «Гражданин» не миновал столкновений с цензурой. Первые из них относятся к периоду редакторства Ф. М. Достоевского и представляют собой скорее череду недоразумений, а вот в период 1876–78 гг. отношения князя с цензурным ведомством можно охарактеризовать как систематическую провокацию с его стороны. Издатель то и дело умышленно шел на нарушение цензурных запретов. Во время назревания кризиса на Балканах министр внутренних дел изъял восточный вопрос из публичного обсуждения в прессе, однако Мещерский, несмотря на это, поместил публикацию о событиях в Герцеговине и ошибках русской дипломатии. Последовала приостановка издания на месяц.

Почти сразу после возобновления Мещерский снова помещает статью по балканской проблеме, и издание вновь приостановлено, на этот раз на более длительный срок. В конце 1876 г. «Гражданин» за статью об университетском вопросе получил второе предостережение, однако

энтузиазм чиновников цензурного ведомства в преследовании журнала-газеты на время померк в связи с тем, что государь обнаружил интерес и благосклонность к некоторым публикациям издания, высказав несколько положительных суждений о статьях Мещерского. Специфика бюрократической машины всегда была такова, что личные симпатии начальства значили в глазах подчиненных гораздо больше формальных установлений, так что смущенные цензоры, опасаясь получить нагоняй за придирчивость к изданию, с благосклонностью читавшемуся государем, «щепетильно протоколировали нарушения, допущенные газетой», но «вместо реального наказания редактор получал только внушение»⁵¹⁴. Однако упрямство князя в критике внешнеполитического ведомства по балканскому вопросу все-таки переполнило чашу терпения даже его высокопоставленных покровителей, и в июне 1877 г. газета была приостановлена после получения третьего предостережения.

Едва успев вернуться на издательский рынок, Мещерский решился на поступок, приведший его к потере издания. Он опубликовал скандальную речь И. С. Аксакова в собрании Московского славянского комитета. За негодование, высказанное в этой речи Аксаковым по поводу ошибок российской дипломатии, допустившей ревизию Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе, оратор был отправлен в ссылку, так что Мещерский прекрасно понимал, что цензура арестует тираж с текстом речи, не допустив его распространения. По цензурным правилам издания, выходявшие без предварительной цензуры, должны были присылать цензору сигнальный экземпляр до рассылки издания почтой. Мещерский же умышленно задержал доставку номера цензору, чтобы успеть разослать тираж подписчикам. Издание было приостановлено на три месяца, а его редактор В. Ф. Пуцыкович подвергнут суду.

---

⁵¹⁴ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 285.

Осмысляя такое провокативное поведение в контексте коммуникативных практик журналистики консервативного направления, можно предположить, что Мещерский до некоторой степени ориентировался на прецедент противостояния Каткова с цензурой в середине 1860-х гг. Проявленная Катковым принципиальность, хотя и была крайне рискованной с точки зрения перспектив издания, оказала огромное влияние на формирование его образа как убежденного и независимого борца за свои политические идеалы и разрушала в глазах публики любые подозрения в корыстном провластном лоялизме. Напомним, что, несмотря на все риски, Катков, благодаря личному вмешательству императора и стечению политических обстоятельств вышел победителем из противостояния со всесильным, казалось бы, министром внутренних дел. И эта победа не только дала ему возможность продолжить издание, но и раз и навсегда закрепила за ним репутацию независимого политического деятеля в глазах публики, бескорыстного голоса правды в глазах власти и, что немаловажно, сделало его персоной практически неприкосновенной в глазах цензуры.

Можно предположить, что такое вызывающее поведение со стороны Мещерского было попыткой исправить репутацию «Гражданина» как субсидируемого провластного издания, заявить о себе как о независимом принципиальном публицисте, привлечь сочувственное внимание публики к своей бескорыстной борьбе за национальные интересы России. Тем более что всегдашняя благосклонность высокопоставленных покровителей давала надежду на благополучное для князя завершение подобных инцидентов. Отметим, что надежду гораздо более твердую, чем была в 1866 г. у Каткова, не имевшего ни великосветских знакомств, ни опыта личных отношений с членами августейшей фамилии и опиравшегося только на свою журналистскую славу. Однако, если это предположение верно, и Мещерский «играл ва-банк», борясь за популярность «Гражданина» и свою репутацию самоотверженного политического борца, приходится констатировать, что стратегия князя оказалась ошибочной. Балканский кризис был слишком

болезненным вопросом русской внешней политики, чтобы правительство и государь могли терпеть острую критику внешнеполитического курса в ситуации, когда любой ошибочный шаг мог обернуться глобальной войной с коалицией крупнейших мировых держав.

Главный вопрос, который неизбежно напрашивается при размышлении о первом периоде издательской деятельности Мещерского – что же побуждало князя, умелого придворного и популярного романиста, продолжать, несмотря на отсутствие финансовой прибыли, преследования цензуры и постоянную брань прессы, казалось бы, неуспешное издание? Отчасти ответ на этот вопрос можно найти в публицистике самого князя. В статье «Нечто вроде исповеди» он пишет: «В наше время духовной распутицы и слякоти, когда человек знает что-либо отчетливо и в чем либо твердо убежден, он должен говорить или, по крайней мере, стараться говорить свои мысли вслух...»⁵¹⁵. И проповедь Мещерского обращена была, прежде всего, не к убежденным сторонникам рационального прогресса и нигилизма, которых он уже не надеялся обратить к иным истинам, а к тем, кто по легкомыслию и равнодушию еще не совершил этого выбора. Мещерский, критикуя петербургское общество, охотно допускал, что масса его «все-таки состоит из добрых, хотя и ложно увлеченных людей», которым князь предлагает «опомниться и добросовестно задаться вопросом: что же делать, чтобы помочь нашему бедному государству?»⁵¹⁶.

После приостановки «Гражданина» князь уехал за границу, и пока он вынашивал разнообразные планы организации редакции за рубежом, в России начался судебный процесс против официального редактора издания Пуцыковича с целью лишить его права на издание «Гражданина». Недоброжелатели князя воспользовались опрометчивостью редактора, занявшего крупную сумму денег у одного из московских купцов. Когда

---

⁵¹⁵ Мещерский В. П. Нечто в роде исповеди // Речи консерватора. СПб., 1876. С. 4.

⁵¹⁶ Мещерский В. П. Народ и общество // В улику времени. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 143.

выяснилось, что заемщик не может вернуть долг, его имущество, включая право издания газеты, пошло с молотка. После этого еще несколько лет издание перекупалось друг у друга различными лицами, затем было переименовано и вовсе прекратило существование.

Оставшись без «Гражданина», неунывающий князь предпринял целый ряд альтернативных издательских инициатив. Опасаясь подвергнуться новым неприятностям при сотрудничестве с наемными редакторами, Мещерский ищет такую форму публицистического высказывания, которая оставляла бы ему свободу выражения мыслей и исключала необходимость создавать коллектив авторов. Наиболее подходящей являлась в этом случае опробованная Достоевским форма «Дневника», к которой и обращается Мещерский. Получив в 1880 г. разрешение на издание дважды в месяц своих «Дневников», князь, помимо этого, предпринял и еще один издательский проект – журнал «Добро». Издание было кратковременным, вышло всего 24 номера в течение 1881 г., в нем освещались вопросы благотворительности, деятельности церкви и проблемы воспитания.

Очевидно, замысел журнала находился во взаимосвязи с некоторыми давними идеями Мещерского о проблемах образования и воспитания. Вообще вопросы образования занимали важное место в публицистике князя и имели прямое отношение к осмыслению им самого понятия консерватизма. В короткой статье «Два слова о наших консерваторах», обозначенной как «листок из дневника», Мещерский сетует на то, что сколько-нибудь консервативного направления нет в русской общественной жизни, и задается вопросом о причине этого, как он называет, общественного порока. Причина обозначается им так: «У нас нет консерваторов, потому что мы страшно необразованны, и страшно растлены, как общество, у нас нет консерваторов, потому что мы не знаем: что следует нам охранять»⁵¹⁷.

---

⁵¹⁷ Мещерский В. П. Два слова о наших консерваторах // В улику времени. Изд. 2-е. СПб., 1880. С. 155.

Источником отрицающего начала является невежество, в то время как для того, чтобы стать консерваторами, надо много учиться, ибо «политические убеждения добываются не иначе как путем образования и учения»⁵¹⁸. Охранение устоев требует глубинного понимания философских и исторических предпосылок их формирования, ведь «если можно разрушать то, чего не знаешь, отрицанием, нельзя охранять того, что не знаешь: волею-неволею, если бы захотелось быть консерватором, пришлось чему-нибудь учиться, и забивать в себя какие-то нравственные сваи, чтобы на них упереть свой политическо-нравственный мир»⁵¹⁹.

Вероятно, желание высказаться об этих проблемах побудило князя к изданию журнала «Добро», однако замысел не оправдал себя, отсутствие полемического накала статей и несколько слащавый тон делали издание скучным, и в 1882 г. Мещерский переименовал его в «Гражданин». К возрожденному «Гражданину» князь планировал издавать приложение – журнал с карикатурами «Добряк». Это сатирическое издание в контексте коммуникативных практик журналистики консервативного направления является прецедентом уникальным, поскольку представляет собой попытку обратиться к сатире и карикатуре, т.е. традиционно несвойственным консервативному направлению орудиям журнальной борьбы.

Поскольку «в последней трети XIX в. тип еженедельного сатирического журнала с карикатурами представлял уже общемировое явление»⁵²⁰, и общественный запрос на сатирическую графику был весьма высок, возможно, Мещерский рассчитывал на иллюстрированное приложение не столько как на самостоятельный издательский проект, сколько как на инструмент оживления читательского интереса к «Гражданину». На это указывает тот факт, что при объявленной ежегодной цене годовой

---

⁵¹⁸ Там же.

⁵¹⁹ Там же. С. 160.

⁵²⁰ Голиков А. В. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 4. С. 54.

подписки на «Добряк» в 7 рублей и цене номера в розницу 20 копеек, подписчикам «Гражданина» приложение обходилось в 4 рубля в год.

В первом номере «Добряку» был дан подзаголовок «маленькая газета в духе времени», а вместо передовой статьи помещалось шуточное послание к читателю такого содержания: «Никакое перо не может передать того богатства мыслей, которое рвется наружу, в ту минуту, когда мы сели за писание передовой статьи, а потому мы ее и не пишем»⁵²¹. Среди основных тем, к которым постоянно обращался «Добряк», можно выделить тему международной политики, критику либеральных общественных деятелей (как конкретных лиц, так и обобщенные социальные типы, например, цивилизатор-интеллигент, русский либерал и т.д.) и тему современной автору русской журналистики (причем характерно, что сатирические выпады издателя были направлены не только против видных деятелей либерального фронта, таких как А. А. Краевский, М. М. Стасюлевич, О. К. Нотович, но и против некоторых представителей консервативного крыла, например, А. С. Суворина, и журнальных деятелей с неопределенной политической позицией, вроде П. Д. Боборыкина и Г. Д. Гоппе)⁵²². Также острая критика журнала была направлена против ярко проявившихся в это время негативных сторон журналистской профессии – некомпетентность, погоня за сенсацией, заигрывание с публикой в коммерческих целях. Не обходил издатель вниманием и события городской повседневности, например сомнительные увеселения невзыскательной публики. Вообще тематический спектр содержания «Добряка» был довольно широк, наряду с этими системно прорабатывавшимися темами, время от времени затрагивались и проблемы формировавшегося земства, деятельность петербургской городской думы,

---

⁵²¹ Добряк. 1882. № 1. С. 9.

⁵²² Кругликова О. С. Журналистский мир Петербурга в карикатурах журнала «Добряк» (1882 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 137–142.

бюрократизация государственного управления, роскошь и мотовстве большого света и т.д.

В сфере международной политики сатирическим нападкам Мещерского подвергались французский премьер-министр, республиканец Леон Гамбетта и «железный канцлер» объединенной Германии Отто фон Бисмарк. Злободневно и разнообразно раскрывалась на страницах «Добряка» тема русского либерализма, его ключевых персон и социальных типов. В четвертом номере журнала в форме сатирической имитации объявлений Мещерский нападает на либеральное красноречие: «Музей Лента. Небывалая вещь. Говорильная машина. Берет всякие заказы либеральных речей, адвокатские защиты в суде униженных и оскорбленных. Переносится и даже перевозится удобно в провинцию для земских собраний». Благоговение либеральной интеллигенции перед образом Европы высмеивается в карикатуре под названием «один из наших будущих Меттернихов», изображающей просвещенного русского читателя задумавшимся над стопкой европейских газет и в упор не видящего витающий перед ним образ России, традиционно изображенной в виде молодой женщины в национальном костюме. Размышления героя даны в текстовой подписи к рисунку: «Разумеется, Россия, именуемая на народном языке Русью, есть нечто существующее, не спорю, но зато есть того... есть Европа...»⁵²³.

В критике русского либерализма в «Добряке» наиболее ярко звучал традиционный для русского консерватизма мотив оторванности от народа, непонимания его жизни и интересов. Карикатура «Цивилизатор-интеллигент в деревне», помещенная в 6 номере, изображала щеголевато одетого горожанина, который на фоне деревенского пейзажа беседует с угрюмо на него смотрящим, насупившимся мужиком. Беседа их была такова: «– Да прок-то нам какой от вашей всесословной волости? – Как? Ты не понимаешь? – Где нам понять! – Господи: Пойми же, что вы тогда можете избирать в волостные

---

⁵²³ Добряк. 1882. № 1. С. 6.

старшины кого хотите, образованного человека, культурного интеллигента, меня, например. – Покорно вас благодарим...»

Постоянным героем карикатур «Добряка» является гротескный образ «нового интеллигента» – неопрятного длинноволосого человека в глуповатым, но крайне заносчивым выражением лица, с характерными атрибутами костюма представителя разночинной интеллигенции 1870-х гг.: помятой бесформенной шляпой и пледом в качестве верхней одежды. Чаще всего этот персонаж появляется в соседстве с лидером либерального движения А. А. Краевским, либо как сотрудник его редакции (рис. 1), либо как обобщенный образ русской интеллигенции, груз которой редактор «Голоса» символически взвалил на свои плечи (рис. 2).

Тема русского либерализма во многом смыкается с темой русской журналистики, поскольку, критикуя русское либеральное движение, Мещерский высмеивал его лидеров, знаменитых журналистов и издателей, выбирая для этого не только изобразительные формы – в пятом номере «Добряка» Краевский удостоился обширной эпиграммы в форме песни-баллады, а в шестом помещена большая пьеса «У редактора французской петербургской газеты», сатирически изображавшая целый круг столичной журналистики: ее героями, помимо Краевского стали П. Д. Боборыкин,

О. К. Нотович, А. Ф. Маркс и др. Доставалось и представителям вполне благонамеренного направления: намекая на радикальную смену политической позиции издания «Новое время» и его владельца А. С. Суворина, танцующего, по мнению некоторых современников, любые танцы по заказу власти, «Добряк» поместил объявление: «Нужен учитель изящных танцев, способный человек пожилых лет, всегда плясавшего канкан обучить грациозным танцам даже для большого света. Адресовать в редакцию “Нового времени”»⁵²⁴.

Вполне в духе консервативного образа мыслей редактора-издателя было, затеявая новое для себя дело, сатирической журнал, обратиться к лучшим образцам прошлого, к традиции. Памятуя о расцвете русской журнальной сатиры в екатерининское время, Мещерский ищет вдохновения в изданиях столетней давности, и успешно осваивает такие формы как придуманный Н. И. Новиковым жанр сатирической имитации объявления, литературные маски с говорящими именами в духе эпохи классицизма.

Примеры сатирических объявлений уже приводились выше, необходимо отметить, что не всегда в их колкой сатире «Добряку» удавалось сохранить элемент утонченного изящества, и наряду с образцами языковой игры типа «Беспорядок в порядке, новая книга в 365 листов, Главный склад в книжном магазине Стасюлевича»⁵²⁵, появлялись и такие незамысловатые, как «Сарра Бернар – чудотворное слабительное. Продается во всех аптеках города»⁵²⁶. К числу безусловно удачных попыток издателя освоить сатирические жанры екатерининской эпохи можно отнести имитацию научно-философского трактата «О применении математики к жизни. Опыт диссертации на звание юмориста», помещенную за подписью Интеграл Эвольвентов в пятом номере журнала. «Диссертация» представляла собой

---

⁵²⁴ Добряк. 1882. № 1. С. 10.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же.

остроумную попытку описать все этапы жизни человека через математические функции.

Очевидно, ближе познакомившись с лучшими образцами сатиры прежних времен, князь Мещерский увидел, что многие из них сохраняют интерес и актуальность спустя столетие, поэтому в условиях недостатка авторов решил восполнить нехватку оригинальных материалов своеобразными ретроспективными заимствованиями. Так в «Гражданине» появился политический раздел «Беседующий гражданин», названием напомилавший читателям о масонском журнале XVIII в., а «сатирическую, стихотворную и анекдотическую части» содержания журналов екатерининских времен решено было поместить в «Добряке»: «А так как материалы эти почерпаются из старинных русских журналов и газет, выходявших сто лет назад и более, то мы нашли вполне уместным дать этому новому отделу в “Добряке” название “Столетний Добряк”»⁵²⁷. Рубрика «Столетний Добряк» выходила в первых пяти номерах журнала, и вскоре исчезла с его страниц, очевидно, не снискав признания у читателей.

«Добряк» активно использовал малые формы сатиры – каламбуры, афоризмы, шутки в форме кратких вопрос-ответных диалогов. Иногда они могли действительно претендовать на название удачных острот, но по большей части имели натужный, тяжеловесный тон вымученной шутки. Так, например, наряду с острыми шпильками в адрес коллег-журналистов вроде «Когда хочешь быть сотрудником газеты, старайся писать о том, что не знаешь, о том, что знаешь, другой напишет», встречались и такие образцы остроумия как «Отчего утка плавает? От берега». Такие же примеры можно найти в рубрике «Верхи», выходившей в 5-8 номерах журнала и содержавшей афоризмы, построенные по одной схеме – назывались поступки, которые объявлялись «верхом глупости», «верхом рассеянности», «верхом легкомыслия» и т.д. В этой рубрике с сатирическими выпадами против

---

⁵²⁷ Добряк. 1882. № 1. С. 10.

журнальных оппонентов, как например «верх наивности – думать, что *тетушка*, которой Щедрин пишет письма, читает их»⁵²⁸ соседствовали шутки вроде «верх рассеянности – уехать с вечера с чужою женою» или «верх забывчивости – забыть свое собственное имя»⁵²⁹. Со временем сатирические материалы вытесняет со страниц «Добряка» беллетристика, а сатирические жанры уступают место перепечаткам известий из других газет.

Говоря о жанровой специфике иллюстративной части журнала, прежде всего, карикатур, следует отметить, что к очевидному гротеску, являющемуся самым традиционным приемом карикатуры, в «Добряке» прибегали крайне редко. Это было частным проявлением общей для русской журнальной сатирической графики этого периода тенденции к переносу комического акцента на текстовую часть, для чего требовалось снабдить рисунок порой весьма пространными подписями. Помимо того, что самой жанровой природе карикатуры свойственно объединение вербального и иконического компонентов в визуальное и смысловое целое⁵³⁰, исследователи обоснованно усматривают в этом и влияние цензурных реалий времени⁵³¹ – внимание цензоров к изображениям было традиционно особенно пристальным, так что художники невольно тяготели к нейтральной жанровой сцене как основе сюжета, в то время как комический смысл раскрывался в текстовом сопровождении, а порой возникал из сочетания текстовых реплик диалога/монолога действующих лиц и обстоятельств, обрисованных жанровой сценой.

Именно этот тип карикатуры наиболее часто встречается на страницах журнала «Добряк». Так, например, на 7-й полосе 1-го номера журнала была

⁵²⁸ Добряк. 1882. № 5. С. 8.

⁵²⁹ Добряк. 1882. № 6. С. 6.

⁵³⁰ Воронина О. А. Карикатура как вид креолизованного текста // Вестник ЦМО МГУ. Русистика. 2009. № 2. С. 14-16.

⁵³¹ Голиков А. В. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 4. С. 51–71; Финягина Н. П. Обличение борьбы самодержавия против революционных демократов в русской карикатуре 60-х годов XIX века // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1968. № 4.

помещена карикатура, изображающая без всякого визуального утрирования или искажения диалог типичных чиновников некоего департамента. Изображение не дает нам ничего, кроме совершенно типичной картины чиновной повседневности, на визуальном уровне из взаимного положения фигур мы можем извлечь лишь понимание того, что изображен диалог лица вышестоящего с лицом подчиненным. Комический смысл раскрывается только в данных текстом репликах героев: «– Помилуйте, это годовая работа, одних справок хватит на полтора года – И прекрасно, полтора-то эти годика откиньте, и я вам дам час времени: четверть часа на размышление, четверть часа на соображение, четверть часа на заключение, четверть часа на решение»⁵³².

Гротескному изображению с сохранением выраженного портретного сходства на страницах «Добряка» подвергался один из идейных лидеров либерального движения А. А. Краевский, который изображался на страницах «Добряка» коротконогим и толстым, непропорционально сложенным, порой в нарочитом соседстве с исполинской ладной фигурой русского мужика⁵³³, что должно было, вероятно, показать духовное ничтожество оторвавшейся от народа либеральной интеллигенции по сравнению с могуществом народной правды – весьма характерный мотив для русской консервативной публицистики этого периода.

На страницах «Добряка» появлялись также и полноценные развернутые графические рассказы, по формату наиболее напоминающие современные комиксы – серия в 5-10 картинок, рассказывающая историю определенного персонажа. Очевидно, новый формат не был чем-то привычным и устоявшимся, он опробовался издателем в процессе определенного творческого поиска – можно заметить изменения соотношения изобразительной и текстовой частей повествования. В двухчастном графическом рассказе «Лошадь-сваха», помещенном в 18-м и 20-м номерах

---

⁵³² Добряк. 1882. № 1. С. 7.

⁵³³ Добряк. 1882. № 28. С. 2.

журнала, раскрытие комического сюжета происходит через краткие диалоговые реплики героев, данные в каждой графической миниатюре, т.е. именно так, как чаще всего мы видим в современных комиксах. В рассказах «Обыкновенная история» (4-й номер) и «Ежедневная Петербургская драма в трех действиях» (8-й номер) текст дан только как заголовок к каждой графической миниатюре, обозначающий определенную стадию процесса, например, жизненный этап героя в «Обыкновенной истории» или этап мытарств просителей, вынужденных обращаться за справками в государственные учреждения, в «Петербургской драме» при этом в передаче содержания, чувств и мыслей героев изображаемого этапа каждая графическая миниатюра серии является самодостаточной и не требует текстовых реплик.

В 8-м номере журнала также применен и совершенно оригинальный прием соотнесения повествовательного изображения и текста. Серия графических зарисовок «Деньги. Великая поэма жизни» помещена отдельно от текста на вкладке, значительно превышающей формат страниц журнала, сброшюрованной вместе с остальными страницами, но сложенной вчетверо (надо отметить, что это не единственный случай размещения крупноформатных изображений на складной вставке – точно так же в журнале даны история «Лошадь-сваха» и некоторые другие иллюстрации). На следующей странице обычного формата под заголовком «Текст к первой серии картин» дан цикл стихотворений, каждое из которых раскрывает сюжет одной из графических зарисовок.

Жанровую и содержательную трансформацию журнала обусловили, вероятно, два главных фактора. Прежде всего, это постоянные столкновения с цензурой. Вторым фактором была невозможность поддерживать высокий уровень оригинальности и разнообразия текстов в журнале, создававшемся, в сущности, одним-единственным автором, который к тому же выступал в том же качестве и в «Гражданине», также не имевшем широкого постоянного круга сотрудников. Мещерский, вынужденный, в сущности, единолично

писать все тексты сразу для двух изданий, взвалил на себя непосильный труд, особенно если учесть тот факт, что на нем же лежали все издательские и юридические хлопоты по обоим журналам. Постепенное снижение сатирической остроты и вытеснение оригинальных жанровых форм заимствованиями, перепечатками и беллетристикой (зачастую авторства того же Мещерского) было неизбежно. Возможно, в начале проекта князь рассчитывал на то, что ему удастся привлечь к сотрудничеству широкий круг авторов, но на деле этого не случилось.

Уже в сентябре 1882 г. Мещерский публикует задушевное обращение редакции к читателям, которое облекает в форму дневниковой записи. Редактор-издатель анонсирует читателям изменение формата журнала – отныне «Добряк» будет выходить как сборник беллетристики без иллюстраций, а вместо традиционных карикатур к нему раз в месяц будут выходить художественные альбомы. По мнению князя, «составленные без спешности», такие альбомы «несравненно более удовлетворят подписчиков, чем наскоро изготовленные рисунки». Желая объяснить с публикой по поводу такого решения, князь помещает далее фрагмент из своего дневника.

Такая форма предполагает располагающую к доверию интимность с читателем и позволяет редактору без обиняков, хотя и с горечью, сознаться в своих ошибках: «Я настолько же убежден в том, что “Гражданин”, благодаря Бога, идет путем развития вперед, насколько убежден в том, что “Добряк” – это неудача». Дальнейшие строки наводят на мысль о том, что, возможно, мы имеем дело с имитацией дневниковой записи, а не с подлинным документом: «Думаю, что читатели с этим <с неудачей «Добряка»> согласны. Французская пословица гласит, что исповеданный проступок наполовину уже прощен». Если это дневниковые размышления наедине с самим собой, то откуда здесь апелляция к читателю, кому исповедан и кем прощен упомянутый проступок? В изданных в 1883 г. дневниках князя перепечатанная в «Добряке» запись

действительно присутствует с той же датировкой «среда 28 июля 1882 г.»⁵³⁴, однако надо понимать, что стремление Мещерского при жизни издавать собственные дневники для широкой публики придавало этим записям специфический характер – это скорее форма художественно-публицистического произведения, чем дневник в начальном смысле слова. Впрочем, сравнение этих записей показывает, что они не идентичны, поскольку на страницах «Добряка», подвергнувшегося цензуре как периодическое издание, князь не счел возможным напечатать то, что было возможно напечатать в книге, а именно свои жалобы на свирепство цензуры, которые присутствуют в книжном издании, но вычеркнуты в журнальном. Главная причина провала, считает князь «в невозможности издавать то, что я задумал, политически сатирическое издание с карикатурами, под предварительной цензурой. Картинка готова, подпись сделана, есть соль: эту-то соль, трах, вычеркивают и выходит – ничего; а иногда так: картинка готова: херится картинка, не угодно ли сочинять и пускать второпях новую»⁵³⁵.

Объясняя же читателю причины фиаско издательского проекта на страницах самого «Добряка», редактор указывает только на недостаток кадров и невозможность восполнить его собственными силами – хорошие художники «разобраны между прежними изданиями, а новых нет; приходится довольствоваться посредственностями, а это не то»⁵³⁶, да и самого редактора «не хватает времени и головы на такого рода издание». Отмечая, что свои главные силы он посвящает «Гражданину» как делу своей жизни, Мещерский признает, что «сатирически-иллюстрированное издание только и может выходить сносным, когда даешь ему много времени и большой круг сотрудников»⁵³⁷.

С 32-го по 39-й номер «Добряк» выходит как сборник беллетристики, а в конце 38-го номера помещено объявление, что к сему номеру прилагается

⁵³⁴ Мещерский В. П. Дневники. СПб.: Типография М. Румша, 1883. С. 316–318.

⁵³⁵ Мещерский В. П. Дневники. СПб.: Типография М. Румша, 1883. С. 317.

⁵³⁶ Добряк. 1882. № 29. С. 1.

⁵³⁷ Там же.

первый выпуск альбома с картинами. Однако затем формат журнала снова меняется. Очевидно, издатель так и не смог определить точно путь выхода журнала из кризиса, пытаясь дотянуть до конца подписного года в метаниях и сомнениях. С 42-го по 47-й номер в журнале царит хаос: иллюстрации разных форматов и жанров – пейзажи, портреты, копии с пасторальных рисунков, зарисовка Суэцкого канала и несколько карикатур – сменяют друг друга в неясной логической последовательности и в сомнительной соотнесенности с текстовой частью журнала. С 47-го по 52-й номер журнал выходит без иллюстраций, и на 52-м номере прекращается⁵³⁸.

Идея иллюстрированного журнала вынашивалась князем давно – в письме государю Александру III в октябре 1882 г. он указывает на то, что уже год назад беседовал с графом Н. П. Игнатьевым о необходимости консервативного иллюстрированного издания «с участием лучших писателей и с картинами и с статьями строго консервативного направления, в подражание распространенному в баснословных размерах 75 000 подписчиков журналу «Нива», к стыду нашему в руках немецкого подданного»⁵³⁹. Хотя в дальнейших разъяснениях князя относительно этого проекта вырисовывается концепция, которая в корне отличается от первых номеров «Добряка»: «Мысль была такая: незаметно интересным чтением, хорошими рассказами, сильными и прочувствованными статьями, мало-помалу производить пропаганду порядка и заставлять людей привыкать к звукам консервативной речи так же охотно, как теперь они привыкают к звукам речи либеральной»⁵⁴⁰.

Очевидно, к мысли о журнале с «незаметной» идеей, т.е. журнале занимательном и внешне аполитичном, наподобие семейной «Нивы», князь пришел уже после первых опытов издания «Добряка», который, стремясь

---

⁵³⁸ Кругликова О. С. Иллюстрированный журнал кн. В. П. Мещерского «Добряк» в контексте развития консервативной журналистики второй половины XIX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 3. С. 132–151.

⁵³⁹ Мещерский В. П. Письма к императору Александру III, 1881–1894 // В. П. Мещерский. Переписка. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 14–15.

⁵⁴⁰ Там же. С. 15.

приблизиться к журналу А. Ф. Маркса форматом и богатством иллюстраций, в плане содержания имел характер задиристой и резкой политической сатиры, весьма далекой от сдержанного тона занимательного семейного чтения.

Первые номера «Добряка», вышедшего в свет в январе 1882 г., содержали множество резких политических выпадов против либеральной журналистики, едкие эпиграммы, нападки на Петербургскую городскую думу. Однако уже к октябрю 1882 г., т.е. к моменту написания указанного письма императору, журнал частично меняет свой характер, от памфлетов и эпиграмм переходит к беллетристике, а от политических карикатур – к зарисовкам городских гуляний, портретам, картинам, изображающим сцены семейной жизни.

Что послужило причиной изменения тона издания? Вероятно, принимаясь за новый издательский проект со свойственной ему импульсивностью и эксцентричностью, князь не сформировал вполне законченного замысла, издательской концепции. Мещерский, анализируя опыт издателей-современников, рассчитывал на укрепление рыночных позиций журнала «Гражданин» за счет иллюстрированного приложения.

Действительно, к концу 1870-х гг. иллюстрированные еженедельники завоевали симпатии довольно широкого пласта читателей: «суммарная аудитория иллюстрированных журналов составляла в конце 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в начале XX в. – порядка 500 тыс.»⁵⁴¹, но какова была эта аудитория? А. И. Рейтблат, характеризуя типичную аудиторию иллюстрированных еженедельников последней четверти XIX в. на основании данных подписки и воспоминаний современников, отмечает, что это был «“промежуточный” слой читательской публики, состоявший из “полуобразованных” читателей. Это были, как правило, мелкие и средние чиновники, сельские священники, купцы и мещане, провинциальная

---

⁵⁴¹ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 102.

интеллигенция»⁵⁴², и их читательская практика предполагала, в том числе, выписывание журнала как дань моде, для маркирования своей принадлежности к образованному классу, а соприкосновение с журналом сводилось к проглядыванию картинок, иногда и вовсе без чтения текстов. К этой невзыскательной публике, желавшей «сенсационности, интересности, завлекательности получаемой информации»⁵⁴³ со стороны издателей требовался определенный подход, и этот подход не предполагал обращения к политической сатире, тем более сатире такого плана, как использовал Мещерский. Характеристики целевой аудитории зададут своеобразное направление развития иллюстрированного еженедельника как типа издания, и на рубеже XIX-XX вв. явят примеры эклектичного гибридного формата иллюстрированной прессы⁵⁴⁴.

Полуграмотный читатель не разбирался в тонкостях взаимоотношений журналистов элитарной петербургской прессы, не размышлял о кознях Бисмарка, не прочитывал тонкие аллюзии на прессу прошлого века. Такое содержание ясно показывало, что «Добряк» адресуется образованному читателю. В этой аудитории издание Мещерского, направленное на высмеивание и критику либеральных взглядов, не могло рассчитывать на коммерческий успех, и в этом отношении повторяло судьбу всех журналистских проектов консервативного лагеря. Либерально-демократические идеи были господствующим направлением мысли образованного общества пореформенной эпохи, поэтому надежды Мещерского на оживление интереса к консервативному «Гражданину» за счет сатирического приложения с самого начала были утопическими – журнал, призванный высмеивать либерализм образованных классов, не мог быть популярным среди тех, кого выбирал мишенью своих насмешек.

---

⁵⁴² Там же. С. 101.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Кругликова О. С., Силантьев К. В. «Еженедельник «Жизнь и суд» (1911–1917 г.) в контексте типологических трансформаций прессы начала XX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 5. С. 115–138.

Несомненно, и цензурные реалии времени также не способствовали успеху «Добряка». Время для политической карикатуры, пусть даже и консервативного направления, было совсем не благоприятным: шаткое положение нового государя в первые годы царствования заставляло искать трудно обретаемый баланс между твердостью в борьбе с радикальными террористическими партиями и необходимостью не раздражать умеренно-либеральные общественные группы, по возможности, превратив их в своих союзников. Поэтому праворадикальные заявления Мещерского были с точки зрения цензуры в это время столь же неуместны, как и выступления леворадикальной печати, и часть подготовленных материалов номера то и дело оказывалась под запретом.

Суммарно все перечисленные факторы приводили к тому, что «Добряк» за год своего выхода в свет не продемонстрировал ясно выраженной издательской концепции, колеблясь между острой сатирой и безобидной развлекательностью нейтрального в политическом отношении иллюстрированного журнала, и в итоге не завоевал симпатий публики. Однако, несмотря на коммерческий провал иллюстрированного приложения, новый «Гражданин» ознаменовал собой совершенно особый этап в деятельности князя Мещерского.

Начав свой выход после воцарения Александра III, журнал обрел особенно важное значение в картине русской журналистики после возвращения издателю личного расположения императора. В 1883 г. Мещерский был через Победоносцева приглашен во дворец, и десятилетнее его отлучение от особы Александра Александровича завершилось дружеской встречей. Не ограничиваемый более давлением со стороны отца и его приближенных, Александр III на этот раз не отказал другу юности в финансовой помощи его изданию. «Гражданин» стал получать субсидию, сначала довольно умеренную, около 3 000 рублей в год, а после 1887 г., когда Мещерскому удалось добиться преобразования своего еженедельника в ежедневную газету, субсидия могла достигать 100 000 рублей в год.

Необходимо отметить, что относительно точной суммы субсидии указания как современников, так и историков, сильно разнятся между собой, так что утверждать доподлинно, сколько именно выделялось на поддержку «Гражданина», трудно. Наиболее широкий круг различных версий приводит А. В. Кайль⁵⁴⁵.

Такая «щедрая поддержка стала возможной не только благодаря расположению императора, но и содействию выдвиненцев Мещерского – Вышнеградского и Дурново»⁵⁴⁶. Говоря о «выдвиненцах» Мещерского, следует пояснить, что одновременно с возвращением расположения императора, вернул свое былое влияние и салон князя, собиравшийся в его доме в Гродненском тупике. С конца 1880-х гг. источником политического влияния Мещерского была не популярность (весьма сомнительная) его издания, а умелое владение оружием придворной интриги для продвижения своих единомышленников на государственные посты. «Кто из влиятельных петербургских чиновников, министров и придворных не знает Гродненского тупика», – иронизировала по этому поводу газета «Вечернее время»⁵⁴⁷. Да, путь многих знаменитых политиков того времени к власти лежал через эти «среды», на которых, проявив близкие хозяину салона политические взгляды, можно было заручиться поддержкой для дальнейшего продвижения по службе. При этом необходимо отметить, что патронат Мещерского был вполне бескорыстен, он использовал свои широкие родственные связи и влияние при дворе для замещения государственных должностей своими ставленниками не потому, что сам надеялся таким образом обогатиться или продвинуться по службе. Объясняя отказ Мещерского занять предложенное ему место министра народного просвещения, исследователь его придворной жизни М. М. Леонов делает обоснованное предположение, что «ему

---

⁵⁴⁵ Кайль А. В. «Гражданин» князя В. П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8–15.

⁵⁴⁶ Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005. С. 54.

⁵⁴⁷ Вечернее время. 1914. № 812.

психологически претила бюрократическая деятельность»⁵⁴⁸, так что мотивы князя, скорее всего, не были связаны с личными карьерными амбициями.

В 1880 г. в одной из статей сборника «В улику времени» Мещерский так рисует свое видение нужд России: «России нужно то, что всего более и её Царю нужно: политически нравственные и честные слуги, и больше ей ничего не нужно. С честными слугами Россия может быть терпелива, счастлива и могуча без реформ, а с бесчестными слугами всякая реформа послужит только ко вреду России и к усилению беспорядков»⁵⁴⁹. Эта идея многократно в разной форме встречается в публицистике Мещерского: главная проблема России – это безлюдье, недостаток глубоких и серьезных государственных людей. Мещерского всегда раздражал разговор о новых общественных институтах как способе спасти положение, он понимал, что дело не в устройстве того или иного нового учреждения, а в том, что любое учреждение состоит из людей, которые в случае своей безнравственности или необразованности извратят и обратят во вред любое, самое благородное учреждение.

Качества, которыми должен обладать истинный государственный человек, Мещерский также исчерпывающе характеризует в своих публицистических выступлениях: «Быть всегда сыном своей страны не по получаемому от неё жалованию, и не телом только, а духом, не уметь иначе мыслить как, с своею страной, безраздельно, чувствовать себя для неё существующим, а не её для себя, представлять себя живо и постоянно перед Главою этой страны, и не уметь себе Главу страны представлять отдельно от страны и народа, сознавать свою невидимую ответственность перед совестью и судом народа всякий раз, когда стоишь перед Престолом, и не ведать ни уступок долгу, ни сделок со своею совестью...»⁵⁵⁰. Все, кому удавалось

---

⁵⁴⁸ Леонов М. М. В. П. Мещерский: русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. С. 11.

⁵⁴⁹ Мещерский В. П. Письмо к одному из наших Питтов // В улику времени. СПб., 1880. С. 298.

⁵⁵⁰ Там же. С. 295.

предстать в глазах князя человеком хотя бы в некоторой степени соответствующим этим высоким требованиям, могли рассчитывать на поддержку князя в придворных кругах и его всестороннюю протекцию.

В этом стремлении продвинуть своих выдвиненцев на вакантные должности Мещерский вступает в острый конфликт с некогда покровительствовавшим его Победоносцевым. Причем «за их столкновениями по поводу замещения административных должностей кроются не только устремления продвинуть свою креатуру, но и принципиальные расхождения. В подборе кандидатов на должности нетрудно увидеть глубокое различие отстаиваемых ими моделей государственного управления»⁵⁵¹. Понимание этого конфликта важно для осмысления эволюции русского консерватизма в целом.

Для многих консерваторов, видевших в самодержавии исторически обоснованную форму власти, порожденную прямым волеизъявлением народа и с этим народом тесно связанную, было характерно восприятие бюрократии как опасного средостения между царем и народом, что приводило к тому, что консервативные органы печати (издания Каткова, Аксакова и др.) активно выступали с критикой высшего чиновничества. У Мещерского, в этот период своей деятельности полагавшего себя свободным от преследований цензуры благодаря патронату государя, критика эта порой доходила до «откровенных издевательств над бюрократизацией российских министерств»⁵⁵². «Гражданин» громил петербургскую бюрократию на все лады, а Мещерский, в конце 1880-х гг. все более склоняясь к концепции русского единодержавия, родственной идеям Ю. Ф. Самарина о «народной монархии», стал считать главной опасностью для государства всесилье бюрократической машины и растущий формализм, «казенность» присвоенной бюрократией консервативной философии. Идейная подоплека конфликта между князем и

---

⁵⁵¹ Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005. С. 7–84.

⁵⁵² Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 300.

Победоносцевым, бывшим в глазах Мещерского живым воплощением, символом бюрократии и казенного «бюрократического» консерватизма, заключалась именно в том, что издатель «Гражданина» опасался смерти живой и независимой консервативной идеи под гнетом мертвящего формализма её чиновных апологетов⁵⁵³. Поэтому, если выдвигенцы Победоносцева были профессиональными бюрократами, личность и взгляды которых сложились в недрах чиновной машины, то креатуры Мещерского – темпераментные харизматики, убежденные, что здравый смысл выше формальных правил⁵⁵⁴.

Особую остроту этому конфликту придавала борьба вокруг поста издателя «Московских ведомостей» после смерти М. Н. Каткова. Мещерский изо всех сил противоборствовал кандидатуре, поддерживавшейся Победоносцевым и его ставленником, главой цензурного ведомства Е. М. Феокистовым. Князь опасался, что всецело подконтрольные Феокистову и Победоносцеву «Московские ведомости» станут орудием публицистической борьбы против возрождаемого им в новом формате «Гражданина», и уговаривал государя не отдавать газету протезируемому Победоносцевым С. А. Петровскому.

Следует отметить тот факт, что скандальная тема, связанная с обвинением князя Мещерского в мужеложестве, впервые появилась и начала активно муссироваться в обществе именно во время острой конкурентной борьбы вокруг «Московских ведомостей», причем источником этих слухов и самым активным их распространителем, по утверждению самого Мещерского, был Е. М. Феокистов.

Многие исследователи жизни и творчества Мещерского отмечают, что активизация в обществе и в прессе скабрёзных намеков на нетрадиционные

---

⁵⁵³ Дронов И. Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В. П. Мещерского (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁵⁵⁴ Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005. С. 54–57.

предпочтения князя всегда сопровождала те или иные политические конфликты или придворные интриги, в которых он был задействован⁵⁵⁵, разумеется, с целью его дискредитировать. Для политических оппонентов князя этот аргумент был беспроблемным, несмотря на то, что высшее русское общество XIX в. относилось к сексуальным девиациям в целом весьма терпимо и не агрессивно, но именно в отношении Мещерского это обвинение приобретало особый смысл, т.к. содомит, ратующий за незыблемость православия и охотно морализирующий на темы семейных ценностей, представлялся человеком по определению двуличным и не заслуживающим доверия. Поэтому спекуляции вокруг морального облика князя на долгие годы станут эффективным инструментом политической борьбы с ним. Оставляя за скобками до сих пор являющийся спорным вопрос об обоснованности этих обвинений, отметим лишь, что, возможно, именно конфликт вокруг «Московских ведомостей» и в целом конфликт с окружением Победоносцева был отправной точкой для дальнейшей травли Мещерского как «гражданина Гоморры»⁵⁵⁶.

После того как в 1881 г. не стало Ф. М. Достоевского, в 1886 г. – И. С. Аксакова, а годом позже – М. Н. Каткова и Н. П. Гилярова-Платонова, Мещерский остался единственным крупным представителем консервативной идеи на издательском рынке. Опираясь на исключительность своего положения, он испросил у государя права трансформировать свой еженедельник в ежедневную газету и получил на это преобразование дополнительную субсидию.

---

⁵⁵⁵ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 222–251; Черникова Н. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 9.

⁵⁵⁶ Одна из самых знаменитых эпиграмм на князя В. П. Мещерского, принадлежавшая перу Вл. Соловьева, содержала строчку «Содома князь и гражданин Гоморры».

Победа в борьбе за идейное влияние на императора осталась за Мещерским, политическое влияние Победоносцева шло к закату. Пессимизм, свойственный натуре обер-прокурора, отличавшегося изумительной тонкостью критичного ума, но неспособного к положительной, созидательной деятельности, угнетающе действовал на императора и парализовал административные инициативы самого Победоносцева. Царю нужна была не печальная констатация несправимости человечества, а программа действий, стратегия развития государства, план конкретных мер, и оптимистическая вера в их осуществимость и возможность успеха, вера, без которой невозможно было деятельное царствование. Это всегда было наготове у неутомимого Мещерского – новые планы (порой весьма сомнительные), новые люди, убежденность в великом будущем страны и жажда деятельности. Победоносцев, в начале царствования бывший незаменимым, выполнил свою функцию, как выразился К. Леонтьев «подмораживания гниющего», но вырастить живое не мог, и оказался более не нужен. Апогея своего влияния Мещерский достигнет в 1892 г., когда «ни одно из крупных назначений года не обошлось без веского слова издателя «Гражданина»»⁵⁵⁷.

Вопрос о степени популярности газеты в этот период остается открытым. Если обращаться исключительно к цифрам тиража, то напрашивается вывод о том, что издание Мещерского не было популярно – в апогее своего влияния, в начале 1890-х гг. издание имело около 5000 подписчиков и не более 1000 номеров реализации в розничной продаже. В начале XX в. тираж его не превышал 2000 экземпляров. Но при этом «Гражданин», несомненно, находился в самом центре журнальной жизни и полемики, содержание его было хорошо известно образованному читателю. Интересные наблюдения делает в этом отношении исследователь М. М. Леонов, обратившийся к архивным данным библиотек. «Гражданин»

---

⁵⁵⁷ Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005. С. 57.

обладал едва ли не рекордным показателем запросов со стороны читателей. Для людей размытой общественно-политической позиции, которые порой сочувственно относились к некоторым идеям «Гражданина», иметь у себя номер газеты Мещерского или тем более квитанцию подписки было нежелательно, так как такое проявление интереса к консервативному изданию было «не комильфо» с точки зрения общественной моды, могло вызвать насмешливые взгляды представителей партии прогресса. Либерально настроенная читающая публика не желала способствовать материальному успеху «Гражданина», оформляя подписку или приобретая его в розницу, но желала ознакомиться с его содержанием, чтобы «знать противника в лицо». Так что «Гражданин» при формально низком тираже обладал довольно широкой читательской аудиторией, пополнявшейся за счет абонентов библиотек.

Новый период в творческой деятельности Мещерского наступает со смертью его царственного покровителя. Николай II в начале своего царствования был настроен к Мещерскому неприязненно и, хотя и не решился немедленно по воцарении прекратить субсидию «Гражданину», что было бы жестом, слишком явно идущим в разрез с политикой почившего отца, все-таки предупредил князя, что материальное вспомоществование изданию выдается в последний раз⁵⁵⁸. Лишившись поддержки, князь вынужден был с 1895 г. отказаться от идеи издания ежедневной газеты и выпускать «Гражданин» дважды в неделю.

Однако с 1902 г. в очередной раз начинается процесс сближения князя с двором и государем, Николай II меняет гнев на милость, и, возвратив журналу субсидию, хотя и в гораздо меньшем размере (по разным источникам от 18 000 до 24 000 руб. в год⁵⁵⁹), выражает в личной переписке сочувствие

---

⁵⁵⁸ Кайль А. В. «Гражданин» князя В. П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 13.

⁵⁵⁹ Кайль А. В. «Гражданин» князя В. П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8–15; Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005. С. 7–84.

многим идеям князя, а со временем и переходит с ним на «ты». Князь приобрел колоссальное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Николая II. Одним из ведущих мотивов в публицистике князя в этот период и особенно накануне Первой мировой войны становится требование невмешательства России с дела Балканских славян и дальнейшее развенчание мифа общеславянского единения. «Гражданин» с 1911 г. стал еженедельником и выходил до самой смерти князя в 1914 г., продолжая и в период революции 1905 г. последовательно отстаивать незыблемость монархической идеи и те основные принципы, которые сформировались в системе политических взглядов Мещерского в 1870–80-е гг.

§ 2.4 Коммуникативные практики Ф. М. Достоевского: между журнализмом и проповедничеством

Вопрос о соотношении в писательской манере Достоевского элементов публицистики, журнализма и художественного литературного творчества остается открытым и широко дискутируется⁵⁶⁰. Дискуссию эту начали уже современники Достоевского. Либерально-демократическая печать 1870–80-х гг., как столичная, так и провинциальная, была единодушна в оценке Достоевского как хорошего писателя, но второсортного мыслителя и посредственного публициста⁵⁶¹, в то время как К. Н. Леонтьев, например, полагал что «Дневник писателя» имеет бóльшую ценность чем все романы Достоевского, а Н. Н. Страхов, желая описать творческую биографию Федора Михайловича, с самого начала сосредоточил свое внимание именно на его

---

⁵⁶⁰ Прохоров Г. С. Повествовательная структура «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (постановка вопроса) // Новый филологический вестник. 2010. Т. 15. № 4. С. 5–14.

⁵⁶¹ Волгин И. Л. Достоевский – журналист: («Дневник писателя» и русская общественность). М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 29–35.

журналистской деятельности: «всего удобнее мне начать свои воспоминания именно с указания на его журналистику»⁵⁶². В дальнейшем Страхов подчеркивал, что Достоевский был «вполне журналист... с молодости был воспитан на журналистике и остался ей верен до конца»⁵⁶³.

Говоря о том, что Достоевский «был воспитан на журналистике», Страхов подмечает черту, характерную для идейного становления отнюдь не только Достоевского, но и целого поколения русского образованного общества. В духе идейного наследия 1840-х годов поколение Достоевского в молодости еще верило в журналистику как общественное служение, в силу публичного слова, воспринимаемого как подвиг. Во второй половине века под влиянием коммерциализации и стремления к массовости журналистика изменилась, изменился и её читатель, что, разумеется, не ускользнуло от зоркого взгляда писателя, щедро дававшего весьма ироничные и едкие характеристики многим деятелям современной ему прессы. Однако, несмотря на это, он всегда считал важным делом журналистское творчество – «выступая в публику и в литературную сферу, он выходил на базар, на площадь, и нимало не думал стыдиться ни своего ремесла, ни своих собратий по ремеслу»⁵⁶⁴. Достоевский всегда стремился к прямому высказыванию на злобу дня.

Философская и политическая концепция Достоевского выражена преимущественно в художественных произведениях, т.е. опосредованно, через сюжет, через слова, поступки и оценки его героев. Мы можем судить о собственной позиции автора лишь по его отношению к персонажам, являющимся носителями той ли иной системы взглядов, причем отношение его выражено зачастую символично и образно, так что, по выражению М. Бахтина, «голос Достоевского для одних исследователей сливается с голосами тех или иных из его героев, для других является своеобразным

---

⁵⁶² Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 375.

⁵⁶³ Там же. С. 531.

⁵⁶⁴ Там же. С. 523.

синтезом всех этих идеологических голосов, для третьих, наконец, он просто заглушается ими»⁵⁶⁵. Это всегда тревожило самого писателя.

В одном из писем К. П. Победоносцеву, написанных в период работы над романом «Братья Карамазовы», Достоевский раскрывает свой замысел выразить положительную идею, которая давала бы ответы на вопросы, поставленные оппонентами Достоевского и вложенные им в уста его литературного героя, Ивана Карамазова. В образе Ивана писатель умышленно в концентрированной форме воплощает черты того движения, которому желал бы противостоять, но не стремится упростить этот образ до собрания негативных черт, напротив, он рисует читателям Ивана во всей его кажущейся правоте и обаятельной притягательности. Именно поэтому главная тревога писателя состоит в том, будет ли положительная идея, выраженная в образе Алеши Карамазова, «достаточным ответом», поскольку ответ этот «не прямой, не на положения прежде выраженные (в «Великом» инквизиторе» и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо противоположное выше выраженному мировоззрению, – но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, то есть буду ли понятен и достигну ли хоть каплю цели. А тут вдобавок еще обязанности художественности: потребовалось представить фигуру скромную и величественную, между тем жизнь полна комизма и только величественна лишь в внутреннем смысле ее, так что поневоле из-за художественных требований принужден был в биографии моего инока коснуться и самых пошловатых сторон, чтоб не повредить художественному реализму»⁵⁶⁶. «Буду ли понят» – вечный трепет Достоевского-писателя, который и породил стремление его к журнализму.

---

⁵⁶⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. С. 29.

⁵⁶⁶ Достоевский Ф. М. Письма. 217. К. П. Победоносцеву. 24 августа (5 сентября) 1879. Эмс // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 593–595.

Желание обратиться к читателю напрямую, говорить без обиняков о текущих событиях всегда владело Достоевским. «Вечные вопросы» для него не существовали в отрыве от повседневности, повседневность была их живым и непосредственным выражением, так что в современной ему журналистике Достоевский решился на неоднозначный шаг – «рискнул на проповедь»⁵⁶⁷. Он стремился сформировать принципиально новый подход к журналистике: примиряющий вечное и скоротечное, балансирующий на тонкой грани между дружеской беседой и святоотеческой проповедью, принимающий журнализм как духовный подвиг и одновременно не отрицающий всех рутинных сторон его современного существования, его упрощенности, провокативности, сенсационности, требовавший, по выражению Страхова умения «соединять важность мысли с простотою и легкостью болтовни»⁵⁶⁸.

«Журнализм был идеальным творческим устремлением Достоевского»⁵⁶⁹, но секрет популярности его публицистических выступлений заключался в том, что он, в отличие от Гоголя и Толстого, избегал «недвусмысленных нравственных императивов»⁵⁷⁰, не брал менторского тона отстраненного морализаторства, всегда призывал читателя к совместному размышлению. Интимный тон публицистики Достоевского исключал обличительный пафос обращений к читателю; автор, анализируя пороки современного ему общества, не отделял от этого общества себя самого. Не случайно, что, даже рассматривая причины такого страшного явления, как нечаевщина, Достоевский пишет: «позвольте мне про себя

---

⁵⁶⁷ Захаров В. Н. Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 21.

⁵⁶⁸ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. С. 501.

⁵⁶⁹ Захаров В. Н. Предисловие // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 16.

⁵⁷⁰ Волгин И. Л. Дневник писателя как мирозозидающий проект // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 38.

одного сказать: *Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности»⁵⁷¹. Такое исповедальное признание являлось для Достоевского непременным условием дальнейшего искреннего разговора с читателем о причинах общих пороков: «Я заговорил теперь про себя, чтоб иметь право говорить о других»⁵⁷².

При этом Достоевский умышленно придерживался фельетонной манеры изложения, по выражению Н. Н. Страхова «иногда даже насилывал себя, стараясь быть борзописцем и фельетонистом ради принесения общей пользы»⁵⁷³. Это свойство его публицистики проистекало напрямую из понимания Достоевским задачи журналистики именно как влияния на читателя; в его представлении важно было не высказывание как таковое, а тот результат, который оно имело, тот нравственный переворот, который должно было это соприкосновение осуществить в читателе. И чтобы влиять на читателя, надо было быть занимательным и популярным, поэтому несколько высокомерной незаботливости славянофилов об успехе в массе читателей Достоевский никогда не разделял. Это стремление к популярности отразилось уже в первых издательских проектах писателя – журналах «Время» и «Эпоха».

Журнал «Время», начавший выходить в 1861 г., знаменовал собой формирование нового направления русской общественной мысли – почвенничества. В объявлении о подписке на журнал, издание которого было совместным делом братьев Достоевских, но идейное руководство осуществлялось Федором Михайловичем, значилось: «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом... Но теперь разъединение заканчивается. Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла до последних своих

---

⁵⁷¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 194–195

⁵⁷² Там же. С. 195

⁵⁷³ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. С. 419.

пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги; она вся пройдена. Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами... Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых, выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных»⁵⁷⁴.

Журналу, провозгласившему «примирение цивилизации с народным началом»⁵⁷⁵, удалось привлечь к себе интерес достаточно большого числа подписчиков и собрать перспективный круг талантливых авторов, в число которых входили Н. Н. Страхов, А. Майков, Плещеев, Порецкий, Я. Полонский и др. Эпизодически публиковались на страницах журнала И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Н. А. Островский.

Организаторские таланты Михаила Михайловича обеспечили изданию финансовый успех, а бойкое перо Федора Михайловича, охотно бравшегося не только за серьезные статьи, но и за фельетоны, —занимательность разнообразного чтения. «Время» стремилось к обсуждению наиболее актуальных вопросов современности, в числе которых были проблемы экономики, живо интересовавшие Федора Михайловича.

Экономическая тематика в журнале «Время» разрабатывалась интенсивно, это вообще было данью общей тенденции в русской журналистике того времени — в эпоху Великих реформ вопрос о путях экономического развития страны был крайне актуальным и анализ различных экономических теорий представлялся «горячей» темой для прессы. В течение 1861 г. журнал поместил несколько публикаций экономиста И. Н. Шилля о проблемах развития банковского дела и анонимную рецензию на книгу немецкого экономиста Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего». Автор рецензии весьма сочувственно размышлял о

---

⁵⁷⁴ Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 г. // Громова Н. А. Достоевский. Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов. М.: Аграф, 2000. С. 68.

⁵⁷⁵ Там же.

выводах Гильдебранда относительно невозможности строить экономические модели, отталкиваясь как от исходного постулата от утверждения абсолютной ценности личной выгоды, от стремления человека к наживе как единственной мотивации предпринимательства. Автор рецензии разделяет с автором рецензируемого труда мнение о том, что нравственная природа человека должна учитываться как важнейший фактор в экономических моделях, что вопросы этики и религиозные ориентиры не вовсе чужды вопросам экономическим. В журнале Достоевских «современная экономическая наука предстает как поле борьбы двух учений – учения о «выгоде» и учения о «совести»⁵⁷⁶, и такая позиция роднила экономические воззрения авторов «Времени» с позицией других консерваторов, например Гилярова-Платонова, отдельной сферой творчества которого была разработка идеи о нравственных началах экономики.

Журнал имел успех, уже после первого года издания Михаилу Михайловичу удалось сделать его прибыльным: цифры подписчиков, коих было более двух тысяч, обнадеживали. В течение 1862 г. в журнале печатались «Записки из мертвого дома», вызвавшие большой резонанс и добавившие популярности журналу, сам их автор впоследствии писал: «Мой “Мертвый дом” сделал буквально фурор, я возобновил им свою литературную репутацию»⁵⁷⁷. В 1863 г., откликнувшись на разразившееся восстание в Польше спорной по содержанию и не весьма удачной по композиции статьей Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», журнал подвергся цензурному преследованию и был закрыт.

Издатели оказались в сложной финансовой ситуации – необходимость расчёта с подписчиками побуждала к возобновлению издания, хотя многие обстоятельства тому не способствовали: цензура относилась к заменившему

---

⁵⁷⁶ Новикова Е. Г. Экономическая проблематика публицистики Достоевского // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 64.

⁵⁷⁷ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. С. 478.

«Время» журналу «Эпоха» с предвзятостью, Федор Михайлович, отвлеченный своей семейной драмой – болезнью жены – не мог ничего написать для первых номеров нового издания, остальные авторы прежнего издания по выражению Страхова «были в каком-то разброде», так что первые номера получились «неопрятными»⁵⁷⁸. Это не способствовало увеличению подписки, с объявлением о которой и без того запоздали из-за ожидания цензурного разрешения. Хлопоты о новом журнале, необходимость объясняться с кредиторами и прочие тревожения тяжело отразились на здоровье Михаила Михайловича, и в июле 1864 г. его не стало. Приняв на себя все заботы о ведении редакционных дел, Федор Михайлович уже не находил в себе сил для собственного творчества, и это стало одной из причин непопулярности и в конечном итоге прекращения журнала: «при этой каторжной работе, – писал Достоевский, – я сам не мог написать и напечатать в журнале ни строчки своего. Моего имени не встречала публика, и даже в Петербурге, не только в провинции, не знали, что я редактирую журнал»⁵⁷⁹.

После неизбежного краха «Эпохи» в 1865 г. для Достоевского начался длительный «романный» период. Необходимость выбираться из долгов, оставшихся после первого журналистского опыта, нестабильность всех обстоятельств частной жизни и напряженные духовные искания не оставляли в жизни писателя места для журнализма, хотя его ни на минуту не покидали мысли о возможности выступить с новым периодическим изданием⁵⁸⁰.

Такая возможность представилась в 1872 г., когда издатель журнала-газеты «Гражданин» В. П. Мещерский предложил ему место официального редактора на жаловании в его издании. Отношения редактора и издателя имели к этому моменту определенную предысторию. Знакомство Мещерского и Достоевского состоялось благодаря кругу общих знакомых в

---

⁵⁷⁸ Там же. С. 470–472.

⁵⁷⁹ Там же. С. 482.

⁵⁸⁰ Викторovich В. А. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 134.

1871 г., после возвращения писателя из-за границы. Уже в ближайшее время Мещерский предпринял попытку посодействовать писателю в том, чтобы тот смог выбраться из тяжелейшей долговой зависимости, обратившись к наследнику престола за денежной помощью.

Князь, пользуясь личным расположением Александра Александровича, не только передал ему письмо Достоевского с просьбой о займе, но и подкрепил обращение писателя собственной горячей просьбой не остаться равнодушным к этому «крику отчаяния... лучшего писателя нашего времени в России»⁵⁸¹. Цесаревич не отказал писателю в помощи⁵⁸², так что посредничество князя оказалось успешным и во многом спасительным для Достоевского в трудных обстоятельствах. В дальнейшем взаимная симпатия окрепнет благодаря общему кругу друзей: на «средах» у Мещерского Достоевский встречался с К. П. Победоносцевым, Т. И. Филипповым, Н. Н. Страховым и др. Единство взглядов на многие проблемы литературы, искусства, политики, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте, укрепит дружеские отношения великого писателя и начинающего публициста, вчерашнего чиновника.

Для Мещерского необходимость передать в надежные руки организационную работу по журналу была вызвана тем, что первоначально принявший на себя этот труд Г. К. Градовский постепенно разошелся во взглядах с постепенно утверждавшимся в своих консервативных убеждениях Мещерским, и умолял поэтому освободить его от редакторства. Со стороны же Достоевского главной причиной, побудившей его принять предложение Мещерского, было стремление вступить в журнальную полемику с критиками выходившего частями в «Русском вестнике» романа «Бесы». Роман был встречен читателями холодно и даже враждебно, репутация

---

⁵⁸¹ Мещерский В. П., Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 419.

⁵⁸² Панюкова Т. В. "ЖИЗНЬ глядит свѣтлѣе...": Отношения В. П. Мещерского и Ф. М. Достоевского в контексте их переписки // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 19.

умеренно-либерального писателя, которой до этого пользовался Достоевский как автор «Бедных людей» и политический заключенный по делу петрашевцев, была разрушена яростной критикой социализма, отчетливо прозвучавшей в «Бесах».

Необходимость продолжить диалог со своими оппонентами в форме более прямого и ясного публицистического высказывания влечет Достоевского к журналу, поэтому не случайно, что «прошение о редакторстве» подано было им в тот самый день (15 декабря 1872 г.), когда вышел «Русский вестник» с окончанием романа «Бесы»⁵⁸³. Мещерский со своей стороны надеялся на то, что растущая популярность Достоевского подтолкнет вяло идущую подписку на приобретающий все более консервативные позиции журнал, хотя, по словам самого князя, Федор Михайлович предостерегал его от слишком радужных ожиданий, призывая «не предавайтесь иллюзиям, – мое имя вам ничего не принесет: ненависть к “Гражданину” сильнее моей популярности...»⁵⁸⁴.

Этот момент следует отметить как симптоматичный для формирования коммуникативной стратегии Достоевского в дальнейшем – и он сам, и его издатель ясно понимают, что писатель вынужден уравнивать за счет личной популярности и авторитета в глазах читателей заранее известную непопулярность тех идей, которые собирается транслировать. Несмотря на то, что Достоевский выражал сомнения в том, что его личный кредит доверия у читающей публики перевесит ее неприязнь к консервативным идеям, он взялся за дело с самоотвержением.

Уже в феврале 1873 г. в письме к М. М. Погодину Достоевский констатирует, что «“Гражданин” пошел недурно, но лишь относительно недурно. Подписчиков 1800, то есть уже более прошлогоднего, а между тем подписка всё еще не прекращается и течет в известном порядке... отдельная

---

⁵⁸³ Там же. С. 131

⁵⁸⁴ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 382.

же распродажа номеров упятерилась (если не более) против прошлого года»⁵⁸⁵ и отмечает, что «надо бы войти в систему и в порядок; теперь же чувствую, этого недостает. Новое дело, и отчаиваюсь, что для него не способен»⁵⁸⁶. Безусловно, редакторские обязанности не были для Достоевского в полной мере новым делом – за плечами у него был существенный опыт журнальной работы, так что новизна предпринятого редакторства заключалась, видимо, именно в непривычной для него высокой периодичности выхода, поскольку писателю впервые пришлось иметь дело с еженедельником.

Установить столь желавшуюся Достоевскому системность и порядок в ведении редакции «Гражданина» писателю не вполне удалось, о чем свидетельствуют и довольно обширная переписка его с князем Мещерским, и воспоминания метранпажа типографии, в которой печатался журнал, М. А. Александрова, зафиксировавшего многочисленные интересные подробности технической и организационной стороны работы журнала. Александров отмечает, что «Федор Михайлович с усиливавшимся упорством преследовал принятое им на себя трудное дело приведения “Гражданина” к общепринятым литературным формам, которые этот журнал до него игнорировал»⁵⁸⁷. В журнале Мещерского, по выражению метранпажа, было много «претензий на оригинальность и эксцентричность»⁵⁸⁸, к числу которых относился и заявленный формат «газета-журнал», и непривычный для русской журналистики этого времени и неудобный для типографии срок выхода в свет («Гражданин» являлся в понедельник, хотя воскресенье было нерабочим днем и подготовка понедельничного издания представляла особую трудность), и резкий эпатажный тон многих публикаций издателя. А главное особенностью «Гражданина» было то, что «по раз заведенному порядку

---

⁵⁸⁵ Достоевский Ф. М.. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989–1996. Т. 15. С. 497.

⁵⁸⁶ Там же.

⁵⁸⁷ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 гг. // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 265.

⁵⁸⁸ Там же.

никогда почти в нем ничего не делалось; сначала это происходило оттого, что издатель не желал стеснять себя какими бы то ни было правилами, а потом оттого, что у журнала очутилось двое хозяев»⁵⁸⁹.

Как вспоминает А. Г. Достоевская, «на первых порах редактирования “Гражданина” Федора Михайловича очень заинтересовали новизна его редакторских обязанностей и та масса самых разнообразных типов, с которыми ему приходилось встречаться в редакции»,⁵⁹⁰ хотя спешная редакторская работа в еженедельнике часто казалась ему рутинной, и отнимала время и силы от создания собственных статей. «Перечитывать статьи берет огромное время...», – сетовал Достоевский в одном из писем М. М. Погодину, – «бездна тем, о которых хотелось бы самому писать. Думаю и komponую статью нервно до болезни; принимаюсь писать и, о ужас, в четверг замечаю, что не могу кончить. Между тем отрезать ничего не хочу. И вот бросаю начатое, и поскорей, чтоб поспеть... схватываюсь за новую какую-нибудь статью и пишу, чтоб поспеть в сутки, ибо в пятницу ночью у нас прием статей кончается»⁵⁹¹. Измучавшись организационной работой и журнальной спешкой, Федор Михайлович обратился к издателю с просьбой ввести в редакции должность секретаря, которую занял В. Ф. Пуцыкович, впоследствии возглавивший издание.

Достоевский пытался нивелировать многие эксцентричности князя, если не в организационном, то, по крайней мере, в содержательном отношении. Иногда мелкие разногласия обретали самые безобидные формы – например, внося не оговоренные прежде правки в уже многократно согласованный текст объявления о подписке, Мещерский предельно мягко, в покаянном тоне сообщал об этом редактору: «Вчера отправляя объявление согрешил на небо и пред Вами, вставив 3 строки: вспомнив, что и Вы сказали о том, что в объявлении недостает указания на нашу главную цель: “русская

---

⁵⁸⁹ Там же. С. 264.

⁵⁹⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 259

⁵⁹¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989–1996. Т. 15. С. 496.

жизнь”, пробел показался значительный и рука не вздрогнула эти 3 строки прибавить»⁵⁹². Но бывали и более серьезные споры. В письме М. М. Погодину один из деятельных авторов журнала, Т. И. Филиппов, пишет, что, стремясь сколько возможно помочь привести дела «Гражданина» в порядок, он прежде всего «неоднократно прекращал возникавшие между Мещерским и Достоевским недоумения»⁵⁹³.

Склонный к резкой полемике, Мещерский легко оскорблялся выпадами либеральной прессы в адрес журнала. По поводу одного из таких эпизодов, связанного с публикацией в «Санкт-Петербургских ведомостях» критики в адрес «Гражданина» между издателем и редактором произошла небольшая размолвка. В начале ноября 1873 г. Достоевский пишет Мещерскому: «Любезнейший Князь, Ваш ответ С. П. Ведомостям очень мило и дельно написан, но резок, заносчив, (хочет ссоры) и – может быть тон не тот. Вместо насмешливого тона не лучше ли спокойный, ясный? Я именно так думаю: больше будет достоинства. А потому и посылаю Вам мой ответ... Я очень бы желал, чтоб Вы согласились на мою редакцию...»⁵⁹⁴. В постскриптуме Достоевский, видимо, предполагая, что князь станет упорствовать, добавляет: «Ведомости нас целый год почти не трогали. Обойдемся на первый случай как можно мягче, потом все-таки можно будет ответить»⁵⁹⁵. Мещерский отвечал, что позиция Достоевского «наивна и добродушна», и подчеркивал: «не понимаю, признаюсь, Вашей деликатности по отношению в подлой выходке С.П. Ведомостей»⁵⁹⁶.

Этот эпизод весьма симптоматичен для характеристики редакторского подхода Достоевского – писатель никогда не стремился к повышению градуса

---

⁵⁹² Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский Переписка (1872–1880) // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 43.

⁵⁹³ «“Гражданинъ” издается лицомъ больнымъ и неспокойнымъ...” из писем М. П. Погодину 1873–1874 гг. // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 3. С. 31.

⁵⁹⁴ Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский Переписка (1872–1880) // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 46.

⁵⁹⁵ Там же. С. 47.

⁵⁹⁶ Там же.

полемиического противостояния, хотя резкость высказывания и журнальная перебранка иногда становились для журналов инструментом подогревания читательского интереса. Но Достоевского всегда заботил верно избранный тон. Понимая, что полемика в журналистике неизбежна, он желал придать ей тон дружеской беседы, а не оскорбительной перебранки, считая, что читатель должен быть увлечен обсуждаемой темой, а не азартом конфликта вокруг нее.

Некоторые организационные недоразумения случались между редактором и издателем и по поводу согласования публикаций в номере, и по поводу их расположения. М. А. Александров сокрушался: «сколько, бывало, надо мне было около них обоих походить, чтобы добиться этого составления номера!.. Имеется, например, между прочим материалом, данная статья: один одобряет ее, другой бракует! И как, бывало, ни удачно скомпонуешь номер, благодаря беготне от одного к другому, от другого к первому... непременно случится какое-нибудь замешательство: то которая-нибудь из предположенных статей не явится вовсе, то та или иная из них явится длиннее или короче предположенного...»⁵⁹⁷.

К числу примеров такой несогласованности можно отнести размолвку относительно публикации статьи К. П. Победоносцева, которую Мещерский считал необходимым поместить непременно в самом начале журнала, а Достоевский предполагал поставить, как и предыдущую статью того же автора, в середине. Мещерский категорически потребовал следовать его распоряжению и поместить статью в начале, ссылаясь на то, что «участие К. П. Победоносцева для нас слишком большая честь и услуга», к тому же «это желание автора – деликатно выраженное»⁵⁹⁸.

Участие обер-прокурора в журнале было отчасти обусловлено тем, что «Гражданин» под редакцией Достоевского большое внимание уделял широко

---

⁵⁹⁷ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 гг. // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 265–266.

⁵⁹⁸ Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский Переписка (1872–1880) // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 45.

дискутировавшимися в то время вопросам педагогики и образования. Критика социалистических учений, с которой писатель выступил в романе «Бесы», теснейшим образом смыкалась для него вопросами духовного становления личности, в социализме Достоевского «интересовали духовные корни явления», своей задачей он видел доказать, что социализм и христианство есть антитезы, опровергнуть господствовавшую в то время идею «среды», определяющей сознание и поведение человека, и возродить «христианскую идею нравственной ответственности личности»⁵⁹⁹. Поэтому в полемике о вопросах образования «Гражданин» противостоял позитивистской педагогической концепции, утверждая, что система образования должна быть нацелена не на освоение знаний, а на комплексное нравственное развитие личности. В одной из своих публикаций в «Гражданине» Достоевский полемизирует со статьей «Русского мира», автор которой настаивал на том, что Нечаев и ему подобные (напомним, именно дело Нечаева послужило сюжетной основой для «Бесов») могут вербовать себе прозелитов только среди молодежи вовсе не учащейся, праздной и недоразвитой, в то время как прилежание к наукам, которое можно наблюдать у современных юношей, дает утешительное представление о том, что нечаевщина не найдет распространения в массе учащейся молодежи. Достоевский отвечает на это: «я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных... Нет-с, нечаевцы не всегда бывают из одних только лентяев, совсем ничему не учившихся»⁶⁰⁰. Такая постановка вопроса искренне удивляет Достоевского, который отмечает, что знания – «научки» и «сведеньица» – не формируют душу человека, что получение диплома еще не гарантия против духовных искушений, страстей и пороков, что источник крепости души против искушений зла не в знании, а в

---

⁵⁹⁹ Викторovich В. А. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 133.

⁶⁰⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 194.

нравственности, в приверженности христианским основаниям человеческого общества и традициям своего народа.

В «Гражданине», редактировавшемся Достоевским, о вопросах педагогики высказывались А. У. Порецкий, А. Майков, Т. И. Филиппов, К. П. Победоносцев и, конечно, сам издатель В. П. Мещерский под различными псевдонимами. Объединяющей идеей разнообразных по информационным поводам и жанрам выступлений было то, что авторы рассматривали педагогику как важнейшую часть жизни общества, понимая, что картина общественной жизни зависит не только и не столько от внешних форм, какие будут ей приданы теми или иными институтами, сколько от характера и духовного мира отдельных личностей, которые это общество составляют. Поэтому авторы публикаций в «Гражданине» скептически воспринимали общественный энтузиазм по поводу увеличения числа земских крестьянских школ, полагая, что не в числе школ залог успеха, а в их качестве, и именно этот аспект обострял вопрос о личности и характере самой главной фигуры этого процесса – сельского учителя. Формализм и отношение к педагогике как к обязанностям, а не как к призванию, учение «по методу», а не «по душе» – в этом видели публицисты «Гражданина» главную беду современной им сельской школы.

Вообще участие Достоевского в «Гражданине» позволило существенно расширить круг авторов, и на время журнал перестал иметь характер единоличного творения князя Мещерского. Например, узнав о редакторстве Достоевского, свою благосклонность журналу возвратил М. М. Погодин, который «написал было в редакцию прежнюю отречение от участия, выведенный из терпения их неисправностью, но теперь... рад, по-прежнему, работать, лишь бы дело шло хорошо»⁶⁰¹. Редакторская работа Достоевского существенно преображала издание, в том числе и потому, что он как редактор совершенствовал и дорабатывал тексты присланных рукописей, делая это

---

⁶⁰¹ «“Гражданинъ” издается лицомъ больнымъ и беспокойнымъ...” из писем М. П. Погодину 1873–1874 гг // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 3. С. 32.

тонко и осторожно, щадя авторское самолюбие и сохраняя авторскую манеру изложения и, тем не менее, придавая текстам неповторимое и узнаваемое звучание, ассоциировавшее с его личной творческой манерой. Текстологический анализ ряда публикаций «Гражданина» в 1873 г. позволил В. А. Викторovichу сделать несколько любопытных гипотез о характере редакторской правки, внесенной Достоевским, и прийти к заключению, что «Гражданин» под его редакцией представлял собой, при коллективности его создания, уникальную форму редакторского творчества, которое «сокрыто от нас, как золотые блестки в журнальной “руде”»⁶⁰².

Оживление содержания журнала было замечено и читателями, и единомышленниками издателя по консервативному направлению. В сентябре 1873 г. Пуцыкович передает в письме Достоевскому переданное приехавшим из Москвы Г. К. Маркевичем известие о том, что «Катков в восхищении от летних номеров “Гражданина”»⁶⁰³, в том же месяце и Мещерский пишет Достоевскому: «Отличны последние номера: все без исключений находят это! Крепко жму Вашу руку. И втрое сильнее за Дневник, просто прелесть...»⁶⁰⁴.

Именно на страницах «Гражданина» Достоевский опробует тот формат, который впоследствии станет визитной карточкой Достоевского-публициста – формат «Дневника». Идея этого формата, как вспоминает А. Г. Достоевская, зародились у писателя еще во время пребывания за границей, однако он не решился в тот момент по финансовым и семейным обстоятельствам выступить с самостоятельным изданием. Предложение Мещерского в этом отношении пришлось весьма кстати, так как давало возможность опробовать давний замысел, не вступая в рискованное финансовое предприятие, а оставаясь наемным редактором. Рубрика «Дневник писателя» выходила на страницах «Гражданина» в течение всего 1873 г. Название предполагало

---

⁶⁰² Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное «Гражданин» как творчество редактора // *Неизвестный Достоевский*. 2015. Т. 2. № 4. С. 20.

⁶⁰³ Зинкова В. С., Солопова А. И. Переписка Ф. М. Достоевского и В. Ф. Пуцыковича (1873–1880) // *Неизвестный Достоевский*. 2016. Т. 3. № 4. С. 121.

⁶⁰⁴ Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский Переписка (1872–1880) // *Неизвестный Достоевский*. 2017. Т. 4. № 1. С. 40.

несколько аспектов: во-первых, разговор именно о текущем, погруженность в события сегодняшнего дня, во-вторых, предельная откровенность, которую может позволить себе человек только наедине с самим собой, только в дневнике. Но заведомая публичность этого «дневникового» выступления, изначальная предназначенность его читателю, породила специфический жанр: «этот уникальный по своей литературной природе “эго-документ” лишь имитировал свойства дневникового жанра, оставаясь на деле актом публичного собеседования, тонкой литературной игрой»⁶⁰⁵. Вскоре формат, опробованный в журнальной рубрике, обретет свое самостоятельное воплощение.

Прекратив редакторство в издании Мещерского, Достоевский посвятил себя написанию романа «Подросток», увидевшего свет на страницах «Отечественных записок» Некрасова в 1875 г. Однако постоянное стремление к публицистическому диалогу с читателем вскоре вновь сподвигнет романиста на журнальный труд – в 1876 г. Достоевский возродит «Дневник писателя», но на этот раз в формате ежемесячного моножурнала.

Знаменуя собой появление совершенно нового формата в русской журналистике, «Дневник писателя» являлся сложным сочетанием разнообразных элементов. Как отмечает И. Л. Волгин, «По объему “Дневник” напоминал брошюру, по формату – еженедельную газету, по периодичности – ежемесячный журнал, по признаку авторства – отдельную книгу»⁶⁰⁶.

Несмотря на то, что в моножурнале появлялись и художественные произведения – на его страницах увидели свет рассказы «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя» и др. – основу его составлял прямой диалог Достоевского с читателем. Элементы художественных произведений вплетались органично в канву рассказа о современных событиях, хотя автор и иронизировал сам над собою, завершая рассказ «Мальчик у Христа на

---

⁶⁰⁵ Волгин И. Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. С. 11.

⁶⁰⁶ Там же. С. 6.

елке»: «И зачем я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, что мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно...»⁶⁰⁷.

«Сегодняшние впечатления, обобщенные до философии бытия», – так характеризует моножурнал Достоевского знаменитый современный писатель и блогер Захар Прилепин, отмечая, что такая специфика формата роднит «Дневник писателя» с современной блогосферой. Тон и характер публикаций Достоевского действительно настолько близок к популярному сегодня формату публичного псевдо-дневника (блога), что многие представители современной блогосферы признают Федора Михайловича своим предтечей: «Первым блоггером (с поправкой на технические возможности своего времени) был Фёдор Михайлович Достоевский... “Постил” Ф. М. ... раз в месяц, зато оптом. Тираж был порядка 5-6 тысяч экземпляров – для тех лет весьма внушительный. Не заставили себя долго ждать и “комменты” – многочисленные письма от читателей (большой частью, безмерно благодарных), беспрецедентное на то время явление»⁶⁰⁸; «в первый год издания “Дневника” на него подписались 1982 подписчика (чем не “тысячник” по меркам ЖЖ, но зато какой – не чета нынешним!)»⁶⁰⁹ и т.д. Уникальность формата, позволявшая свободно переходить от текущих событий к откровенной детализации своего мировоззрения создала новую форму публицистики, которая «открывается в своей бинарности: это горячий отклик по следам события, естественно переходящий в суждение *sub specie aeternitatis* (под знаком вечности)»⁶¹⁰.

⁶⁰⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. С. 219.

⁶⁰⁸ <http://a-fixx.livejournal.com/11648.html>.

⁶⁰⁹ <http://parven.livejournal.com/3290.html>.

⁶¹⁰ Викторovich В. А. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 141.

Однако вместе со стремлением к откровенному разговору с читателем автор испытывал и опасения относительно того, как будет воспринята эта речь без обиняков. Вс. Соловьев рассказывает в воспоминаниях о том, что на его замечание об удобстве формы журнального дневника именно для того, чтобы «прямо и ясно высказаться», Достоевский ответил: «Прямо и ясно высказаться!.. чего бы лучше и конечно, о, конечно, когда-нибудь и можно будет, но нельзя, голубчик, сразу никак нельзя, разве я об этом не думал, не мечтал!.. да что же делать... ну, и потом, есть вещи, о которых если вдруг, так никто даже и не поверит...»⁶¹¹.

Некоторые направления мысли, бывшие, с одной стороны, сферой самых мучительных духовных исканий писателя, одновременно являлись и темами, касаться которых «сразу никак нельзя», т.е. темами, на которые, по выражению самого Достоевского, даже в откровенной форме дневника приходилось только «проговариваться», оставляя читателю самому оформить мысль до конца.

«Та форма “Дневника”, которая существовала в 1876–1877 гг., была интуитивно, эмпирически нащупана Достоевским: она неразрывно связана с индивидуальными особенностями его гения. В то же время “Дневник” явился реализацией потенциальных возможностей, накопленных практическим опытом всей русской журналистики»⁶¹². Эта мысль подтверждается также и тем, что с момента освоения этого уникального формата Достоевским, у него нашлось много приверженцев. Уже в ноябре 1876 г., очевидно, увидев исключительный успех этого формата, опробованного Достоевским, князь Мещерский анонсирует в оставленном на попечение Пуцыковича «Гражданине» появление своего «Дневника». Описание формата практически дословно повторяет объявление о подписке, данное Достоевским, при этом Пуцыкович, предваряя как редактор появление новой

---

⁶¹¹ Волгин И. Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 4.

⁶¹² Волгин И. Л. Достоевский – журналист: («Дневник писателя» и русская общественность). М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 20.

рубрики, приписывает именно Мещерскому первенство в открытии этого жанра. О. В. Захарова, обратившая внимание на этот эпизод издательской биографии Мещерского, полагает, что «Достоевский видимо и, возможно, намеренно не обратил внимание на эту бестактность товарища. Он был заинтересован в развитии направления, которое поддерживал и проповедовал, которому вместе с ним принадлежали Пуцыкович и Мещерский»⁶¹³, хотя обоснованно считает такое поведение редакции неуважительным по отношению к Достоевскому. После прекращения выхода «Гражданина» в 1878 г. (когда проект Достоевского также уже прекратил выход) мысль выпускать свой «Дневник» как самостоятельное издание снова занимала Мещерского, который, возродив свой журнал в 1881 г. вел в нем рубрику с таким названием. О возможной форме подобного дневника размышлял и Аксаков во время перерыва выхода «Руси» (хотя Иван Сергеевич не считал себя «довольно самонадеянным» для такого формата)⁶¹⁴, к этому же жанру, несомненно, тяготеют и «Маленькие письма» А. С. Суворина, и «Опавшие листья» В. В. Розанова.

Форма моножурнала, с одной стороны, не исключала всегда мучившей Достоевского необходимости работать к сроку, но, с другой стороны, не терзала писателя именно редакторской работой, т.е. перечитыванием и компоновкой чужих статей, давала сосредоточиться на собственном творчестве и открывала возможность идейной независимости. «Одно меня смущает за Вас, – пишет Федору Михайловичу Х. Д. Алчевская, – это обязательность срока... но если это неприятно, зато как хорошо то, что “Дневник писателя” является делом вполне самостоятельным, независимым. Извольте подделываться под тенденции какой-нибудь редакции и иметь их в

---

⁶¹³ Захарова О. В. Бестактность редакции, или два «Дневника» в «Гражданине» 1870-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1(170). С. 26.

⁶¹⁴ Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. С. 86.

виду, принимаясь писать (это своего рода цензура), а тут сам себе господин, - превосходно».⁶¹⁵

Отдельно стоит отметить проблему взаимоотношений писателя с цензурой в этот период. Ранее, за время его редакторства в «Гражданине», руководимое им издание дважды подвергалось цензурным преследованиям. 1 июля 1873 г. князь Мещерский, отвечая на письмо Достоевского, сокрушался: «Получил Ваше письмо милейший Федор Михайлович; только из него узнал о постигшей Вас из-за меня участи: простите великодушно два дня ареста!»⁶¹⁶. Недовольство цензуры вызвала именно статья Мещерского, который, повествуя о киргизской депутации в Санкт-Петербурге, позволил себе включить в текст несколько слов, произнесенных при сем случае императором, не приняв во внимание цензурный запрет на изложение прямой речи монарха без предварительного согласования с министром двора. Фраза Александра II, приведенная князем в тексте статьи, носила вполне формальный характер, но пренебрежение требованием законодательства повлекло за собой цензурное преследование. В том же 1873 г. за неосторожный намек о Самарском голоде «Гражданину» была воспрещена розничная продажа.

Все эти цензурные хлопоты, необходимость являться с объяснениями в различные ведомственные приемные, штрафы и прочие треволения болезненно действовали на Достоевского. Понимая, что при всем консерватизме и благонамеренности своих убеждений от подобного рода казусов при переходе на карательную систему цензуры он не будет избавлен, писатель предпочел выпускать собственный моножурнал под предварительной цензурой, хотя ему была предоставлена возможность уйти

---

⁶¹⁵ Алчевская Х. Д. Достоевский // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 331.

⁶¹⁶ Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский Переписка (1872–1880) // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 38.

из-под предварительной цензуры, по свидетельству Александрова⁶¹⁷, даже на льготных условиях, т.е. без внесения залога. Впрочем, исследователями в последствии было подвергнуто сомнению это указание: вероятнее всего, сначала журнал был разрешен на условиях предварительной цензуры, и готовность перевести «Дневник писателя» на цензурование после выхода была высказана цензурным ведомством несколько позже, но тогда уже сам Достоевский предпочел оставить неизменным установившийся порядок⁶¹⁸.

Но, так или иначе, полицейский надзор с некогда неблагонадежного писателя был снят еще в 1874 г., Третьим отделением его репутация оценивалась как репутация лица вполне благонадежного⁶¹⁹, так что опасаться какого-то особенного недоброжелательного внимания со стороны цензурного ведомства у Достоевского не было оснований. Тем не менее, он предпочел отправлять свои статьи на предварительную проверку. Объясняя свое решение Александрову, писатель сказал, что хотел бы избежать самоцензуры – не быть самому себе цензором, потому что свой текст править тяжелее всего. По наблюдениям Александрова, цензор Н. А. Ратынский, со своей стороны, старался минимально вторгаться в текст Достоевского, и предпочитал вместо вымарывания спорных фрагментов заменить несколько слов, смягчая высказывание, и иронизировал насчет того, что не цензурует текст, а только правит слог, так что более-менее крупные цензорские поправки случались крайне редко⁶²⁰. Исключение составлял сдвоенный июльско-августовский номер – острый антибуржуазный пафос высказываний

---

⁶¹⁷ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 гг. // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 277.

⁶¹⁸ Достоевский Ф. М. Письма. 217. К. П. Победоносцеву. 24 августа (5 сентября) 1879. Эмс // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. С. 420.

⁶¹⁹ Коган Г. Ф. Разыскания о Достоевском // Литературное наследство. 1973. Т. 86. № 1. С. 581–605.

⁶²⁰ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 гг. // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 278.

писателя, а также статьи по болезненному в этот момент Восточному вопросу стали серьезным камнем преткновения между автором и цензором.

В целом «Дневник писателя» оказался изданием уникально успешным. Об этом говорит и весьма внушительный тираж в 6000 экземпляров, и широкая география распространения, и обилие живых читательских откликов (к Достоевскому приходили сотни писем с вопросами, отзывами, благодарностями), и тот факт, что количество экземпляров, реализовывавшихся в розничной продаже, превышало число рассылаемых по подписке. Значение последнего обстоятельства поясняет М. А. Александров, хорошо знакомый с коммерческой стороной книгоиздательского процесса. Покупать журнал в розницу было дороже, однако в розничную продажу номер поступал из типографии незамедлительно, а почта могла задержать получение экземпляра на несколько дней, и многие читатели с таким напряженным нетерпением ожидали появления следующего «Дневника», что предпочитали переплачивать, лишь бы получать его без задержки. Также показателем популярности издания было то, что, получая свежий выпуск на реализацию, книгопродавцы, как правило, ставили его в витрине своего заведения как товар, призванный привлечь покупателя⁶²¹.

Е. А. Штакеншнейдер отмечает в воспоминаниях, что «Дневник писателя» сделал имя Достоевского «известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не одной молодежи... Его значение учителя еще так ново, что он и сам его не вполне осознает...»⁶²² Действительно, в сотнях читательских писем, которые получал издатель «Дневника», были такие отклики на публикации журнала, которые выражали жажду помощи и руководства в поиске ответов на «вопросы, которые Гейне

---

⁶²¹ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 гг. // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 271–280.

⁶²² Штакеншнейдер Е. А. Воспоминания // Громова Н. А. Достоевский. Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов. М.: Аграф, 2000. С. 176–177.

назвал проклятыми».⁶²³ Благодаря моножурналу Достоевский обретает в русском обществе статус не просто писателя, издателя, журналиста, но проповедника и духовного полюса русской общественной жизни.

Яростная апология войны в период русско-турецкого противостояния на Балканах и развития русского добровольческого движения, последовательная критика социализма, в мировоззрении Достоевского тесно связанные между собой, на страницах «Дневника писателя» перемежались публикациями на другие темы, столь же остро волновавшие писателя. Размышление о громких судебных процессах⁶²⁴, среди которых наиболее трепетно Достоевский анализировал дела о преступлениях в отношении детей, публикации в целом о совершившейся реформе судопроизводства, в которой автор «Дневника писателя» видел немало изъянов, также вызывали живой интерес и отклик его читателей.

Однако на исходе 1878 г. Достоевский принимает решение прекратить выпуск своего моножурнала, находящегося на пике популярности. Писатель приступает к работе над давно вынашиваемым замыслом нового большого романа – создание «Братьев Карамазовых» потребовало от писателя полной углубленной сосредоточенности, не нарушаемой издательскими хлопотами. Читатели с горечью расставались с полюбившимся им собеседником, издателю «Дневника писателя» приходило множество писем с выражением сожаления о прекращении журнала.

Публикация «Братьев Карамазовых» в «Русском вестнике» завершилась к ноябрю 1880 г. Знаковым событием русской общественной жизни этого года было открытие памятника А. С. Пушкину в Москве. Пушкинский праздник объединил представителей самых разнообразных течений русской общественной мысли, литераторов, ученых, общественных

---

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Кругликова О. С. Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 4. С. 664–675.

деятелей. На заседании Общества любителей русской словесности 8 июня 1880 г. Достоевский выступил с речью о Пушкине, ставшей одним из наиболее широко известных произведений его публицистики. В пушкинской речи «сказались самые характернейшие черты творческого гения Достоевского: его этический максимализм, его обостренное восприятие русского человека и русской истории...»⁶²⁵. Речь вызвала овацию и восторженные отклики всех слушателей, создав удивительный эффект всеобщего единения – под эмоциональным впечатлением от речи слушатели плакали, обнимались, обменивались самыми жаркими дружескими рукопожатиями, зал невозможно было успокоить еще долгое время после овации, и докладчики, заявленные в программе вечера после выступления Достоевского, просто отказались читать, ощущая невозможность удержаться на высоте произведенного им впечатления.

Пушкинская речь была напечатана Достоевским в единственном выпуске «Дневника писателя» за 1880 г., увидевшем свет в августе. Помимо самой речи и пространного предисловия, содержащего некоторые разъяснения положений, высказанных в речи, а также полемические ответы на не замедлившую последовать печатную критику, в выпуске содержалось упоминание о том, что с 1881 г. издатель планирует возобновить «Дневник писателя», «если позволит здоровье».⁶²⁶ Однако журналу не суждено было возродиться. Единственный номер 1881 г. был выпущен в свет в день похорон писателя.

Уникальный формат публицистических выступлений великого философа и романиста, пронзительный и в то же время доверительный, «домашний» тон его публицистики, парадоксальные и провидческие порой суждения об исторической судьбе России и духовные прозрения о природе человека делали его журнал не только популярнейшим органом периодики

---

⁶²⁵ Волгин И. Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 39.

⁶²⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 425.

своего времени, но определенным средоточием духовной жизни России «запечатленной над бездной»⁶²⁷.

Непопулярные у читающей публики консервативные идеи Достоевский транслировал, периодически обращаясь к использованию журнальной маски «знакомого парадоксалиста», чтобы не быть сразу же отвергнутым возмущенным читателем. Уникальность его коммуникативной модели заключалась в том, что исключительная популярность его издания не означала столь же широкого и безоговорочного принятия читателями его идей. В воспоминаниях писательницы и общественной деятельницы Е. П. Летковой-Султановой, преданной читательницы «Дневника писателя», зафиксирована такая картина восприятия журнала аудиторией: с одной стороны, молодежь каждый номер журнала читала с захватывающим интересом, но он был в большинстве случаев поводом для яростных споров, некоторые слова Достоевского «взрывали молодежь, как искры порох... молодежь отчаянно боролась с обаянием имени Достоевского, с негодованием приводила его проповедь “союза царя с народом своим”, его оправдание войны и высокомерие»⁶²⁸.

Можно предположить, что борьба между обаянием гения Достоевского и негодованием против некоторых его умозаключений, вероятно, в ряде случаев приводила и к принятию обозначенных писателем идеалов, поэтому коммуникативную стратегию Достоевского, пожалуй, следует признать одной из наиболее эффективных в консервативной журналистике пореформенной России. Решившись быть для пользы дела «даже и борзописцем», как выразился Н. Н. Страхов, Достоевский был увлекательно провокативен для поверхностных молодых читателей и вместе с тем бесконечно глубок для читателей вдумчивых и серьезных. Он не только сумел

---

⁶²⁷ Волгин И. Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 40.

⁶²⁸ Леткова-Султанова Е. П. Воспоминания // Громова Н. А. Достоевский. Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов. М.: Аграф, 2000. С. 207.

оказать глубокое влияние на современный ему общественно-политический дискурс – он, в отличие от Каткова, которого со своей стороны глубоко уважал, не разочаровался в идейном влиянии на общество. Поэтому его идеи, выраженные ярко и порой вызывающе, намного пережили его и имели значение не только для своей эпохи.

§ 2.5 Коммуникативные практики И. С. Аксакова – остаться на высоте идеи и не уступить цензуре

И. С. Аксаков (1823–1886), представитель так называемых «младших» славянофилов и один из самых ярких и плодотворных деятелей славянофильской журналистики, родился в семье известного русского писателя С. Т. Аксакова, автора «Семейной хроники» и повести «Детские годы Багрова-внука», и воспитывался в уникальной культурной среде: в московском доме Аксаковых проходили литературные чтения, собирались вечера, на которых лучшие представители тогдашнего образованного общества обсуждали самые животрепещущие вопросы литературы, искусства, науки и общественной жизни.

В 1842 г. Иван Сергеевич окончил училище правоведения и поступил на государственную службу в уголовный департамент Сената, правда его чиновная карьера сложилась не слишком удачно – Аксаков проявил себя в служебной деятельности человеком дельным и энергичным, но тяжелая атмосфера русского бюрократического мира николаевской эпохи переносилась им с трудом. Покинув в 1848 г. Министерство юстиции, он стал чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. Сформировавшийся в то время славянофильский кружок, одним из лидеров которого был его старший брат Константин, навлек на себя подозрения в политически неблагонадежных умствованиях. По родственной близости к этому кругу (отметим, в этот период идейного созвучия взглядов Ивана Сергеевича со славянофильством еще не было, в юности он был скорее

западником) подвергся допросу и аресту и Аксаков, который, хотя был после «отеческого» внушения шефа жандармов отпущен восвояси, состоял с 1848 г. под негласным надзором полиции.

Аксаков с юности увлекался поэзией и в свободное от государственной службы время писал стихи. Стихосложение показалось начальству молодого чиновника занятием слишком легкомысленным для государственного человека, и министр внутренних дел указал Аксакову на необходимость оставить поэзию, если он хочет продолжить свою чиновную карьеру. Однако Аксаков вместо этого оставил службу и, выйдя в отставку в 1851 г., посвятил досуги литературной деятельности, приняв на себя редакторство «Московского сборника», коллективного издания славянофильского кружка, к которому в начале 1850-х примкнул Иван Сергеевич, переосмыслив некоторые свои юношеские убеждения. Сборник был запрещен цензурой, а Аксаков лишен права в дальнейшем выступать в качестве редактора периодических изданий.

Оставшись без литературного поприща, Иван Сергеевич занялся научными изысканиями по поручению Русского Географического общества, но начавшаяся в 1853 г. Крымская война прервала его исследовательские занятия, так как Аксаков не считал возможным оставаться в стороне и бездействовать, полагая, что высокое призвание русского дворянина обязывает его отправиться на военную службу, и ушел добровольцем в ополчение.

По завершении Крымской кампании, в полную общественного оптимизма эпоху, когда новое царствование давало столько разнообразных надежд, в недрах славянофильского круга возникла идея нового издательского проекта, журнала «Русская беседа» (1856–1859), и Аксаков стал одним из его деятельных сотрудников, а с 1858 г. и негласным редактором.

«Русская беседа», которую решено было издавать коллективно, на паях, имела коллегиальный характер управления редакцией, все спорные вопросы

решались сообща; А. И. Кошелев, бывший официальным редактором издания, сам себя считал только «главным распорядителем». Кошелев, как и многие другие члены славянофильского круга (Ю. Ф. Самарин, Черкасский), принимал активное участие в процессе разработки Положения 19 февраля 1861 г., так что в 1858 г., в разгар работы губернских редакционных комиссий, он не имел достаточно времени, чтобы посвящать себя журнальной деятельности и приискивал себе замену, предполагая, если найдет себе преемника, вовсе закрыть журнал. Аксаков согласился принять на себя фактическое редакторство с тем, чтобы официальным редактором значился Кошелев: «я настоял на этом как потому, – поясняет Аксаков в письме другу, – что «Беседа» все-таки издавалась бы на его капитал... и было бы несправедливо отнимать у него честь звания издателя... так и потому, что мне гораздо удобнее и спокойнее поддерживать её при устроенных и заведенных отношениях к сотрудникам, к публике, к правительству, чем принимать на себя личную ответственность за неё... я смотрю на “Беседу” как на дело общее... мое же имя придало бы ей значение личного моего дела»⁶²⁹.

Кроме перечисленных Аксаковым обстоятельств было и еще одно: в 1858 г., добившись снятия запрета на редакторство периодики, он в конце марта 1858 г. исхлопотал себе разрешение издавать собственную газету «Парус». Принимая на себя заведование «Русской беседой» Аксаков не хотел оставлять и своего еженедельника, так как в собственном издании он обладал полной идейной независимостью. Совершенного единомыслия не было среди славянофилов, то и дело возникали разногласия по различным общественно-политическим вопросам, коллегиальный характер управления «Русской беседой» заставлял все время искать компромисс с иными мнениями, а к компромиссам в идейной сфере Аксаков, натура страстная и порывистая, был не склонен. Сопратники (Кошелев, Самарин) опасались свойственной ему резкости бескомпромиссных суждений, и, как показала практика, не напрасно

---

⁶²⁹ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 65.

– в «Парусе», не сдерживаемый обязательствами перед коллективом, Аксаков с ходу взял такой задиристый тон, что до цензурного запрещения издания в свет вышли всего два номера еженедельника.

История «Паруса» была хотя и очень кратковременна, но весьма показательна в отношении позиции Аксакова как редактора и издателя. Он с самого начала предполагал, что его издание не ждет мирное и благополучное существование на ниве отечественной журналистики, отмечая в письме А. И. Герцену: «...судьба моей газеты связана тесно с состоянием цензуры потому, что пресной газеты я издавать не могу»⁶³⁰. «Парус» вызвал цензурные нарекания с самого момента публикации объявления о подписке, вышедшего в августе 1859 г. Уже это объявление, в котором Аксаков обещает подписчикам особенное внимание будущей газеты к славянскому вопросу, а также опубликованное им письмо к славянским писателям, ученым и общественным деятелям с предложением постоянного сотрудничества в «Парусе» и «Русской беседе» вызвали недовольство цензуры. Цензоры, пропустившие в печать объявление о газете и письмо, получили строгие замечания, Аксакову было указано на то, что в программе заявленного им издания ни слова не сказано о славянском вопросе, а публиковать подобное обращение к славянам можно было только после предварительного согласования с Министерством Иностранных дел. Так издание подверглось цензурным карам еще до фактического выхода в свет. Аксаков проявил настойчивость и подал прошение о расширении программы издания. Передовицы Аксакова, помещенные в первом и втором номерах, были сочтены вызывающими, так что издание было запрещено, Московский цензурный комитет получил выговор, а цензор, непосредственно подписывавший в печать номера, отставлен от должности⁶³¹.

---

⁶³⁰ Цит. по: Мотин С. В. «Я все-таки буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...» (к истории издания газеты И. С. Аксаковым) // МедиаАльманах. 2013. № 2. С. 67.

⁶³¹ Там же. С. 65–73.

Несмотря на то, что Аксакову, который, по выражению Кошелева «чудил» в «Парусе», после запрещения газеты грозила ссылка, он продолжил работу над составлением «Русской беседы». На страницах журнала под руководством Аксакова увидели свет некоторые из материалов, подготовленных еще несколько лет назад для запрещенного «Московского сборника», в том числе несколько стихотворений самого Ивана Сергеевича, переработанная им статья «О ремесленном союзе в Ярославской губернии», посвященная анализу возможных форм промышленной кооперации на основе крестьянской общины. Важно отметить, что на страницах «Русской беседы» экономические вопросы разрабатывались в том же направлении, что и в творчестве Достоевского и Гилярова-Платонова – общей для всех консерваторов была идея о значимой роли духовно-нравственных принципов в экономической деятельности. В духе статьи А. С. Хомякова «О русской общине», в которой автор упрекал капиталистическую экономическую модель в том, что Запад увлекся конкуренцией и пренебрег кооперацией, Аксаков развивал идею о том, что общинное начало, свойственное русской общественной жизни и базирующееся на христианской нравственности, может спасти Россию от губительного пути хищнического капитализма. Свои экономические идеи Аксаков развивает и в статье «Украинские ярмарки. Введение», являвшейся редуцированным вариантом его научного труда, составленного когда-то для Русского географического общества.

Несмотря на то, что молодой деятельный редактор стремился, как и ожидали его друзья, «подложить огня и добавить тягу свежего воздуха» в журнале, стараясь преодолеть начинавший преобладать «старческий элемент»⁶³², спасти затухающее издание ему не удалось. Финансовый неуспех издания, поддерживавшегося только постоянными невозвратными вливаниями капитала со стороны Кошелева, постоянное цензурное давление и фальшивое положение двух редакторов, официального и фактического, при

---

⁶³² Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 67.

котором Аксаков «не хотел подвергать Кошелева ответственности за взгляды, которые тот не разделяет и не одобряет... и Кошелев не желал поддерживать своим именем редактора, направлению которого не сочувствовал»⁶³³, привели в тому, что Кошелев решился в конце 1859 г. закрыть журнал.

В 1860 г. Аксаков предпринимает давно планировавшееся им заграничное путешествие. Возвратившись в Россию, он с января 1861 г. начинает хлопотать о получении разрешения на публикацию нового издания и в мае после долгих мытарств получает таковое. К изданию одного из главных своих детищ, еженедельника «День», первый номер которого выйдет в октябре 1861 г., Аксаков подходит уже зрелым публицистом и опытным организатором издательского дела – однако именно в это время он переживает тот период личностного становления, который характеризуется мучительными внутренними противоречиями и неуверенностью: «как все переменилось, и как переменился я сам, – пишет он в письме Самарину, – воспоминание самого себя прежнего довольно живо и мешает свободному, естественному проявлению самого себя настоящего, который, может быть, еще и не сложился»⁶³⁴.

Славянофильский круг, и без того немногочисленный, к тому времени лишился своих главных столпов, ведь в 1861 г. уже не было в живых братьев Киреевских, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова. Оставшись без той идейной среды, которая поддерживала бодрость духа и питала мысль, Аксаков с одной стороны, ощущает себя в томительной пустоте и одиночестве, с другой – чувствует необходимость продолжить дело, объединявшее его и его почивших друзей и учителей, как непреложный нравственный долг. Говоря о будущей газете, он отмечает: «мне самому страшна эта обуза... так страшно,

---

⁶³³ Греков В. Н. Иван Аксаков – сотрудник и редактор «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 159.

⁶³⁴ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 100.

что хоть бы отказаться. С другой стороны, есть нравственная потребность именно взять на себя обузу, взвалить себе на шею нравственный общественный подвиг»⁶³⁵.

Учитывая печальный опыт «Русской беседы», которую, по выражению А. С. Хомякова «подрезало равнодушие общества»⁶³⁶, Аксаков в размышлениях о наполнении будущего еженедельника сразу отказывается от мысли давать отвлеченно-догматические философские статьи, непонятные широкой публике (чем грешила «Русская беседа», пренебрегавшая в отличие от своих конкурентов занимательностью предоставляемого подписчикам чтения). Объяснить славянофильские догматы не в виде теоретических построений, а через применение их к оценке практических явлений текущей жизни – таков был концептуальный замысел Аксакова относительно газеты, хотя именно это намерение смущало некоторых его единомышленников. Самарин опасался, что газетный формат не подходит славянофильству – и не только в духе общего для славянофилов убеждения, что их литературное назначение выше суеты текущей газетной спешки и журнальной склоки, в то время как «для газеты более, чем для любого другого издания нужен успех, нужно если не сочувствие, то озлобление, по крайней мере, какое-нибудь участие публики», рассчитывать на которое славянофилам не приходилось, если принимать во внимание предыдущий издательский опыт. Самарин указывает и еще на один важный аспект: газета не может служить площадкой для выстраивания теоретико-философских концепций, в его формулировке – «постановки, определения и развития начал»⁶³⁷, потому что должна освещать текущие события. Именно так и предполагал Аксаков вести «День», т.е.

---

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Егоров Б. Ф. Последний год «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 240.

⁶³⁷ Переписка двух славянофилов // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 102.

говорить о происшествиях истекшей недели, анализируя их через призму славянофильских воззрений. Но воззрения эти, как указывал Самарин, в публике «почти неизвестны и решительно не признаны», так что в рассуждении обо всех текущих вопросах славянофилам придется «начинать с азбуки», иначе «не то что не согласятся с нами, а просто не поймут нас»⁶³⁸.

Отчасти опасения Самарина в этом отношении подтвердились – волей-неволей тон публикаций «Дня» получался «не газетный»: относительно краткий формат и принужденность писать наскоро приводили к тому, что статьи «Дня» зачастую не являлись завершённым высказыванием, а являлись как бы репликой в продолжающемся диалоге, смысл их был неясен вне общего знакомства с содержанием издания в целом. Когда в 1863 г. разразилась довольно сумбурная полемика между «Днем» и «Московскими ведомостями» (несколько подробнее об этом эпизоде будет сказано ниже), именно такой характер публикаций стал одной из причин возникшего между Катковым и Аксаковым недопонимания.

Спор касался будущего политического устройства Польши в составе России после подавления польского восстания 1863 г. Редактор «Дня» обвинил «Московские ведомости» в умышленном искажении его позиции, признавая, что в его статье от 24 августа «есть действительно некоторая неясность»⁶³⁹, но указывая Каткову на то, что тот не обратил внимания на взгляды, высказываемые газетой «День» в предыдущих номерах, не изучил её позицию в целом. Катков в ответ съязвил, что в столь опасное время есть и другие предметы, более достойные целостного изучения, выражая не столько собственную неготовность глубоко погружаться в комплексное знакомство со славянофильским еженедельником, сколько общее соотношение авторских практик и читательских ожиданий в газете этого периода – от газетной передовицы ждали завершённого самостоятельного высказывания. Аксакову же, принужденному, как и предупреждал Самарин,

---

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ День. 1863. № 36.

всякий раз начинать с азбуки, такое краткое законченное высказывание давалось с трудом. Это привело к тому, что «День» порой становился удобной мишенью насмешек для либеральной журналистики. По поводу этого же эпизода издатель «Голоса» А. А. Краевский иронически отметит, что редактор «Дня» «отличаясь изумительной способностью к логическим вольтфасам, прыжкам и круговращениям, имеет в то же время способность забывать в тридцатом номере своей газеты то, что было сказано в двадцать девятом»⁶⁴⁰. На самом же деле это Краевскому для того, чтобы понимать позицию Аксакова, надо было знать, что написано не только тридцатом и двадцать девятом, но и в первом и всех последующих номерах, которые полноценно раскрывались только в своем содержательном единстве.

«День» выходил по субботам, когда покупательский спрос на розничную продажу периодики был традиционно выше, чем в будние дни, номер имел объем в среднем 24 страницы, основу его содержания составляли корреспонденции из славянских земель и известия о жизни русской провинции⁶⁴¹. Еженедельник Аксакова столкнулся с теми же самыми проблемами, которые преследовали все издания славянофилов. Узкий круг последователей славянофильства, среди которого, к тому же, многие были крупными землевладельцами или государственными деятелями, не имевшими досуга для постоянного литературного труда, а некоторые просто относились к журналистике довольно пренебрежительно, не мог обеспечить постоянного притока необходимого числа материалов. Обширная переписка Аксакова в период издания «Русской беседы» и «Дня» едва ли не наполовину состоит из обращений, увещеваний и упрашиваний, обращенных к своим корреспондентам, от которых редактор все еще не теряет надежды получить хоть какие-то статьи. Однако отклик на эти просьбы был весьма слаб, так что Ивану Сергеевичу приходилось в «Дне» работать за всех, так что он «издавал

---

⁶⁴⁰ Голос. 1863. № 233.

⁶⁴¹ Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. С. 26.

“День” на свои средства, был в нем единоличным хозяином и одновременно основным его автором»⁶⁴². Для того, чтобы покрывать расходы по изданию, которое не только не было прибыльно, но и не всегда окупалось, Аксакову пришлось войти в долги. Отсутствие помощников и авторов изнуряло Ивана Сергеевича непосильным трудом, цензурные условия были крайне тяжелы для издания. В разговоре с Н. С. Соханской он так обрисовывал свою журналистскую деятельность в это время: «работаю как вол, – совершенно один, без помощников, и вожусь с этим орудием дьявола – цензурой»⁶⁴³.

Отношения всех изданий Аксакова с цензурой складывались непросто. Летом 1862 г. статья в 31-м номере «Дня» о положении православного духовенства в Западной России вызвала возмущение цензуры, и от Аксакова потребовали сообщить имя автора, что он сделать категорически отказался, несмотря на дважды повторенное высочайшее повеление. Такая дерзость редактора вызвала предсказуемую реакцию властей – издание было приостановлено, а Аксаков отстранен от редакторства. Выручить газету и издателя в этой непростой ситуации вызвался Самарин, который был возмущен тем, что «... “День” запретят, а “Слово” и “Современник” будут продолжать свое дело»,⁶⁴⁴ и предложил себя в подставные редакторы, чтобы спасти издание. Эта поддержка вызовет горячую благодарность Аксакова, который считал, что, даже отдав половину своего состояния, друг не сделал бы для него больше, чем предложив в этот тяжелый момент воспользоваться его именем. После личного письма Аксакова государю издание разрешено было возобновить, с сентября 1862 г. по январь 1863 г. «День» выходил под номинальной редакцией Самарина, затем право официального редактирования было возвращено Аксакову.

---

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Цит. по: Пирожкова Т. Ф. Переписка двух славянофилов // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 25.

⁶⁴⁴ Переписка двух славянофилов // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 126.

1863 г. стал тяжелым нравственным испытанием для славянофилов. Польское восстание предельно обостряло именно те аспекты воззрений этого круга, которые ставили его приверженцев в сложное положение – как развивать идею единения славянских народов в момент открытого военного противостояния между ними. В газете «День» Аксаков отстаивал, так же, как и Катков в «Московских ведомостях», необходимость подавления восстания, столь же восторженно принял манифест государя об амнистии польским повстанцам, которые сложат оружие и сдадутся русскому правительству, отметив, что «подобных великодушных условий сдачи не предлагал врагу еще ни один победитель»⁶⁴⁵. Вместе с «Московскими ведомостями» «День» возмущался оскорбительной для России мыслью европейских держав о возможности созыва конгресса для решения польского вопроса⁶⁴⁶, восторгался проявлениями народного патриотизма⁶⁴⁷ и приветствовал ответы России на дипломатические представления трех держав⁶⁴⁸. Как и Катков, Аксаков считал, что выигранное противостояние с Европой – еще не решение польского вопроса, а решение вопроса собственно русского, а «Польский вопрос теперь только и начинается»,⁶⁴⁹ и состоит он в том, что же делать с Польшей после подавления мятежа, как устроить мирный быт усмиренного царства.

Такое сходство во мнениях двух изданий у читателей, получавших обе газеты, могло создать неблагоприятное для «Дня» впечатление, что газета Аксакова «поет со слов “Московских ведомостей”», не имея самостоятельной позиции. Этот эффект возникал благодаря тому, что периодичность выхода изданий была разная – ежедневные «Московские ведомости», оперативно откликавшиеся на политические события, успевали высказать свою точку зрения на них уже дважды или трижды к тому моменту, когда еженедельный

---

⁶⁴⁵ День. 1863. № 14.

⁶⁴⁶ День. 1863. № 20.

⁶⁴⁷ День. 1863. № 23.

⁶⁴⁸ День. 1863. № 26.

⁶⁴⁹ День. 1863. № 34.

«День» высказывался о событиях трехдневной давности, преподнося их как новость.

Существенное отличие публицистики Аксакова от передовиц Каткова, несмотря на очевидную в целом общность воззрений на предмет, заключалось в том, что позиция Аксакова была облечена в менее резкие и безапелляционные формулировки. Статьи изобиловали отступлениями и зачастую по прочтении их у читателя, хотя и формировалось некоторое представление о генеральном направлении мысли автора, но оставалось ощущение недосказанности, логической незавершенности мысли, а следовательно, и ощущение того, что у самого автора нет внутренней определенности взглядов на некоторые аспекты вопроса.

Ярким примером такой статьи является передовица 12-го номера от 23 марта. Говоря о польском восстании и перспективах дальнейших отношений между Россией и Польшей, Аксаков более двух третей статьи посвящает рассуждениям о природе нации вообще, ставя в один ряд понятия «полонизм», «тевтонизм», «германизм»; задается вопросом «разве поляки менее поляки, чем немцы – немцы», утверждает, что «немцы (...) онемечивают славянство только потому, что они немцы (подобно тому как французы офранцуживают потому, что они – французы)», и, сделав из этого вывод, что русские не русифицируют поляков потому только, что они сами недостаточно русские, заключает свою статью утверждением о недостатке национальной самобытности у русских, вызванном слепым подражанием Европе. По прочтении статьи, размещившейся на трех с лишком полосах издания, для читателя невыясненным остается вопрос: все-таки автор «за» русификацию Польши или «против» неё? В таком роде были многие статьи Аксакова указанного периода. Можно предположить, что такая позиция отчасти объясняется тем, что Аксаков, хотя и был полновластным хозяином в своем издании, все-таки воспринимал себя именно как выразителя общего отношения в проблеме всего славянофильского круга, желал выражать не только свои взгляды, но и консолидированное мнение своей «партии». А

среди славянофилов по польскому вопросу не было даже и намека на единство, звучали самые разные мнения⁶⁵⁰.

На эту сложность положения Аксакова справедливо указывает А. А. Тесля, отмечая, что само по себе издание «Дня» для Аксакова было «актом памяти и вынужденным поступком». После ухода из жизни старших славянофилов, вдохновителей и основателей учения «главным было сохранить, не нарушить и не повредить то, что оказалось в попечении – собственное, авторское отходило на второй план, стушевывалось: Аксаков не настолько ценил и доверял собственной мысли, чтобы предпочесть ее мыслям дорогих усопших. Он вынужден был действовать самостоятельно – но смысл этой деятельности находил в обережении унаследованного»⁶⁵¹. Аксаков вынужден все время соотносить себя с направлением, ощущая глубокую ответственность за каждое свое публичное высказывание как за высказывание позиции учения в целом, при этом другие славянофилы «предпочитали все-таки не афишировать разногласия, стремясь изменить, скорректировать позицию Аксакова путем убеждения, не доходя до публичной полемики и, во всяком случае, стремясь в ней придерживаться компромиссного тона, – тем самым задающим публичным образ и основным лицом, формирующим славянофильскую публичную повестку, оказывался Аксаков»⁶⁵². Это положение накладывало некоторый отпечаток на авторскую манеру Аксакова, стремившегося примирить в одном высказывании разные точки зрения, найти компромисс, что со стороны выглядело как неуверенная и несформированная позиция.

Катков, благосклонно принимая поддержку славянофильского издания в основных положениях его взгляда на Польшу, не мог не замечать этого недостатка статей Аксакова. И, как сам объяснит в последствии в ответной

---

⁶⁵⁰ Тесля А. А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – 1-й пол. 1860-х годов // *Философия. Журнал высшей школы экономики*. 2021. Т. 5. № 3. С. 191–216.

⁶⁵¹ Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 25.

⁶⁵² Там же. С. 30.

статье, «счел не лишним разъяснить возникший вопрос, весьма естественно *воспользовавшись* для этого мнением газеты “День”»⁶⁵³. Вопрос заключался, собственно, в том, какая система управления должна быть установлена в примиренном крае после подавления мятежа. Катков считал необходимым для России сделать с Царством Польским то, что Австрия сделала с Галицией, а Пруссия с Познанью: слить непокорную Польшу с собою в единое целое, введя сплошное русское землевладение в крае. Позиция Аксакова не так очевидна. Соглашаясь с Катковым в том, что для усмирения края необходима временная военная диктатура, и «возмущаясь тем положением, в которое поставлено в крае наше правительство», он, в статье 34-го номера «Дня» за 1863 г. отмечает, что «самое подавление революции и усмирение бунтующей Польши возможно только при ясном и точном разрешении властью себе самой вопроса: что именно она намерена сделать с Польшей?»⁶⁵⁴.

Аксаков, после серии умозаключений, которые Краевский назвал «логическими вольфасами», приходит к таким выводам: наличие самостоятельной власти в суверенной Польше было бы выгодно для России, так как, даже при условии недовольства со стороны поляков российском вмешательством на их внутренние дела, мы имели бы в лице этой власти конкретного, персонифицированного оппонента, с которым проще было бы иметь дело, чем со скрытым, молчаливым заговором и ненавистью целой нации. Опасности же самостоятельная польская власть для России представлять не может, ибо перевес в любом силовом противостоянии будет на стороне России – «государства, считающего более 60 миллионов населения» против «маленького политического тела, каким могла бы быть Польша»⁶⁵⁵.

Катков в ответ на это указывает, что военная диктатура несовместима с самой идеей политической самостоятельности, и возмущается тем, что

---

⁶⁵³ Московские ведомости. 1863. № 194.

⁶⁵⁴ День. 1863. № 34.

⁶⁵⁵ Там же.

редактор «Дня», говоря о всеобщем недовольстве в Польше управлением России, отмечает, что это касается всего населения страны, кроме крестьянства. Такое утверждение дало повод Каткову обвинить Аксакова в невнимании к роли крестьянства, в том, что для него «холопы ничего не значат»⁶⁵⁶.

Редактор «Дня» возмутился выпадами Каткова и в 36-м номере газеты был «волей неволей поставлен в необходимость заняться и занять внимание читателей личными счетами и расчетами “Дня” с “Московскими ведомостями”, как ни неприлично это занятие в настоящую пору»⁶⁵⁷. Аксаков заявляет, что со стороны «Московских ведомостей» имело место «недостойное извращение» его мнений, которое невозможно объяснить непониманием, а только намерением, умыслом, поэтому славянофильская газета вынуждена вступить в спор с противником, «в котором видим мы много страсти и мало искренности, который навязывает нам мнения, совершенно противоположные нашим, и с пафосом опровергает то, чего мы никогда не говорили, и сражается, довольно впрочем успешно, с призраками собственного воображения». Кроме того, Аксакова задевает самоуверенность редактора «Московских ведомостей», назвавшего себя самого одиноким голосом русских патриотов. «Что скажут на это наши читатели, – спрашивает Аксаков, – которые знакомы с “Днем” с самого начала его существования?»⁶⁵⁸.

Спор двух московских изданий привлек к себе внимание либеральной петербургской газеты «Голос» и ее редактора А. Краевского. Краевский не отрицает со своей стороны некоторого злорадства, с которым наблюдает он «междоусобную борьбу в малосимпатичной московской журналистике»⁶⁵⁹, однако не считает возможным остаться сторонним зрителем, так как «Московские ведомости» 1 сентября, «адресуя свои ноты редактору “Дня”»⁶⁶⁰,

---

⁶⁵⁶ Московские ведомости. 1863. № 189.

⁶⁵⁷ День. 1863. № 36.

⁶⁵⁸ Там же.

⁶⁵⁹ Голос. 1863. № 231.

⁶⁶⁰ Там же.

заметили, что обращаются и к петербургской газете также. Станным кажется Краевскому то, что «Московские ведомости», обвиняя большинство русской журналистики в космополитизме, затевают полемику именно со славянофильским «Днем». «Мы не знаем, – пишет Краевский, – осмелится ли кто-нибудь, исключая “Московские ведомости”, обвинить в чем-нибудь похожем на космополитизм редактора газеты “День”»⁶⁶¹.

Аксакова же Краевский критикует, прежде всего, за непоследовательность изложения взглядов, которые, к тому же, являются попыткой не практического, а отвлеченно-философского, умозрительного взгляда на политику, именно поэтому, по словам Краевского, и ополчились на них «Московские ведомости», ведь «каждому удобно выбирать для себя то поле действия, на котором они считают себя сильнее»⁶⁶². Подобно тому как «День» считает в будущем необходимой, но теперь преждевременной самостоятельность Польши, также и «Московские ведомости» считают преждевременной её русификацию, сходясь в необходимости на данный момент временной военной диктатуры. Следовательно, утверждает Краевский, их спор не имеет смысла, и читатели «не выиграют ничего от той злой, желчной, придирчивой полемики» двух газет, которые и не противоречат друг другу вовсе, ибо «в сущности, дети одной и той же матери, дети трансцендентной философии в приложении к политике»⁶⁶³.

Вся эта полемика в целом носит черты, характерные для споров внутри русской журналистики этого периода. Краевский обвиняет Каткова и Аксакова, что они спорят о неактуальных вопросах, а во взглядах на насущный вопрос сходятся, но ведь и сам Краевский, споря с ними обоими, выдвигает только третий взгляд на все тот же неактуальный на тот момент вопрос, а в необходимости немедленного установления военной диктатуры сходится во мнении и с Аксаковым, и с Катковым. Принципиальной разницы

---

⁶⁶¹ Там же.

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Голос. 1863. № 233.

воззрений между этими тремя точками зрения нет, как не было её, в сущности, и между всеми русскими изданиями этого периода, расходившимися друг с другом лишь в некоторых частностях.

Полемика внутри консервативного лагеря будет случаться довольно часто, и еще не раз её главными героями будут становиться Аксаков и Катков. Однако при осмыслении характера этой полемики мы вынуждены будем в целом прийти к выводу, близкому к высказыванию одного из поздних славянофилов А. А. Киреева, оставленному им в дневнике: «Аксаков и Катков считают себя противниками, а между тем, и вся Россия, и в особенности весь Славянский мир вполне понимают, что они служат тем же самым идеалам, преследуют те же самые цели, а им кажется, что они противники, потому что Аксаков желал бы, чтобы Государь поскорее собрал совет земли, а Катков думает, что из этого ничего теперь путного не выйдет... Аксаков верит более обществу, нежели правительству, Катков – наоборот, но оба они за православие, за народность, за самодержавие, за освобождение крестьян, оба враги парламентаризма, враги – интеллигентов, адвокатов, мироедов»⁶⁶⁴.

В 1865 г. Аксаков примет решение завершить выпуск еженедельника. Обозначая причины прекращения «Дня», Аксаков, в том числе, говорит об обстоятельствах чисто личного свойства (в это время он готовился к свадьбе с А. Ф. Тютчевой), но при этом добавляет: «если бы я даже не имел в виду женитьбы, я не мог бы продолжать издание “Дня”. Во-1-х, по недостатку денежных средств; число подписчиков у малывается, сумма расходов увеличивается: нужны помощники, заведующие отделами, нужен политик, нужен критик, и т.д. Во-2-х, я действительно надорвался здоровьем»⁶⁶⁵.

---

⁶⁶⁴ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886: Редактор-издатель газеты «Русь». Ч. 1: 1880–1884 / сост. С. В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. С. 8.

⁶⁶⁵ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 225.

Впрочем, общественный темперамент Аксакова не позволил ему долго оставаться в стороне от открытой политической дискуссии. Журналистская деятельность Аксакова в 1867–68 гг. была связана с изданием ежедневной газеты «Москва» (во время четырехмесячной приостановки «Москвы» Аксаков выпускал её копию под названием «Москвич»). К новому изданию Аксаков приступал, восстановив силы и приобретя довольно мощный источник финансирования в лице московского купечества, желавшего иметь в Москве печатный орган, освещавший вопросы торговли. Условия, на которых купечество согласно было выступать пайщиками нового издания, Аксаков обозначает так: «Всё их требование заключается в том, чтоб из 24-х столбцов газеты не менее двух было посвящено торговым корреспонденциям, чтоб по крайней мере один раз в неделю была передовая статья по вопросам промышленным и финансовым, написанная Чижовым или Бабстом, чтоб отдел экономический был под ответственностью Чижова и Бабста, чтоб я в каждом № давал место торговым телеграммам, доставку которых они сами берутся устроить; наконец, чтоб я не выходил из общей цифры бюджета (который исчислен ими в 70 тысяч рублей серебром в год). Затем, внутри этой цифры я могу распоряжаться по своему усмотрению»⁶⁶⁶.

Аксаков же, со своей стороны, не оставлял надежды, что в случае выполнения названных условий он не будет стесняем пайщиками издания в основных своих выступлениях и сможет превратить газету в орган, имеющий вес и значение в славянском деле. Эту же надежду выражал и его тесть Ф. И. Тютчев, сетуя в письме дочери на то, что подписка на «Москву» «идет не так, как хотелось бы», и с нетерпением ожидая появления нового издания: «как и все друзья твоего мужа горячо желаю, в интересах его издания, чтобы идеи, коими он вдохновляется, были до конца поняты как публикой, так и в высших сферах... из всех общественных направлений, представленных в

---

⁶⁶⁶ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 235.

русской печати, его направление носит наиболее ярко выраженный национальный характер, и потому представляется наиболее откровенно консервативным, наиболее искренне преданным самому принципу власти в России»⁶⁶⁷.

Тютчев принимал живое и деятельное участие в судьбе газеты, сообщая последние новости, делясь своими соображениями о различных политических вопросах, ограждая по возможности издание от цензурных нападков. Последнее, впрочем, было крайне затруднительно. Еще в феврале 1867 г. он отмечает в письме, что осторожность и здравый смысл требовали бы сказать: «желательно, чтобы газета, по крайней мере на первое время, твердо усвоила некоторую сдержанность по отношению к личному составу правительства», но тут же добавляет, имея в виду как собственное нежелание идти на подобные компромиссы, так и известное упрямство Аксакова, что «все увещания в этом смысле столь же отвратительны, как смешны, и не ведут ни к чему»⁶⁶⁸. И все-таки, спустя некоторое время Тютчев не удерживается от осторожного намека: «такая газета как “Москва”, приносит России пользу и поэтому имеет право проявлять осторожность»⁶⁶⁹.

Однако осторожность была вовсе не свойственна натуре Аксакова, поэтому «опыт издания... этой газеты был очень горький: за неполных два года существования – девять предостережений, три приостановки... и наконец закрытие властями». Вызвано это было тем, что «критически настроенный по отношению к правительственной бюрократии Аксаков давал в статьях полную волю собственным эмоциям»⁶⁷⁰.

Непримиримая позиция Аксакова по отношению к цензуре находила отражение во всех его издательских проектах. Именно в тот период, когда

---

⁶⁶⁷ Ф. И. Тютчев – А. Ф. Аксаковой // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. ст., пер. и комм. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 309.

⁶⁶⁸ Там же. С. 317.

⁶⁶⁹ Там же. С. 321.

⁶⁷⁰ Пирожкова Т. Ф. Переписка двух славянофилов // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 25.

цензура особенно строго относилась к его изданию, во время приостановки «Москвы», на страницах «замещавшего» приостановленную газету «Москвича» Аксаков выступит с критикой действующего цензурного порядка. «Между образом мыслей Аксакова и бюрократическим складом ума, характерным для руководства нашей печати, – констатировал Тютчев, – лежит бездонная пропасть...»⁶⁷¹. Внимание Аксакова к теме организации цензуры в этот момент было обусловлено тем, что в 1867 г. был завершен подготовительный этап реформы судопроизводства, принятой в 1864 г., и в практику ведения судебных дел вводились суды присяжных. Цензурные правила, которые действовали с 1865 г. и базировались на системе административных мер воздействия, вводились как переходные меры впредь до устройства новой системы судов⁶⁷². В 1867 г. новые суды начали свою работу, но правительство не спешило обновлять цензурные правила, желая оставить в своих руках инструменты административного контроля прессы. По этому поводу и высказался Аксаков, требуя исполнения того, чтобы намечено и обещано указом от 6 апреля 1865 г. Оценивая резкую и непримиримую позицию Аксакова по отношению к цензуре надо иметь в виду, что Аксаков, как выразился В. Н. Греков, всегда был в позиции человека, не противодействующего закону, а отстаивающего закон, причем «отстаивающего не безоглядно, без рассуждения, а, напротив, опирающегося на закон, апеллирующего к закону. Позицию Аксакова можно сформулировать так: защищая себя и газету, я защищаю закон от произвола власти»⁶⁷³.

Итог был печален: «Москвич» «был прекращен по представлению министра внутренних дел, причем причины запрещения не объяснялись»⁶⁷⁴.

---

⁶⁷¹ Ф. И. Тютчев – А. Ф. Аксаковой // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. ст., пер. и комм. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 315.

⁶⁷² Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Гл. 6. Закон о печати 6 апреля 1865 г. СПб., 1905. С. 338.

⁶⁷³ Греков В. Н. «Я иду своей дорогой»: Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва» // Медиаскоп. 2011. № 3.

⁶⁷⁴ Там же.

Возобновив «Москву» после приостановки, Аксаков первым делом напал с острой критикой на цензурное ведомство за запрещение «Москвича» без объяснения причин и даже без направления требуемых законом по существовавшей тогда процедуре предостережений.

Тревожившийся о судьбе издания Ф. И. Тютчев в этот период писал Аксакову: «Москва ваша страшно утруждает наше бедное Главное Управление. Вот уже второе заседание обуревается ею, и все еще не могли прийти ни к какому заключению – отложено до следующего. В самом составе Гл. Управл. нет положительной против вас враждебности. Их только огорчает ваша чрезмерная резкость. Враждебность свыше»⁶⁷⁵. На обвинения Тютчева в адрес цензоров о лицепрятости вопреки нравственному долгу, с ним соглашались, но отвечали «Но что же делать!.. Так приказано»⁶⁷⁶. Одним из наиболее резких направлений в публицистике Аксакова в это время была критика русской администрации в Прибалтике, в том числе высокая оценка имевшей скандальную известность книги Самарина «Окраины России», что и вызывало ту «враждебность свыше», на которую указывал Тютчев.

Результатом этой враждебности стало то, что, несмотря на раскол в цензурном ведомстве относительно мер, которые необходимо применить к изданию Аксакова, в конце концов «на повторных слушаниях в общем собрании первых трех департаментов и департамента герольдии большинство высказалось за то, чтобы запретить “Москву”. Мнение большинства и было утверждено императором. В апреле 1869 г. Аксаков получил официальное сообщение об этом из канцелярии Московского генерал-губернатора»⁶⁷⁷.

С прекращением «Москвы», ставшим тяжелым ударом для Аксакова, его издательская деятельность прервется более чем на десятилетие. Только в

---

⁶⁷⁵ Письмо Ф. И. Тютчева И. С. Аксакову. Цит. по: Чулков Г. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. Мураново: Изд. музея им. поэта Ф. И. Тютчева, 1928. Вып. 1. С. 15.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Греков В. Н. «Я иду своей дорогой»: Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва» // Медиаскоп. 2011. № 3.

1880 г. Иван Сергеевич решится вернуться к журнальному труду, начав издавать газету «Русь». «В этом слове – “Русь” сосредоточен для нас весь смысл той правды, которой так недостает нашему изолгавшемуся общественному бытию, по которой так тоскует, так истомился русский человек, – так пояснял смысл названия сам редактор, – страшно устала наша земля от сочинительства, мудрования, фальши, которая так долго, так властно гнула, муштровала, переиначивала ее на разные чужие лады и порядки. Вся нужда, вся задача наша теперь именно в том, чтобы внести наконец правду в русскую жизнь, чтоб возвратить ей свободу органического самороста, чтоб в самом деле Русь стала Русью»⁶⁷⁸.

Для нового издания Аксаков изберет привычную ему и наиболее соответствовавшую свойствам его писательской манеры форму еженедельника. Опыт издания ежедневной газеты был тяжел для Аксакова, издавать «Москву» ежедневно он согласился только потому, что таково было неременное условие инвесторов, не согласившихся на еженедельник. К тому же издание еженедельника оставляло Аксакову возможность не покидать занимаемой им в тот момент должности Председателя Общества Взаимного кредита, дававшей стабильный доход. Программа «Руси», разрешение издавать которую Аксаков получил 12 сентября 1880 г., в значительной мере повторяла программу «Дня», поэтому в объявлении о подписке Аксаков заявил, что нет надобности объяснять направление будущего издания, а в переписке указывал, что «это будет совершенно как “День”»⁶⁷⁹. Принципиальное отличие в структуре изданий было только одно: в «Руси» был изначально заявлен политический отдел, который «Дню» формально был запрещен.

---

⁶⁷⁸ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886. Редактор-издатель газеты «Русь». Часть 1: 1880–1884 / сост. С. В. Мотин; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. С. 8.

⁶⁷⁹ Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. С. 31.

Десятилетнее молчание Аксакова в печати заставило публику ожидать появления его нового издания с азартом и нетерпением. Первые номера имели не так уж много подписчиков, около 2300, но хорошо расходились в розницу – продавалось до 5000 экземпляров. К тому же можно предположить, что круг читателей был больше числа экземпляров, так как, по свидетельствам современников, номера переходили из рук в руки и читались нарасхват⁶⁸⁰. В первых номерах Аксаков сосредоточил свое внимание на вопросах внутренней общественно-политической жизни, прежде всего развитии уездного самоуправления, на время уйдя от дорогого его сердцу славянского вопроса.

В декабре 1880 г. Аксаков живо откликнется в «Руси» на прокатившуюся по России волну студенческих беспорядков. Традиционно для публицистов консервативного лагеря прозвучало в публикации Аксакова утверждение о том, что существенная доля вины в происходящем должна быть возложена на либеральные органы печати, сеявшие возмущение в незрелых умах и в значительной мере ответственные за общее распространение нигилистических учений и отказ молодежи от традиционных ориентиров христианской нравственности. Позже, развивая эту тему в своих публицистических выступлениях, Аксаков отметит: «Можно ли было предположить, что журнальные бредни юноши Писарева, который безостановочно тискал все, что, бывало, взбредет ему в голову, и который однажды, на упрек в противоречии собственным же его словам, сказанным за год назад, простодушно отвечал: “Я развиваюсь” – можно ли было думать, что весь этот, казалось бы, невинный бред способен будет отозваться в учащемся юношестве такими печальными явлениями? Стало быть, не встретил он и противодействия со стороны педагогов, или же слишком уже бессильны явились они против всеокрушающего авторитета такой “силы”, как Писарев?! Да и как не быть им бессильными, когда они

---

⁶⁸⁰ Там же. С. 43.

сами воспитывали юношей в суеверном благоговении к “последнему слову науки и жизни”, сами веровали твердо, что в “последнем слове” именно и сидит “прогресс”? Молодежь и ловила жадно всякое наипоследнее слово, не желая и знать слов предшествовавших, ни старых образцов, ни исторических опытов. Все это однако ж приводит к заключению, что журнальная болтовня вовсе не остается так, без всякого воздействия на развитие нашего юношества, тем более что журналы почти вытеснили у нас и чтение и даже издание книг, – и что не мешало бы нашим журнальным публицистам подобросовестнее относиться к слову да думать иногда о последствиях, к каким может привести молодых читателей всякая легкомысленная, с плеча написанная и тиснутая речь...»⁶⁸¹.

Вскоре в газете вводится отдел критики и библиографии, который большое внимание уделяет анализу книг, предназначенных для детей и юношества, причем свою задачу Аксаков видит в том, чтобы оказывать родителям и воспитателям помощь в выборе достойных учебников и художественного чтения для детей⁶⁸².

На страницах «Руси» увидели свет также некоторые сочинения ранних славянофилов, которые не могли быть опубликованы в момент своего написания по цензурным соображениям – так, например, в 1883 г. Аксаков поместил в газете статью своего брата Константина «О современном литературном споре», запрещенную к публикации в 1846 г.

Важнейшим элементом содержания «Руси» были статьи В. Соловьева о судьбе и значении русской православной церкви. Статьи «О духовной власти в России», «О расколе в русском народе и обществе», в которых ставились вопросы о роли церкви в обществе, проблемах свободы вероисповедания,

---

⁶⁸¹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981. С. 283–284.

⁶⁸² Федосеева Т. В. Газета И. С. Аксакова «Русь» о православной духовности как основе народного просвещения в России // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 84. С. 176–177.

зачастую обличались пороки современного Соловьеву церковного устройства.

Несмотря на то, что и в «Руси», как и предыдущем еженедельнике Аксакова, его собственные публикации составляли наиболее значительную часть содержания, Иван Сергеевич стремился привлекать к сотрудничеству других авторов, причем «подбирая корреспондентов, Аксаков ориентировался на владевших пером специалистов в той или иной сфере»⁶⁸³, а «за неполных пять лет выхода газеты под ее публикациями появилось почти 500 различных подписей»⁶⁸⁴. В разное время сотрудниками газеты были С. Ф. Шарапов, Д. Ф. Самарин, Н. Н. Страхов, Ор. Ф. Миллер, А. А. Киреев, Вл. Ламанский, П. Д. Голохвастов, И. Н. Павлов, С. А. Рачинский, протоиерей А. М. Иванцов-Платонов и др.

Первый успех газеты был непродолжительным. Уже к 1882 г. часть подписчиков покинула издание, упала и розничная продажа. Причинами падения интереса к изданию стала серьезность тона глубоких философских статей, принципиальная незаботливость Аксакова о занимательности легкого чтения, которое ожидал тогдашний читатель найти в газете, и отчасти обманутые ожидания тех подписчиков, которые ждали от «Руси» яростного полемического задора в духе некогда издававшейся «Москвы». Позиции зрелого Аксакова все более тяготеют к классическим постулатам консерватизма, хотя сам он принципиально отрекается от такого обозначения (как, впрочем, и от либерального). В октябре 1884 г, в письме Е. А. и М. С. Томашевским Аксаков пишет: «Ежедневная газета теперь для всех – хлеб насущный, а мое издание – такое печенье, которое составляет уже роскошь, без которого можно и обойтись. Да оно и слишком серьезно. По

---

⁶⁸³ Бадалян Д. А. Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» // История и культура, 2009. № 7. С. 195.

⁶⁸⁴ Там же. С. 190.

числу моих подписчиков – я могу судить о количестве серьезных людей (образованных) в России. Их всего 2300»⁶⁸⁵.

Вскоре Аксаков примет решение отказаться от формата еженедельника, который, с одной стороны, не мог конкурировать по оперативности информации с получившими широкое распространение массовыми газетами, с другой стороны, не давал достаточно времени на целостную всестороннюю разработку серьезных общественно-политических вопросов, так как все-таки имел довольно стеснительные временные рамки. Сознавая, что с точки зрения оперативности его издание, не имеющее к тому же большого числа корреспондентов, все равно проигрывает, Аксаков делает ставку на аналитику и примет решение перевести «Русь» на меньшую периодичность выхода, с 1 января 1883 г. издавать раз в две недели номер большего объема, сохранив тем самым общий годичный листаж издания и избегая необходимости пересматривать коммерческие обязательства, данные подписчикам. «Русь» стала напоминать скорее тонкий журнал, чем газету. «Так надоело это обязательное периодическое писание, что, когда нет чего-либо возбуждающего к письму, всегда откладываешь к самым последним дням», – сетовал Аксаков в письме А. С. Суворину в октябре 1884 г., и добавлял: «Вы – счастливец, ... Издатель газеты отсутствует 6 месяцев сряду, жуирует себе в Италии... а мое издание – “Все во мне, и я – во всем”!»⁶⁸⁶.

«Русь» продолжалась с переменным успехом до 1886 г. – до смерти своего создателя. Финансовые обстоятельства издания никогда не были особенно блестящи, Иван Сергеевич все так же выбивался из сил, стремясь дать достойное наполнение «Руси» как публицист и мыслитель, так же страдал от отсутствия деятельных помощников, не раз сомневался в том, стоит ли продолжать начатое дело. «...Нужно ли, полезно ли, чтоб я

---

⁶⁸⁵ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886: Редактор-издатель газеты «Русь». 1880–1884 / сост. С. В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. Ч. I. С. 5.

⁶⁸⁶ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886: Редактор-издатель газеты «Русь». 1880–1884 / сост. С. В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. Ч. I. С. 3.

продолжал издавать «Русь» в том или другом виде или сошел со сцены?»⁶⁸⁷ – писал Аксаков в письме Г. П. Галагану осенью 1884 г. Но он по-прежнему воспринимал свое издание как нравственный подвиг, как важнейшее общественное поприще, поэтому в минуты сомнений всегда находил в себе внутренние силы продолжать работу, и даже смог в 1885 г. вернуть «Руси» еженедельную периодичность, признав, что «двухнедельный способ издания оказывается неудобным и невыгодным при нашей публике»⁶⁸⁸.

Вообще в это время Аксаков, несмотря на относительно небольшой тираж его издания, приобретает колоссальный общественный авторитет, пользуется большим уважением не только со стороны своих единомышленников, но и со стороны идейных оппонентов. Для своих современников Аксаков был символом честного и бескомпромиссного следования своим убеждениям, активной гражданской позиции, безукоризненной совестливости в издательской деятельности – издания Аксакова никогда не пользовались финансовой поддержкой правительства или отдельных его представителей, цenia свою независимость.

§ 2.6 Пресса консервативного направления в коммуникативных процессах пореформенной России

Коммуникативные практики русской консервативной прессы второй половины XIX в. имели свои отличительные черты, обусловленные, прежде всего, спецификой социального устройства России этого периода. Идейным центром русской консервативной периодики стала древняя столица России – Москва. Все многочисленные, хотя, как правило, непродолжительные, издания славянофилов, ежедневные «Московские ведомости» М. Н. Каткова

---

⁶⁸⁷ Там же. С. 8.

⁶⁸⁸ И. С. Аксаков – письмо М. О. Кояловичу // Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886: Редактор-издатель газеты «Русь». 1880–1884 / сост. С. В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. Ч. I. С. 10.

и «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова выходили в Москве. Своей московской «прописке» консерваторы придавали огромное символическое значение. Москва была для них оплотом национальной культуры и символом национальной истории, в противовес мнимо-европейскому Петербургу. В. В. Розанов, говоря о М. Н. Каткове, отмечал, что он «не мог бы вырасти и сложиться в Петербурге; Петербург разбил бы его на мелочи. Только в Москве, вдали от средоточия “текущих дел”, – от судов и пересудов о мелочах этих дел, вблизи Кремля и московских соборов, могла отлиться эта монументальная фигура». Московские журналисты бывшие, по Розанову, «не у дел» в своих политических суждениях имели «критерием и руководящим в критике принципом то историческое дело, которое Москва сделала для России. Дело это – единство и величие России»⁶⁸⁹.

Петербург был для консерваторов не только символом пагубной культурной экспансии Запада⁶⁹⁰, но и центром того ненавистного им явления политической жизни, которое возникло в петербургский период русской истории. Петербург был в первую очередь бюрократической столицей: еще в гоголевских повестях было тонко подмечено, как толпы чиновного люда всех мастей «зеленят» своими мундирами Невский проспект. Бюрократия же для консерваторов, верных идее монархии как всесловной народной власти, была опасным средоточием между царем и народом, источником многих погрешностей в русском государственном механизме.

В Петербурге единственным заметным и существовавшим продолжительный период представителем консервативного крыла русской прессы был «Гражданин», с небольшим перерывом издававшийся В. П. Мецкерским в период с 1872 по 1914 гг. На короткий срок с 1876 по

---

⁶⁸⁹ Розанов В. В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7. С. 36–38.

⁶⁹⁰ Кругликова О. С., Сониная Е. С. Специфика вербально-визуального бытования метафоры «окно в Европу» в русской журналистике XIX – начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 53–79.

1877 г. консервативный лагерь петербургской прессы пополнился «Дневником писателя» – моножурналом Ф. М. Достоевского. В целом же «петербургская журналистика» и «петербургские фельетонисты» были для русских консерваторов широко употребляемым символическим обозначением своих оппонентов, а Петербург – средоточием тех начал, которые воспринимались как инородные, а зачастую и пагубные для национальной культуры и государственности. Особенно яростными нападка на Петербург, как ни странно, отличался именно единственный «петербургский» консерватор князь Мещерский, который в статье «Что нам нужно?» и вовсе призывал перенести официальную столицу государства обратно в Москву, подразумевая под этим, разумеется, не только перемещение государственного аппарата, но и символическое смещение акцентов внутренней и внешней политики.

Внимание исследователей истории журналистики этого периода часто привлекает тот факт, что представители консервативного крыла охотно вступали между собой в журнальную полемику и часто в переписке или мемуарах позволяли себе нелестные отзывы о соратниках по консервативному лагерю. Так, «Московские ведомости» Каткова наиболее яростно полемизировали именно с «Днем» Аксакова, «Дневник писателя» яростно критиковал публикации В. Г. Авсеенко в «Русском вестнике», Достоевский говорил о том, что некоторые идеи Мещерского глубоко противны его убеждениям⁶⁹¹, Константин Леонтьев отмечал, что испытывал в личном плане отвращение к Каткову, хотя за его общественные заслуги предлагал еще при жизни поставить ему памятник, – череду подобных примеров можно продолжать. Обычно на эти эпизоды указывают как на аргумент, подтверждающий отсутствие единой идейной платформы у русского консерватизма, дающий представление об эклектичности, разрозненности и противоречивости этого мировоззрения. Однако следует

---

⁶⁹¹ Достоевский Ф. М. Письма. 164. В. П. Мещерскому. 3–4 ноября 1873. Петербург // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 777–778.

помнить, что полемика между идейно близкородственными изданиями всегда была делом обычным и естественным – вспомним хотя бы яростную журнальную битву «Современника» с «Русским словом», названную Достоевским «Раскол в нигилистах». Ведь именно у носителей общих глубинных идей чаще всего возникает стремление к полемике по поводу разногласий на «идейной периферии», именно о разных оттенках в общих взглядах эффективнее всего можно спорить, в то время как спор между людьми, имеющими принципиально разное мировоззрение, практически невозможен – разность точек отсчета и идейных координат исключает конструктивную полемику, оставляя возможность только для эмоционально-личностной перебранки. Что до личных отношений между представителями консервативного лагеря русской журналистики, они были сложны и неровны, ровно так же, как и отношения внутри либерального и леворадикального круга – наглядным примером тому могут являться подробно изученные перипетии отношений в редакции того же «Современника», нападки Герцена и Огарева на Краевского и многое другое. Так что полемические выпады и неровности отношений между консерваторами стоит расценивать как проявление в частном случае общих закономерностей журналистского процесса, а не доказательства внутренних «дефектов» консервативного мировоззрения.

Среди общих, системных черт публицистов консервативного лагеря следует отметить часто затрудняющий интерпретацию их политической позиции процесс эволюции «слева направо», характерный почти для всех охранителей. Умеренный либерализм англомана-Каткова 1850-х гг. в «Русском вестнике», который современники иронично называли «Вестминстерским вестником», сменился к началу 1860-х пафосом убежденного консерватора, громогласно выражавшимся на страницах «Московских ведомостей», что вызвало у современников и историков подозрения в подкупленности и ангажированности журналиста. Размытая политическая позиция почвеннических журналов Достоевского «Время»

(1862–63 гг.) и «Эпоха» (1864–65 гг.), когда «Достоевский не рассматривал разногласия между «Временем» и «Современником» как непримиримые»⁶⁹², сменился отпугнувшим многих из его бывших почитателей «реакционерством» «Дневника писателя» (1876–77 гг.), идейные позиции которого заставили советских исследователей усмотреть в публицистике Достоевского официозный характер, заподозрить писателя в том, что он выполнял «социальный заказ» верхов, «ставил отвлеченную мысль на службу царизму»⁶⁹³. Славянофилов, которым, благодаря развиваемой ими идее Земского собора, в 1850–60-х гг. приписывались даже радикально-демократические стремления, в конце 1870-х гг. уже уверенно причисляли к консервативному направлению, а в отношении личной творческой биографии И. С. Аксакова до сих пор дискутируется вопрос о том, чем было вызвано «поправение» его взглядов в последний период творчества⁶⁹⁴. Князь Мещерский, в юности бодро приветствовавший либеральные реформы, уже в начале 1870-х гг. предложил «поставить точку» в деле общественных преобразований.

Часто такую эволюцию трактуют как стремление к социальной мимикрии, порою даже как беспринципность и ренегатство, преследующее корыстные цели. Усомниться в такой трактовке заставляют даже и аргументы экономического характера. Если предполагать, что идейной эволюцией названных исторических деятелей руководил личный корыстный интерес, то логичным с их стороны было бы примкнуть как раз к лагерю либеральной и даже леворадикальной прессы, которая была в коммерческом отношении гораздо более успешной, чем издания консерваторов. Из консервативных изданий хотя бы относительно коммерчески успешным можно признать только «Дневник писателя», остальные, включая даже субсидированный

---

⁶⁹² Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1982. С. 63.

⁶⁹³ Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 1870-х гг. Цит. по: Волгин И. Л. Достоевский – журналист: («Дневник писателя» и рус. общественность): Пособие к спецкурсу. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 13.

⁶⁹⁴ Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016.

«Гражданин», едва сводили концы с концами. «Московские ведомости» держались на плаву благодаря тому, что были частью крупного издательского комплекса, основной доход которого шел от «Русского вестника» и книгоиздательской деятельности типографии. Коммерческий спрос на либеральную фразеологию во второй половине XIX в. был более интенсивным: Н. А. Некрасов, А. А. Краевский и Г. Е. Благодетель сделали крупные состояния на своих издательских проектах, чего не скажешь об издателях-консерваторах. Сложно предполагать корысть и в «непрямых дивидендах», связанных с укреплением карьерных перспектив и положения в обществе. К. Н. Леонтьев отмечал, что если в николаевское время «либерализм был чувством личным и живым; он был тогда великодушием. Во многих случаях – отвагой», то к середине века ситуация в корне меняется и «теперь либералами у нас (по выражению Щедрина) заборы подпирают»⁶⁹⁵, так что репутация консерватора не приносила в то время общественного признания, а напротив, ставила журналиста в положение маргинала, по подозрительным мотивам «отколовшегося» от основного направления общественно-политического движения общества.

Представляется, что в поисках причины идейной эволюции деятелей русского консерватизма стоит отказаться от апелляции к мотивам личной корысти, свойственной исследованиям советского периода. Вернее будет отметить, что причины её частично вытекали из естественных этапов личностного созревания, частично были обусловлены общественно-политической картиной времени. В начале реформаторской эпохи русское образованное общество, долгое время стесненное информационным террором николаевского времени, было едино в своей абстрактной жажде разносторонних преобразований к лучшему, наиболее четко описываемой как платформа умеренного либерализма. Эту ситуацию прекрасно описывает

---

⁶⁹⁵ Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Просвещенный консерватизм: российские мыслители о путях развития российской цивилизации / сост. и ред. Д. Н. Бакун. М.: Грифон, 2012. С. 82.

один из деятельных публицистов того времени Н. Н. Страхов: «тогда партии не выделялись ясно и вся литература сливалась во что-то единое... все одинаково стояли за просвещение, свободу слова, снятие всяких уз и стеснений и т.п. – словом, за самые ходячие либеральные начала, понимаемые совершенно отвлеченно, так что под них подходили самые разнообразные и противоречащие стремления»⁶⁹⁶. Но со временем практика текущей политической жизни и реальных реформ потребовала от общественных деятелей и публицистов конкретизации своих политических позиций. В этих условиях часть мыслителей естественно эволюционировала в сторону радикально-демократических убеждений, часть – в направлении консерватизма, но важно признать, что и те и другие преимущественно руководствовались искренними убеждениями и действительно совершили сложный путь духовных исканий.

Консервативные издания не были услужливыми апологетами действующего порядка, прославлявшими любое правительственное распоряжение просто потому, что оно исходит от высшей власти. Они имели свое представление о смысле национальных государственных задач и в тех случаях, когда считали, что правительство уклоняется от верного курса, обрушивались на него с едкой критикой. Правда, при этом следует отметить совершенно особый характер этих критических выступлений, отличавший издания консервативного блока от критиков правительства из числа леворадикальной прессы. Издания революционно-демократического толка традиционно отличались слабостью так называемой «позитивной программы», критический пафос в них превалировал, но, обличая недостатки, они далеко не всегда могли предложить конкретный и удобоисполнимый способ их устранения. Отличительной чертой консервативной критики было непосредственное соседство критических обличений с конкретными рецептами излечения обозначенных

---

⁶⁹⁶ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 397.

общественных язв. Обличительные памфлеты Мещерского всегда завершались рекомендациями конкретных мер и должностных назначений⁶⁹⁷, многие передовицы Каткова можно было прямо переписывать в правительственные распоряжения⁶⁹⁸. При этом критические нападки консервативной прессы могли касаться не только общего курса правительственной политики или отдельных чиновников, но в некоторых случаях простирались и на членов императорской фамилии, как, например, по время Польского восстания 1863 г., когда и «Московские ведомости» и «День» критически отзывались о характере управления краем, осуществлявшемся великим князем Константином Николаевичем.

Такой критический задор консервативной прессы вызывал объяснимые осложнения во взаимодействии с цензурой. Газету Гилярова-Платонова «Современные известия» многократные запрещения розничной продажи довели до разорения, издания Аксакова закрывались («Парус») или подвергались многократным приостановкам («День», «Москва»), «Московские ведомости» Каткова были приостановлены после трех предостережений в 1866 г. и находились на грани приостановки в 1887 г., «Гражданин» Мещерского также многократно приостанавливался и был закрыт в 1877 г.

Мещерский рассказывает в предисловии к публицистическому сборнику «В улику времени» историю о том, как он еще в первой молодости, в начале 1860-х гг., написал статью по поводу университетских беспорядков, выразившую вполне консервативную позицию и возлагавшую вину за события в университете не на студентов, а на петербургскую печать, «натравливавшую молодежь на поводы к увлечениям»⁶⁹⁹. Несмотря на то, что статья была вполне благонамеренная, из цензурного ведомства она вернулась

---

⁶⁹⁷ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009; Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Ихтиос журнал «Новая книга России», 2005.

⁶⁹⁸ Розанов В. В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7. С. 36–38.

⁶⁹⁹ Мещерский В. П. Вместо предисловия // В улику времени. СПб., 1879. С. II.

к автору в неузнаваемом виде, так что опубликовать её Мещерский отказался. По его словам, рукопись, исковерканную пятью различными ведомствами и пятью видами чернил, он хранил для потомства и вынимал из ящика всякий раз, «когда нужно подтверждать доказательствами мысль, весьма, впрочем не новую, что цензура стесняет не тех, которые хотят проводить зло или либеральные экзажерации, а нас консерваторов, и только нас, стоящих за порядок и за основные начала христианского монархического строя, но стоящих твердо и неподдающихся никаким сделкам ни с чиновником, ни с либералом»⁷⁰⁰.

Очень характерно это последнее упоминание о том, что консерваторов преследовали за то, что они отказывались «пойти на сделку» с чиновничеством. Консервативная пресса, безусловно, стремилась действовать в интересах государства, но государства как абстрактно мыслимого единого целого, монолитного воплощения общенациональных интересов. Между тем реальный государственный механизм приводился в движение людьми, вернее, множеством людей, большинство из которых были побуждаемы отнюдь не высокими мотивами благоустройства национального государственного величия, а мелочными бытовыми стремлениями карьерного роста и борьбы за «теплые места», стяжательством, самолюбием, а порою и самодурством. Консерваторы, такие как М. Н. Катков, говорили «от лица русского правительства в его идеале, в его умопостигаемом представлении», т.е. часто вынуждены были бороться с реальной бюрократией за идеальное государство, с конкретными чиновниками за общее благо страны. Как определяет эту позицию В. В. Розанов, говоря о Каткове, консерваторы раздражали чиновников, так как своей критикой с позиций неукоснительного следования национальным интересам обличали в них «недостаточную чистоту служения России»⁷⁰¹.

---

⁷⁰⁰ Там же. С. III–IV.

⁷⁰¹ Розанов В. В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7. С. 36–38.

Именно поэтому с таким, на первый взгляд, удивительным усердием преследовала консерваторов-государственников цензура, формально управляемая или неформально направляемая высокопоставленными чиновниками, в «подковерные игры» которых не вписывались те или иные положения, пропагандируемые публицистами консервативного лагеря. И совершенно естественно, что защиты в этом случае консерваторы искали у того, в ком видели единственный противовес чиновному произволу, кого сообразно с разработанной ими моделью национальной государственности считали высшим арбитром в случае столкновения интересов общественных групп, – у государя. Спасаться от цензурных трудностей, прибегая к заступничеству царя, напрямую или пользуясь посредничеством вельможных единомышленников и покровителей, приходилось и Аксакову, и Каткову, и Мещерскому.

Еще одним общим свойством консервативной периодики была её относительно низкая популярность, определявшая скромные тиражи и сомнительную коммерческую эффективность изданий. Пожалуй, главной причиной этого можно считать то обстоятельство, что в идейном плане консерваторы выражали убеждения, в корне противные основной массе русской читающей публики. Русский образованный класс, как уже неоднократно упоминалось, в силу своей ориентированности на западную цивилизационную модель, с пренебрежением относился к народной традиции. Как писал Мещерский, «русский народ, здравый, умный, со своею православною и политическою верою... предстал перед петербургским интеллигентом... отвратительным уродом, за переделку которого надо было взяться немедленно»⁷⁰². Для консерваторов же именно народная политическая и религиозная традиция была отправной точкой всех логических построений. Интуитивным, не рефлексирующим носителем этого комплекса идей являлись низшие классы, народ, но народ был в большинстве

---

⁷⁰² Мещерский В. П. В улику времени. СПб., 1879. С. 36.

не только не образован, но и просто неграмотен, посему философских умпостроений консерваторов не читал, а если бы и читал, то вряд ли понял бы. Выражаясь языком современных рыночных отношений, консервативная периодика «не попадала в целевую аудиторию», обращаясь к тем, к кому с именно этими идеями бессмысленно было обращаться, и не имела возможности обратиться к своим единомышленникам.

В этом отношении концепция изданий Гилярова-Платонова представляет собой уникальный для консерваторов пример коммуникативной практики, базировавшейся на попытке преодолеть барьеры, отделяющие массового, необразованного читателя от того социально-философского диалога о его будущем, который вели между собой представители образованного класса. Он единственный предпринял попытку обратить свои силы на укрепление традиционных консервативных начал в народе, на то, чтобы народ не только интуитивно верил и непроизвольно сочувствовал этим началам, но и понимал их, осмыслял и творчески развивал. Попытка эта стоила Никите Петровичу личной популярности и литературных амбиций и привела к тому, что после смерти его имя на долгое время было забыто в истории русской журналистики и литературы. Жертва эта, видимо, оказалась напрасной, ибо пристальное внимание цензуры к изданию, обращенному в народ, привело к тому, что, признавая восхитительное благородство и размах намерений издателя, необходимо констатировать и весьма малый успех этого замысла.

В преодолении этой сложнейшей для консервативной журналистики проблемы издатели искали разные пути. Достоевский решился на провокационную проповедь заведомо чуждых публике идей, обоснованно рассчитывая на силу своего писательского таланта, перед обаянием которого не могла устоять даже и негативно настроенная аудитория. Не побоявшись стать «не только писателем, но и борзописцем» для привлечения внимания аудитории, Федор Михайлович создал, по сути, единственный коммерчески успешный и высоко оцененный публикой издательский проект

консервативного толка. Однако развить и укрепить этот успех ему помешала постоянная внутренняя борьба писательских и журналистских устремлений и замыслов и ранняя кончина, прервавшая его творчество на пике популярности.

Иную тактику избрал Аксаков – ориентируясь на «малое, но верное стадо», он не шел на компромиссы со вкусами публики, боясь «уронить идею», выдерживал глубокий философский тон публикаций, принципиально не заботился о коммерческом успехе. В какой-то степени можно сказать, что он работал более для будущего, чем для настоящего – современный исследователь именно в текстах, принадлежащих перу Аксакова, может найти наиболее глубокое и ясное выражение многих постулатов русской консервативной философии, но тексты эти носят академический характер, едва ли приемлемый для широкого читателя. Аксаков никогда не устареет и не потеряет своего значения для потомков, но при этом парадоксальным образом вовсе не был интересен своим современникам.

Скорое разочарование консерваторов в политической силе печатного слова, подсказало еще один путь решения проблемы взаимоотношений с аудиторией. Стремление участвовать в политической жизни страны через идейное влияние на власть, а не на читателя, пытались реализовать с своих коммуникативных практиках Мещерский и Катков. Их путь можно было бы коротко обозначить фразой, высказанной одним из современников о творческой биографии и мировоззрении еще одного видного консерватора, К. Н. Леонтьева – на самом деле идеальной моделью общественной деятельности для Леонтьева была позиция Н. М. Карамзина при Александре I, а не роль популярного журналиста: «он всегда мечтал писать записки императору». С определенной долей упрощения, конечно, но это замечание можно распространить и на всю консервативную публицистику – она писалась для царя и правительства в большей степени, чем для своего номинального читателя.

Наибольшего успеха в этом отношении достиг Катков. Значение «Московских ведомостей» для русского правительства к середине 1880-х гг. было огромно. Возглавляемая М. Н. Катковым газета много лет была наиболее влиятельным консервативным органом печати, а её издатель – «министром без портфеля», принимавшим активное практическое участие в решении многих значимых государственных вопросов. Консервативное крыло русской печати и общественной мысли не изобиловало успешными деятелями, сумевшими снискать популярность и влияние, а после того как в 1881 г. не стало Ф. М. Достоевского, а в 1886 г. – И. С. Аксакова, издатель «Московских ведомостей» оставался почти единственным консервативным публицистом, совмещавшим литературный талант и роль самостоятельной политической фигуры, влиявшей на ход дел в государстве. Поэтому проблема поиска нового издателя для «Московских ведомостей» представлялась масштабным вопросом государственной важности.

Смерть Каткова не была событием неожиданным, постепенное ухудшение его здоровья заставляло его сотрудников, а также заинтересованных в судьбе газеты правительственных лиц заранее размышлять над вопросом о том, кто станет его преемником. Ускорили приближение его кончины переживания, связанные со скандальной историей, разразившейся вокруг «Московских ведомостей» весной 1887 г. Предостережения, полученные изданием Каткова за статьи по вопросам внешней политики, стали отчасти результатом интриг его политических оппонентов при дворе и едва не сделали мировой сенсацией, поставив «Московские ведомости» на грань закрытия. Только благодаря вмешательству высокопоставленных покровителей Каткова, в числе которых был и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, удалось добиться личной аудиенции для редактора у Александра III, которая завершилась примирением государя со строптивым журналистом и полным прощением «Московских ведомостей». Однако уже в ходе обсуждения этого эпизода, в марте 1887 г., Победоносцев в письме государю отмечал, что примириться с

Катковым теперь тем важнее, что скоро правительство его неизбежно потеряет, и «когда его не будет, решительно нечем будет заменить его в нашей распущенной и бедной серьезными талантами печати», а «минута, которой нельзя не опасаться, вероятно, уже недалеко, потому что Катков едва ли долго продержится»⁷⁰³.

Очевидно, это понимали и в обществе. Один из будущих кандидатов на место редактора, Н. П. Гиляров-Платонов в черновике докладной записки на имя министра народного просвещения И. Д. Делянова писал: «Тотчас по смерти Каткова, и даже еще ранее, в последние дни его жизни, ко мне начали поступать многочисленные заявления от его почитателей и вообще людей русского направления с настояниями, чтобы я (...) заступил на место бывшего знаменитого публициста»⁷⁰⁴.

Размышления в правительственных сферах о будущем преемнике Каткова также начались за некоторое время до его кончины, а когда 15 июля чиновник министерства народного просвещения М. Н. Любимов, давний близкий друг Каткова, уведомил Победоносцева о том, что «Катков очевидно не жилец»⁷⁰⁵, эти размышления приняли весьма практический характер.

Постепенно сложились как бы два круга кандидатов на пост редактора «Московских ведомостей». Более широкий круг возможных участников этой конкурентной борьбы, или, по крайней мере, лиц, считавших себя таковыми, включал профессора медицины И. Ф. Циона, одного из приближенных Каткова, его крестного сына и постоянного корреспондента, назначенного по протекции Каткова чиновником министерства финансов; профессора славянской филологии и сторонника славянофильских идей А. С. Будиловича; одного из бывших сотрудников «Московских ведомостей», чиновника министерства народного просвещения, помощника Каткова по

---

⁷⁰³ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 219–220.

⁷⁰⁴ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: автобиографические воспоминания: В 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 245.

⁷⁰⁵ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 247.

отделу внешней политики А. И. Георгиевского; русского историка-антинорманиста, публициста «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Д. И. Иловайского; покорителя Туркестана генерала Черняева, издававшего в 1870-х гг. консервативную газету «Русский мир». Впрочем, претензии этих лиц на наследование дела Каткова были весьма непрочны, а вот наиболее вероятных претендентов, имевших определённую поддержку во властных кругах и достаточный для такого поприща редакционно-издательский опыт, было двое – издатель московской ежедневной газеты «Современные известия» Гиляров-Платонов и представитель прежнего редакционного коллектива С. А. Петровский, весомым аргументом в пользу которого было то, что в течение последних шести лет жизни Каткова он формально возглавлял редакцию газеты.

Все возрастающая нагрузка по редакционным делам вместе со все возрастающей вовлечённостью Каткова в закулисную политическую борьбу в правительственных сферах делали для него невозможным полноценное исполнение всех формальных обязанностей по делам редакции, и он передал их своему помощнику Петровскому, обратившись в начале января 1882 г. с прошением в Главное управление по делам печати с просьбой назначить последнего редактором «Московских Ведомостей», оставляя за собой статус издателя-арендатора.⁷⁰⁶

Интересен также тот факт, что издатель журнала-газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский, хотя и не был формальным соискателем права издания «Московских ведомостей», в публике воспринимался как один из возможных кандидатов. Участие Мещерского в конкурентной борьбе за «Московские ведомости» – один из многочисленных слухов, всегда окружавших яркую и во многом спорную фигуру этого общественного деятеля. Рост влияния Мещерского при дворе и лично на Александра III после 1883 г., когда после десятилетнего разрыва дружеских отношений состоялось

---

⁷⁰⁶ Дело о Правительственном сообщении. РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОдГС. 1882 г. Д. 8. Л. 3.

формальное примирение князя с государем, заставляло многих читателей предполагать, что государю может прийти мысль заместить ушедшего Каткова протежируемым другом юности Мещерским. При этом публицистическая репутация Мещерского была такова, что он к этому времени сделался фигурой одиозной не только для либеральной печати, но и для многих соратников по консервативному направлению мысли. Например, В. С. Соловьев, негативно относившийся к изданию Мещерского, отвечая на вопрос главы цензурного ведомства Е. М. Феокистова, отчего он не читает газеты «Гражданин», писал: «Будучи по природе склонным к презрению человечества, но считая свойство сие отчасти греховным, не вижу надобности непрерывно питать оное; потому предпочитаю читать иные издания»⁷⁰⁷. Когда до Соловьева дошли слухи о возможности передачи «Московских ведомостей» по смерти Каткова князю Мещерскому, он так откликнулся на это известие: «И вдруг – какой пассаж неожиданный! Я далеко не приверженец Каткова и не могу со своей точки зрения признать всей его деятельности безусловно полезною для России. Но есть же удельный вес у предметов. Катков и князь Мещерский! (...) Это можно в отчаяние прийти. – Но оставляя в сторону Каткова, нет сомнения, что “Гражданин”, поддерживаемый Тертием Ивановичем <Филипповым> и другими, может серьезно соперничать с теперешними, по-катковскими “Московскими ведомостями”. Вражда между ними будет конечно не на живот, а на смерть и таким образом эти оба единственно заметные органы консервативной печати изобразят из себя двух волков, которые загрызли друг друга, оставив один только хвост»⁷⁰⁸.

В это самое время происходила трансформация собственного издания Мещерского: с 1 октября 1887 г. «Гражданин», в течение всего августа анонсировавший прекращение своего выхода в качестве еженедельного

---

⁷⁰⁷ Письма Е. М. Феокистову от Вл. С. Соловьева // РО ИРЛИ РАН. Ед. хр. 9068. Л. 6–9.

⁷⁰⁸ Там же.

журнала, должен был возродиться в формате ежедневной газеты. Увлеченный этой модернизацией собственного издания (в отличие от предыдущей версии, щедро субсидируемого), Мещерский, хотя и не был искателем поста издателя «Московских ведомостей», принимал косвенным образом активное участие в этом вопросе.

Помимо круга кандидатов определился и круг правительственных чиновников, заинтересованных в решении вопроса о «Московских ведомостях», и желавших влиять на его исход. По своему многогранному статусу «Московские ведомости» попадали в сферу административного влияния нескольких крупных ведомств. Газета, исторически связанная с Московским императорским университетом, принадлежала к сфере управления Московского учебного округа и в целом Министерства народного просвещения, возглавлявшегося Деляновым; так как казенные объявления, публиковавшиеся в «Московских ведомостях», были статьей государственного дохода, и расчет по ним был передан в государственное казначейство, влияние на решение вопроса имели управляющий министерством финансов (с 1888 г. – министр финансов) И. А. Вышнеградский и министр государственных имуществ М. Н. Островский, а также глава Государственного контроля Д. М. Сольский. Поскольку газета еще в середине XIX в. перешла от университетской под общую цензуру, она подчинялась подведомственному министру внутренних дел Д. А. Толстому Главному управлению по делам печати, которое возглавлял Феоктистов; генерал-губернатор Москвы В. А. Долгоруков также стремился не упустить из-под своего влияния одно из старейших изданий вверенной ему древней столицы, и, разумеется, вопрос такой важности не мог решаться без «тайного правителя России», обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева.

Важно отметить, что если в процессе передачи «Московских ведомостей» в аренду Каткову в 1863 г. имел место открытый «тендер», в ходе которого решение принималось исходя из экономических интересов

владельца и независимо от политических симпатий⁷⁰⁹, то в 1887 г., напротив, экономические интересы мало принимались в расчет, принципиальное значение имел вопрос политический, ибо, как отмечал в письме императору Победоносцев: «все, что происходит с “Московскими ведомостями”, становится событием не только всероссийским, но и европейским»⁷¹⁰. Правительство, готовое выделять значительные субсидии на поддержку лояльной прессы, не ожидало от «Московских ведомостей» прибыли, его интересовало политическое направление статей и их литературный уровень, поэтому деловой хватке и коммерческим способностям потенциальных арендаторов не придавалось решающего значения.

Финансовая сторона вопроса была важна только с той точки зрения, что, памятуя о заслугах Каткова, правительство не желало оставить в бедственном положении семью покойного публициста, для которой его деятельность по изданию газеты была единственным источником дохода.

Супруга Каткова, Софья Петровна, не была женщиной обширных талантов. Биографы Каткова согласно утверждают, что этот брачный союз находили в высшей степени странным⁷¹¹. По резкому выражению Феоктистова «её образцовая глупость», причем «глупость с претензиями», раздражала и удивляла многих. Прошение оставить газету за нею, поданное вдовой в Главное управление по делам печати, вызвало некоторое замешательство.

1 августа 1887 г. правитель канцелярии министра внутренних дел А. Д. Пазухин в письме Победоносцеву отмечал, что передача ей газеты «возбудила бы глумление в лагере политических врагов Михаила

---

⁷⁰⁹ Кругликова О. С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М. Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2007. № 4-2. С. 248–255.

⁷¹⁰ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 219.

⁷¹¹ Щегловитов С. Г. Катков и его время. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888; Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям Н. А. Любимова. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1889.

Никифоровича» и предлагал отказаться от идеи «вознаграждать вдову за заслуги мужа такими обходными кривыми путями»⁷¹². Вместо этого он считал более прямым и честным шагом со стороны правительства назначить вдове достойную пенсию, приводя в качестве прецедента тот факт, что семье покойного историографа Н. М. Карамзина была назначена пенсия в 50 000 рублей, а между тем Катков не менее Карамзина сделал для России. В письмах Гилярова-Платонова приводится распространившийся в это время в обществе слух о том, что Катков оставил семье состояние около трех миллионов рублей⁷¹³. Не называя конкретных цифр, слух о том, что «Катков оставил детям очень крупное состояние»⁷¹⁴ передавал и министр И. И. Воронцов-Дашков, препровождая государю прошение одного из кандидатов в издатели «Московских ведомостей». Однако в уже упоминавшемся письме Пазухина содержится, несомненно, более достоверная информация, которой располагала канцелярия министерства: «Состояние, оставшееся после Каткова, не превышает 500 тыс. При 14 человек семьи (вдова, 11 детей и 2 племянника – сироты) это едва хлеб насущный»⁷¹⁵.

Впрочем, даже если бы в благодарность за заслуги мужа редакция газеты была оставлена за вдовой, она сама, несомненно, не претендовала на то, чтобы определять редакционную политику, фактически газетой управлял бы тот же Петровский, первоначально изъявивший готовность продолжать работать в качестве редактора при вдове-издательнице.

---

⁷¹² Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 251.

⁷¹³ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: автобиографические воспоминания: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2009. С. 522.

⁷¹⁴ Юшко А. Г. За кулисами публицистики (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования. Материалы. Библиография. Рецензии: к 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова / под ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 165.

⁷¹⁵ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 251.

Попробовать избежать любых кардинальных изменений позиции и лица газеты, понадеявшись на то, что коллектив, созданный Катковым, вполне усвоил себе его мнения, его умения и таланты – эта мысль казалась заманчивой многим, в том числе Феокистову, чьим мнением как первого цензора в государстве не замедлили поинтересоваться: «такие публицисты как Михаил Никифорович, рождаются веками, было бы совершенно бесплодно мечтать о сколько-нибудь достойной замене его (...) Сколько я ни думал, вопрос этот представлялся мне неразрешимой загадкой, пока я не остановился на мысли, что если отошел от нас Катков, то сохранился полный состав его редакции... люди, как нельзя более вышколенные им»⁷¹⁶.

Забегая вперед, отметим, что именно эта черта – «вышколенность» катковской редакции – сыграла отрицательную роль в дальнейшей судьбе газеты. Феокистов и сам признавал, что среди сотрудников Каткова не было «самостоятельных деятелей», он был редактором крайне авторитарным, плюрализма мнений в редакции не допускал, а следовательно, и не терпел рядом с собой людей, мыслящих самостоятельно. «Московские ведомости» в печати второй половины XIX в. «представляли собой своего рода реликт “персонального журнализма”»⁷¹⁷.

Однако эта идейная несамостоятельность была аргументом скорее не против, а в пользу сохранения в неприкосновенности созданной Катковым редакции. Катков был уникален тем, что его консерватизм был плодом его свободомыслия. Он боролся за идею сильного государства и сильного правительства порою даже с самим правительством. Его многократные столкновения с цензурой изучены и представлены довольно подробно⁷¹⁸,

---

⁷¹⁶ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 172.

⁷¹⁷ Котов А. Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М. Н. Катков и его окружение: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016. С. 71.

⁷¹⁸ Деревягина Е. В. «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863–1887) в русском литературном процессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004; Кантор Р. М. Кризис «Московских ведомостей» в 1866 году. Пб., 1922.

несмотря на все усилия различных министерств и ведомств, превратить Каткова в правительственную марионетку так и не удалось. В лице Петровского цензурное ведомство обрело удобного редактора, не могущего претендовать на политическое влияние и согласного на роль послушного транслятора правительственных идей. Вероятно, именно усталостью от бюрократических треволений, связанных со своеобразием Каткова, и необходимостью улаживать скандалы с «Московскими ведомостями», а не только желанием «не разорять гнездо» катковской редакции, было вызвано настойчивое стремление со стороны руководителей тогдашней цензуры Толстого и Феоктистова оставить редакцию за Петровским⁷¹⁹.

Однако события приняли неожиданный оборот, ибо Петровский и вдова Каткова вскоре повздорили, и отказались сотрудничать. Иное звучание приобретал в связи с этим и финансовый вопрос – по условиям арендного контракта, заключенного покойным Катковым, типография практически являлась его собственностью, и наследовалась отдельно от прав на аренду «Московских ведомостей». Между тем, как справедливо рассуждал один из претендентов на место издателя Гиляров-Платонов, «доходы Каткова шли не от “Московских ведомостей” только, а от типографии и от “Русского вестника”, печатание которого обходилось почти даром. А типографии теперь у “Московских ведомостей” не будет; ну и “Русского вестника” также, а значит приходится будущему издателю вступать в сделку со вдовой, которой типография принадлежит»⁷²⁰.

Гилярова-Платонов, бывший издателем с более чем 20-летним опытом, вполне понимал финансовую сторону работы редакции. Его газета «Современные известия», с 1867 г. ежедневно выходившая в Москве, имела значительную популярность и, если бы не многочисленные репрессивные

---

⁷¹⁹ Юшко А. Г. За кулисами публицистики (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования. Материалы. Библиография. Рецензии: к 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова / под ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 153–182.

⁷²⁰ Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: автобиографические воспоминания: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2009. С. 227.

меры со стороны цензуры, могла бы быть весьма успешна экономически. Однако множественные запрещения розничной продажи и приостановки (в том числе в разгар подписки) довели газету и её некогда успешного издателя до грани разорения. Повышенное внимание цензуры к «Современным известиям» было вызвано тем, что газета своей аудиторией избрала наименее образованные широкие слои городского населения, была газетой для народа, и потому рассматривалась цензурой с особой строгостью. Кроме того, Гиляров-Платонов был человеком независимого образа мыслей и в этом отношении близок к Каткову, консервативные взгляды которого никогда не носили характер идеологического лакейства. Редактор наиболее успешной консервативной газеты для простонародья не боялся высказывать своё мнение, в том числе критическое, по поводу действий правительственных лиц. В особенности остро это проявлялось в отношении руководства Православной церковью, так как Гиляров-Платонов, выпускник Духовной академии, близко к сердцу принимал вопросы церковного устройства. Именно на этой почве и разгорелся его конфликт с Победоносцевым.

«Современные известия» неоднократно критиковали миссионерскую деятельность некоторых наиболее успешных и приветствуемых обер-прокурором миссионеров за формализм и профанацию истинной пастырской деятельности, настойчиво стремились обсуждать на своих страницах различные аспекты деятельности церкви. Поэтому бывший в юности добрым приятелем Гилярова-Платонова, а в зрелые годы его постоянным корреспондентом, Победоносцев, в конце концов, совершенно разгневался на издателя «Современных известий». В январе 1887 г. в одном из писем к Феокистову он пишет: «Нет сладу с Никитой Гиляровым»⁷²¹, имея в виду строптивость редактора, не снижающего полемический накал своих вступлений, несмотря на многократно высказанное в личной переписке неудовольствие обер-прокурора. Окончательному изменению отношения

---

⁷²¹ Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феокистову // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 523.

Победоносцева к издателю «Современных известий» способствовала публикация Гиляровым-Платоновым за границей книги «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева», содержащей острую критику его деятельности, а также критический анализ Синодального периода жизни русской церкви в целом. Поэтому приступая к хлопотам о «Московских ведомостях» Гиляров-Платонов напрасно предполагал возможность содействия со стороны Победоносцева, который «не желая, чтобы Гиляров стал преемником Каткова, оставался непоколебим в своем внутреннем решении всячески противодействовать этому назначению»⁷²².

Гиляров-Платонов рассчитывал на поддержку генерал-губернатора Москвы Долгорукова и министра народного просвещения Делянова, и отчасти все-таки надеялся на то, что Победоносцев припомнит их прежнюю дружбу; Феокистов, Толстой и Вышнеградский предлагали оставить газету за Петровским.

Поссорившись с Петровским, Каткова через своего сына Павла Михайловича вступила в переговоры с Гиляровым-Платоновым о том, чтобы он занял место неудобного ей Петровского в редакции «Московских ведомостей». Такая позиция более чем устраивала Гилярова-Платонова, поскольку он был скорее публицист, нежели организатор, испытал на себе все превратности и тяготы ведения финансовых дел редакции, так что место редактора на жалованье при вдове-издательнице ему было даже желательнее, чем статус официального издателя. Однако этому не суждено было осуществиться – право издания газеты не было оставлено за вдовой.

Гиляров-Платонов под влиянием некоторых лиц из прежней редакции «Московских ведомостей», не поладивших с Петровским после смерти Каткова, начал готовить к опубликованию в «Современных известиях» статью Е. Л. Кочетова, содержащую подробные язвительные и крайне

---

⁷²² Дмитриев А. П. «В церкви главные вопросы наши...» (Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев в их взаимоотношениях, переписке и суждениях друг о друге) // Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 21.

негативные характеристики сотрудников редакции «Московских ведомостей» – и прежде всего Петровского. Статья, имевшая целью дискредитировать Петровского в глазах принимающих решение сановников, носила невыдержанный и местами оскорбительный характер, поэтому, когда Гиляров-Платонов через Сольского направил гранки этой статьи Делянову, это было воспринято как грязная интрига и только повредило Гилярову-Платонову. Воспользовавшись этим как дополнительным аргументом, против его кандидатуры высказались и Делянов, и Победоносцев, и Толстой.

Таким образом, все заинтересованные лица постепенно склонялись к решению оставить газету за Петровским. Единственным серьезным противником такого решения, пытавшимся в этом ключе оказывать в переписке влияние на государя, был Мещерский. Скорее всего, князя к этому побуждало несколько причин.

Во-первых, к этому времени относится назревание его идеологического конфликта с высшей петербургской бюрократией, которую он нещадно бичевал в «Гражданине». Для многих консерваторов, видевших в самодержавии исторически обоснованную форму власти, порожденную прямым волеизъявлением народа и с этим народом тесно и непосредственно связанную, было характерно восприятие бюрократии как опасного средостения между царем и народом. Это приводило к тому, что консервативные органы печати (издания Каткова, Аксакова и др.) активно выступали с критикой высшего чиновничества. У Мещерского, в этот период своей деятельности полагавшего себя свободным от преследований цензуры благодаря патронату государя, критика эта порой доходила до «откровенных издевательств над бюрократизацией российских министерств»⁷²³. В конце 1880-х гг. Мещерский стал считать главной опасностью для государства всесилье бюрократической машины и растущий формализм, «казенность» присвоенной бюрократией консервативной философии. Победоносцев был в

---

⁷²³ Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. С. 300.

глазах Мещерского живым воплощением, символом чиновничества и казенного «бюрократического» консерватизма. Идейная подоплека конфликта между князем и обер-прокурором заключалась именно в том, что издатель «Гражданина» опасался смерти живой и независимой консервативной идеи под гнетом мертвящего формализма её чиновных апологетов⁷²⁴.

В связи с этим он опасался того, что после утверждения Петровского главой «Московских ведомостей» Победоносцев, Феоктистов, Толстой приобретут полный контроль над некогда идейно самостоятельным консервативным изданием, которое при покойном Каткове претендовало на то, чтобы контролировать их. Мещерский в переписке предостерегает государя от того, чтобы отдать старейшую московскую газету человеку без самостоятельной позиции и имени в журналистике, очевидно полагая, что популярность публициста и его репутация будут, хотя отчасти, гарантом сохранения некоторого свободомыслия газеты.

Во-вторых, возбудив своими политическими нападками личную неприязнь во многих представителях высшего чиновничества, Мещерский обоснованно опасался, что всецело подконтрольные Феоктистову и Победоносцеву «Московские ведомости» станут орудием публицистической борьбы против возрождаемого им в новом формате «Гражданина». Это действительно так и вышло, ибо, доставив руководство редакцией Петровскому, Победоносцев указывал ему, когда и насколько интенсивно следует нападать «Московским ведомостям» в том или ином вопросе на газету Мещерского⁷²⁵.

---

⁷²⁴ Дронов И. Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В. П. Мещерского (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁷²⁵ Юшко А. Г. За кулисами публицистики (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования. Материалы. Библиография. Рецензии: к 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова / под ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 180.

Окончательно вопрос о судьбе газеты решался на совещании с участием Победоносцева, Делянова, Вышнеградского, Островского, Сольского и Феокистова, который, очевидно, был приглашен не только как руководитель цензурного ведомства, но и как потенциальный преемник на посту министра внутренних дел графа Толстого, состояние здоровья которого позволяло предполагать его скорый выход в отставку⁷²⁶. Государь в это время отсутствовал в России, хотя его постоянно письменно информировали о состоянии вопроса о «Московских ведомостях». Совещание после некоторых прений приняло решение отдать «Московские ведомости» Петровскому. Монарх на это решение наложил неувверенную резолюцию, гласившую, что следует отдать газету Петровскому на короткий срок (3 года) и посмотреть, как будут развиваться события⁷²⁷.

Петербургская бюрократия, скрепя сердце терпевшая строптивца Каткова за то, что он, по выражению Победоносцева, «как журналист оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена»⁷²⁸, не готова была заменить его другим талантливым строптивцем – самобытным в политических воззрениях и непреклонным во мнениях Гиляровым-Платоновым. Под руководством Петровского «Московские ведомости» быстро утратили то политическое значение, которое когда-то имели, хотя в первые годы новой редакции газета даже несколько увеличила тираж, привлекла новых подписчиков⁷²⁹. Это было связано с тем, что новая редакция постепенно смещала акцент с общественно-политических материалов на

---

⁷²⁶ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 248.

⁷²⁷ Юшко А. Г. За кулисами публицистики (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования. Материалы. Библиография. Рецензии: к 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова / под ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 178.

⁷²⁸ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001. С. 218.

⁷²⁹ Кругликова О. С. «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 2. С. 252–264.

информационно-развлекательные, яростные передовицы «громовержца Страстного бульвара» больше не появлялись на страницах «Московских ведомостей», и вскоре ведущая газета стала лишь одним из многочисленных московских информационных изданий.

Нельзя не отметить тот факт, что неудачные хлопоты о газете были прямой причиной смерти Гилярова-Платонова. Конечно, поездки в Петербург, с ежедневными хождениями по квартирам знакомых и кабинетам чиновников, от которых могло зависеть решение о передаче в аренду «Московских ведомостей», для пожилого Гилярова были и физически нелегки, и нравственно мучительны⁷³⁰. Неудачи унижительных искательств привели к тому, что сердце Никиты Петровича не выдержало: он умер в Петербурге в номере гостиницы «Бель-Вью», не успев даже вернуться домой в Москву с неутешительными известиями.

На рубеже веков и в предреволюционные годы предпринимались неоднократные попытки возродить политическое и пропагандистское влияние «Московских ведомостей», например в период редакторства Л. А. Тихомирова (1909–1913 гг.). Существовал своеобразный культ личности Каткова, «распространенный среди следующего поколения консервативных публицистов. Все эти литераторы смотрели на Каткова так же, как в своё время декабристы и кн. Андрей Болконский смотрели на Наполеона»⁷³¹. И хотя стать «новым Катковым» было сладкой грезой русских консервативных публицистов начала XX в. (об этом мечтали Л. А. Тихомиров и С. Ф. Шарапов), но уже современникам было очевидно, как выразился Гиляров-Платонов, что «Катков был Катков, и более не повторится»⁷³².

---

⁷³⁰ Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и его воспоминания // Из пережитого: автобиографические воспоминания: в 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 353.

⁷³¹ Котов А. Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М. Н. Катков и его окружение: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016. С. 77.

⁷³² Дмитриев А. П. «В церкви главные вопросы наши...» (Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев в их взаимоотношениях, переписке и суждениях друг о друге) // Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 26.

Коммуникативные практики русской консервативной прессы второй половины XIX в. в целом содержат больше примеров неудач, чем образцов успеха. В сущности, среди безусловно успешных стратегий можно назвать только две: стратегию Каткова, который вовремя и верно оценил перспективы своего влияния на мнение читающей публики и увидел иные пути достижения своих целей, и стратегию Достоевского, который, сделав ставку на всепобеждающую силу литературного таланта, решился на религиозную проповедь под маской философа-парадоксалиста.

Издательские опыты Аксакова стали колоссальным приобретением для истории русской философии, но в русской журналистике и политической действительности не сыграли принципиальной роли. Аксаков задался целью влиять на мнение общества, но видел в своем читателе ровню и единомышленника и вел с ним высокоинтеллектуальную беседу с позиции общих мировоззренческих установок, пренебрегая необходимостью увлекать малообразованных и равнодушных и переубеждать идеологических оппонентов. Аксаков гордился тем, что, имея по рождению и семейным связям обширные придворные знакомства, гораздо более весомые, чем Катков, он, в отличие от последнего, ко двору почти не ездил и взаимодействий с чиновным миром не искал. Аксакова всецело занимал мир идей, его целью было влиять на духовное состояние будущих поколений, поэтому его орудием была философская публицистика. Катков же заботился, как умел, о пользе сегодняшнего дня и буднях имперской государственности, так что для него этот инструмент оказался непригоден.

К. Леонтьев в уже упоминавшемся письме о. Иосифу Фуделю писал об Аксакове, что тот «слишком верил в хорошие качества русского народа, русского племени, – русского духа. – Катков, видимо, не очень-то в них верил. (...) Катков верил в силу и будущность Государства русского; и для укрепления его не слишком разбирал средства...». Леонтьев сравнивает Каткова с энергичным военачальником, который «ввиду наступающего неприятеля, не находит возможным “убеждать” высокими речами

зарабевших бунтующих солдат; некогда! Он разбивает сам рукой голову одному, бьет по лицу другого; – ругает третьего; – ласково ободряет остальных и кратко взывает к их патриотизму. – И. С. Аксаков во время пожара читает благородную лекцию о будущей пользе взаимного страхования в любви. – Бог с ним в такую минуту»⁷³³.

Неуспех издательских опытов Гилярова-Платонова связан с тем, что, задавшись целью воспитать малообразованного читателя, он упустил из виду тонкости взаимодействий с административной машиной, пренебрегая требованиями осторожности в работе с цензурой. Вероятно, сыграл свою роль и просто недостаток личных предпринимательских способностей – странно было предполагать, что философ, богослов и бессеребренник легко переqualифицируется в хваткого издателя бульварного листка.

Сложнее однозначно оценить коммуникативные практики кн. Мещерского. Во-первых, по причине того, что ясная и отчетливая цель издательской деятельности вряд ли когда-то четко формулировалась им самим. Оказывать влияние на ход государственных дел он, в отличие от Каткова, мог, и не имея в своем распоряжении газеты – только за счет положения в свете, связей родства и перспектив чиновной карьеры. Скорее им руководило интуитивное стремление к литературной славе, громкому общественному поприщу, ему не было достаточно бюрократического закулисья. Он, очевидно, стремился анализировать и частично осваивать опыт более успешных соратников по направлению – отчасти строил систему, аналогичную катковской, порой с интересом пытался осваивать формат публицистики Достоевского, но ни по государственному уму, ни по литературному дарованию не мог с ними сравниться.

Русская консервативная публицистика вошла в XX в. обескровленной, фигуры масштаба Каткова, Достоевского, Аксакова, Гилярова-Платонова

---

⁷³³ Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский дом, 2012. С. 304.

сошли с исторической сцены. В 1890-х гг. и на рубеже веков «Гражданин» Мещерского оставался единственным влиятельным органом консервативной печати, но скандальная репутация издателя, публицистика которого к тому же отличалась крайней резкостью воззрений и выражений при не слишком обширной аргументации, делали этот печатный орган не столько властителем дум, сколько удобной мишенью для остроумной критики со стороны идеологических оппонентов. Гроза 1917 г. приближалась неумолимо, а время журналистов-государственников, умевших, отстаивая консервативные ценности, поставить свои издания таким образом, чтобы они, подобно «Московским ведомостям» Каткова «означали появление рядом с правительством и отдельно от него довольно значительной политической силы...»⁷³⁴ осталось в прошлом.

---

⁷³⁴ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973., С. 23.

Заключение

Анализируя ключевые концепты русской консервативной журналистики второй половины XIX в., необходимо отталкиваться от понимания некоторых существенных особенностей консервативной философии. Прежде всего, необходимо принимать во внимание антирационализм, гносеологический и антропологический пессимизм, свойственные консервативному мировоззрению, и логически приводящие консерваторов к отстаиванию тех форм общественного бытия, которые закреплены исторической традицией определенного народа. Поскольку традиция требует рациональной рефлексии только в те периоды, когда она подвергается угрозе разрушения и вынуждена противостоять модернизационным вызовам, содержательно любая консервативная доктрина максимально ярко являет себя через полемическое противостояние тем концептам, на которых базируется угрожающая ей модернизационная теория, и в том смысле любой консерватизм реакционен.

Русский консерватизм второй половины XIX в. в качестве концептуального ядра оспариваемой им модернизационной теории видел символическую триаду Великой французской революции, поскольку именно революционные события конца XVIII в. дали толчок развитию самых разнообразных теорий социального переустройства и явили миру наиболее яркий пример того, какими потрясениями может грозить попытка кардинального переустройства общества на базе теоретических установок рационалистической философии. Поэтому свою задачу консервативные публицисты видели в том, чтобы дать наиболее актуальное, и в то же время следующее в русле национальной традиции, осмысление понятий *свободы*, *равенства* и *братства*. Выдвинув в качестве антитезы свой тройственный лозунг «Православие, самодержавие, народность», консерваторы симметрично сопоставляли каждое их трех перечисленных понятий,

раскрывая их содержание с помощью ряда вспомогательных понятий, сформировавших определенные семантические ряды.

Это противопоставление придавало специфический характер русскому публичному дискурсу второй половины XIX в. – оппоненты, используя одни и те же слова, не только наполняли их различным смыслом, но старались сделать так, чтобы в употребляемых ими понятиях имплицитно транслировалось опровержение альтернативных трактовок. Это позволяет говорить о сомнительном потенциале формирования общественного консенсуса относительно базовых понятий социального бытия, составления желанного филологам «идеологического словаря эпохи»⁷³⁵, а в более широком смысле ставит вопрос о том, в какой мере вообще можно говорить о существовании общего для всех участников публичного дискурса этого периода социально-политического языка.

Во второй половине XIX в., который сторонники рационалистического подхода называли веком торжества прогресса, а религиозные мыслители – веком духовного растрепания и безверия, консерваторы предприняли попытку реабилитации сакрального в сфере политического. Они предложили взгляд на свободу, равенство и братство через призму религиозного мировоззрения.

Понимая свободу как свободу духа, просвещенного светом веры, консерваторы видели единственно возможную реализацию свободы в самоограничении и самоотверженном служении. Надсловный характер самодержавия становился в их модели единственной реально воплотимой формой политического равенства, основанием которого было понимание гражданственности как неукоснительного внимания к исполнению своих обязанностей, более важного, чем забота о реализации прав. Братство, существование которого вне религиозной идеи консерваторы считали логическим абсурдом, осмыслялось ими как в аспекте патерналистских

---

⁷³⁵ Виноградов В. В. История слов/ Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М., 1999.

взаимоотношений государства и граждан, когда гражданское братство являлось отражением общего «политического сыновства» подданных по отношению к государю, а также осмыслялось в аспекте братства разнообразных народов в составе полиэтнической империи.

Вопреки распространенному мнению русский консерватизм возник и формировался не как комплекс идей, базирующийся на безоговорочной лояльности существующей власти или нацеленный на сохранение status quo, каким бы оно ни было. Напротив, русский консерватизм родился вне системы государственной администрации как форма оппозиционной идеологии.

Понимание сущности этой идеологии и характера ее влияния на социально-политическую реальность эпохи невозможно без анализа форм ее отражения в прессе, поскольку журналистика в пореформенной России имела совершенно уникальное положение. В. Г. Белинский в начале 1840-х гг. с оптимизмом провозгласил, что «журнал нигде в мире не имеет такого важного значения как у нас»,⁷³⁶ а спустя 30 лет князь В. П. Мещерский не без грусти констатировал, к чему это привело: «фельетоны воспитывают наше общество, Петербургское в особенности, не только в политическом, но даже в гражданском, общественном и семейном быту»,⁷³⁷ и признавал, что за эти годы в России «создалось и духовно сложилось нафельетонизированное общество»⁷³⁸. Глава цензурного ведомства Российской империи в 1880–90-х гг. Е. М. Феокистов передает в своих мемуарах слова, сказанные ему обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым: «великим бедствием для нашего общества, отличавшегося далеко не высоким развитием, чуждого в громадном большинстве своем всяких умственных интересов, было то, что,

---

⁷³⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. Т. XI С. 566.

⁷³⁷ Мещерский В. П. Бог и фельетонисты // Речи консерватора. СПб, 1876. С. 162–163

⁷³⁸ Там же, С. 168.

как только занялась над Россией заря новой жизни, оно очутилось вместо книги с газетою в руках»⁷³⁹.

Этим исключительным положением журналистики в период становления понятийной системы русского общественно-политического дискурса определяется важность для понимания исторических процессов анализа журналистской деятельности сторонников различных социально-философских систем. Возможность закрепить в общественном сознании доминирующее значение тех трактовок ключевых понятий, которые транслируются определённым направлением или общественным деятелем, всецело зависела от успеха реализуемых ими коммуникативных практик. Поэтому часто звучащее у исследователей утверждение, что консерваторам «...так и не удалось представить власти, обществу и даже собственным единомышленникам четкой концепции переустройства России», а «консерватизм не сложился в единую идеологию, не выработал четкой программы и не породил весомой политической силы»⁷⁴⁰ трудно признать вполне справедливым. Правильнее было бы говорить о том, что свою оригинальную и вполне продуктивную политико-философскую модель консерваторы не смогли навязать сознанию образованного общества, хотя зачастую удавалось добиться ее реализации в политической практике. Тому есть несколько причин.

Безусловно, «консерватизм был сильным и уверенным лишь тогда, когда оперировал идеями, созданными в религиозной православной парадигме»⁷⁴¹, а носителем идей христианства и основой православной церкви в России XIX в. был тот социальный пласт, который не являлся

---

⁷³⁹ За кулисами политики / Е. М. Феокистов. В. Д. Новицкий. Ф. Лир. М. Э. Клейнмихель. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2001, С. 145

⁷⁴⁰ Репников, А. В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX-начала XX вв : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, С. 17.

⁷⁴¹ Герасимов, Г. И. Идеалистический подход к истории: теория, методология, концепции. 2-е издание, дополненное. Екатеринбург: Издательские решения, 2022. С. 281.

непосредственным участником публичного дискурса, поскольку был либо вовсе неграмотен, либо не имел финансовой возможности стать постоянным читателем качественной общественно-политической прессы. Нельзя упускать из виду, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. качественная пресса оставалась в рыночных категориях товаром элитарным, адресованным материально достаточной публике.

В более общем виде наиболее серьезную причину неэффективности коммуникационных практик консерваторов можно сформулировать как идейный диссонанс с ожиданиями той аудитории, к которой они обращались, при технической невозможности обратиться к аудитории, которая состояла из их единомышленников. По сходной причине не произошло более глубокого понимания концептуальной основы политических установок консерватизма и со стороны его позднейших исследователей – советские ученые в большинстве своем воспитывались вне религиозной парадигмы и считали ее принципиально устаревшей.

Апелляция к религиозной догматике в политическом дискурсе зачастую расценивается как спекулятивная – как стремление недостаток рациональной аргументации восполнить мистическими обоснованиями и догматическими констатациями. Однако необходимо принимать во внимание тот факт, что и оппоненты консерваторов, в сущности, базировались на тех же априорных и догматических основаниях, некритично принимая тезис об имманентных естественному человеку чувствах добра и справедливости. В сущности, в любой полемической дискуссии мы имеем дело с конфликтом идеальных моделей – концептуальные построения обеих сторон стремятся выразить себя во всей полноте категоричности, между тем как в ходе практического воплощения положений любой из этих систем они неизбежно будут претерпевать корректировку политической практикой. Когда мы говорим о противопоставлении различно понимаемых оппонентами концептов, мы не должны упускать из виду, что любой из этих концептов изначально содержит внутренний конфликт, выражает собой напряжение

«между обобщенным в понятии наличным бытием и проектом будущего, который оно пытается сформулировать и навязать как логическую неизбежность»⁷⁴².

В этом отношении маркирование базирующейся на православии системы русских консерваторов как идеалистической и несбыточной в противовес якобы рациональной и функциональной системе их оппонентов представляется спорным. В конце концов, как показывает историческая практика, построение государства по идеальной модели демократии оказалось ничуть не более реалистичным, чем построение государства на началах христианской любви. И даже напротив, те модели государственного строительства, которые декларировали приверженность религиозному мировоззрению со свойственным ему принятием несовершенства земного мира как неизбежности, оказывались более гибки и жизнеспособны, чем попытки бескомпромиссного воплощения идеальных рационально обоснованных моделей общественного устройства, быстро обернувшихся тоталитарной диктатурой. В этом отношении уверенность консерваторов в том, что нужно придерживаться форм общественного бытия, на практике доказавших свою жизнеспособность, выглядят весьма здраво, а предостережения относительно попыток воплощения либерально-демократического идеала в жизнь выглядят провидческими.

Понимая, сколь привлекательны могут быть идеи либерализма, взятые в своих идеальных формулах, консерваторы указывали на необходимость ясно понимать национальную специфику и соотноситься с нею в планах практической реализации идеалов либерализма. Столкновение с русской действительностью убеждало даже и многих носителей либеральных взглядов в том, что идеи эти при всем своем обаянии именно в России неприменимы, следствием чего являлось декларативное повторение

---

⁷⁴² Копосов Н. Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 4, С. 32.

образованной публикой либеральных сентенций без веры в возможность их воплощения, а следовательно, и без практической цели, что позволило Достоевскому в романе «Бесы» с горькой иронией заявить, что «высший либерализм» и «высший либерал», то есть либерал без всякой цели, возможны только в одной России⁷⁴³.

Не являясь принципиальными противниками преобразований, консерваторы в целом приветствовали идеи внедрения механизмов местного самоуправления, увеличения свободы экономической деятельности, развития предпринимательства, усовершенствования судопроизводства. Однако отстаивание приоритета государственных интересов, т.е. интересов народа, заставляло их порой иронично относиться к общественным деятелям, шумно ратовавшим за либеральные свободы без серьезного анализа последствий их практического применения в российской политической действительности. «Если речь идет о государстве, которого мы граждане, о народе, которого мы дети, о деле, которому мы служим (...) то вопрос отнюдь не в том, либералы мы или консерваторы (...) Мы русские люди, наше отечество Россия; давайте же нам то, что требуется пользою нашей страны, что может послужить во благо нашему народу. Если вы честные люди и не хотите быть в дураках, не думайте ни о консервативных мерах, ни о либеральных учреждениях, а заботьтесь только о том, что по искреннему и зрелому убеждению вашему соответствует действительным потребностям страны в данное время»,⁷⁴⁴ – так выглядела данная Катковым формула государственного прагматизма, лежащего в основе взглядов консерваторов.

Государственнический характер русского консерватизма определяет идеологическую гибкость и кажущуюся содержательную расплывчатость, внутреннюю противоречивость его как системы общественно-политических взглядов. На самом деле русский консерватизм, декларирующий в качестве главной ценности безоговорочный приоритет сохранения и усиления мощи

---

⁷⁴³ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т., Т7, С. 33.

⁷⁴⁴ Катков М.Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб: Росток, 2011. Т. 3. С. 384-385.

национального суверенного государства, на каждом историческом этапе предлагает систему действий, нацеленную на решение тех проблем, которые именно сегодня стоят перед этим государством. Разнообразие этих проблем определяет и разнообразие деталей политических программ русских консерваторов, хотя в своей глубинной основе русский консерватизм без всяких внутренних противоречий следует идейным константам, зафиксированным в его тройственном лозунге.

Источники и литература

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год (С карт. населенности Европейской России). СПб., 1863.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ АКТЫ

1. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1907.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. СПб., 1867. Т. 40.
3. Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

ПУБЛИЦИСТИКА

5. Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт Русской цивилизации, 2008.
6. Аксаков И. С. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.; СПб., 1886–1887.
7. Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
8. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. Т. XI
9. Бердяев Н. А. О России и русской философской культуре. М., 1990.

10. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/khomyakov/index.html>. (дата обращения: 23.09.2024).
11. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / под ред. В. П. Волгина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 17.
12. Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / сост. и комм. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
13. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: в 2 т. / подг. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2009.
14. Гиляров-Платонов Н. П. Собрание сочинений в 2 т. М.: Изд-во К. П. Победоносцева, 1899. Т. 1. С. 192.
15. Гиляровский В. А. Сочинения: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 61–63.
16. Глинский Б. Владимир Петрович Мещерский. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mesherskij_w_p/text_1914_nekrolog.shtml. (дата обращения: 24.06.2024).
17. Греч Н. И. Записки о моей жизни / текст по рукописи и с комментариями Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.; Л.: АCADEMIA, 1930.
18. Державин Г. Р. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением Известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. С.-Петербург: в типографии Ф. Дрехслера, 1812.
19. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / сост., комм. А. В. Белов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
20. Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 73-81.
21. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.

22. Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2011.
23. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философия, политика и публицистика: Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996.
24. Местр Ж. М. де, Петербургские письма: [1803–1817] / сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1995.
25. Мещерский В. П. В улику времени. СПб., 1880.
26. Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1891. № 53.
27. Мещерский В. П. Нечто в роде исповеди // Речи консерватора. СПб., 1876. Мещерский В. П. Речи консерватора. СПб., 1876.
28. Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998.
29. Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост. Э. В. Захаров. М., 2008.
30. Сочинения И. С. Аксакова. Славянофильство и западничество (1860–1886). Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Т. 2. Изд. 2-е. С.-Петербург. Типография А. С. Суворина, 1891.
31. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. 1909. С. 127–145.
32. Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост. Б. Н. Тарасов. М.: Культурная революция; Республика, 2007.
33. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
34. Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990.
35. Хомяков А. С. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 3.

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

36. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 1 (1849–1894) Детство. Царствования Александра II и Александра III. М.; Таллинн: Скиф Алекс, 1994.
37. Дневник П. А. Валугева, министра внутренних дел / под ред. П. А. Зайончковского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 2. С. 180.

38. Дорошевич В. М. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
39. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002.
40. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990.
41. Мещерский В. П. Дневники. СПб.: Типография М. Румша, 1883.
42. Мещерский В. П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003.
43. Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Росспэн, 2003.
44. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 83.
45. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005.
46. Павлов Н. М. Полемика Каткова с Герценом. Эпизод из шестидесятих годов // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 309–315.
47. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: в 2 т. / ред., биогр. очерк и коммент. проф. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966.
48. Сковронская М. С. За четверть века // Наблюдатель. 1897. № 1. С. 201–227; № 2. С. 221–239.
49. Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001.
50. Шаховской Н. В. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // Русское обозрение. М.: Университетская типография, 1896. Кн. 6 (т. 42). Ноябрь. С. 454–470; Декабрь. С. 995.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

51. Мещерский В. П. Переписка. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

52. Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
53. Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову // Литературное наследство. Т. 22–24.
54. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / сост. М. Н. Покровский. М., 1923. Т. 1. С. 359.
55. Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки, 1866–1895. М.: Русская книга, 2001.
56. Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011.
57. Переписка двух славянофилов // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский дом, 2016.
58. Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский: Переписка (1872–1880) // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 35–58.
59. Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
60. Зинкова В. С., Солопова А. И. Переписка Ф. М. Достоевского и В. Ф. Пуцыковича (1873–1880) // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 4. С. 18–24.
61. «“Гражданинъ” издается лицомъ больнымъ и беспокойнымъ...” из писем М. П. Погодину 1873–1874 гг. // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 3.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

62. Голос. 1863.
63. День. 1863.
64. Добряк. 1882.
65. Московские ведомости. 1863.

66. Москва. 1867.
67. Москвич. 1867.
68. Наблюдатель. 1897, № 1.
69. Новое время. 1997, № 7.
70. Правительственный вестник». 1872, № 47.
71. Радуга 1883.
72. Русская беседа. 1856-1859.
73. Русское слово». 1914, № 158
74. Современные известия». 1868.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

75. Донесение Московского обер-полицмейстера генералу Потапову от 1 мая 1863 г. // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение СЕИВК). Оп. 38. Д. 23. Ч. 84. Л. 81–83.
76. Выдержки из писем некоторых лиц // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение СЕИВК). Оп. 1. Дело 1969. Л. 5.
77. Дело об избрании Статского Советника Каткова в почетные члены Университета // ЦИАМ. Ф. 418 (Московский Императорский университет). Оп. 32. Д. 154.
78. Письмо М. Н. Каткова Александру II // РГИА. Ф. 1101 (Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов). Оп. 1. Д. 705.
79. Переписка с московским генерал-губернатором Долгоруковым министра внутренних дел П. А. Валюева об утверждении в должности ректора Московского Университета Тихонравова // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение СЕИВК). Оп. 1. Д. 1238. Л. 2.
80. Письма Д. А. Толстого Е. М. Феокистову // ОР ИРЛИ РАН. Ед. хр. 9108.

81. Переписка Н. А. Любимова с М. Н. Катковым // ГАРФ. Ф. 1718 (Катков). Оп. 1. Д. 6.
82. Дело о правительственном сообщении // РГИА. Ф. 1162 (Канцелярия государственного совета). Оп. 1. ОдГС 1882 г. Д. 8.
83. Прошение о разрешении газеты «Современные известия» // ЦИАМ. Ф. 31 (Московский цензурный комитет). Оп. 3. Д. 17.
84. Рапорты цензоров о газете «Современные известия» // ЦИАМ. Ф. 31 (Московский цензурный комитет). Оп. 3. Д. 32.
85. Донесения в Московский цензурный комитет цензора Воронцова-Вельяминова // ЦИАМ. Ф. 31 (Московский цензурный комитет). Оп. 3. Д. 50.
86. Письма Е. М. Феоктистову от Вл. С. Соловьева // РО ИРЛИ РАН. Ед. хр. 9068.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

87. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886: Редактор-издатель газеты «Русь». Ч. 1: 1880–1884 / сост. С. В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2015.
88. Деятели отечественной истории. Биографический справочник / сост. А. П. Шикман. М.: Наука, 1997.
89. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков / сост. Л. А. Глинкина. Оренбург, 1998.
90. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / сост. П. А. Николаев. М.: Книга, 1982. Т. 2.
91. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Институт общественной мысли. М.: Политическая энциклопедия, 2010; Исторические метаморфозы консерватизма / отв. ред. П. Ю. Рахшмир. Пермь, 1998.

92. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / сост. Масанов И.Ф.: В 4 т. М., 1958. Т. 3.
93. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: в 4 т. Изд. 2-е. СПб., 1882. Т. 3.

КНИГИ И МОНОГРАФИИ

94. Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. М.: Модест Колеров, 2013.
95. Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016.
96. Бадалян Д. А. Газета И. С. Аксакова «Русь» и цензура // Русская литература. 2006. № 1. С. 94–115.
97. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963.
98. Виноградов В. В. История слов/ Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М., 1999.
99. Волгин И. Л. Достоевский – журналист: («Дневник писателя» и русская общественность). М.: Изд-во МГУ, 1982.
100. Герасимов Г. И. Идеалистический подход к истории: теория, методология, концепции. 2-е издание, дополненное. Екатеринбург: Издательские решения, 2022.
101. Герасимов Г. И. Мировоззренческие основы истории России (середина XIX–начало XX вв.). Тула: Третий путь, 2019.
102. Громова Н. А. Достоевский. Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов. М.: Аграф, 2000.

103. Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
104. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Гл. 6. Закон о печати 6 апреля 1865 г. СПб., 1905.
105. Дронов И. Е. Путь консерватора // Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: Новая книга России, 2005.
106. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в). СПб.: ЛИСС, 1998.
107. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х гг. Л., 1991.
108. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России: задачи и теоретико-методологические основы изучения. М., 1981.
109. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 1985.
110. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001.
111. Зорин А. А. Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
112. Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. СПб.: Алетейя, 2006.
113. Кантор Р. М. Кризис «Московских ведомостей» в 1866 г. СПб., 1922.
114. Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
115. Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX – нач. XX века. Князь В. П. Мещерский. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
116. Китаев В. А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-гг. XIX в.). Горький, 1974.

117. Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX века. М.: Мысль, 1972.
118. Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX века. М.: Мысль, 1972.
119. Консерватизм в политическом и духовном измерениях: мат-лы междунар. науч. конф. (Пермь, 12–13 мая 1994 г.). Пермь, 1995.
120. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016.
121. Лебедев С. В. Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб.: Нестор, 2004.
122. Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2009.
123. Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб.: Обществ. польза, 1889.
124. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2011.
125. Минаков А. Ю. Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005.
126. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011.
127. Мотин С. В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017.
128. Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1889.

129. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М.: Наука, 1972.
130. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М.: Наука, 1975;
131. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.
132. Перевалова Е. В. Вокруг М. Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М.: Московский политехнический университет, 2019.
133. Пирожкова Т. Ф. Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М.: Изд-во МГУ, 1984.
134. Просвещенный консерватизм: российские мыслители о путях развития российской цивилизации / сост. и ред. Д. Н. Бакун. М.: Грифон, 2012.
135. Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
136. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
137. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1982.
138. Российские консерваторы / Боханов А. И. (рук.), Олейников Д. И., Секиринский С. С. и др. М.: Русский мир, 1997.
139. Российский либерализм: идеи и люди. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
140. С верой в Россию. Российский консерватизм: история, теория, современность: выступления и докладов участников науч.-практ. конф. от 21 дек. 1998 г. М.: ВОПД «Наш дом – Россия», 1999.

141. Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор., 2007.
142. Сементковский Р. И. Михаил Никифорович Катков, его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Изд-во Попова, 1892.
143. Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. Л., 1979.
144. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973.
145. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.
146. Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015.
147. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700–1917 гг. М., 2003.
148. Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский дом, 2012.
149. Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964.
150. Хранители России: Антология / С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц, А. Ю. Минаков [и др.] М.: Паблис, 2016.
151. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.
152. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М., 2007.
153. Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004.
154. Черникова Н. В. Портрет на фоне эпохи: Князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

155. Шапошников Л. Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX-XXI веков. СПб, Издательство СПбГУ, 2006.
156. Шарапов С. Ф. Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки, собр. и проред. Сергеем Шараповым. М.: типо-лит. А. В. Васильева и К°, 1903.
157. Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов: краткий публицистический очерк. Ревель: Тип. «Рев. изв.», 1893.
158. Широкоград А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.
159. Щенников Г. К. Целостность Достоевского. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.
160. Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012.
161. Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. Москва: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013.
162. Янов А. Я. Россия против России: Очерки истории русского национализма. Новосибирск, 1825–1921. Новосибирск, 1999.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

163. Громова Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени: дис. ... докт. филол. наук. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994.
164. Деревягина Е. В. «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863–1887) в русском литературном процессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004.

165. Дронов И. Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В. П. Мещерского (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. канд. ист. наук. М., 2007.
166. Дуринова Г. В. Слово как объект исторической семантики: «гражданин» и «общество» в русском языке второй половины XVIII в. – первой трети XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
167. Китаев В. А. Из истории общественной мысли России второй половины 50 – начала 60-х гг. XIX века (политическая программа журнала «Русский вестник в 1856–1862 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
168. Котов А. Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М. Н. Катков и его окружение: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016.
169. Лебедев С. В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века: автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2004.
170. Леонов М. М. В. П. Мещерский: русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Самара, 1999.
171. Перевалова Е. В. Система консервативных ценностей в отечественной периодике: М. Н. Катков и его издания (вторая половина 1850-х – 1880-е гг.): дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2023.
172. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX-начала XX вв.: специальность 07.00.02 "Отечественная история": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.
173. Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский в общественной жизни России, последняя треть XIX – начало XX в: дис. ... канд. истор. наук. М., 2001.

СТАТЬИ

174. Архипова А. И. Вопрос о воинской повинности инородцев северо-востока Сибири (середина XIX – начало XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12(56). С. 85–89.
175. Ахмадуллин Е. В. Проблемы и методология системного исследования истории отечественной журналистики // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2009. № 1. С. 118–129.
176. Бадалян Д. А. Земский собор: история понятия от Карамзина до Ивана Аксакова // Русская Idea: сайт консервативной политической мысли. Режим доступа: <https://politconservatism.ru/experiences/zemskij-sobor-istoriya-ponyatiya-ot-karamzina-do-ivana-aksakova>. (дата обращения: 23.06.2023).
177. Бадалян Д. А. Иван Аксаков в 1862 г.: выбор между законом и журналистской честью // Современные СМИ в контексте информационных технологий. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 56–59.
178. Бадалян Д. А. Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» // История и культура, 2009. № 7.
179. Бадалян Д. А. Понятие «народность» в русской культуре // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. СПб., 2006.
180. Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.
181. Бик-Булатов А. Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 169–178.
182. Будучев В. А. Интеллигенция в перспективе межкультурных взаимоотношений: Роль философии просвещения и Французской

- революции в формировании русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 146-151.
183. Варакин В. С. Генезис журналистики в России: проблемы установления начальных координат // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 100–123.
184. Вершинин М. С. Русский консерватизм: ретроспективно-политологический анализ // Клио. 1998. № 1. С. 25–29;
185. Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное «Гражданин» как творчество редактора // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2. № 4. С. 11-19.
186. Викторovich В. А. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 129-143.
187. Волгин И. Л. «Дневник писателя» как мирозозидающий проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 116–122.
188. Волгин И. Л. Метаморфозы «писательского журнализма» Достоевский – Гоголь – Толстой // Русская литература и журналистика в движении времени. 2015. № 1. С. 103–115.
189. Волгин И. Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011.
190. Воронина О. А. Карикатура как вид креолизованного текста // Вестник ЦМО МГУ. Русистика. 2009. № 2. С. 14-16.
191. Габдуллин И. Р. Доконцептуальное предпосылочное знание и понятие предрассудка: историко- философские и философско-правовые аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6(80). Ч. 1. С. 39-41.
192. Голиков А. В. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) //

- Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 4. С. 51-71.
193. Греков В. Н. «Я иду своей дорогой»: Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва» // Медиаскоп. 2011. № 3. Режим доступа: <https://mediascope.ru/node/858> (дата обращения: 25.05.2024)
194. Греков В. Н. Иван Аксаков – сотрудник и редактор «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 124–158.
195. Гроссман, Л. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Литературное наследство. 1934. Т. 15. С. 83-162.
196. Деревягина Е. В. К цензурной истории «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. // Просветительская миссия журналистики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 62–74.
197. Дмитриев А. П. «В церкви главные вопросы наши...» (Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев в их взаимоотношениях, переписке и суждениях друг о друге) // Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб.: Росток, 2011. С. 5–26.
198. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 158–183.
199. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и его воспоминания // Из пережитого: автобиографические воспоминания: В 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 5–8.

200. Дуринова Г. В. наброски к истории социально-политического понятия гражданин и вопрос о происхождении общества (XVIII – нач. XIX в.) // Векторы развития современной России. От формирования ценностей к изобретению традиций. 2014. С. 72–87.
201. Дуринова Г. В. Русский социально-политический язык: «Наказ» Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 3–13.
202. Евстафьев Д. Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8–21.
203. Егоров Б. Ф. Последний год «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 236-249.
204. Егоров Б. Ф. Эволюция в понимании народности литературы в русской критике середины 1850-х гг. // Ученые записки Тартусского гос. ун-та. 1971. Вып. 266. С. 53-70.
205. Есин Б. И. Ещё раз о типологии // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 6. С. 65–70.
206. Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009, С. 10-19.
207. Зайналабдиев В. Х. Коммуникативные практики в региональной блогосфере // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 38. С. 62-71.
208. Захаров В. Н. Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 17-27.

209. Захаров В. Н. Предисловие // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 9-17.
210. Захаров В. Н. Тезаурусный анализ и проблема атрибуции редакционных статей в «Гражданине» Достоевского (1873–1874) // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 104–116.
211. Захарова О. В. Бестактность редакции, или два «Дневника» в «Гражданине» 1870-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1(170). С. 24–28.
212. Зотов В. В., Лысенко В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества. // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf. (дата обращения: 01.05.2023).
213. Кайль А. В. «Гражданин» князя В. П. Мещерского // Известия Саратовского университета, Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8–15.
214. Калашников М. В. Идеологема. Концепт? Понятие! (К вопросу о минимально значимой единице исследования в рамках историко-семантического анализа) // Стены и мосты – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 124–133.
215. Камчатнов А. М. Шишков как предтеча русской философии языка // Бюллетень библиотеки «Дом А.Ф.Лосева». М.: Водолей, 2009. Вып. 9. С. 73–89.
216. Кантор В. М. Н. Катков и крушение эстетики либерализма. // Вопросы литературы. 1973. № 5. С. 23–35.
217. Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. С. 130–159.

218. Китаев В. А. К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 г. // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. Горький, 1971. С. 45–56.
219. Китаев В. А. Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х гг. XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв. Горький, 1975. Вып. 1. с. 70–80.
220. Коган Г. Ф. Разыскания о Достоевском // Литературное наследство. 1973. Т. 86. № 1. С. 581–605.
221. Колесов М. С., Чемшит А. А. Интеллигенция как феномен русской истории // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60). № 3. С. 36–37.
222. Копосов Н. Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4. С. 31–39.
223. Котов А. Э. «Средство борьбы и суррогат политики»: политическая публицистика М. Н. Каткова и его последователей // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 174–193.
224. Котов А. Э. Бюрократический национализм Михаила Каткова // Вопросы национализма. 2014. № 1(17). С. 174–186.
225. Котов А. Э. Классицизм в публицистике М. Н. Каткова // Культурное многообразие в образовании. СПб.: Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования, 2009. Ч. 2. С. 74–78.
226. Кругликова О. С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М. Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-2. С. 248–255.

- 227.Кругликова О. С. «Московские ведомости» М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860-1870-х гг. // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 56. № 23. С. 205–209.
- 228.Кругликова О. С. Обсуждение вопроса о русификации иноэтнических окраин Российской Империи в московской консервативной печати 1860-х гг. // Медиаскоп. 2016. № 4. С. 13.
- 229.Кругликова О. С. Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 4. С. 1015–1030.
- 230.Кругликова О. С. Издания русского пореформенного консерватизма в оценке современных исследователей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 191–199.
- 231.Кругликова О. С. Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 4. С. 664–675
- 232.Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5. С. 101–118.
- 233.Кругликова О. С. «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 2. С. 252–264.
- 234.Кругликова О. С. «Сохранить полное спокойствие в оценке деятельности покойного публициста»: к характеристике дореволюционной историографии М. Н. Каткова // Меди@льманах. 2018. № 3(86). С. 100–105.

- 235.Кругликова О. С. М. Н. Муравьев-Виленский в оценке русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Медиаскоп. 2019. № 1. С. 10.
- 236.Кругликова О. С., Сони́на Е. С. Специфика вербально-визуального бытования метафоры «окно в Европу» в русской журналистике XIX – начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 53–79.
- 237.Кругликова О. С. Образ Петра I на страницах журнала «Современник» в эпоху великих реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 111–115.
- 238.Кругликова О. С. «Истолковать явление Петра из законов развития идеи...» – размышления о Петре Великом в публицистике А. И. Герцена // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 218–228.
- 239.Кругликова О. С. Иллюстрированный журнал кн. В. П. Мещерского «Добряк» в контексте развития консервативной журналистики второй половины XIX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 3. С. 132–151.
- 240.Кругликова О. С. Журналистский мир Петербурга в карикатурах журнала «Добряк» (1882 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 137–142.
- 241.Кругликова О. С. Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1863–1887 годы): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 71–88.
- 242.Кругликова О. С., Шаповалова К. А. Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын: преемственность идей в публицистике // Тетради по консерватизму. 2019. № 1. С. 103–117.

- 243.Кругликова О. С. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина и «Русский вестник» С. Н. Глинки о Петре Великом: созвучия и диссонансы // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 123–131.
- 244.Кругликова О. С. Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке русских консервативных публицистов пореформенной эпохи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 150–169.
- 245.Кругликова О. С. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3(10). С. 119–128.
- 246.Кругликова О. С., Битюцкая В. В. Религиозно-нравственные смыслы публицистики А. И. Солженицына // Ортодоксия. 2023. № 1. С. 132–155.
- 247.Кругликова О. С., Силантьев К. В. «Еженедельник «Жизнь и суд» (1911–1917 г.) в контексте типологических трансформаций прессы начала XX в. // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 5. С. 115–138.
- 248.Кругликова, О. С. Размышления о методе: историко-семантический анализ в исследованиях по истории журналистики // Русская публицистика: эволюция идей и форм: Сборник статей / Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2021. С. 55-72.
- 249.Макушин Л. М. «Департамент Каткова»: идеология и технология» // Акценты. Воронеж, 2002. Вып. 1–2. С. 37–45.
- 250.Макушин Л. М. М. Н. Катков и «Русский вестник» в 1856–1862 гг.: от либерализма к охранительству // Акценты. 2001. № 5–6. С. 70–77.
- 251.Малинов А. В. Понятие «народность» в историософской концепции С. С. Уварова // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 519–526.

- 252.Межуев Б. В. Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. 2000. № 6. С. 33–61.
- 253.Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1(46). С. 162–186.
- 254.Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века // Ортодоксия. 2021. № 3. С. 14–41.
- 255.Минаков А. Ю. У истоков русского консерватизма: «русская партия» первой четверти XIX в. // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 67–77.
- 256.Моряков В. И. Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 3. С. 9–26.
- 257.Мотин С. В. «Я все-таки буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...» (к истории издания газеты И. С. Аксаковым) // МедиаАльманах. 2013. № 2. С. 65-73.
- 258.Новикова Е. Г. Экономическая проблематика публицистики Достоевского // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 58-76.
- 259.Панюкова Т. В. "ЖИЗНЬ глядитъ свѣтлѣе...": Отношения В. П. Мещерского и Ф. М. Достоевского в контексте их переписки // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 18-34.
- 260.Перевалова Е. В. Аграрная программа журнала М. Н. Каткова «Русский вестник» в 1880-е годы // Медиачтения СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2017. С. 56–63.
- 261.Перевалова Е. В. В. П. Безобразов – сотрудник и корреспондент М. Н. Каткова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 6. С. 79–86.

262. Перевалова Е. В. К. Ф. Головин – сотрудник журнала М. Н. Каткова «Русский вестник» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2020. № 4. С. 29–35.
263. Перевалова Е. В. Национальная политика императора Александра I (по материалам журнала М. Н. Каткова «Русский вестник») // Коммуникация в современном мире. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2022. Ч. I. С. 138–140.
264. Перевалова Е. В. Ольга Новикова – сотрудница «Московских ведомостей» М. Н. Каткова (по материалам ОР РГБ) // Румянцевские чтения–2017: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания / сост. Е. А. Иванова. М.: Пашков дом, 2017. Ч. 2. С. 46–51.
265. Перевалова Е. В. Отдел иностранной литературы в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» // Вестник МГУП им. Ивана Федорова. 2011. № 7. С. 81–90.
266. Полякова Н. В. Антропология российского консерватизма // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб., 2006. С. 252–253.
267. Прохоров Г. С. Повествовательная структура «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (постановка вопроса) // Новый филологический вестник. 2010. Т. 15. № 4. С. 5–14.
268. Ревзина О. В. Темпоральная структура концепта // Языковые параметры современной цивилизации. М., 2013. С. 183–192.
269. Репников В. А. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 9–20.
270. Розенталь В. Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х гг. XIX в. (По материалам «Русского вестника» за 1856–1857 гг.) // Исторические записки. 1961. № 70. С. 197–222.

- 271.Седова Д. Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. С. 57–69.
- 272.Селезнев Ф. А., Смолин М. Б. Великий страж империи // Имперское слово: статьи М. Н. Каткова / Сост. М. Б. Смолин. М.: Москва, 2002. С. 5-44.
- 273.Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив. 2002. Т. 7. С. 250–271.
- 274.Тесля А. А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – 1-й пол. 1860-х годов // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 3. С. 191–216.
- 275.Тимофеев Д. В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 184–191.
- 276.Улуханов И. С. История слов горожанин—гражданин // Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1968. Вып. VI. С. 166–178.
- 277.Фадеечева М. А. Этническая политика в Российской Империи XIX в. «Положение об инородцах» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2003. № 4. С. 369–382.
- 278.Федосеева Т. В. Газета И. С. Аксакова «Русь» о православной духовности как основе народного просвещения в России // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 84. С. 176–177.
- 279.Финягина Н. П. Обличение борьбы самодержавия против революционных демократов в русской карикатуре 60-х годов XIX века // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1968. № 4. С. 39-54.
- 280.Хархордин О. Что такое «государство»? // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 152–216.

281. Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Письма к великому князю Александру Александровичу: 1863–1868 / вступ. ст., коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 5-49.
282. Чулков Г. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. Мураново: Изд. музея им. поэта Ф. И. Тютчева, 1928. Вып. 1. С. 7-29.
283. Ширинянц А. А. Еще раз о М. Н. Каткове // Катковский вестник: религиозно-философские чтения: к 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 107–113.
284. Ширинянц А. А. Катков Михаил Никифорович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2005. С. 197–198;
285. Щербакова Г. И. Газета В. Мещерского «Гражданин» как орган консервативного дворянства: к постановке проблемы // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2010. № 3(9). С. 127–134.
286. Щербакова Г. И. Новые методы представления образа монарха в журнале «Гражданин» // Век информации. 2017. № 2-1. С. 69–70.
287. Щербакова Г. И. Образ автора в беллетристике В. П. Мещерского // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Тольятти, 2023. Ч. 1. С. 490–498.
288. Щербакова Г. И. Пасквиль как инструмент информационной войны (на примере комедии В. Мещерского «10 лет из жизни редактора») // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности. Екатеринбург, 2024. С. 131–133.
289. Щербакова Г. И. Церковный вопрос в «Гражданине» В. Мещерского // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. СПб., 2024. Т. 1. С. 50–52. Щербакова Г. И. Репрезентация образа автора в публицистике В. Мещерского // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения. СПб., 2023. С. 135–136.

290. Юшко А. Г. За кулисами публицистики (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования. Материалы. Библиография. Рецензии: к 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова / под ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 153-182.
291. Reforms of Peter the Great as a Precedent Phenomenon for Russian Digital Modernization / O. S. Kruglikova, A. N. Marchenko, E. S. Sonina, G. I. Shcherbakova // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, St. Petersburg, 14 апреля 2021 года. – St. Petersburg, 2021. – P. 177-180.